

Российский
Межрегиональный
Союз
Писателей

Академия Русской
Словесности
и Изящных Искусств
им. Г. Е. Державина

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Литературно-художественный
журнал

15-й

ВЫПУСК

*По благословению
Патриарха всея Руси
Кирилла*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
"ГАММА"
2017

3 79

Литературно-художественный
журнал
Российского Межрегионального
Союза Писателей
при участии
Академии русской словесности и
изящных искусств им. Г.Р.Державина

Проект Евгения Раевского
«С Россией в сердце»

Под общей редакцией **Е.П. РАЕВСКОГО**

Шеф-редактор: **Н.А. ВЕСЕЛОВА**

Редактор отдела поэзии: **Е.П. Раевский**

Редколлегия: **Л.Б. Ильина, А.Н. Молоканов, Н.Е. Кострицына,
Т.Л. Беляева, Е.В. Сакс, А.А. Позднякова, Ю.В. Бондарев (почетный член)**

При перепечатке ссылка на журнал «Золотое слово» обязательна

Официальный сайт
Российского Межрегионального союза писателей:
www.rmsp.pro

Официальный сайт АРСИИ им. Г.Р.Державина
www.arsii.ru

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

*Журнал «Золотое слово» признан Президиумом Международного
Сообщества Писательских Союзов лучшим
литературным изданием по итогам 2016 года*

**На первой странице обложки:
Дом-музей М.А. Волошина в Коктебеле
Фотографии Галины Тарасовой ©**

ISBN 978-5-4334-0336-9

© Коллектив авторов, текст, 2017
© Н.А.Сафронова, оригинал-макет
и обложка, 2017

*Академия русской словесности
и изящных искусств
им. Г.Р. Державина*

Портрет работы Владимира ТИХОНОВА,
действительного члена Академии русской словесности
и изящных искусств им. Г.Р. Державина

2017

ПРОСИМ О ПОМОЩИ

Дочь русского поэта Евгения Раевского **ВИКТОРИЯ** серьезно больна. Она недавно перенесла тяжелую операцию, но на дальнейшее лечение требуются немалые средства. Мы надеемся на помощь тех, кому небезразлично, сможет ли вернуться к полноценной жизни совсем молодая женщина, мать троих детей, внуков Евгения Раевского.

Редакционная коллегия журнала «Золотое слово» нижеайше просит каждого, прочитавшего это объявление, оказать посильную финансовую помощь, чем подарить Виктории надежду на полное выздоровление.

Благодарим всех, кто уже откликнулся и оказал финансовую помощь в нашей беде.

ДЛЯ РУБЛЕВЫХ ПЕРЕВОДОВ

на карту Сбербанка № 4173980084410220

Получатель **РАЕВСКИЙ ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВИЧ**

Счет получателя 40817810855861668833

Банк получателя **СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ БАНК ПАО СБЕРБАНК Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ**

ИНН получателя 7707083893

БИК банка получателя 044030653

Корреспондентский счет 30101810500000000653

Код подразделения Банка по месту ведения счета карты

(для внутренних переводов по системе Сбербанка России) 5590550786

Адрес подразделения Банка по месту ведения счета карты г. Санкт-Петербург, Большой пр. В.О., дом 57/15

Контактные телефоны: 8-921-908-97-16; 8-921-441-75-84

Официальный сайт поэта Евгения Раевского: www.evgeniyraevskiy.ru

Позня

* * *

Скажи, любимая, жива ли ты?
Встречая годовщину нашу,
Расплавленное солнце налито
В Невы ноябрьскую чашу.

Вот Стрелка произносит здравицу
И с легкостью рифмует ростры,
А строчки фонарей качаются,
Чеканя набережных поступь.

От Петроградской поздравление –
Его ты не забудешь, верно, –
Чугунное переплетение
Цветов ажурного модерна...

Ну вот, стемнело. Скоро, милая,
Придет зима тигриным шагом,
Свое возьмет морозной силою,
И льдом закаменеет влага.

Тебе привет из невских сумерек,
Коктейль из радости и грусти!
Впадая в нежное безумие,
Волной залив целует устье.

* * *

Я больше о нем не грущу, не мечтаю,
По улицам прежним теперь не пройти,
И ногтем замерзшие стекла трамвая
Тревожить не буду на долгом пути.

А улицы детства звучат по-иному –
Историкам в радость, а нам невдомек,
Теряется в прошлом дорога до дома,
Где вечером поздним горел огонек.

Черемухам старым пришлось потесниться,
Теперь вместо них дорогие авто,
Мы делаем вид, что как будто столица,
И зябнем по-прежнему в старом пальто.

Осталось прожить, ни на что не надеясь,
Чтоб солью не стать, обернувшись назад.
Последней пчелою пузатый троллейбус
Усталую память везет в Ленинград.

* * *

На дальнем излете годов,
В краю мемуарной печали,
Останется десять домов,
В которых мы не побывали.

И вот, вспоминая людей –
Родных и едва ли знакомых, –
Останется десять путей
Не пройденных, не покоренных.

Уже не найти адресов,
Где комнат цветасты обои...
Останется десять котов,
Не глаженных доброй рукою.

Ну вот, потемнел небосклон,
Судьбы допивается чаша.
Останется десять имен
И капель последнею –
Ваше.

* * *

Начинается май... Мы однажды под ноги взглянули –
Пробивается зелень сквозь гнет прошлогодней листвы,
А среди веток сухих успокоилась ржавая пуля,
Неожиданный вестник далекой военной поры.

Кто держал, кто патрон заряжал недрожавшей рукою?
Кто молитвы шептал иль проклятья сухим языком?
Кто вспугнул камыши и рассветную тишь над рекою,
Или было ей тесно в смертельном аду огнем?

Вот лежит на ладони – бесславно, без цели, без дела,
Молчаливая память, уже ни к чему не годна...
Мимо чьей-то души, промахнувшись тогда, пролетела
И затронула душу мою, как черемухой снова весна.

С точки зрения маршала, здесь безусловная дура,
Неудачница полная, просто металла кусок.
Те, кто выжили, просто молчат, улыбаются хмуро
И как будто нечаянно трогают белый висок.

Где ржавеет война, там деревья зеленой стеною,
Нынче бегают дети, потом побредут грибники...
И на голос когда-нибудь ты обернешься весною –
Это пули минувшего, в нас попадают они.

* * *

Ежедневным прибоем шумит оживленная трасса...
Напряженье машин, а внутри – деловитые лица:
Поскорей пронестись мимо дома последнего часа,
Не взглянув на печальные окна районной больницы.

Всяк входящий сюда и походку, и обувь меняет,
Даже если язык анекдоты и шуточки мелет.
Главный врач по фамилии Время всегда принимает,
Санитарка Харонова простыни новые стелет.

Небогаты наряды жильцов и просты их манеры –
Тетя Надя в курилку ушла, напевая сквозь зубы,
На соседней кровати смиренно лежит баба Вера,
И не сводит с дверей всепрощающий взгляд баба Люба...

Наталья ЖУРАВЛЁВА

Двое Поэма

(Продолжение. Начало в № 14)

Глава 4

Мы встретились опять, любезный друг,
Мои герои тоже ищут встречи.
Я слышу их сердец тревожный стук...
Весенний голый парк. Набухшей гречей
Коричневые почки на ветвях,
Наполненные зеленью пахучей,
Укромные скамеечки в кустах,
И голенький Амур за синей тучей.
«Амур, а как же!» - усмехнулся он,
Окидывая парк прозрачный взглядом.
«Наверное, любому, кто влюблён,
Мерещится мальчишка с голым задом!
А ну, дружок, возьми-ка в руки лук,
Прицелься в сердце дамы, будь смелее!»
Но собственного сердца громкий стук
Вдруг оглушил его:
В конце аллеи
Увидел он желанный силуэт.
Любви сопротивляться - силы нет!
Он обожал её до исступленья!
И ничего прекрасней в жизни нет,
Чем этой встречи чудное мгновенье.
Забыв отдать упругих роз букет,
Сжимая пальцы тонкие в руке,
Смотрел он на неё счастливым взглядом -
Ему хотелось быть всегда с ней рядом.
Хотелось жить и чувствовать взаплёб,
Вдыхать земли и неба ароматы
И видеть расписной калейдоскоп
Ярчайших красок, выцветших когда-то.
Мальчишеский испытывал восторг,
Держа её горячую ладошку,
Пронизывал всё тело жаркий ток,
Когда смотрел на маленькую ножку.
Её улыбка, голос, звонкий смех -
Родник с живой водой в его пустыне.
Ковал ключи от счастья целый цех!
В огне любви железо не остынет!

И было сладко в парке им бродить,
И снова радость находить друг в друге,
Молчать вдвоём и снова говорить,
Как после оглушительной разлуки.
Переносил её он на руках,
Через небесно-голубые лужи,
И утопал ногами в облаках,
Боготворя за то, что был ей нужен.

Растаял день весенний, как мираж,
Усталых облаков повисли клочья.
Взошла луна - безмолвный неба страж,
Бесменная хранительница ночи.
В окно струился ровный лунный свет,
Дышала тишина покоем сонно,
Мир отдыхал от радостей и бед...
Она в дневник писала потрясённо:
«Я без оглядки в неизвестность мчусь,
Но почему не стыдно и не страшно?
Я в омуте запретных, тайных чувств -
А веселюсь - легко и бесшабашно!
Но эта страсть и чувственный напор,
Его глаза, горящие желаньем!
Никто не поражал до этих пор
Меня столь безграничным обаяньем!
Заботливость и нежность - через край,
И шёпот в трубке: «Без тебя тоскую...»
И если даже это всё - игра,
Согласна я играть в игру такую!»
Писала, засыпала за столом,
Теряла мысли, упускала рифмы
И хмурила во сне бровей излом,
Ведя семейный свой корабль на рифы.

Хмельной, небритый, в ситцевых трусах,
Муж неподвижно замер возле двери.
В его опухших, заспанных глазах
Таился страх - предчувствие потери.
Облизывая губы языком,
Мучительно хотел воды напиться.
Катился мыслей вялый, рыхлый ком:

«Всё пишет, пишет... тоже мне... певица...
Писательница, тьфу, ядрёна вошь!
Строчит в тетрадку что-то каждой ночью.
Мы институтов не кончали - что ж,
Со мной теперь и говорить не хочет!
И плачет, и вздыхает, и молчит,
Сегодня улыбалась то и дело.
Пивка бы выпить... Голова гудит...
То жар, то холод, и болит всё тело.
А эта тут... Всё пишет свой роман!
Из-за него уже... бельё не гладит!»
Но плохо помогал самообман:
Он понимал, что не роман в тетради.
И - предпочёл повязку на глазах...
Он тоже ... пивом борется ... со стрессом!..
Жена смеётся, а была в слезах? -
Они такие, эти поэтессы...
Воды попил. И приковала взор
Открытая запретная тетрадка.
На цыпочках подкрался, будто вор -
Хотел он заглянуть в неё украдкой.
Но не сумел: жены нарушил сон,
Та вскинулась испуганною птицей.
И от стола тотчас отпрянул он:
Не стал при ней переходить границу.
Настойчиво повлёк её в кровать,
Желая показать свою заботу:
«Хорош уже на кухне ночевать!
Четвёртый час! А завтра на работу!»
Он всё же - муж! И он хотел её,
И требовал супружеского долга,
И настоял, и получил своё.
Она стерпела. Благо, что недолго...
Лежала молча, глядя в потолок,
Дышала перегаром со слезами.
Но ей помочь никто бы здесь не смог:
С кем жить и спать - мы выбираем сами.

И снова - Двое. Сон в тени дерев,
И щебет птиц, и фрукты наливные -
Всё как всегда. От скуки ошалев,
Они смотрели на дела земные.
«Вот баба-дура, Ты её прости!
Что ей за радость - быть с постылым мужем?!

Эх, жаль, не встать мне на её пути!
Ей мой совет сейчас как воздух нужен!
Скажи-ка, Бородатый, это грех -
Отдаться без любви, но по закону?» -
Хватая горстью жареный орех

И глядя вниз, Один сказал Другому.
Другой засуетился, пряча взгляд,
И задышал взволнованно и шумно,
И закричал с обидой, невпопад:
«А сам-то, сам? Скажите! Самый умный!»
Замешкался с ответом на вопрос,
И, если не навечно, то - надолго...
А для людей и вовсе он не прост:
Ответ мы тоже ищем, да без толка...

Глава 5

Она и он... Заглянем, добрый друг,
В историю любви героев наших.
Они брели, не разнимая рук,
Весенний парк сиренью был украшен.
Дождями чисто вымыт небосклон,
Дарили звонко птахи миру песни...
И ждал на свой вопрос ответа он:
Ну, почему же им нельзя быть вместе?!
Ведь их любовь - не прихоть двух людей,
Нашедших развлечение от скуки!
Она пришла, когда настал предел
Терпеть и дальше горести и муки,
Ниспосланные им Творцом с небес,
Дабы развеять в душах их сомненья!
И выбирать: с любовью или без
Идти по жизни - это преступленье!
Он горячился, он почти кричал,
Её целуя пальцы то и дело.
Она молчала. «Где же мой причал?
Ах, как бы я с тобой уйти хотела!
Но не могу... Ведь муж... Он пропадёт,
Не сможет без меня... И дочка - тоже:
Беременна! Она ребёнку ждёт...
Одна, без мужа... Всё теперь так сложно...»
И задохнулась, вспоминая вдруг,
Как он ласкал её, презрев стесненье,
Настойчивость больших и сильных рук,
Язык и губы в центре наслажденья,
И всхлип, и стон, переходящий в крик,
Когда они врывались вместе в счастье...
И в памяти её жил каждый миг
Их каждой встречи, их безумной страсти.

Но укротить возможно плоти зов,
Когда б сердца не приросли друг к другу,
Когда б не НАСТОЯЩАЯ любовь...
И снова мысль - по замкнутому кругу.

Он спать ложился с думами о ней
И просыпался с именем любимым.
Случилось так не по его вине:
Кому-то наверху необходимо,
Чтоб он безумно, страстно полюбил
Им встреченную женщину земную,
И отдавал ей свой сердечный пыл,
Любя её, желая и ревнуя.
Везде он видел милое лицо:
Не мог его забыть ни на минуту,
И вот запечатлел, в конце концов,
Любимый облик на борту маршрутки.
Хозяин закатил ему скандал:
«А ну-ка, перекрашивай моментом!»
Но против денег сам не устоял,
За сумму N уладил всё с клиентом.
И видел он сиянье нежных глаз,
Когда машина проносилась мимо,
И ездить он старался каждый раз
В маршрутке этой с образом любимой.
Любовью безнадёжно болен был,
Но он отверг любое бы лекарство:
Он потому и жил, что полюбил,
И признавался в этом без лукавства.
И каждый раз, тоскливо глядя вслед,
Когда она к себе домой спешила,
Он чувствовал, как худшая из бед –
Разлука с ней – его лишала силы.

Она всё время думала о нём,
Любовь засела в ней тупым осколком:
Писала ночью и скучала днём,
И разрывалась между ней и долгом.
Она была должна по жизни всем:
Пьянчуге-мужу, безработной дочке
И на себе тащила груз проблем,
Справляясь, по привычке, в одиночку...

...А муж сидел, застыв, как истукан,
Дрожал дневник жены в руке неверной,
Туманил мозг его хмельной дурман,
Бил ток её стихов по голым нервам.
Он пил и пил, про всё вокруг забыв,
Как будто мог найти покой в стакане,
И душной злобы ощущал прилив,
И сердце билось рыбой на кукане.
«Ах, стерва! Полюбила..!.. Как же так...
Любовничек поганый! Я ему бы!..
А что же я? Не муж уже, а враг?..»

И снова пил, читал, кусая губы.
И ненависти волны и тоски
Вставали жарким комом где-то в горле,
И он ожесточённо тёр виски,
Дешёвой водкой заливая горе.
Жалел себя и злился. Пил и ждал,
Когда раздастся звук шагов у двери,
И трогал пальцем лезвие ножа,
Боясь в туманный пьяный бред поверить.

Сирени белой сладкий аромат
Плыл над землёй. Им воздух был надушен.
Пленился красотой заката взгляд:
Ложилось в тучку солнце спать послушно.
Она спешила с розами в руках.
Хранили губы нежность поцелуя,
Зарёй горел румянец на щеках,
Звучало в сердце: «Как тебя люблю я!»
Замедлив перед домом быстрый шаг,
Привычным взглядом отыскала окна
И сжала пальцы тонкие в кулак:
«Пора домой...». И счастье тихо смолкло,
А груз обычный навалился вновь,
И мысли русло изменили круто:
«Уборку сделать... А обед - готов.
Купить бы надо дочке свежих фруктов...
Что с мужем делать... Стал ужасно пить!
Так и с работы вылететь недолго.
Домой придёт, мне надо уследить,
Чтоб не напился снова втихомолку.»
Задумавшись, вошла она домой,
И вздрогнула, услышав шум на кухне:
«Уже успел напиться, Боже мой!
И будет пить уже, пока не рухнет...
Скандалит с дочкой, пьяный идиот.
Ох, как же это гадко и ужасно!
Но никогда пьянчуга не поймёт,
Что волноваться ей нельзя, опасно!»
Она вздохнула с горькою тоской,
Открыла дверь на кухню осторожно.
И рухнула надежда на покой:
«Явилась, тварь!» - муж завопил истошно.
И, в злобе потрясая дневником,
К ней подскочил: «Убью сейчас, гадюка!»
В лицо её ударил кулаком.
Она упала навзничь и без звука.
А он завыл протяжно, словно зверь,
И заметался по квартире яро,
В беспомощности рванул входную дверь,

Теряя ум от пьяного угара.
Пронзительно кричала сзади дочь,
И чей-то долгий стон вонзался в душу...
А он бежал, бежал из дома прочь,
Не чуя ног, зажав руками уши.
Болело сердце. Глухо рычал гром –
Гроза, готовясь, подавала вести.
А он бежал, хватая воздух ртом,
И вдруг застыл, как вкопанный, на месте:
Глаза жены смотрели на него!
Рванулся что есть силы он к машине...
И больше уж не видел ничего:
Удар и боль сознание потушили.

Сидел Один, скучал, как никогда,
И ел халву и бутерброды разом.
На небеса проникла - вот беда! -
Земная интернетная зараза!
Весь божий день его заклятый друг
Тиранил «мышь», терзал клавиатуру.
Не замечал Он ничего вокруг,
В себе открыв азартную натуру.
Один зевал, поглядывая вниз,
И даже пасть не прикрывал рукою
И заорал, переходя на визг:
«Поберегись! Да что ж это такое!
Ах, Ты же мой! Ты что творишь, Творец?!
Ну, проморгал несчастного, похоже...
Всё, под авто пришёл ему конец!
А ну, взгляни, ещё не поздно, может?»
«Что, что случилось?! Ох, я старый пень!
Да - виноват, и отрицать не буду:
В компьютере завис на целый день!
Врачи!.. Порою совершают чудо...
А ну-ка, «неотложку»! Пусть везут,
Да поскорей! Включили бы мигалку...»
И Он смахнул неожиданную слезу:
Внезапно стало бедолагу жалко.
Один смотрел на слёзы, скривив рот:
«Да не реви Ты, а меня послушай!
Здесь дело принимает оборот...
Похоже, он отдаст кому-то душу.
Конечно, случай Твой из ряда вон,
Но, чтоб Тебе не мучиться, готов я...
Ну, вот, смотри, с душой расстался он,
И душу эту встречу я с любовью!»

Но встал Другой во весь немалый рост
И грозно рявкнул, засверкав глазами:

«А ну, Хвостатый, подожди-ка хвост!
Держи язык змеиный за зубами!
Ты позабыл, кто мира Господин,
Властитель всего сущего на свете?
Решать здесь буду только Я один,
За эту душу только Я в ответе!
Сей Человек свой не закончил Путь
И не свершил своё Предназначение!
И Я решил назад его вернуть!
В больницу... для дальнейшего лечения...»
И снова стал обычным стариком:
Лысеющим, с белёсою бородкой...
Один потрогал длинным языком
Вспотевший нос, затем промолвил робко,
Заглядывая преданно в глаза:
«Погорячился я, прошу прощенья...
Послушай-ка, что я хочу сказать?
Есть у меня такое предложение...
Ведь не запрет его судьба для нас?
Её-то уговор наш не касался!
Так, может, мы дадим пьянчужке шанс,
Коль по Твоей вине тут оказался?
Раз Ты решил вернуть его назад,
Добавь ему немного силы духа,
Пусть исправляет то, в чём виноват!»
И что-то зашептал Другому в ухо.

Увы, но разговор дальнейший их
Гром заглушил в дождливый этот вечер.
А о судьбе героев остальных
Узнаем позже.
Добрый друг, до встречи!

Продолжение следует

Андрей МАНИЧЕВ

Из книги «Сохранить»

Вчерашнее

Наступила Пепельная среда.
«Ты есть прах, и возмёшься прахом».
Не играй ты с Господом в города,
Не клянись Аллахом.

Проступила мель, наступила тишь.
Медный лоб заблестел от пепла...
Слушай ветер Бога, дурной камыш,
Но и стой, как стела.

* * *

Как же крут Господь, бесконечно крут,
Это всё, что можно сказать о Нём.
Много плачет плоть, ибо жизнь берут,
Не вернут...
Через стёклышко – окоём.

Как же глуп Адам, как же гол Адам,
На ребро поставив сырую смерть.
Колобродит плоть, мало ей ста грамм,
А уснув,
Ртутью падает в гиль и медь.

Как же школьник слаб, убивая птиц,
Это всё, что можно сказать о нем.
И кричит Господь – страшен, Троелиц, –
Он Един...
Мальчик рядышком, Я – Вдвоём.

Танцы живых

Земля не вата.
Небо не виновато.
Едет по травинке мураш,
на его спинке
не написано «наш».
А по другой былинке
ползёт, как на картинке,
гусеница зелёная,

гусеница красивая.
Бабочка там счастливая
будет, и крылья есть...
Но у гусеницы шерсть,
мохнатенькая она,
толстенькая
и медленная –
если сравнивать
с резиновым сапогом,
с быстрой слепой ногой...
Не бойся, приятель,
жили они в ложбинке,
отродясь там
с былинки-травинки
никто не сбивал
ни росинки.
И бабочка всё же
взлетела,
забыла прошлое тело,
и мураш успел
вернуться домой,
ехало-болело...
Потому что земля не винт,
потому что небо – не бинт,
потому что уныние – грех;
а ты – пока гусеница,
зелёный смех.

* * *

До смертного пота из пор,
До жёлтого крика грачонка
Просить и просить, чтоб простилось.
Ко Господу есть разговор,
Но всё одно тусклая плёнка...
Мужик, перевёртывай стилос.

Не в Африку вышел гулять,
В мясной замерзаю сторожке...
Во сне расскажу, что приснилось.
Хотел бы шепнуть: «Исполать...»,
Но вместо серебряной ложки
Лишь в горло вонзаемый стилос.

* * *

Ты давно уж не я...
В. Набоков

Воспалены глаза у парки,
Тончится нить за годом год.
Из света яркого в неяркий
Необратимый переход...

Что ж, принимайся за уборку
Когда-то взятого внаём.
Смешной герой летит под горку
На полуночном своём...

* * *

Чайник на кухне свистит, как волшебная
флейта.
Ржавый гараж, и бетонные кольца вразброс...
Что там ещё за окном, ну, аптека, скамейка,
Ну, вороньё и апрельских небес купорос.

Да, не запряг, но по сути и не напрягался.
Медленно олово дня, сколько там, на дворе?..
Вечность по новой вальцует людей в ритме
вальса,
Имя твоё вырезает на тёплой коре.

* * *

Не научился на волшебника.
В чернилах пальцы и щека.
Шагают прямо из учебника
Все полтора гробовщика.
Сижусь с улыбкой виноватой,
И понимаю, что забыл –
И что читал тогда под партою,
И почему так весел был...

Обучение акварели

Раньше Смерть говорила о главном,
по слогам повторяла не раз
о небесном селении славном,
уготованном кем-то для нас.

Разошлись материнские штопки,
затерялся отцовский ремень.
Помутневшие вазочки-стопки
в зеркалах, над кроватью олень;

«красный светлый» кирпичик из детства,
фотографии бывших врагов
да разбитые санки – наследство
оцени, ангелок, с облаков...

Приближается беда

Из какой-нибудь книжки-раскраски,
На конце углеродной иглы
Карнавальные злобные маски
Для посмертной игры.

Бег картинок, глаза на запястьях,
О(т)чуж(д)ение, голод гаррот –
Что там цепи, колечки всевластья,
Дерево сефирот...

Оставайся смотреть на комету.
С каждым выдохом ближе душа.
Man is but grass, какое «Карету!»...
Улыбайся, дыша.

* * *

Опять работа над ошибками –
То на горохе, то в грязи,
Горит стигматами, рвёт цыпками
Вдали, вблизи.

Но киноварь нужна для чёрного –
Драконья кровь для чернеца.
Так, за живого, не за мёртвого
Коса жнеца.

* * *

Сергею Гандлевскому

Где поэт из дегтярного ряда
обживает лихой уголок,
где мальчишке девчонка не рада,
где зубами вяжу узелок
на платке – до вечернего взгляда.

А потом карамболь листопада,
позабылось родное «не надо!..»,
нынче «надо» не в срок и не в слог.
Спелый снег в ноябре, снег парада –
чёрно-белый победы залог.

* * *

«Не оставь меня без Тебя,
Не оставь меня, дурака...» –
Говорю, совсем не любя.
А потом пробел, не строка.

Медь звенит, и хрипит кимвал.
«Не могу без меня с Тобой.
Как же, Господи, ты устал...»
Скрипка, флейта, чуть-чуть гобой.

* * *

...И папу с мамой выбирают,
и времена, и алфавит,
которым прописи марают,
пока не сточится графит.

Психее-бабочке приснится,
и сон продлится на века,
что вырывается страница
с «бананами» из дневника.

Стакан воды

Благодарность за шаг
По земле этой страшной...
Было эдак и так,
Только это не важно.

Лист кленовый упал,
И дрожала осина.
Звездопад, сеновал...
Бык дышал ради Сына.

Будет всё навсегда,
И пустыня, и небо,
И сияет Звезда
Вифлеемского Хлева...

Ослик пробует твердь
Под пятой неотложной.
Благодарность за Смерть –
Насовсем невозможной.

* * *

...где тень солдата чистит тень коня,
где бабочка минует дуновенье...

Где на ветру простая простыня
трепещет, как последнее мгновенье.

...там, где вода уходит от воды,
где бабочка поёт в потоке встречном...

Где от звезды недолго до звезды,
там, на пути – на бесконечном, млечном.

* * *

Нового нету... Разве что мир иной,
Разве что небо становится выше,
Разве что яблоки чаще стучат по крыше,
И меньше захлёбываешься слюной.

Нового нет и не будет... Листьев скупая ржавь
Под обессиливающимися ногами...
Вспоминается алый галстук и мишки-гамми,
И последняя – лучшая – из Держав.

* * *

Мир холоден и лжив,
Как говорил Соснора.
А ты пока что жив.
А, может статься, скоро...

И что же, мир живой,
Пусть лживый и холодный,
Останется с тобой,
С твоей несчастной мордой?..

Я думаю, что нет,
Мир будет сам и самый.
...А ты, плотяный свет,
Не путай драхму с драмой.

* * *

Я до смерти, наверно, забыл,
Что кого-то убил...
Может, вру, мы гуляли, да-да,
И ещё: «До свида...»

Вроде помню, что стало легко,
И вокруг – никого...
Помню, кто-то крылами шуршал,
Очень часто мешал...

* * *

Жатва не дорожает,
троится тропинка вниз.
Сердце опять мешает
смотреть на пустой карниз,
на лубяную прорубь,
на быки под мостом...
А на карнизе голубь
походит – следы крестом.

* * *

Меч деревянный был, и одарил чердак
замшелой хрестоматией мальчишку...
Был день как день,
гуляла голова со мной, вприпрыжку.

Я книгу задержал на много-много лет,
рогатка лучше, камешки в кармане.
Но день стал Днём,
я видел велий свет в забытом храме.

...Пусть это всё смешно, все говорят
«забуди»,
во мне ликует то, что не взаправду.
Мой День со мной,
ангина, молоко, бой за Непрядву.

* * *

Неужели и т а м родничок,
неужели и т а м: «Мама, мама!..»
(Это с краю приходит волчок,
это лишь телеграмма
для телесного храма...)

Вот и ты к новой правде привык,
и согласен заочно.
(Родничок, а, наверно, – родник,
и уже навсегда, напрямик,
и заоблачно точно...)

Сентябрь

Тропинки чернеют, а небо всё выше,
и тени прозрачней, и скользко на крыше,
и хочется выпить вдвоём.
Щебечет градирня, а птицы всё тише,
и дом не вместить в окоём.

Осталось немножко, царапает кошка
зеркальную влагу, дымится окошко,
сентябрь – тонкий шёпот весны.
Темнеет рябина, чернеет дорожка,
и клёны лениво красны.

* * *

Человек текуч, как вода.
Знают Божии невода,
Что текуч человек и прост,
Когда падает в полный рост.

Отлетит от икон слюда.
Не останется ни следа.
Календарный листок на дне,
Помни об *интересном дне*.

* * *

Голенастый щенок исподлобья
Так посмотрит, что ёкнет в груди...
Ваше вашество, вышеподобье,
Ну веди, коли знаешь, веди.

...Да беспутная наша дорога,
Вся беда – от соска до венка...
Никого, видно, нету у Бога,
Кроме дерева, кроме щенка.

* * *

В Лихоимске живём, в Лиходееве пляшем.
Города все без боя сданы –
В государстве, которое не было нашим,
И в стране, где не стало страны.

Где идёт человек, и не спросишь откуда.
Крохоборск, Глухобольск, Тихожмурь,
Где бредёт человек, надеясь на чудо,
Милый случай, предсмертную дурь...

Черновики

Весёлый Пушкин врал в черновиках.
Черно, Марина...
Ты ищешь слово: – ох! и – эх! и – ах!..
А слово – глина.

Вот так перед разведкой командир
«Попрыгай» скажет –
И слово, пусть истёртое до дыр,
Со Словом свяжет.

* * *

Коротали ночи, дни,
Жизнь одна – и мы одни.
То дурашка, то дружок,
Где рубашка, там стежок,
На дорожку посошок.

А выходит не одна,
Хоть и выпили до дна.
За оконцем тихий клён,
На сердечке чистый лён,
Остаёмся без имён.

Космос

Мне было сладко засыпать
под дедов «Отче Наш...».
В деревне летом благодать,
и звёздный карандаш
летел в тетрадке, рисовал
«Салют» или «Союз»;
бумагу в клетку прорывал
какой-то пятый туз...

И я болтал, что «бога нет»,
«Гагарин»... Дед молчал
и улыбался – этот свет
не больше, чем причал.
Доныне за полночь порой
я вижу тихий Свет;
чуть встало солнце над горой,
и молится мой дед.

В настоящее время

Абонент не может ответить,
Абонент скорее не жив,
И совсем не на этом свете...
Этот свет – лишь аперитив.

Мы – конечны, смертные дети;
Никого не опередив,
Страшно слышать: «... может ответить...»
Сквозь помехи – может, и жив.

Алфавит

На ямало-китайском, как в чаще,
То ли ссоришься, то ли живёшь...
Лучше бы да на лайном, урчащем,
На зверином – почти что поёшь.

То ли ты, словно ветер, свободен,
То ли форточка хлопает над
Чёрным веком, который подобен
Детским буквам, летающим в ад.

* * *

Нельзя писать стихи.
Писать стихи – зачем?..
Но голубь со стрехи,
Тропинка в Вифлеем,
И падает Звезда...
Господняя ладонь
Не знала бы гвоздя,
Когда б нельзя, не тронь.

Диана РАДЕС

Шиповник

По паласным дорожкам Валдая,
Где средь леса – вишня цветёт,
Красоте древнерусского края
Поклониться едет народ.

Древний мир! Города стояли
На холмах, вдоль речных седин.
И закон, и мораль – совпадали,
И надёжен был дед и сын.

До Египта, до Индии моря
Речь славянская кругло лилась.
Праславянский язык,
эхом вторя,
Устанавливал братства власть.

Как культуры цветок ненадёжен!
Как ей нужен и глаз, и уход,
Позабыт и почти неисхожен
Между прошлым и будущим брод.

Позабыты от предков истоки,
Опрокинулся жизни канон.
И пишу я печальные строки
Про бубенчиков радостный звон.

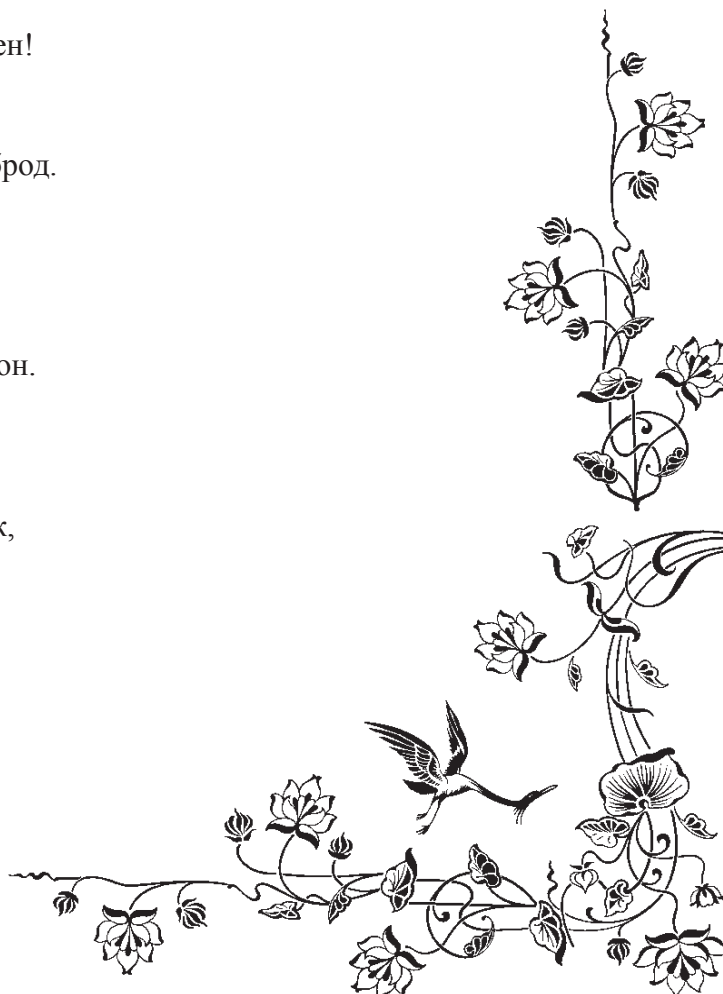
Постарел и ослаб садовник,
Зарастает наш сад сорняком.
Вырождается роза в шиповник,
Вспоминающий о былом...

Вечный непокой

Роится мир, стучится в сердце мне:
Небесному с мирским не примириться.
И сколько гибнет Правды в том огне! –
Покою вечному тепло и сладко спится.

Текут идеи в мир земной рекой,
Штурмуют чувств и мыслей горизонты,
И над покоем вечным Непокой
Пulsирует и рвёт края аорты.

Хвала творцам, живущим при огне,
При мигах истины средь сумерек сомнений,
И в тёмной непроглядной глубине
Жизнь возрождающих
крупницами горений.

Демни КАРЗОВА-РОДОВИНА

Не бойся, учись и держись!

Ребенок рождается с болью.
Страданье – и новая жизнь.
Знакома с доверенной ролью?
Не бойся, учись и держись!

Уходят здоровье и силы.
Бессонные ночи. Ты – мать.
Он твой драгоценный и милый,
Любовью должна согреть...

А время летит безвозвратно,
И мать на исходе пути.
Отдай теплоту ей обратно.
Но сможешь ли ношу нести?

Здоровье теряешь, устала.
А мысль в голове – ты же дочь,
И сколько ни сделай – всё мало.
Но как поддержать? Чем помочь?

Глядишь на седой мамин волос.
Конец – завершается жизнь!
Вдруг слышишь её слабый голос:
«Не бойся, учись и держись!»

Жизненные перемены

Обнажает деревья ветер,
Листья кружатся и летают.
Солнце спряталось, нам не светит.
Нелюбима пора такая.

Бурый цвет под ногами устлан.
Лист не в золоте, тёмен, грязен.
Почему мне сегодня грустно?
С октябрём ли разлад мой связан?

Принимать надо холод, стужу.
Перемены все неизбежны.
Ближних круг, к сожаленью, уже.
Жизнь не может всегда быть прежней.

Голос услышь мой, Отче

Лес в ожиданье снега.
С ним я едина, слитна.
Взгляд устремила в небо,
Руки скрестив в молитве.

Жду не метелей вьюжных
И не сугробов пышных.
Милости Божьей нужно,
Чтоб всё свершилось, вышло...

Голос услышь мой, Отче!
Знаю, молящих много.
Просьба моя о дочке.
В сердце моем тревога.

Белая голубка

Белая голубка села у окна.
С вестью прилетела, может быть, она.
Птица молча смотрит, глаз не отвела.
Радость или горе на её крылах?

С птичьего полёта ей ведь всё видней.
Сверху посылают знаки, может, с ней.
Туч не видно в небе, ясно поутру.
Цвет голубки белый – верю, что к добру.

Нет тебя ближе

Опускается солнце всё ниже.
Вспоминая прошедшие дни,
Понимаю, что нет тебя ближе.
Осень жизни, стой, не гони!

Как иконе всю душу открою,
Расскажу, ничего не тая.
Ты ведь знаешь, любимый мой, кто я –
Твой причал и отрада твоя.

Рядом с верной, надёжной подругой
Будут светлыми темные дни.
Согревая любовью друг друга,
Мы зимою тепло сохраним.

Метелями лес укачало

Метелями лес укачало.
Ещё не проснулся он, спящий.
Лучи будят кроны сначала,
Играя узором блестящим.

Укутан пуховою шалью,
Забылся в своих сновиденьях.
Не манит весенняя шалость.
Последние ловит мгновенья.

Сорвет скоро ветер покровы.
Ярило разбудит капелью.
Раскроет ресницы лес снова,
Забудет он стужу с метелью.

Водопад проснулся

Проснулся от сна водопад,
Согретый лучами весны.
Срывается вниз. Невпопад
Бьёт лед, спящий, видящий сны.

Метание льдинок в воде.
Не выстоять – сносит поток.
Пристанут ли к берегу где?
А надо ли? Есть в этом толк?

Движение – сила и мощь!
Резвится, бурлит водопад,
И льдинкам уже не помочь.
Свободен, не скован! Он рад.

Оторвавшийся лист

В одиночестве летала
Оторвавшимся листом
Между чуждых крон на скалах.
Не сейчас и не потом.

Та листва тебя не примет.
Понапрасну не кружись.
Улетай одна, не с ними.
У тебя другая жизнь.

Невские волны

Плещутся невские волны.
Катер уносит меня.
Чайка взвивается вольно,
Криком в полёте маня.

Невские волны, качайте
Так, чтоб захватывал дух.
Нежные, белые чайки,
Крик ваш пронзает мой слух.

Ветер игриво ласкает,
Волосы мне теребя.
Даль зазывает морская.
Питер, пою для тебя!

Невские волны, качайте
Так, чтоб захватывал дух.
Нежные, белые чайки,
Крик ваш пронзает мой слух.

Шпиль золоченый сверкает.
Ангел ведет меня в путь.
Ах, красота-то какая!
Помни её, не забудь!

Невские волны, качайте
Так, чтоб захватывал дух.
Нежные, белые чайки,
Крик ваш пронзает мой слух.

Я помню

Далекий берег финский.
Не виден город мой,
Грифоны где и сфинксы,
Салюты над Невой,

Гранитные каналы,
Меж островов мосты,
Цвет парусника алый
И юные мечты,

Июньскими ночами
Студентов звонкий смех.
Стоят перед очами...
Я помню всё и всех.

Татьяна КРЫЖАНОВСКАЯ

* * *

Любовный пыл унять не в силах,
Пишу тебе который раз.
И повторяю: «Милый, милый, -
Зачем сказал: "Нет больше нас"?»

Зачем решил ты так сурово?
Убил мечту ты впопыхах.
Воистину - убьёт и слово.
И что теперь - увы и ах.

* * *

Стихи мои, я в мир вас отпускаю.
Летите, создайте красоту.
Не каждый поименно нарекаю,
Но в каждый я вложу свою мечту.
Стихи мои - вы крохи мироздания.
Но всё же вы достойны прозвенеть.
То ясно и без всякого гаданья -
Пылать вам, ярким пламенем гореть.

Маргаритке

Мой птенчик, котик, моя рыбка!
Я горячо люблю тебя.
Прими любовь, о Маргаритка,
И поделись своей, любя.
Ты ласкова и так приятна
Для глаз и сердца, ты поверь!
Мы как одно, и нам понятно
Как распахнуть в Надежду дверь!

Ода вдохновению

Ты приходишь и окрыляешь.
И нету радости сильнее
В этом мире для меня.
Светлое, тихое, нежное,
Но порой и громогласное.
Всегда действенное и прекрасное.
Души наши преображаешь.
О, вдохновение!

* * *

Мелодии моей рассвет.
Сияет ярко стихоцвет.
Мой талисман - то лазурит -
Собою сердце озарит.
Стихов прославит ворожба.
Навек поэзии раба.

* * *

Коль ты поэт, свети сильнее.
Над суетою пролети.
Коль ты поэт - тебе больнее
Свой светоч праведный нести.
Не унывай, коль вдохновенье
На миг оставило тебя.
Цени к поэзии стремленье,
Её возвышенность любя.

А вы знаете?

А вы знаете, как непросто
Вырывать из груди слова?
Словно нож в сердце и кругом голова.
Говорят, поэт - это совесть.
Ну, а совести всегда больней.
Целой жизни так и пишешь повесть,
На века уже сроднясь с ней.

* * *

Открылись мне поэзии врата.
Там окрылённость, вдохновенье, вечность...
Не спрашивайте про мои лета -
Я - бесконечность.
Конечно, я погибну как и все.
В стихах своих останусь и в ребёнке,
бегущей по нетронутой росе,
Смеющейся так звонко-звонко.

Мамочке

Святое слово это - Мама.
Мы чтим и любим матерей.
Но говорим об этом мало.
Ей о любви скажи скорей.
Отдай ей нежность и вниманье.
Они в тебе произросли.
Мать нам даёт напоминанье,
Чтоб в мир добро мы принесли.

* * *

Чему уподобить любви красоту?
Словами как к ней прикоснуться?
Сверкание счастья в неё я вплету
И в сердце мечтанья проснутся -
Мне к ней дотянуться, поверить, познать...
Постичь, как любовь величава.
Каким ещё чудом любовь мне назвать?
Лишь ей бесконечная слава.

* * *

Мне грезится, что мы вдвоём -
Душа с душой не делимы.
Любви мы славу воздаём
Прекрасно и неповторимо.

Ищу слова, премного слов,
Чтоб воспевать любви мгновенья.
Она не ведает оков
К тебе в моих стихотвореньях.

* * *

Ты жизнь моя, моё светило.
Я помню всё, что с нами было -
В хрустальной нежности сияло...
Нет, я тебя не потеряла -
Живёшь ты словно между строчек,
Души своей даря мне почерк.

В нотах сердечных

В нотах сердечных гармония льётся.
Синяя птица крылом поманила.
Сколько любви мне, о Боже, даётся!
Так, как его - никогда не любила.
Песней счастливой в душе отзовется.
В нежности счастье разлито игриво.
Трепетно, чутко на сердце поётся.
Как же любовь ты, голубка, красива!

Наталья СЕРОКИНА

Еще раз про любовь

Салют цветов или День Тюльпана 22.01.2017

Вспоминаю вчерашний салют
И тебя вспоминать не странно...
Вспышки огненные там и тут –
Ведь вчера же был день тюльпанов.

Догорел гиацинт и нарцисс,
Флоксы жмутся огнями густо,
Облетает цветочный карниз
И в моих икебану пусто.

Каждый знает, что он цветок
И достоин любви и ласки –
Неухоженный лепесток
Растеряет в унынье краски.

Как же можно цветы любить
Нежно и вместе с тем безжалостно?
Исцелять, чтобы вновь сгубить,
Вверх корнями сажая яростно!

Ненасытная

Я тобой не могу насытиться
Бьется жилка упрямо в висок.
Вновь атласная кобылица
Закусив удила несет....

Мимо грубых мужских амбиций,
Мимо глупых мальчишеских игр
Я стремглав пролетаю птицей,
Испарюсь, как бенгальский тигр!

01.02.2017

* * *

Остаться слабой – ты меня убьешь...
Цветок увядший мало кто лелеет.
Я – сильная! – тебя бросает в дрожь.
Пред Божеством трепещут и немеют...

Но ищите Вы в женщине подачку,
Надеясь на прокол и легкий куш.
Как дорогую кормите собачку,
Слагая сказки о слиянье душ.

Подожди

Ты говорил мне: подожди, все будет...
Пусть вечер долгожданный наступил, -
А утром мы проснемся, нас разбудит
День полного слияния светил.

А утром все так стало прозаично,
На старый лад и на дурной манер.
Ты мне сказал: до встречи, как обычно...
Присев за недописанный шедевр.

Я знаю, те, кто ждет, всегда в прогаре.
Бояться неизвестности нет сил.
Остался аромат на пеньюаре
В день противостояния светил.

Февраль 2017 г.

* * *

Ты жил, не напрягая страстью жилы,
Сокровищ безнадежно не терял,
Что с палубы смывал девятый вал,
Канаты не рубил, теряя силы.

Ты не нашел «свою»... Она пришла сама
В мятежных очертаньях каравеллы.
Вся в пламени цыганского огня
И с гордостью пиратской королевы.

Но ты не удивился, вовсе нет.
Тебя ведь тоже многие искали.
На гордость не подействовал запрет –
Дар не храним, пока не потеряли.

Она ушла, укрывшись темной шалью,
С собою унося свою вину.
Те, кто нашел, - тебя не восхищали.
Ты потерял любимую свою.

«Твоя» сама к тебе придет, в ZERO играя,
Слепя улыбкой и блестя косою:
«Ты не нашел меня в преддверьях Рая?
К себе тебя беру. Ты – мой!»

* * *

Я не смогла тобой владеть.
Прости за то, что улетела...
Наверно, сможет отогреть
Тебя совсем другое тело.

Поверь, мне было нелегко,
Веселой бабочкой порхая,
Влетать в замерзшее окно,
Вообразив, что в двери Рая.

Порой иллюзия, игра
Царит над нами, как реальность, -
Но счастья миг важней пера,
Что чувств опишет зазеркальность.

Ты смог меня отшлифовать
Своим алмазным абразивом,
Чтоб ледяным огнем сверкать
Могла без копоты и дыма.

Все было так, как суждено.
Пусть в счастье привкус горькой мяты
И что-то красное течет
Из сердца, словно сок граната.

До мелочей запомнишь ты
Гримасы греческих эмоций.
Конец комедии любви,
Ведь клоун больше не смеется.

В моей душе осталась грусть
И чувств отвергнутых ранимость.
Мой критик! За тебя молюсь -
Да ниспошлет Господь нам милость....

Евгения КОРН

Февраль

Разрозненные пазлы февраля
Разбросаны в периметре дороги.
Дождем и снегом их посеребря,
Зима усердно считывает сроки...
И смотрят молчаливые дома
В заснежье улиц вереницей окон,
В косматые, подталые снега,
На облаков небесных серый кокон...
Иду одна, сквозь лестничный пролет,
Минуя наледь сгорбленных ступеней.
Туда, где шум в речной водоворот
Разбрызгивает крохи откровений...
Я постою в промозглой новизне
И посмотрю на зимнее убранство
В воздушно-легкой снежной белизне,
Что укрывает водное пространство...
И, прячась средь развалин старой ГЭС,
Мелькнет весна батистовым платочком.
Забыв на время светский политес,
Она на феврале поставит точку...

И плелся к осени мой день...

*Благословляю Вас
на все четыре стороны!*

М. И. Цветаева

И плелся к осени мой день,
Петляя тропами.
Печаль и сумрачная тень -
Пустые хлопоты...
По сонной кротости воды,
Ее зеркальности,
По отражению мечты,
Желаний, в тайности...
По небу, в цепи облаков,
По воле случая
Летел, порывами ветров,
Мне сердце мучая.
И черной тучей на косе
Кружили вороны...
И в осень день, а Вам на все
Четыре стороны...

Кофейный домик, Летний сад...

Кофейный домик, Летний сад...
Метель гуляет по дорожкам.
И белый легкий снегопад
Прильнул снежинками к окошкам.

Кофейный стойкий аромат,
Меж столиками бродит Муза...
Латте, ристретто, шоколад,
Под звуки медленного блюза...

Запел, смущаясь, саксофон,
Не прерывая разговора.
Вплетая звуки, связь времен,
В тон музыкального узора.

Метель кружилась за окном,
Весь город укрывая снегом.
И Летний сад, как зимний сон,
В нарядном одеянье белом...

Волнуя и тревожа нас,
Горя, потрескивают свечи.
Кофейный домик, мы и джаз,
Горячий кофе в зимний вечер...

Откровение

*Мы сваливать не вправе
вину свою на жизнь...*

Н. Рубцов

Непредвиденность дел и открытий,
Что внезапно тревожат меня,
Всю мозаику мыслей, событий,
Как картинку вчерашнего дня...
Я сложу из своих огорчений
И отмечу значением дат.
Из мелькнувших, поспешных решений,
Чтоб уже не вернуться назад.
Кто силен, тот и временем правит,
Коль запряг - погоняй и держись!
Я не смею свалить, я не вправе,
Груз грехов на проклятую жизнь.
И не чувствую злобы и мщенья,
И осмыслил все против и за...
... По небритой щеке, в знак прощенья,
покатилась скупая слеза...

Юлий ТАРЕР

Ночная серенада

Как же без тебя тошно мне,
Свет очей моих – праздник твой,
Сколько ждать ещё долгих дней –
Где же ты, любовь, мой покой?

Я, быть может, храбр чуточку,
Я, быть может, глуп без границ –
Надоели мне дудочки,
Да следы чужих колесниц,

Я уже устал от войны,
Я давно мечтаю о том,
Чтоб моя любовь без вины
Разлилась лучистым теплом,

А моих забот полон рот,
А ещё войне нет конца –
Батки поперёд лез я вброд,
Чтоб достать со дна два венца.

Сослан в дальний край вдовый сын,
Дочь царя, как встарь, принца ждёт,
Подо льдом колышется стынь –
Белый кит с глубин зов поёт,

Нет любви преград, жизнь моя –
День за днём она вечная,
Для тебя всегда зримая
Звёздами пути млечного,

Как же без тебя тошно мне,
Всю тоску излил в этот стих,
Если не умру в той войне –
Будет вечер нам тёпл и тих,

Не зачахну коль от забот,
Будут и у нас дудари,
Кров родной, и пёс у ворот,
И покой до самой зари.

* * *

Жизнь – море, а разлука – шторм,
В ночи бессонной колыханье
Каких-то грёзочкоформ
Печального любви дыханья,

Всю жизнь штормит, и я устал
Быть вахтенным на этой шхуне,
Недалеко от острых скал
Наяда пела накануне,

Она привиделась тобой,
Звала заснуть, забыть заботы,
Она звала меня с собой
В подводные цветные гроты...

Мне устоять не просто было –
Я ухватился за штурвал
И всеми фибрами и силой
Вёл шхуну от проклятых скал,

Она звала, звалась тобою,
Манила звёздным отраженьем,
Но путеводною звездой
Мне стало блудо-отторженье,

Я шхуну вёл от этих мест
И дни считал штормов и ночи,
Я избегал чужих невест,
Твои лишь вспоминая очи,

Шторма пройдут – иль мне всегда
В каких-то грёзочкоформах
Судьба лишь странствовать года
В плену грехостихии шторма,

И всемогущий Посейдон
Не даст покоя, только сон...

Портрет

Мой портрет тебя бы радовал,
Только я с него смотрю
Так, как если очень надо бы
Позабыть тебя к утру.

От того ли, что хорошая –
Ты совсем не для меня,
От того ли, что порошею,
Одиночество храня,

Заметают панегирики,
Что меж нами пролегли,
И портрет не стоит лирики,
Если сердце не прожгли –

Расставание, как проголодь,
Неприкаянности гуж,
Жажда встречи – словно омолодь
Для обеих наших душ.

Мой портрет тебя бы радовал,
Только я с него смотрю
Так, как мне смотреть не надо бы,
Чтоб забыть тебя к утру.

Пленительная, непокорная притвора

Пленительная, непокорная притвора,
Дорога к Вам – коварная фиглярка,
Вы провокатор моего раздора
И раздражитель для фантазий ярких...

Ваш флюидальный магнетизм – ожог соблазна,
Улыбка Ваша – радужная fuga,
Вы – трепет ощущений разных,
Вы – излечение от грязи круга...

Ваш пряный взгляд – родит и убивает,
Движенья Ваши пьют синхронность,
Но кто же в этом мире знает –
Как излечить мою шальную скромность?..

Положи меня с собой

Милая, тоска – больна,
И длинна дорога,
Ты по-прежнему вольна –
Лишь по воле Бога...

Я – ни правда, ни обман,
Я – твоя находка,
Положи меня в карман, –
Чтоб пьянила водка.

Положи меня с собой
Ты, с любого края –
Будет рядом спутник твой
И земля сырая...

Но пока ещё живём,
Каждый в грешном теле, –
Убежим, давай, вдвоём
Из чужой постели...

Белые вороны

Каждый из нас в своём замкнутом пространстве,
Каждый из нас любит по-своему,
Что же мешает нам в этом жизненном убранстве
Любить – так, как стоило бы?..

Так – как это нужно тому, кого мы любим,
Так, как это, быть может, в нашей власти,
Но мы той любви лишь чуть пригубим –
И не сложить нам мозаику счастья.

Оттого ли, что не совпадают углы и стороны,
Оттого ли, что мы не того поведения,
Оттого ли, что мы белые вороны
От самого своего рождения.

Где-то там

С тобой мы повстречались как будто бы вчера,
И жизнь преобразилась на года,
Но грёзами лишь были седые вечера,
Мечтаньями – прекрасными всегда.

Какое-то мгновенье – десяток прошлых лет,
И встречи только в памяти моей,
Но знаем мы с тобой, что в прошлом жизни нет –
Я доверяю будущее ей.

Быть может, повезёт, быть может, невпопад...
Пролягут наши судьбы где-то там –
Где каждому своё, где звёздный листопад,
За боль и за любовь воздастся нам.

Размышления о жизни

Когда ты молод – ты живёшь беспечно,
И думаешь, что так продлится вечно,
Но вечность предусматривает нормы
На ход часов, на суть вещей и форму.

Игорь САФРОНОВ

Стихи художника

В моем желудевом краю

В моем желудевом краю
Прекрасные живы преданья
О розовых росных восходах,
О нежности ветреных дней...

В моем желудевом краю
Во всю расцветают легенды
О чьих-то пленительных встречах,
Влекущих любви полноту.

В моем желудевом краю,
Тоскуя об иве плакучей
Росою рыдает шиповник
И колется страстью сухой.

В моем желудевом краю
Шмелями гудят медоносы,
И всюду висят ожерелья
Янтарно-зеленых стрекоз...

В моем желудевом краю
Сливаются тайные струи,
Загадочным полновластьем
Глядит на тебя тишина.

В моем желудевом краю
В осеннем распахнутом небе
Летят журавли отрешенно
Печальным распластанным клином

И кличут, и кличут, и кличут –
Кого только кличут они?..

Ель у озера

Я – Ель у озера; мой дом –
Деревня пасмурной свободы,
Где озера недвижны воды
И светлые поля кругом.

Здесь избы темные вросли
В песок холмов, в разлив сирени
И облака, что видел Гений,
Издrevле память берегли.

О ком? О чем? Зачем осела
Она иголками на мне?
Здесь жизнь рождалась и дряхла
И вот уж нет ее. Извне

Гляжу на участь Человека
Как на собрата своего,
Впитав в себя тревогу века,
Дыханье скорбное его.

06.08.01
д. Букино

Полынь

Что так манишь, душная полынь,
Горький запах воли и страданья?
Столько дней невольню я спалил
Жизнь – Степь и тщетность упованья.
Жаркий вдох и гибельная стынь,
Вдох любви и выдох равнодушья
Ты – наркотик памяти, полынь,
Скорбный дух последнего удушья...

6 июня 2000 г.

Здесь человек сгорел...

*Памяти Ивана,
односельчанина*

Здесь человек сгорел... Печальная гравюра.
Как оттиск Зла на девственном снегу...
Его изба обугленно-угрюмо
Глядит на мир на голом берегу.
Из сирот русских... У полей немотных
Жил бобылем, а жизнь была не мед...
Иваном звали. Горько-беззаботный,
Конечно, пил - кто на Руси не пьет?
О, Господи! Что происходит с нами,
Крещенными беспамятства огнем?
Весь мир горит. Вселенское цунами.
А здесь один - и кто вздохнет о нем?!
Жизнь на краю... Встревожь себя, прохожий!
Задумайся о брэнной жизни тел,
О том, что несгораемо под кожей
Кричит о том, что человек сгорел...

Спасибо, Русь...

Спасибо, Русь... За то, что сердцу больно,
За то, что вольно от родных дерев,
За то, что наискось, насквозь, краеугольно
Лютуешь ты, любовница и лев.

За хлеб спасибо, с русскою печалью,
Бессильный праведный измученный наш
гнев.

Я сто веков в тебе души не чаю,
Таща свой крест, а душу не согрев.

Что ж, тем живу и по слезам читаю,
Уставшим выцветшим твоим родным глазам
Свою судьбу и в ней не различаю,
Что жизнь, что смерть, что вечность,
Что я сам...

Март 1994 г.

Человек с пересаженным сердцем

Я с сердцем пересаженным живу
Который век, который год на свете,
Истлев когда-то в погребальном рву -
Я с сердцем пересаженным живу,
Как плот с распятым медленно плыву
В немую даль по бесконечной Лете...
Любовь погибшая! - ты отдала мне сердце
И тем спасла. Как два единовеца,
Мы падали в бессмертную траву.
Тебя уж нет, а я еще живу,
В наркозе тяжком все еще живу,
Неся в себе тупую память сердца...
Исчезло все, все канули куда-то,
Меня несет в кровавый зев заката
С виденьями былого наяву,
Меня, как льдину, вынесло в Неву -
Я с сердцем пересаженным живу,
Как брат-близнец без умершего брата,
Как мать без сына, бывшего солдата,
Живу, как умираю наяву...
И знаю я, что жизнью обречен -
Смертельною подпиской о невыезде -
Наказан я спасителем - врачом
На эту пытку жизни после жизни...

Парус жизни моей...

Кто поставит судьбе неподкупной зачет,
Жизнь погрязла в слепой дешевизне,
Но куда этот ветер беспутный влечет
Парус жизни моей, парус жизни.

Мир погряз в мелкоте. Нас несет на косу.
Все во власти страстной круговерти,
Ну зачем же, зачем же сияет в грозу
Парус жизни моей в море смерти?

В этой жизни когда-то кончается все -
Краткий отпуск любви, пребыванье на тризне,
Но зачем этот ветер капризный несет
Парус жизни моей в море жизни?

И когда этой жизни настанет предел,
И мы станем не больше, чем слизи,
Я желал бы, чтоб **Там** также страстно летел
Парус жизни моей, парус жизни...

4 июля 1995 г.

*Курголово,
Балтийское побережье*

Из цикла «Граница»

I
Нет в душе вожделенного мира,
Жаде крылатости негде излиться.
Высохла вера без паствы и клира.
Кровное море терзают границы.
Крыльями машет счастливая птица.
С помпой встречают заморского принца,
Яхтой прибывшего. Постные лица.
Теленудеж. Оцепление. Милиция...
Господи! Сколько еще приседать
В жизни, в которой нельзя заблудиться,
Женщине встречной всю душу отдать!

II
Облачность дивная в блеске бесцельном
Дымкой лиловой охвачена пожня,
Но запестрели столбы и таможни
И не прорваться в любви запредельность!
Чувство живет в берегах сокровенных,
Сердце свободное теплит надежду,
Все о бессмертном, нетленном, безбрежном...

*Кургальский полуостров,
Июль 1995г.*

Плач по Вахтангу

Убили парня... Просто так убили...
Когда он шел беспечно-молодой
По городу, который Мгой зовется –
Проклятый город – в нем убили парня!
На голову его рука убийцы кирпич обрушила...
Он с местностью чужой едва знаком был -
Пошел он прогуляться слишком поздно
И вот – погиб...
А парень был – грузин... За тысячи км
И двадцать лет назад его Вахтангом
Отец и мать с молитвой нарекли,
Придав ему высокое значенье...
С высоким именем его доверив Жизни...
Убили парня... Просто так убили...
За что? За то, что был он здесь нездешен –
Пришельцем был из той земли, в которой
Его осталось детство сторожить...
Убили парня - О, Господь, Господь!
Зачем пришельцами ты сделал нас с рожденья
И отпустил в неведомые земли?..

Женские бои в грязи Россия – Африка

Россия... Африка и грязь
Простерлась зыбью океана,
И, грязью этой наводнясь,
Мы ей торгуем многогранно.

Тараном – в грязь!
Тараном – власть!
И так до состоянья пага.
Чтоб окончательнее пасть,
Кругом прожорливая грязь
Стозевно разевает пасть,
И Каин убивает брата...

Россия! В небе отразись,
Отринув грязь самообмана!
Как женские бои в грязи,
Смывает вечность океана.
2 декабря 1997г.

Далекое имя - Дагмара...

Далекое имя Дагмара..
Как эхо в Небесных горах,
Где крики гортанные: Ара!
И сабли аварской замах.
С тобою мы единоверцы
В плену нашей вечной любви,
Где ты рассекаешь мне сердце,
Поклявшееся на крови...
Зачем мне приснилась некстати
Кавказская юность моя,
И звездное небо в экстазе,
И лунных вершин острия?
И смуглая эта горянка
Сквозь годы глядит на меня,
И чувства простая огранка
Дороже любого коня...
Далекий любовный огарок,
Твоя искривленная бровь –
Дагмара... Дагмара... Дагмара...
Несбывшаяся любовь...

Поэт и Вечность

Хроническую молчаливость
Всеохраняющий Поэт...
Она любви неутолимость,
Все краски спектра – белый цвет...
Она – святой союз с Безмолвьем,
Бессмертной смерти, стоном сфер,
Где почерк мысли – беглость молний
Превозмогает брэнность мер.
А ритм чувствований чутких
В сердцебиении твоём
Превозмогает участь суток,
Вплывая в Вечности проем.
А Вечность – это Молчаливость,
Души немой священный бред,
Что так божественно излилась,
Молчи, храня ее Поэт...

Вера КЧДЕМИНА

Павловск

Чудесный Павловск, ты на троне
Стиха заглавная строка.
Сверкай жемчужиной в короне
Земли российской на века.

Могучих елей вид державный
Сопровождает вдоль аллей.
Был возрождён для блеска, славы
Твой парк средь сказочных полей.

Скульптур изящные виденья
Нас увлекают во дворец.
Воскресший, гения творенье,
Он словно сказочный ларец.
Хранит прекрасные убранства,
Своим чаруя постоянством.

Здесь воздух негой напоён
И всё смешалось: быль и небыль.
Величьем пышным одарён.
Прекрасно всё, земля и небо.

Небесным ангелом храним,
Блистай изяществом и светом,
Неповторим зимой и летом.
Любовь и мир пребудут с ним.

Красное Село

Державной поступью войска
Прогнали шведов на века!
Был флаг российский водружен,
И город славный заложен.

Вознесся православный крест
Под колокольный перезвон,
Сияньем осенив с небес,
Виденье чудное, как сон.
Здесь ангел распростёр крыло
С названьем Красное Село.

Он на горе стоит высокой.
Престольный град лежит пред ним.
Исаакий славный позолотой
Сверкает чудом неземным.

В годину горестных событий,
Он стал щитом геройских дел.
Исполнил долг здесь каждый житель.
От горя город поседел.
И светлой памятью ушедшим
Горит огонь среди имён.
Им благодарны будем вечно.
Им родниковых слёз поклон.

Цвети, расти, взирай с высот,
Ты, в окружении озёр.
Незабываемых красот
Небес торжественный простор.
Пари, как ангела крыло,
Родное Красное Село.

Санкт-Петербург

Люблю я Невские просторы.
И пусть у львов суровы взоры,
Их не боюсь, гляжу с восторгом
На лики сфинксов слишком строгих.
Морозом тронутый гранит
Нас всех тревожит и манит,
Храня влюбленных разговоры,
И сада Летнего узоры.
Твоих соборов купола.
Они звонят в колокола.
Ажурный облик открывая
И заключая в свой проект,
Рукою мудрой направляя
Вдаль торжествующий проспект.
Твой образ гений создавал,
И удивлял и восхищал.
Мостов чугунных силуэты
Хранят вопросы и ответы.
И Петр на вздыбленном коне,
Над гадом грозно вознесясь,
Воздвиг здесь город не спросясь.

Огонь твоих колонн Ростральных,
Он как маяк в походах дальних,
К нему на гребне невских волн,
Всегда плывет послушный чёлн.
Здесь ангелы, расправив крылья,
Парят на шпилях без уныния,
Храня торжественность твою,
Века над ними проплывают.
Их стаи туч сопровождают,
Любовь и честь им отдают.
В роскошных парках, на прогулках,
На шумных площадях,
В безлюдных переулках,
Несёшь в себе познания страх.
Узнать смогу я по прохожим
Тебя, единственный, несхожий.
У тротуара звук в ночи
И свет и сумрак не молчит.
Симфония - ты сам себе.
Ты одинокий по судьбе.
Хотя живёшь ты в упоении,
Любви к себе и в поклонении.
Прекрасен ты в лучах восхода.
В дождях, идущих с небосвода
И в молоке ночей.
Ты мой, ты наш, и ты ничей!

Истина

Поток времен в своем стремлении
Уносит все дела людей.
Живи в трудах иль в наслажденьи,
Сотрет все в пыль. Лишь горсть идей
Оставит будущим потомкам.
И только то лишь человечно,
Что нам давно сказал Христос.
А все другое бесконечно,
Меняясь лишь в своих началах,
Порочно все в своих оскалах,
Забудем мы, кто б не принес.
О, как таинственно, непостижимо
Играет с нами чувств река.
И как порой необъяснимо
Вершится миг и на века,
Когда ж свершится это чудо,
То будь то подвиг, иль любовь,
Душа молитву не забудет,
Вольется благородство в кровь!
Откройте душу для страданий,
Впустите радость, жалость, нежность,
Любви верните обаяние.
Пусть сердце ощутит безбрежность,
И солнца свет, и звезд мерцания,
И станьте частью мироздания!

Евгений ЕМОДЯКОВ

Хлеб духовный

Как жаль, что мы не мушкетёры,
Когда,
        твердя наоборот,
Иноязычные «партнёры»
Нам предъявляют грозный счёт.

Не океан вокруг нас единый
И не простор для бригантин,
А – затопляют край родимый
Потоки с прорванных плотин.

И нас на скальные граниты
Несёт, как лодку без весла.
И мутным паводком размыты
Критерии Добра и Зла.

Не в том беда, что стал недужен,
Что дно зияет кошелька,
А – русскому,
        чтоб выжить,
                                нужен

Озон родного языка.

Не потому ль мы ныне живы,
Что шли до самого конца
Не ради славы иль наживы,
А ради красного словца.

И –
        времени лихого пленник –
Внимай сентенции,
                                поэт:
Мол, за стихи не платят денег
И сочинять их проку нет!

Поэту русскому не ново
Дар Божий посвящать стране.
И испокон в России слово
Всегда в безденежной цене.

Как на любовь не поскупишься?
И сколько стоит боль души?

Над нами слово певчей птицей
Иль чёрным вороном кружит.

Достанет слово до печёнок,
До самой сущности проймёт.
На то мы русские с пелёнок,
И нам сегодня брат – не чёрт!

Забывший вспомнит долг сыновный.
Прозреет каждый, кто ослеп.
И нет цены на хлеб духовный,
Когда в цене насущный хлеб.

Отшельник

1

Нам звёзды дальние светили.
Сгустились тучи в свой черёд.
Шумят народные витии,
Когда безмолвствует народ.

С полей раздора и потравы
Разносит карканьем враньё
На плоть споткнувшейся державы
Нацеленное вороньё.

Уклад вчерашней жизни скомкав,
Свернув на старые круги,
Наследство собственных потомков
Тузы пускают на торги.

Богатства недр вывозят спешно
Из ставшей прииском страны.
Как жить насущно и безгрешно –
Вещают важно ведуны.

Мне больно видеть эти знаки,
И для меня в одном ряду
День, промелькнувший в полумраке,
Ночь без конца – в полубреду.

Не боль от впившегося когтя –
Другое мне мешает жить:
Когда неправда ложкой дёгтя
Стремится правду очернить.

Не принимаю слов на веру,
Иду к исходу, не спеша.
И в сокровенье, как в пещеру,
Переселяется душа.

2

Сокровенность духовной работы
На уста налагает печать.
Будто не было вовсе заботы,
Если выпало день промолчать.

Я толкаюсь в потоке прохожих,
Чувству близкого локтя не рад.
Каждый мнит
на себя непохожих
Переделать на собственный лад.

Не сыскать уголка на планете,
Где бы дали по-своему жить.
Расставляют всемирные сети –
Заманить,
обмануть,
отловить.

В той возне никому не подельник,
Хоть заманивают наперебой,
Я живу на Земле, как отшельник,
Чтобы просто остаться собой.

* * *

Я не просил на свет родиться –
Спасибо таинству любви.
Что чёрным вороном садится
Судьба на грудь –
мне не внови, –

Что жадно выключает отраду
Минувших незабвенных дней,
Как непреложную награду
За поражение пред ней.

* * *

Хоть и наградам тесно на груди,
Внутри –
наоборот –
опустошенье.
Что все уже провалы позади,
Себе внушить пытаюсь в утешенье,

Что унесёт забвения вода
Всё,
что в душе и горько,
и постыло,
Что не было паденья никогда, –
Но было...
было...
было...

* * *

Мучительно пытаюсь я понять,
Влача всё тяжелеющее бремя:
Когда и как я дал себя взнуздать
Лихому седаку,
чей титул – Время?

И вот уже узда кровавит рот,
И горизонт обуживают шоры,
И веселят,
едва замедлю ход,
В бока нещадно впившиеся шпоры.

* * *

Мы все стоим у края бездны,
Хоть это нам не по нутру.
Я упаду не от болезни
И не от старости умру.

От жатвы там, где и не сеял,
Иной всё холит свой бекон.
А я за всё, что не содеял,
Собой на казнь приговорён.

За недосказанное миру,
За каждый шаг наоборот
Готовь, палач, свою секиру –
Я восхожу на эшафот.

Ветер судьбоносных перемен

*Он придёт,
Он будет добрый, ласковый,
Ветер перемен.*

М. Дунаевский, Н. Олев

*Мы никогда не
сможем изменить
направление ветра.
Но в нашей власти
поставить нужные паруса.*

Роберто Гонзуэло

Парус виснет, хлопая на рее, —
Видно,
штиль надолго взял нас в плен.

Мы торопим Время, чтоб скорее
Грянул свежий ветер перемен.

Но,
к какой бы нови ни стремились,
Всякий раз,
неистов и свинцов,
Как обожествлённая немилость,
Встречный ветер дует нам в лицо.

Он кому-то выхолодит душу
И судьбу кому-то оборвёт.
Встречный ветер в море и на суше
Тормозит движение вперёд.

Мир,
что нами издавна насижен,
Унесёт,

как золото раки,т,
Выдует тепло из наших хижин,
Злачные просторы оголит.

Он придёт,
как глас лихих известий, —
И орала выпадут из рук, —
Ветер разрушений и
возмездий,

Ветер гнева,
кары
и разлук.

И тревожно сердце бьёт по рёбрам,
Набухают кровью русла вен:
Не бывает ласковым и добрым
Ветер судьбоносных перемен.

Почему туман глаза нам застит,
Хмуры и беззвёздны небеса?
Ветер перемен не в нашей власти, —
Знать бы, как поставить паруса!

Татьяна СОРЕНСЕН

ДАНИЯ

* * *

Изысканная живопись людей
И искренняя живопись природы.
Непостижимость этой красоты
Художников зовет искать приемы,
Внося свое несовершенство,
Нас зовя с собой в их
И свой разрушенный и беспокойный мир.

* * *

Поэты долго не живут.
Они живут страстями,
А страсти умиряются годами.
С годами ищем мы уют,
И страсти угасают сами.
Поэты не бывают стариками.

* * *

Я разложу бумаги и положу их в папки
И сочиню сюжеты, подумав, все в порядке.
Жизнь напишу, как повесть,
И, разыграв сюжеты,
Я не замечу поезд
Отставшей жизни где-то.

* * *

От проблем нельзя убежать.
Можно только на время скрыться.
А вернувшись, вновь убедиться,
В том, что их предстоит решать.

* * *

От боли обид и от страха сомнений
Свободен мой путь.
Расчищена память от сожалений
О том, чего не вернуть.

За солнцем шагаю в цветущие дали
И слушаю пение птиц,
Где мне из чудес уж готовы подарки:
Влюблённых сияние лиц.

Где вдруг узнаю, что одно мне знакомо -
Конечно же это моё.
И верю, что встречу такое ж родное
И близкое сердцу лицо.

* * *

Прощение - это прощание,
Прощанье с обидой и болью,
Прощение, как обещание
Не сыпать на раны солью.

И тем, кто когда-то ранил,
Вослед послать отпущение.
У Бога просить неустанно
Прощения и благословения.

Прощание бывает грустным,
Прощение будет сладостным.
И там, где сегодня пусто,
Я выращу сад из радости.

Цветы в нем распустятся нежности,
Любви, и добра, и терпения.
Там вырастут заросли щедрости.
Там будет царить всепрощение.

Я там поселю сострадание,
Сочувствие и соучастие.
И солнце алмазными гранями
Одарит входящего счастьем.

Хайку

Парят в небе
Облака наших надежд
И плачут от обид.

Только ты сам
Можешь принять решение
Быть счастливым.

Сажаем сами
Цветы любви и счастья
В своём сердце.

Отбросить старое,
Не боясь начать сначала,
Учит природа.

Съедают радость
Нетерпение сердца
И печаль души.

Начать сначала,
Отбросив амбиции,
Необходимо.

Несёт каждый шаг
К независимости
Много печали.

Мешают жить
Амбиции прошлого
Здесь и сейчас.

Наслаждаться
Каждым прожитым днём
Нужно учиться.

Вместо амбиций
Лучше выращивать крылья,
Чтобы взлетать.

Так важно иногда
Лететь в неизвестность,
Поверив судьбе.

Сожаления
О неслучившемся -
Разрушительны.

Невозможно сразу
Жить в двух разных мирах.
Нужно выбирать.

Тащу по жизни
Ненужный хлам прошлого,
Боясь расстаться.

Выбор - это трудно.
Но совсем неправильно
Его не делать.

Идём по жизни,
Пытаясь доказать
Свою значимость.

Решение цвести
Принимают цветы.
Решение жить - ты.

Это реальность,
Что кончаются сказки,
А мы ещё живём.

Владимир ДАНИЛЕВСКИЙ

Сочинитель

Сочинитель бедный, это ты ли?
С. Есенин

Бедный я сочинитель,
Всё пишу при луне,
Строк своих я вершитель,
Память бродит во мне!
Всё хочу описать я,
И во всём преуспеть!
Ощущение счастья,
Не даёт мне не петь!
Пусть повозками беды
Вниз несутся с горы!
Над собою победы,
Выше звёзд мишуры!
Я творю серенады,
И мгновенья ловлю,
Не взаимности ради,
Этот мир я люблю!
Вам дарю дивный берег,
Где закат – серебро!
Я навечно – уверен –
Побеждает – Добро!
Господин и Мучитель,
Этот путь – только мой!
Бедный я сочинитель,
Но с богатой душой!

Между нами две державы

Тишина, Весна, Граница!
Подо мной конёк лихой,
От копыт взлетают птицы,
Ясно небо надо мной!

Вот и вышка, у заставы.
Что там варят на обед?
Я сегодня самый-самый,
Мне сегодня – 20 лет!

Между нами – две державы,
Их начало и конец,
И не спят боесоставы,
И у всех готов свинец...

Летом тут такие росы!
Лес весенний мудр и чист,
Льёт дождей осенних слёзы,
А зимой метельный свист.

Так доверчива природа,
Красотой лаская глаз,
Жаль политики погода
Создаётся мимо нас.

Мы – военное потомство,
Без воинственных идей,
Но грозит вероломство
Из заросших блиндажей.

Тишина, Весна, Граница!
От копыт росистый след,
Я лечу весёлой птицей,
Мне сегодня – 20 лет!

Граница СССР - SUOMI

Маргарита

Памяти М. Булгакова

Обольстительная ведьма,
Всё отдавшая любви,
Перейдя в иное Время,
С переменою в Крови.

Мастер жив, одной тобою,
Как пытлив любимый взгляд!
Аксиома над Бедою:
«Рукописи – не горят!»

Символ Женщины Отважной
На балу у Сатаны...
Тем прекрасней, чем ужасней
Состояние Страны.

У судеб свои законы,
В подлой власти оперов,
На метле летают Жёны,
Если любят Мастеров!

Гатчина

Мне приятен уют небольших городов,
Там, где птицы поют возле серых дворов.
Где разбит палисад, и шальная сирень,
Где неспешный уклад не исчез, словно тень.

Где Весной – соловьи, а Зимой – снегири,
Где с природой, в крови, от зари до зари,
Где дерев хоровод сыплет листья шурша,
Там надежный народ, и живая душа...

* * *

Всё забудут и растопчут на Руси!
И тиранов – сколько их ни возноси!
И вождей начнут читать – наоборот,
Что ж останется? Любимый наш народ!

Весна в Нелидово

Нелидово, в большой грязи,
В Великих Луках вышла Ловать,
Позавчера я видел Сороть,
С поездкой к Пушкину в связи.
Ношусь в Российских округах,
Мелькают церкви, реки, пашни,
И оттирает день вчерашний
То, что в сегодняшних глазах.
Весна идет! Гудит вокзал
На этой станции безвестной,
Быть может, я прослаблю место,
Где эти строки написал.

Перрон

Тот двоим знакомый перрон,
И, в небесах, по звезде,
Тронется в путь зелёный вагон,
Далее и везде!
Будет и дальше солнце светить,
Будут ненастные дни,
Поезд разлуку будет дарить,
Свои унося огни.
Нам песню старости рано учить,
И я её не учу,
А доведется рядом побыть,
Сяду и... помолчу.

Год рождения

Наверно, недаром пришлось мне родиться,
В пропахший сиренью военный апрель!
Звезда обелисков, звезду на петлицах
Вела, приближая победную цель...
Вздыхнул Николаев от ига чужого,
Войны лихолетье давило пока.
Еды не хватало, одежды и кровя
И плакала мама, что нет молока.
И всё ещё долгим был путь до Берлина,
Пусть враг, отступая, бомбил всё сильнее,
Но жизнь продолжалась и в этих руинах,
Где Вера с Надеждой сплотила людей.
Мы стали мужчины – как «в пику» вражине!
И вот, принимая присягу, встаёт,
Повзводно, поротно, машина к машине!
Мой сорок четвёртый рождения год!

Полустанки

Года идут, мы видим их,
Как полустанки из вагонов,
Так краток остановок миг,
Увы! Не разглядеть перронов.
Не научившись говорить,
«Толкаем» монологи, речи,
Стремясь побольше навалить
Тому, кто нам подставит плечи.
Скорей – враги! Друзья – потом,
А после – горькое похмелье!
Застанем опустевшим дом,
Где было в нашу честь веселье...

Сосны

Отчего так одиноко?
Некого ни звать, ни ждать!
О прошедшем и далеком
Ни пропеть, ни рассказать.
Только сосны круг сомкнули
И молчат. О чём сказать?
Если ветер спросит – дунет,
Головою покачать...

Моим родителям

Был мой отец веселым человеком,
И оттого не согнут был тогда,

Когда другие – падали навеки,
Когда валила сильных с ног беда.
А мать была особой беззаботной.
Жила лишь чувством и единым днем,
В ней мудрствованья не было охоты,
Ёще была красивою при том.
От этой пары я и родился,
Теперь смеюсь, когда проблемы жмут,
(И хоть и думал, что переродился)
А папа с мамой всё во мне живут!

Бабье лето в Ропше

Ни пророк Иеремия,
Ни Христос из Назарета -
Я пришёл к вам, дорогие,
Рассказать про бабье лето:

Лето уточкой-молодкой,
Выводило день весёлый,
У воды лежали лодки,
Малыши бежали к школе.

Мир вам, нивы и поляны!
Мир вам, реки и овраги!
Я от воздуха как пьяный,
Доверяю грусть бумаге...

На развалинах дворцовых,
Тень Петра с Екатериной,
Парк заброшен, без дворовых,
Запустения картины...

Дым воздушной паутины,
Пролетает листопадом,
Разноцветие картины,
Знак осеннего парада,

Синева небес высоких,
Птичьих песен переливы,
Порожденье чувств высоких,
Исключительно красивых.

Яблок боки наливные,
В нежном зареве заката,
Лица для меня родные,
Что ещё для счастья надо!

Как я рад вам, дорогие,
Ближе вас на свете нету!
Ни пророк Иеремия,
Ни Христос из Назарета.

«Святая» ложь

Ты говоришь, что ты проста
И что живешь незащищенно,
Но вероломны беспардонно
Твои глаза, твои уста...

Искусна женским ты чутьём,
Едва медведем у колоды
Я окажусь, поверив мёду,
Как яд уже заложен в нём!

Но пью отраву, не страшась!
(Тому порукой строчки эти)
Живу себе на этом свете,
Противоядию дивясь...

Когда б по полкам всё сложить,
От скуки можно удавиться,
Перевернём ещё страницу,
А вдруг и стоит дальше жить?

Ведь в жизни, как в любой игре,
Важны разумные пределы,
Друг друга нам не переделать,
Мы не привыкли жить в узде.

По счастью, есть ещё места,
Куда я вовсе не пускаю,
Что б там наделала - не знаю,
«Святая» Ваша простота!

Бездомен я в доме любом,
Иронии судеб внимая,
Нас всех спасает ложь «святая»,
Мы ей благодаря живём...

Памяти О'Генри

Когда я читаю О'Генри,
Я верю в удачу и честь,
Он лечит меня от лени,
От грусти умеет отвлечь.

Он учит добром не бросаться,
Не злиться, встречая беду,
А пошлости – сопротивляться,
А подлости – бить в бороду!

И дружбу ценить, и свободу,
И верить в Судьбы идеал,
Где истинных мыслей природу,
Проверит «презренный металл».

Лечить не вином неудачу,
Любить, - даже пусть не поймут!
За то, что он верил Счастью,
Я чаркой его помяну!

Я жду

Я жду тебя, любимая!
Я жду дождливой осени,
Чтоб в эти ночи длинные
Я стал ещё серьёзнее.
Чтоб эта осень в городе
Мне о тебе напомнила
И на промозглом холоде
Меня теплом наполнила...

Шестидесятники

Прекрасен был подъём – отважен!
А каждый шаг – всемирно важен.
Года поступков, где бесстрашен,
Надежд и помыслов огонь...

Мечта, что завтра будет лучше,
Спираль закручивала круче,
Их подвиг был не просто случай,
А норова свободный конь!

Всех нас та оттепель согрела!
Вы жаждали большого дела!
Строку, что вольно вдруг запела,
Сгубила «сталинистов» вонь...

Вас обнимаю просто взглядом –
Как бредили вы «термоядом»!
Вы, звёзд высокая плеяда!
Вы, спутник, взятый на ладонь!

* * *

Время даты сотрет,
Как волною песок,
И от соли невзгод
Забелеет висок.

Жизни нет – не любя,
Друг ты мой дорогой,
Сколько верю в тебя,
Буду рядом с тобой...

Если нежность из глаз,
То не нужен обет,
Настоящему в нас,
Не состариться – нет!

Ещё не вечер

Опять спешу куда-то,
Горит во мне пожар,
Я главных слов, ребята,
Ещё не написал.

Рву злого рока цепи,
Борьба на грани сил,
Своё на этом свете
Ещё не долюбил.

Грущу травой полынной
В раскосые глаза
И песни лебединой
Ещё не написал.

Прощёное воскресенье

Прощайте Вас обидевшим, прощайте!
«Как мёртвые не имут сраму», так
Вы больше им руки не подавайте
И бросьте им презрения – пятак.

Здоровье не измерится деньгами,
Оно превыше званий и наград,
И, если уж «нашла коса на камень»,
Лишь обойдите подлости преград...

Дарует жизнь всё новые рассветы,
Природа привечает, словно мать,
Не принимайте злобные советы.
Которые Вас будут разрушать.

Поверьте! Нам совсем немного надо,
Песчинкам, в серой сутолоке дней,
Весна несёт Надежду и Отраду,
Чем мы – добрей, тем, стало быть, сильней.

Имя Россия

Напрасное занятие
России выбрать имя.
Она – само распятие,
Над всеми, над другими...

Веками бьётся, мается,
С Бедой в дугу согнётся,
А видишь – не ломается,
Россией остаётся!

Незнание – сила

Другу Мише

Пока я ничего не знаю,
Легко на свете проживаю,
И верю в лучшее – всегда!
И вижу зелень свежих веток,

И взгляды томные кокеток,
И знаю, старость – ерунда!
Пока я ничего не знаю,
Собой довольным не бываю,

Я на пиру своих надежд,
Пусть бьётся сердце удалое!
Ведь не боюсь я злобы воя,
И подлой святости невежд.

Пока я ничего не знаю,
Легко над миром воспаряю
И прошлое идёт на слом.
Зато незнание - та сила,

Что страсть мою не остудила,
И я к Любви несусь – бегом!
Беда! Когда мой ум прозреет,
И флаг достоинства зареет

Над жалкой бухточкой вранья?
Фрегат, на берег смерть несущий,
Покажет жерла страшных пушек
И всюду корм для воронья...

Красное Село

Про дочку

Вот растают туман и дым,
Победят и меня года...
В этой жизни я был – любимым,
Только дочка мне – навсегда!

Как я чудо это носил!
Прижимаясь к пухлой щеке,
Как купал её и кормил!
Как грустил по ней вдалеке!

Пусть придёт холодная ночь,
Пусть любые гнут времена,
Это Бог подарил мне дочь!
Радость жизни моей – она...

В мире можно всё поменять:
Город, женщину и страну.
Только дочь мою – не отнять!
Не сменю её я – одну!

Обниму и будто – в Раю
Посмотрю в родные глаза.
Ничего я не утаю,
Навсегда я с нею и «за».

Пусть твердят, что «воск я в руках» –
Я согласен с долей такой
Даже буду на облаках –
Стану ангелом ей, родной.

Два крыла

Моим внукам

Раз в этом городе живём,
Мы чтим Петровские начала...
Нам без него – и мира мало!
Тут наш оплот и отчий дом...

Растут и радуют мой взор,
Мои прекраснейшие внуки,
Что постигая все науки,
Мой смехом оглашают двор.

Мне к ним любви – не описать!
Мужицкой ласки неуклюжесть,
У Димки – детская округлость...
На Тёмке – юноши печать...

Как я согрет от их тепла!
Что мне любая непогода!
Со мной в любое время года,
Два внука – два моих крыла!

Памяти моего поколения

Окончены романы! Рок протрубил своё,
«Стиляги», «битломаны» идут в... небытиё!
Уходит поколение, которым сам я был,
Ему – мои творения, ему – поэта пыл!
Частенько мы, «без визы», видали много
стран:
Про нас «Карибский кризис», для нас горел
«Афган».
На танках шли по Праге
(таков страны приказ!)
Вчерашние «стиляги», что так любили
джаз...
Над нами эксперименты вела КПСС,
А были мы студенты и с «патлами» и без...
Порой недоедали, не унывали мы,
Ведь был у нас – Гагарин – надежда всей
страны!
Плотина на Саянах, а на Востоке – БАМ,
Хвалили на экранах, и... били по рукам.
Когда страну (за сколько?) вдруг Горби
разорил,
То вынести перестройку, не всем хватило
сил...
Опять пусты карманы. И каждому – своё!
«Стиляги», «битломаны» идут... в небытиё!

Отцы и дети

Дочке Оле

Когда-то, первоклашкой,
Когда ругала мать,
Я всё мечтал украдкой
Внутрь лампочки удрать.
Тепло, светло и чисто,
Какая благодать!
Сегодня дочь-плутишку
Решил я воспитать.
Родительское право
Принять серьёзный вид,
Смотрю, а дочь лукаво
На... лампочку глядит!

* * *

Памяти Виктора Цоя

Кто же думал об этом финале?
Среди отпуска вдруг мы узнали,
Что погиб наш кумир – Виктор Цой!
Пересуды надежду рождали...
Его песни, как прежде звучали,
И не верилось – это другой!

Ты будил молодые надежды,
Не дарил дорогие одежды,
Ты на плечи Всеобщей Мечты...
В красных бликах, как будто, пожара,
Зазвучит боевая гитара...
И не надо имён: Это – ты!

В наших душах «КИНО» – не остыло...
Но известно, давно это было,
То, что рок не ссудит лишний срок...
Даже если в мельканье площадок и сцен,
Громко требуешь ты: «Перемен! Перемен!»
А твой поезд: «Идёт – на Восток!»

Рефрен Соломона

Памяти названной сестры Бэллы Шейман

Отбирает Время у нас года,
Изменяя лица, фигуры стать,
Вот влюблённость детская – навсегда!
Ни за что её у нас – не отнять!

Оглянись! Увидишь мою печаль!
И поймёшь, что Завтра мстит за Вчера,
Вон ползёт туман, как Смерти вуаль,
Оттого так холодны вечера...

А с небес холодных падут мечты,
Как укор житейской неправоты,
Навсегда со мною осталась ты!
В ореоле детской той чистоты...

Пролетев, с инерцией, твой причал,
Получил спокойствия... неуют,
Как Христос, предвидел, вернее, знал,
Тут меня, наверное, – предадут...

И уже не таял возникший лёд,
Ни к чему манящие облака,

Видно: «Всё проходит, и это – пройдёт!»
Всех поглотит жадная Лета – Река!

И цветы сгорают там и стихи
Набухают тяжестью немоты,
Отпускает небо твои грехи,
И туда навеки уходишь ты!

Примирение

Дочке Оле

Время личины срывает покров
С мнимых друзей, что похуже врагов,
И, с неприятелей, чистых душой,
С тех, кто со мною рядом прошёл...

Лечит ли время? Сказать не берусь,
Боль превращается в тихую грусть,
Всюду, как в царстве вчерашнего сна,
Зряшной Надежды горят терема...

В нагромождении звёзд и крестов,
Спят чьи-то: Вера, Надежда, Любовь!
Всё остановлено Властью Земли,
И примирились – друзья и враги...

Москва

«О верю, верю, счастье есть»

С. Есенин

Мне вновь столица открывает
Размах огромности своей,
В морозном мареве витает и тает
Золото церквей...

Я снова здесь, и прочь заботы,
Пусть снег несётся с высоты,
Дамоклов меч большой работы -
Москва, Москва, прекрасна ты!

Мороз, назойливый проказник,
Кусает снова и шалит,
В моей душе сегодня праздник -
Со мной столица говорит!

И просыпаясь спозаранку,
По снегу хрусткому бегу,
Спешу к театру на Таганке,
Надеюсь, вдруг да попаду...

Иду, зима румянит лица
И серебрит дугу бровей.
Москва сияет и искрится,
И тает золото церквей.

Молодёжи

Недовольно пусть ворчат иные,
Что «сякая нынче молодёжь»...
Слава Богу, что они – другие,
И что двух похожих – не найдёшь!

Думают, страдают и дерзают,
Любят и ревнуют, как и мы,
А когда и в чём-то упрекают,
Молча улыбаются – умны...

Что грустить о том, что развалилось,
Ведь его, как Юность, не вернёшь!..
Поколенью нашему не снилось,
Что выносит эта молодёжь!

Всякая, практичная, пустая,
Любящая, злая и без зла,
Ищущая, пьяная, живая,
Та же, что всегда вокруг была!

Счастье, что живу я рядом с вами!
(Пристально порой в глаза гляжу).
В тех, кто поднимает знаний знамя,
Общие понятия нахожу.

Не убить рублями – Правды Жизни!
Не убить рублями – Красоты!
И цветут во всех углах Отчизны,
Молодёжи чистые черты!

Дорога

Слава Богу! Снова я в дороге!
И моя бродяжая душа,
Все заботы бросив у порога,
Мчится, расстоянием дыша...

Карточный мирок купе вагонов,
Где уютен тихий разговор,
Краткий срок стоянок у перронов,
Постоянно мчащийся простор...

И, не ощутив совсем пропажи,
Я оставил дом и что нажил...
Чудно изменяются пейзажи,
Разбудив приливы новых сил.

В основном, похож на очень многих,
Метку мне оставил мой Творец
Веселюсь, когда – зовёт дорога!
И печалюсь под её конец.

На круги своя...

Осипу Мандельштаму

Даже имя изменил!
(Не звучать подобно горцу.)
Как он город наш любил
И как он держался гордо!

Жив поэзией своей,
У вождей ты был в «фаворе»,
Зря ты видел в них людей,
Волк не может выжить в своре...

Возвратившись в Город Слёз,
Многих не застал знакомых,
На гамлетовский вопрос
Отвечали им... на зонах!

В свой железный, страшный век,
Поднимался в рост смертельный,
Ты Пророк и Человек,
Смелый и первостатейный.

С узнаваемым лицом
Смело плюнул в Кремль с размаха,
Уничтоженный «отцом»,
Подлецом, с лицом маньяка.

Мне чеканный профиль твой
Словно римская монета,
Осип! Я горжусь тобой!
Как и званием Поэта!

Ты нам нужен и сейчас,
Когда предана Отчизна,
Зазвучал твой гордый глас
На «осколках коммунизма».

Нас в «маруськах» не везут,
К нам другое применяют.
Деньги западных Иуд
Изнутри нас растлевают.

Неизвестно, где ты пал,
Неоплакан и без тризны,
Лирик нежный, что мечтал
О совсем другой Отчизне.

Власть, надув в который раз,
Всех за звонкую монету,
Так же Кремль «не слышит нас»
И «страны под нами» – нету!

Озарение

Мадам! Я с Вами пропаду!
Вернее, пропадаю,
Мне нужно жариться в Аду,
За то, что я – витаю...

Заданье срочное лежит.
И что же? А ни строчки!
По телефону Шеф рычит,
А у меня? – «Цветочки!»

В моей же бедной голове
Лишь только Вы да дочка...
Мадам! Я чую, быть беде!
Я Вас люблю! И – точка!

Крик

Рассеюшка, Россия!
Огромный славный край.
Своей великой силы
Прошу, не растеряй!

Кого ты приютила,
И дальше заслоняй,
Всегда в душе носила
Ты рядом Ад и Рай.

Красны твои просторы
И дали хороши!
Да не растащат воры
Огня твоей души!

Дни поздней осени

...Мне она мила, читатель, дорогой!

А. С. Пушкин

Устало древа осыпают
Одежды пёстрые листья,
Так только осенью бывает, -
Леса пронзительно чисты...

В ночи холодная остуда
И первый пар из наших уст,
И дождик, льющий ниоткуда,
Так небосвод уныло пуст...

И тишина, как на погосте,
И птичье бегство, и печаль,
И ветер пробирает кости,
Как будто бы ушедших – жаль...

Но на душе не сиротливо;
Ну, как всё это – не любить?
Так неожиданно красива
По травам паутины нить...

Вот вам величие природы!
(Какие, право, словеса!)
Повсюду – чудные гравюры
И, необъятная краса...

Октябрь идёт по листопаду,
Хрустит по кронам и кустам,
И, право, большего не надо
Чем то, что видишь тут и там...

Вдруг поздний луч, как призрак лета,
Метнётся в золоте, летуч –
Но им ничто не обогрето...
То яркая полоска света
Случайно вырвалась из туч!

Вежливое похищение

Похищен Женщиной одной,
Звучу отзывчивой струной,
Она – умела!
И так она владеет мной,
Что я забыл, где разум мой,
Душа и тело!

Она и жертва и палач,
И эпидемия и врач,

А я – невежа!
Умеет так себя подать,
Что начинаю ревновать,
Её к... себе же!

И тут хоть смейся, хоть заплачь!
Редки часы таких удач!
Какое счастье!
Пропал для нас окрестный мир...
И только бьётся, как пунктир,
Пульс у запястья.

Похищен Женщиной одной,
Я в колыбели неземной,
Забыл про время.
Хорал Любви нас окружил,
И наши души отворил,
В юдоли бремя.

Устав от ласки, мы молчим,
Блаженны сказки Братьев Гримм,
Два мира новых!
Не должных миру – ни гроша!
Ты, как богиня, хороша!
Долой обновы!

Глаза – участие! Краток миг,
И эта память на двоих...
В чём песня счастья?
А в том, что в этот день один
Мы дышим воздухом одним
И прочь – ненастья!

Похищен Женщиной одной,
Звучу отзывчивой струной,
Она – умела!
Прощай сиротское житьё,
И одиночество моё!
Такое дело!

Баллада об отчине

Фронтовику Шейману И.В.

Мой отчим старше был меня
Всего на двадцать лет.
Он «самоходчик», и броня
В нём отложила след...

Всё видел: Вену и Дунай,
Кавказские тиски,
А возвратившись в отчий край,
Жить думал по-людски.

Не так, как в сталинской узде,
А там, где победил,
Но многим СМЕРШ с НКВД
Враз охладили пыл...

Свобода мыслей – не с руки,
А все мечты – наив,
Взамен «шалманы», кабаки,
Весь водочный разлив...

И понесло фронтовиков,
Забил в лагерь,
То козни истинных врагов,
То сказанное зря.

Промчались лучшие годки,
Истёк их срок вины,
Снаружи, просто – старики,
Внутри всё – пацаны...

Собравшись, горькое вино,
В беззубых ртах цедают,
А ночью, будто бы в кино,
Война зовёт солдат.

Далече их друзья лежат,
Не протянуть руки,
Нет выше для меня наград,
Чем дни, где мы – близки!

Мне нужно...

Мне нужно торопиться и успеть,
Пока не зазвенела трубно медь...
Пока не завершился срок пути,
Искать, писать и лишь своё найти!

Мне нужно так теперь себя вести,
Чтоб попусту и час не извести,
Работать для поэзии одной...
Всю леньность оставляя за спиной!

Мне нужно волей сжать себя «в кулак»,
Не разменять таланты «на пятак»,
Вон выбросить любой ненужный хлам,
Расставить всё, что сделал, по местам!

Мне нужно всем о главном рассказать,
Без страха и упрёка – всё связать,
Подняться над толпой и над бедой
Не занимаясь прочей ерундой!

Себе ни грамма спуску не давать,
Чтоб всё издать и этим всем воздать
«Ген праздности» погубит наши дни!
Мне нужно торопиться, чёрт возьми!

Рука друга

Литвинову М.В.

Я другу руку протяну,
Он – нужен мне, а я ему,
Необъяснимо, что влечёт...
И неуместен тут расчёт.
Порой бывает нелегка
У друга моего рука.
Пожатье правду говорит,
Оно и меч, оно и щит.
И, хоть и разные пути,
По ним по-своему идти,
Чтоб ни случилось - всё равно!
И дружба крепнет - как вино!

Научи

Мише и Элле

Научи меня лучше,
Искусству любви!
В одинокую душу
Влетят соловьи!
Смыслом новым
Наполнятся наши дела,
И от тихого слова
Вскружит голова!
И не жаль друг для друга
Ни дней, ни ночей...
И уйдем мы от круга,
Где каждый – ничей!
Зацветут в нас улыбки -
Ничего-то не жаль!
И былые ошибки
Уносит печаль...
Свел нас Рок или Случай?
Бога благодари!
Научи меня лучше
Искусству любви...

25.12.2011 г.

Струна

Живём мы в мире переменном,
То радость чувствуем, то боль,
От Архимеда, Авиценны
Любви не изменилась роль.
И суть её всегда видна:
«Я твой – один! Ты мне – одна!»

Менялись города и годы,
Менялись латы и копье,
И «сотворения природы»
В полях клевало воронье.
Менялись страны, имена:
«Я твой – один! Ты мне – одна!»

В век атомов и полиглотов
И слова некому сказать,
Амур как будто без работы,
Но нужно слухом обладать.
Звенит чудесная струна:
«Я твой – один! Ты мне – одна!»

Пока мы в здравии пребудем,
У нашей жизни есть цена,
Во взлётах и падениях, люди,
Храните ваши имена!
Над всем живым любовь видна:
«Я твой – один! Ты мне – одна!»

Минуты счастья

В Киеве средь бела дня,
Как попало, в зимнем платье,
Целовала ты меня
В телефоне-автомате...

Нежные глаза – в упор:
«Может, зря я распаляюсь?»
И почувствовав укор,
Я ответил: «Я – стесняюсь!».

Ты смеялась надо мной,
Я неловко улыбался,
Ты была – сама собой,
Я, как в ракушке – скрывался.

Вдруг, медведем – хвать тебя!
Повалился в снег, на спину:
«Так люби же ты меня –
Как люблю я – Украину!».

Счастья несколько минут
Вспоминаются годами.
Сами мы любви приют
И её сиротство – сами!

Практик

Счастье тихое, с детской улыбкой,
Будто солнце, что встало с утра!
Ничего не считаю ошибкой!
Ничего не сменю во вчера!

Уходите, заумные дали!
Вы приманка нестойких людей,
А для тех, что всегда создавали,
Тем конкретное дело - милей!

Как уходит вода от невежды,
Как от глупости зреет пожар,
Ненавижу обмана одежды,
Обожая влюблённости жар!

Прощай, Любовь!

Все мы страшно одиноки!
Не года уходят - сроки...
И превыше всех разлук
Время, что идет меж рук.

Все проходит, пролетает,
Наше нас и догоняет,
Коротки, как блеск росы,
Наши звездные часы!

Мы теряем, нас теряют,
Листопад года считает,
И приходит с сединой,
К нам желанье быть собой.

Рассветает, снова тает,
Рок секунды отмеряет.
А в уныния часы -
Память сложим на весы!

Как бываем мы согреты
Мимолетностью привета!
Воспарим душою вновь,
И опять – «Прощай, Любовь!»

Двуглавый орёл России

«Скифы»... Памяти А. Блока

Жива военная доктрина!
И рано пушки зачехлять!
Святое дело славянина
Всегда Европу удивлять!

Зачем нам кланяться Европе?
Дверь вечно заперта была...
Теперь мы ей покажем ж..у,
У нас есть в Азии дела...

Считайте нас бедней студента!
Расплаты час давно пришёл,
На двух концах субконтинента
Сидит двуглавый наш орёл!

Он держит всё в когтистых лапах:
«Чтоб не шалил версальский двор,
Не ставил чтоб условий, папа» -
Тяжёлым будет приговор...

Сейчас над Родиной распятой,
Встаёт Великая Заря,
Крутые скулы азиатов,
Глаза раскосые горят!

И мир запишет на скрижалях,
Что мы не всё хотим прощать,
За то, что нас вы унижали,
Теперь – заставим уважать!

Так пусть трепещут вражьи души,
Срок преклонения истёк!
Мы нынче просто – порох сушим,
Но расправляется Восток!

Плевать на ваши нам законы!
Вы лицемерны и наглы:
С позиций танковой колонны
Мы быстро «сгладим все углы»...

Всегда и всюду вас достанем,
И восстановим свой престиж!
Когда кричат «Ура!!!» славяне,
Берлин бледнеет и Париж!

Ведь мы – талантливые люди!
И мы умеем воевать
Под грохот адовых орудий,
Голодным – нечего терять!

Жива военная доктрина!
Россию рано зарывать,
Святое дело славянина
Побед своих не забывать!

Не все предатели и воры,
Но всем историю хранить!
Пока в нас Невский и Суворов,
Я знаю – Русь не победить!

Татьяна НИКОЛАЕВА

Под сенью липовой аллеи

Порой вечернею бреду
Под сенью липовой аллеи
Туда, где лебеди в пруду
Плывут бок о бок, выгнув шеи.

Где ветви гибкие свои
Печально в водах ива моет,
Поют шальные соловьи,
Заворожённые любовью.

Там, где черёмуховый цвет
Ажурным кружевом белеет,
А золотого солнца свет
За лесом медленно тускнеет.

Румяный солнечный бочок
Деревьев скоро скроют кроны,
Прохладу ночь мне на плечо
Опустит тихо и покорно.

Да ночь ли это? Посмотри,
Как в поздних сумерках всё видно –
Чуть-чуть и скоро свет зари
Восток раскрасит колоритно.

А соловьи наперебой
Себя теряют в звонких трелях –
Подруг зовут в тиши ночной
Под сенью липовой аллеи!

* * *

Мелодия случайного прикосновения,
Лаская сердце, зазвучит во мне
Волнами нежности, словно в чудесном сне,
Окольцевав нашей любви мгновения.

Я предаюсь волнительным мечтам
Ранимо, любопытно, безысходно...
Наверное, моей душе угодно
Взлетать ночами к звёздным небесам.

О поцелуях, ожидании, разлуке
Напомнит шёпот ветра за окном,
Блеск звёзд о взгляде ласковом твоём
И нежности, что дарят твои руки...

Любовь мелодией волшебного мгновения
Звучит восторженно - благоговейно...

* * *

Окинув взглядом прошлое,
ты в будущее смотришь.
Переоценка ценностей -
где правда, где обман.
Плохое и хорошее
по полочкам разложишь:
Что было, канет в Вечность,
что будет – лишь туман.
Иллюзии напрасные
со временем рассеются,
Как сыпется меж пальцев
песок речной сухой...
Ты будешь, как и раньше,
на лучшее надеяться,
И непременно лучшее
произойдёт с тобой.

Мир вокруг тебя

Мир вокруг тебя такой, как ты.
Что ты видишь?
Яркие цветы,
Красоту осенних листьев за окном,
Облака на небе голубом?

Слышишь тихий плеск речной воды,
Видишь птичьи на песке следы?..
Чем твоя забита голова,
Говоришь ли добрые слова?

Сохранилась ли в тебе Душа?
Подожди, подумай, не спеша...
На мои вопросы не взыщи –
Пылкость чувства в сердце поищи.

Посмотри на всё и всех любя:
Каков ты, таков и мир вокруг тебя!

* * *

*Творчество – одна из возможностей
сохранить себя как личность.*

Рубен Давид Гонсалес Гальего
«Белое на чёрном»

Пожалуйста, потише – я мечтаю
И наяву сейчас среди ярких снов.
Потише... не спугните грёзы...
Я-то знаю –
Они боятся криков, лишних слов...

Повремените задавать вопросы,
Побудьте хоть немного в тишине.
Мечты о счастье шума не выносят,
Их потерять так жалко будет мне.

Вы видите, я мысленно летаю
Среди пушистых белых облаков...
Пожалуйста, потише – я мечтаю
И собираю фразы для стихов.

* * *

Весь в серых тучах небосвод,
Издалека гроза идёт,
Но – не беда!
С небес туда, где ты и я,
Пронзая грани бытия,
Течёт вода.

С деревьев ветер ветки рвёт,
Свистит и воет, и ревёт,
Не умолкая,
И молний всполохи кругом,
Потом грохочет страшно гром,
Всё сотрясая.

А после слышится вокруг
Лишь капель барабанный звук
По крыше...
Потом гроза умчится прочь,
Опустится на землю ночь,
И станет тише.

* * *

Санкт-Петербург.
Крестовский остров.
Он не от снега стал белей.
Пришла весна и с юга просто
Вернулась стая лебедей.
Плывут вальяжно по теченью –
Вид птиц величественен, строг.
Природы дивные творенья
Поэтам дарят чудо строк.
Крестовский остров так наряжен!
Он не от снега стал светлей –
Плывут в воде как на параде
Сто белоснежных лебедей!

Шаги друг к другу

Шаги друг к другу после расставания...
Легки ли они будут, тяжелы?
Окажется ли радостным свидание,
Что будет первым после долгой мглы?

Наполнимся ли невесою прозрачностью
Волнующе-сияющих лучей
Или окутаемся серой мрачностью,
Иль озарит нас трепетный огонь свечей?

И разольётся ль по душе тепло таинственно,
Замрёт ли сердце радостно в груди,
Чтоб разобраться в том, что чувства истинны,
И только счастье ждёт нас впереди?

Исполнят ли заветные желания
Шаги друг к другу после расставания?

* * *

Подумайте, как заблуждаемся мы с вами,
Все те, кто плохи, те, кто хороши.
За важное мы платим не деньгами –
Сердеч осколками, кусочками души!

* * *

Не говори заученные фразы
Или дежурный скучный монолог,
Ведь фальшь в улыбке распознаешь сразу,
Коль взял любовь займы или в залог.

* * *

Познавший горе, счастье ценит,
Лелеет нежно, как цветок.
Тот, кто избавился от плена,
В том радости безмерный ток,
Эмоций выброс катапультный,
Биенье сердца, жар в крови
И как в мистерии оккультной,
Он растворяется в любви.

Вы ярче жизнь свою раскрасьте –
Познавший горе, ценит счастье!

* * *

Она живёт в нас от рождения до тризны,
Нас освещая, словно огонёк.
Бессмертная Душа - дыханье жизни,
Любви и Веры невесомый мотылёк!

* * *

Я отвлеку вас на одну минутку.
Взгляните, как туман обнимет лес,
Как море берег обнимает чутко,
Как для земли важны объятия небес...
Пока мы дышим,
есть бесценная возможность,
Которая вне времени и слов –
Вы близких обнимите осторожно,
Чтоб они чувствовали нежность и любовь.

* * *

Когда не знаешь, в чём твоя вина
И кажется, что дней остаток близок,
Когда всё сердце выплачешь до дна...
В нём вдруг найдётся место для улыбок!

* * *

Шепча молитву, закрываем мы глаза...
Закрыв глаза, целуемся мы вволю
И закрываем мы глаза, когда слеза
Бежит из них от горечи и боли...

А почему? Как это объяснить?
Мы этого не понимаем сами.
Быть может, души жаждут сохранить
То – главное, что чувствуем сердцами?

* * *

Солнечного света тёплое касание
В золотистой мантии радостного дня
Так преображает всё существование
И любовью трепетной радует меня...
За окном черёмуха расцветает пышно,
Лёгкий ветер в форточку,
не спросив, влетит...
Начинаю слышать то, чего не слышно:
На душевных струнах нежность зазвучит!

* * *

Капризен, избалован и мистичен,
Так переменчив в настроении своём,
Но так красив и аристократичен
Любимый город, в коем мы живём!

Он дарит лучезарные улыбки
И слёзы льёт потоками дождей,
Нас заставляет совершать ошибки,
За них расплачиваясь жизнью всей.

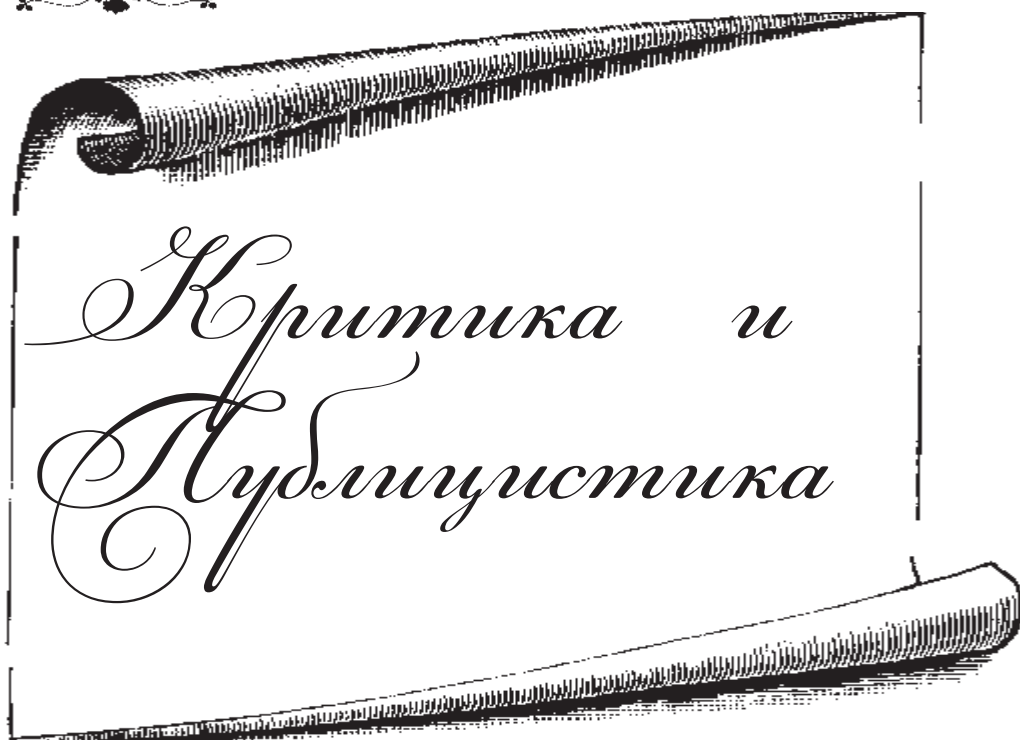
Сегодня мил, игрив...
Назавтра он обижен...
Не угадаешь настроенье, не поймёшь.
Но жизни без него своей не вижу.
Санкт-Петербург...
Нева...
туман и дождь...

Бессмертный полк

Течёт по Невскому река людская –
В руках портреты тех, кто воевал.
У русских есть традиция такая –
Мы помним тех, кто жизнь за нас отдал!

Бессмертный полк по городу шагает,
Несут портреты внуки и сыны.
Мы помним в нынешнем цветущем мае
Всех, кто погиб за счастье в дни войны!

Мы помним тех, кто пал в бою неравном,
Кто девятьсот блокадных дней не пережил...
Их лица в мае на проспекте главном
В руках потомков, словно крик души!

ЕВГЕНИЙ РАЕВСКИЙ

Моськины лавры-2

*И ты, Владычице, не напрасно именуемая
«Нерушимой Стеной», буди для всех
враждующих против меня и замышляющих
пакостная творити мне воистину некоей
преградой и нерушимой стеной, ограждающей
меня от всякаго зла и тяжких обстояний.*

Память 31 мая/13 июня и в Неделю Всех святых

В предыдущем номере журнала «Новгород литературный» вышла в свет моя статья «Моськины лавры» как ответ на хамские выпады в мой адрес не много ни мало главного редактора какой-то там интернет-газеты Ольги Лавровой. Честно говоря, мои друзья, поклонники, читатели и почитатели с улыбкой на устах и сдержанной брезгливостью обратились ко мне с вопросом: а кто такая Лаврова-то эта? Она что, таким образом себе пиар делает? Зачем она в интернет-помойках копается? Что за падальщица такая? Сама-то что она за стихи пишет?

Что ж, господа читатели, извольте, но не пугайтесь... Открываю книгу О. Лавровой «Я думала, что мир преобразился» и ужасаюсь от вычурной недопоэзии и богохульства. Рекомендую вдуматься:

*Вы встречаетесь реже, реже
(У подруг - мужья, малыши).
Это счастье как бритва режет
Обнажённую плоть души...
(«Одиноко бредёшь с работы», с. 19.)*

Что? «Плоть души»? И это пишет верующий человек?! Часом плоть-то госпожа Лаврова не перепутала и, превратив непонятно чьё счастье в бритву, эту плоть режет. Но не будем вдаваться в подробности о принадлежности этой плоти и, памятуя о том, что душа бессмертна, спешу успокоить читателей: счастье-бритва в данном контексте - бессильная абра-кадабра. Поражает и зачин стихотворения:

*Одиноко бредёшь с работы.
Выходные промчатся зря -
У подружек свои заботы,
И теперь им не до меня.*

Не понимаю, какая связь между одиночеством и бесполезными выходными днями. И почему «заботам» не до Лавровой?.. Но, впрочем, показательная неряшливость и махровое любительство автора сопровождает всю эту книжку:

*Я, конечно, горжусь этим городом
древним и славным,
Величавой Софией, могучим
и гордым Кремлём...
Но во мне нет любви, он чужой для меня,
как ни странно,
И избитыми фразами
я повествую о нём...
(«Новгород», с. 31.)*

Это что же так автор признаётся в ненависти к своему родному городу, акцентирует на том, что она пишет «избитыми фразами», повествуя о нём? Стоит ли «чужим» гордиться? Стоит ли вообще писать такую чушь?!

Стихотворение «Ангелу Хранителю» просто пронизано богохульством:

*Ты со мною, Хранитель мой верный!
Светлый ангел, меня защити,
И очисти от всякия скверны,
И за всё меня, милый, прости.*

*Сколько раз я тебя обижала,
Сколько горестных слёз Ты пролил!
Помоги мне вернуться к Началу,
Стать такой, чтобы счастлив ты был.*

Ангела, понимаете ли, самого хранителя много раз наша авторесса «обижала», до слёз, несчастного, довела, но он, сердечный, должен ей теперь срочно помочь вернуться к какому-то там «началу», и тогда, похлопывая его по плечу, Лаврова его вновь счастливым сделает. Короче говоря, наша «богиня» дошла до ручки, идёт дальше...

*Ночь напролёт дождь танцевал
на крыше,*

*А в полночь ветер постучался в дом.
Я всё ещё надеялась услышать
Знакомый голос за моим окном.*

*Вот чёрный дрозд прильнул к стеклу
и замер.*

*Мне показалось, что он тоже ждёт.
Я всё смотрела, как играет пламя,
Хоть утром было дел невпроворот...*

Или:

*Что ты сейчас идёшь в плаще рассвета,
Влюбляясь в наш озёрный, тихий край,
И мне хотели рассказать об этом
Тот чёрный дрозд и крики птичьих стай.
(«Предчувствие любви», с. 41)*

Ну дождь, слава богу сплясал на крыше, ветер в дом постучал, но что за голос-то знакомый, который Лаврова ждёт? Кто-нибудь что-нибудь понял?.. Я - абсолютно ничего. Но читаем дальше. Дрозд чёрный у оконного стекла, замер. Чего ждёт этот несчастный дрозд, когда вокруг пламя играет, правда, непонятно с кем. Полнейшая белиберда! Далее можно всё оставить без комментариев, но словом-паразитом «хоть» наша недопоэтесса перечёркивает все свои желания и заявляет, что ей вообще не до любви. Мол, Бог с ним, с этим пламенем, и без этого дел невпроворот... Но, тем не менее, в каком-то там «плаще рассвета», кто-то влюбляется на ходу в озёрный тихий край, и жаль,

что об этом только хотели рассказать г-же Лавровой пресловутый чёрный дрозд и неизвестные крики неизвестных птичьих стай. Трудно без ужаса читать эту бессвязную дурь!

В своей биографии г-жа Лаврова пишет о том, что аж триста человек похвалили её «поэзию» на интернет-портале Стихи.ру. Но в «братской могиле» этого портала Стихи.ру числится более миллиона поэтов, из которых 90% вообще ничего не понимает в поэзии, и освещение такого факта вызывает только горькую усмешку. Прошу извинить меня, дорогие читатели, но на мой сайт, согласно статистике, заходят по 300 человек в день - это люди, действительно понимающие в поэзии.

*Слова бывают холодны,
Как страх, как ночь, как смерть.
Но могут солнышком весны
И в стужу отогреть.
Бывают лезвия острей,
Кислее, чем лимон,
А могут быть в сто раз добрей,
Чем самый добрый сон.*

Ну и как вам, дорогие читатели, этот ужасник? Может, автору пора проснуться и обратиться к врачам соответствующего профиля? Объяснить, как могут холодные слова, как смерть, «согреть» и что это за загадочные лезвия, которые «кислее, чем лимон»?

Читая эту абракадабровую пакость, полностью лишённую здравого смысла, хочется сказать госпоже Лавровой: «Уймитесь, не обрекайте себя на полнейшее осмеяние! Вы не во вкусе нормальных читателей! Да и я с литературными пигмеями не борюсь».

«Спит - слепит», «уходить - жить», «величать - кричать», «озаряет - убивает» и прочие глагольные, а также однокоренные рифмы, отсутствие сюжетности, полнейшая некомпетентность в историческом содержании, скудная лексика - вечные литературные тупики, из которых автору не выбраться никогда...

*- Почему же мой ангел плачет,
Как покинутый человек?
(С. 54)*

А чего ему ещё, бедолаге, делать-то, униженному Лавровой и оскорблённому? Плакать, только плакать. А что делать? Ну, полная безнадёга, отчаяние!

*Ты слышишь, слышишь? Это - дождь.
Он, знаешь, может без испуга
Упасть с небес на острый нож
Холодных улиц Петербурга.
(«Дождь», с. 53.)*

Госпожа Лаврова утверждает, что множество улиц Петербурга - это острый нож. Сравнение более чем дикое. Да если ещё и в дождь при этом нас всех призывает обратиться, то я тут ни при чём и хочу человеком остаться. Надеюсь, что никто и никогда не будет реагировать на эту белиберду - так можно и разум потерять.

Мне очень жаль, что в настоящее время развелось великое множество интернетных падальщиков, маргиналов, приспособленцев к творчеству, которые сегодня совсем распоясались и думают, что им всё дозволено. Ан нет! Никакие лавровские бренчалки и побрякушки никогда не найдут поддержки в умах и сердцах здравомыслящих людей, и наша недопоэтесса будет восприниматься как полное литературное посмешище.

Однако непомерной графомании, природной наглости и богохульства госпожи Лавровой нет предела. Она объявляет себя бессмертной:

*Нет, умирает время, а не мы!
Извечно, непрерывно, беспрестанно!
А мы живём, хоть лучшие умы
Твердят, что наша жизнь непостоянна.
Всё глуше, всё спокойней пульс минут,
Раз - сгинула секунда, два - другая.
Мы не умрём. Мгновения умрут,
Нас за бессмертье наше не прощая.*

На этом, господа читатели, умолкаю без пояснений и комментариев, не хочу больше обсуждать вышеупомянутую наглость, скудоумие и бескультурие. Именно такими авторами, серыми и бездарными, старается окружить себя председатель Правления Новгородской писательской организации Светлана Петрова, чтобы выделиться на их бледном фоне. Этим она потворствует оскорблению серостью писателей ярких и деятельных, планомерно превращая организацию в шарашкину контору. Что и делается в Петербурге известным литературным ничтожеством, занимающим должность руководителя Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, Б. Орловым, которого я не считаю руководителем, а могу назвать просто шпаной. Но, возможно, это кому-то выгодно, господа.

В Новгородской писательской организации не соблюдаются требования Устава, собираются нелегитимные собрания с полным отсутствием кворума, правда, это особый разговор.

Но мы пойдём другим путём. Как сказал великий итальянский гений Леонардо да Винчи, «живопись - это поэзия, которую видят, а поэзия - это живопись, которую слышат». А в антипоэзии г-жи Лавровой нечего видеть, нечего слышать и ничего не понять. Впрочем, куда уж нам до «бессмертных»-то с изрезанной плотью пустой души.

*Русский поэт
Евгений Раевский*

Анатолий МОЛОКАНОВ

Председателю правления
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России» Ганичеву В.Н.,
XV съезду ООО «СП России»
от экс-председателя Новгородского
регионального отделения «СП России»
(январь 2009 – февраль 2016 гг.),
члена СП России с 1998 года
Молоканова Анатолия Николаевича,
проживающего по адресу: 173015,
г. Великий Новгород, ул. Псковская,
дом 28, кв. 184,
конт. тел. 8-921 190 59 68

Заявление

Уважаемый Валерий Николаевич!

Уважаемые делегаты XV съезда ООО
«Союз писателей России!»

Я лично обеспокоен судьбой Новгородской писательской организации, которой в этом, 2017 году, 21 сентября, будет отмечаться 50-летний юбилей со дня образования.

Мне стыдно, что в Великом Новгороде – родине России – в котором 50 лет работает Новгородская областная писательская организация, с 1999 года переименована в Новгородское региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз писателей России», рассматривается вопрос её ликвидации.

Для вас не является секретом, что с 2010 года наша организация подвергается нападкам со стороны председателя Санкт-Петербургского отделения «Союз писателей России» Орлова Б.А., который одновременно является генеральным директором ООО «Корона» (г. Санкт-Петербург), оказавшийся банальным торгашом! Его высказывания: «Кругом одни шкурники и торгаши!», «Я один работаю за всех, и никто мне не помогает!» – давно всем надоели.

Возвращаясь к 2009 году, когда я был единогласным решением коллектива новгородских писателей избран председателем, пом-

ню, как у здания СП России в Москве, ко мне подошел бородатый мужчина и с ходу произнес, обращаясь ко мне:

– Ты председатель у новгородских писателей?

Я, застеснявшись было, ответил:

– Да! С января принял дела.

– Все вопросы будешь решать через меня, – продолжил он, уверенно кладя руку на моё плечо.

Естественно, я, северянин, 25 лет отдавший освоению месторождений газа и нефти, не привык к таким резким выпадам незнакомых людей. Ответил ему по достоинству:

– Ты мне пальцы в рот не клади, откушу по локоть.

С этих пор господину Орлову Б.А. я стал врагом. Удельным князьком мы его не признали.

Когда мы через свою организацию приняли нескольких петербургских состоявшихся литераторов, с которыми у нас поддерживалась тесная связь в сотрудничестве в области литературы, удельный князёк Орлов Б.А. «выходил из себя». Обливая грязью этих людей, обложил нашу организацию со всех сторон, не давая продоху в нашей работе.

На его запреты – не принимать неугодных ему людей – мы не реагировали.

Считаем, что мы проживаем со всеми в одном Северо-западном регионе. До 1948 года Новгородская область входила в состав Ленинградской области. В 2012 году Правительством вновь ставился вопрос о присоединении Новгородской области к Ленинградской, что было впоследствии снято с повестки дня Правительства России. Мы являемся региональным отделением, проживаем в нём. В Уставе о приёме в Союз прописано: «...по месту проживания...», что не запрещает нам приём литераторов в наше региональное отделение

А что мешало Орлову Б.А. принимать этих людей в Союз? Забыл... Он к Северо-Западному региону не имеет никакого отношения.

Давнишняя борьба Орлова с Раевским Е.П., и Лестевой Т.М., и другими известными в России литераторами шла ещё с начала девяностых годов, когда отставной подводник так же хотел подмять под себя всех петербургских писателей. Он воевал с председателями союзов: «Многонациональный Санкт-Петербург» (Биккулова), «Санкт-Петербургский городской союз писателей» (Романов), «Российский Межрегиональный Союз писателей» (Раевский) и многими другими членами Союза.

А мы, новгородцы, со всеми этими Союзами и людьми сотрудничали, кроме Санкт-Петербургского отделения, где чувствовал себя удельным князем г-н Орлов Б.А.

И сегодня, когда я как год сдал руководство по состоянию здоровья и загруженности по выпуску журнала «Новгород литературный», являясь его главным редактором, и необходимостью времени заниматься своим творчеством, Орлов Б.А. пошёл на войну с новгородцами с новым остервенением. Он понял, что я не у дел, новая «председательша», которую я лично рекомендовал для вступления в Союз и в председатели, оказалась питерской дамой, где она до сих пор имеет постоянную прописку. В Великом Новгороде у неё временная регистрация. Её обман, скрытие этого факта (см. л/дело Петровой С.В.), не явился яблоком раздора в лице Орлова. Наоборот, Орлов дал ей за её слабую поэзию литературную премию имени Гаврилова. Дал дипломчик Полевико-

ву М.П., поддерживающему во всём Петрову. Петрова и её окружение стали оружием против Новгородской писательской организации.

Не погнушался Орлов Б.А. найти общий язык с Вами, Валерий Николаевич, где добился состряпать письмо, после которого членство Раевского Е.П. и Лестевой Т.М. приостановлено и будет разбираться на предсъездовской комиссии. Давайте посмотрим Устав СП России, где не найдём возможности приостановления членства, кроме вопроса исключения.

Я не понимаю Вашу позицию, как председателя правления СП России. Сколько можно идти на поводу у этого психически больного человека? Или Вас связывает что-то большее? Я призываю и Вас придерживаться правил Устава СП России.

Послужные списки на Раевского Е.П. и Лестеву Т.М. в литературной и общественной жизни очень велики. Раевский Е.П. является потомком церковных служителей города Новгорода. Последний в 1942 году был скинут немцами с колокольни за отказ звонить в их честь. Прадед Раевского Е.П. – Василий Андреевич Раевский – преподавал в новгородской семинарии «Закон Божий» в течение 27 лет. Их прах и сегодня покоится на погосте Антониева монастыря.

Литературная деятельность Раевского Е.П. представлена в его личном деле, что имеется и хранится в канцелярии Союза.

Удивительно то, что в представленных документах в правление Новгородской писательской организации от СП России говорится, что членство Раевского и Лестевой приостановлены и окончательное решение по приёму этих литераторов будет принято осенью текущего года, когда накануне очередного съезда будет работать комиссия по спорным вопросам. Извините меня, но здесь просматривается некомпетентность кого-то или сработал старческий маразм. Люди по 5 лет платили членские взносы, участвовали в мероприятиях, и теперь вновь будет решаться вопрос их приёма в Союз. Бардак в Союзе - и только!

По данному ответу можно судить, что эти два литератора всё же принимались в СП России. А в газете «Новгородские ведомости» В. Дубовский пишет, что в членстве СП Рос-

сии Раевский Е.П. не состоит. Кому верить? Подобный ответ получен из СП России, что вопрос приёма в Союз Лестевой Т.М. не рассматривался ни на приёмной комиссии, ни на секретариате СП России (см. в приложении ксерокопию справки из Москвы и выписку из Постановления совета секретарей от 09.03.2015г. и ксерокопию членского билета). Кому верить, где правда?

В Уставе НРОООО «СП России», в статье 4. «Органы управления и контроля Союза, его структура», в пункте 4.10 «Председатель правления Союза», говорится: «Определяет компетенцию своих заместителей и штатных сотрудников аппарата Правления».

В этой статье всё сказано ясно и понятно. Решения и подписи ваших сотрудников правомочны.

В статье 3. «Членство в союзе. Права и обязанности членов союза», в пункте 3.5 говорится: «Приёмная комиссия СП России на своём заседании рассматривает приёмное дело кандидата, принимает по нему своё решение и выносит его на утверждение Правления».

Здесь также всё ясно и понятно. Заметим одну важную запись в этих писаниях. Много говорится о решающей роли Правления.

В той же статье 3, в пункте 3.5 говорится «В особых случаях при наличии значимых творческих достижений, а так же по результатам Всероссийских творческих конкурсов и семинаров Правление вправе самостоятельно решить вопрос о приёме таких лиц в члены Союза писателей России.

Интересный факт, господа! Вновь дана огромная роль Правлению, о котором говорится во всех статьях Устава, но не говорится откуда у него (прорастают ноги).

Мы негласно знаем, что Правление избирается и утверждается Съездом СП России.

Знаем, что в него впоследствии вливаются все председатели региональных отделений, становясь секретарями Правления, о чём не говорится в данном Уставе, утверждённом тремя съездами: IX от 14.06.1994г., X - от 20.05.1999 года и XIV от 22.10.2013 года.

Выходит, что для нахождения общей канвы Главного документа ООО «Союз писателей России» необходимо читать все три Устава.

В последнем Уставе не говорится о роли Совета секретарей (секретариата), как никак, и есть сборная часть Правления.

Постановления (Секретариата) Совета секретарей утверждаются решениями Правлений.

Принятый через Приёмную комиссию Раевский Е.П., где его представлял секретарь Правления и член Приёмной комиссии Николай Переяслов (Орлов Б.А. не присутствовал на этом заседании), утверждён в членстве решением Правления. Приложенные к личным делам (в канцелярии Союза и в Новгородском региональном отделении) выписки из постановления Совета секретарей являются основным документом и доказательством его приёма в Союз. Ему выдан номерной членский билет строгой отчётности, где это всё зарегистрировано в отдельных отчётных документах. Оплаченные, разовый вступительный взнос и 500 рублей за бланк билета, занесены в другую книгу, за что я лично расписывался. Но в личном деле Раевского Е.П., в НРОООО СП России, выписки из постановления Совета секретарей (Правления) не оказалось. Кто её оттуда изъясил, с какими целями? - может ответить руководитель НРОООО «СП России» Петрова С.В., принявшая по Акту передачи от Симоненко С.И. все дела и документацию.

Интересное высказывание размещено Председателем иностранной комиссии Бавыкиным О.М. в официальной группе Новгородского регионального отделения «В Контакте». vk.com/spr53, где им в МСПС проведена проверка присутствия документов Раевского Е.П. в составе Международного сообщества писательских союзов, до вступления в СП России. Ответ интересный: Относительно демонстрации членского билета СП СССР, выданного в 1999 году Раевскому:

1) СП СССР распался, вернее был разгромлен после провала ГКЧП в 1991 году группой писателей, ведомых Е. Евтушенко, который поставил во главе нового объединения Международное сообщество писательских Союзов - узбекского русскоязычного писателя Тимура Пулатова, правившего до 2000 года. (см. в приложении членские билеты Раевского Е.П., МСПС, выданные ему за подписью Т. Пула-

това и С. Михалкова после 2000 года, мандаты на III и VI съезды МСПС, фото с вручением Т. Пулатовым Раевскому Е.П. членского билета, билет члена Литфонда, Почётного знака «50 лет Союзу писателей СССР и ряд других документов с членским билетом СП России от 21.10.2012 года).

2) В МСПС, квадратная печать (на самом деле прямоугольный штамп), который стоит в левом углу, согласно её Уставу не было и нет личного (индивидуального) членства. (Здесь заметим, что организованное МСПС является приемником СП СССР и в первые годы своей деятельности использовали бланки СП СССР, где в левой части билета, сверху ставили свой прямоугольный штампик. В те годы у многих из нас ещё были паспорта гражданина СССР, но признавались документом гражданина России...

P.S. Я работал в МСПС с 1994 по 1995 годы Председателем иностранной комиссии, знаком с её Уставом, а сегодня получил подтверждение отсутствия индивидуального членства у одного из первых руководителей МСПС.

Интересные байки преподносит нам, новгородцам, О.М. Бавыкин. Что за интерес у него имеется в помощи новому руководителю НРОООО «СП России», где видится явная помощь в очередном очернении Раевского Е.П. и моей репутации? Некрасиво с его стороны получается.

Однако! Грязи и драки в истории союза (а теперь союзов) хватало. Сегодня идёт очередной виток захвата власти в СП России, где на февраль 2018 года намечено проведение очередного 15-го съезда СП России. Косвенно эхо этой борьбы (войны) дошло до Новгородского регионального отделения «СП России». Но этот вопрос иной.

Частые пертurbationии в Союзе писателей в девяностые годы принесли немало хлопот.

Что удивительно, у Раевского Е.П. в те годы был огромный круг общения. Ему давали для вступления в Союз рекомендации не три человека, как по Уставу, а намного больше. В их числе были: Н. Кутов, В. Боков, Гл. Горбовский, С. Макаров, Э. Шэвелёв, П. Прокурин, В. Потиевский, В. Захарченко, В. Шо-

шин и другие поэты.

Раевский Е.П. является обладателем «Гран-При» Романсиады, победителем проекта «Великие романсы века». Получал грамоты, поощрения и благодарственные письма за подписями С.В. Михалкова, Тимура Пулатова, Юрия Бондарева. Лауреат 3-х литературных премий. Лично из рук Маркова в девяностые годы получил Знак отличия «50 лет СП СССР». Творческий стаж Раевского Е.П. подтверждается справкой МСПС с 17.12.1962 года.

Билет члена СП России от 10 ноября 2012 года я лично вручал Раевскому Е.П. на телепередаче «Портреты» в г. Санкт-Петербурге, 78-й регион, аудитория которой более 25 млн. зрителей, её уже повторяли в эфире 24 раза.

Раевский Е.П. является президентом АРСИИ им. Г.Р. Державина, которая учреждена Международной Академией Фундаментального образования и входит в Межакадемический Союз и в несколько программ «ЮНЕСКО».

Одна из высших академических наград – орден «Гордость Державы Российской» – за подписью Раевского Е.П. вручена мною Вам лично, Валерий Николаевич. Этот орден был заказан Академией в Монетном Дворе г. Санкт-Петербурга.

Раевский Е.П. является председателем правления Российского Межрегионального Союза писателей (см. справку МСПС от 20.11.2006 г. за подписью С. Михалкова). Является Главным редактором журнала «Золотое слово», который лично благословил Патриарх всея Руси Кирилл.

С 1993 года по настоящее время Раевский Е.П. является директором издательства «Культура» Министерства культуры РФ. В этом издательстве выпускалась книга Б.А. Орлова «Диалог с творцом», где было его клятвенное обещание Раевскому Е.П., что он окажет содействие в приеме в СП России. Книга Орлова Б.А. номинировалась на литературную премию.

Конечно же, Орлов Б.А. слов своих не сдержал, как не сдержал и многим другим людям, руками которых он творит зло. Правдиво о нём отзывался Олег Шестинский (см.его

высказывание в прилагаемых документах).

В Уставе СП России, утвержденном еще IX и X съездами СП России, говорится, что при приёме в Союз рассматривается только литературная деятельность. Вопросы иной деятельности литератора не обсуждаются. Так почему же сегодня стоит вопрос личного характера по Раевскому Е.П. и Лестевой Т.М.?

Почему член союза Раевский Е.П., пробывший в Союзе 5 лет, исправно по Уставу плативший членские взносы и разовый вступительный взнос, поставлен на грань приостановки его членства в Союзе? Кто у нас управляет Союзом? Орлов Б.А. или В.Н. Ганичев? Вопрос – праздный! Казнить самого себя за якобы какой-то неправильный приём в Союз давно состоявшегося поэта, выход самоубийственный. За этим приёмом стояли и стоят замечательные люди! За что их нам казнить? Может ли Правление отменить своё решение через 5 лет его подписания? Я считаю, что не может “Паровоз ушёл...” Устав СП России не предусматривает такие решения. Есть предположение: Г-н Орлов Б.А., почувствовав, что после ухода с поста Председателя правления Ганичева В.Н. он будет выброшен из всех комиссий, Правления, и в скором снят с поста председателя СПб отделения Союза писателей России. Его подгоняет время. Простить проигранные войны прошлых лет с Раевским Е.П. и Лестевой Т.М. он не может. Ушёл с поста и Молоканов А.Н., которого он боялся и знал, что будет ему за эти подлые выходы.

О нём писали в журнале “Новгород-литературный”, в статьях: “Б. Орлов - вор и мошенник”, “Менталитет недостаточника”, “Орлов боится правды о себе”, “Служу русской литературе”, или правда, которую скрывает Орлов, “И вновь Орёл-стервятник высматривает жертву” и многих-многих других статьях, которые публиковались в Литературной газете, в журналах “Парадный подъезд”, “2-ой Петербург”, “Невский альманах”, в альманахе “На русских просторах” и т.д.

Уважаемые коллеги!

Кандидатура второго члена Союза, Лестевой Татьяны Михайловны, так же внесена в

список приостановки членства в СП России. В справке Союза (Москва) говорится, что вопрос приёма в союз Лестевой Т.М. не рассматривался ни на приёмной комиссии, ни на секретариате СП России (см. ксерокопии её документов, приложенные к этому заявлению). Кому верить?

Её возраст нас обогнал на многие годы.

Лестева Т.М. – публицист, литературный критик, прозаик и поэт, член Союза журналистов и Союза писателей России, автор 12 книг. В 2016 году вышел в свет её роман «Круговерть», в котором она продолжает одну из основных тем своей прозы – судьба женщины в современной России.

Татьяна Лестева – член редколлегии журнала «Аврора», издатель и главный редактор историко-литературного журнала «На русских просторах», лауреат премии А.М. Жемчужникова (2006г.), дипломант Горьковской премии (2014г.), финалист «Славянской лиры» (2014г.), дипломант XIV Всероссийского конкурса «Патриот России – 2015», является членом Новгородского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Мы, новгородцы, гордимся этими людьми! В нашей, раньше дружной, семье эти члены Союза пользовались огромным уважением.

Неужели и Вы, Валерий Николаевич, на своем финише хотите признать какую-то и свою ошибку в приёме в Союз этих двух давно состоявшихся литераторов, или ошибку Ваших подчинённых?

По правде скажу, положи руку на сердце: не ищите виновных. Виновник трётся у Ваших ног давно!

P.S. Я надеюсь на здравый смысл Ганичева В.Н. и считаю, что вопрос членства СП России Раевского Е.П. и Лестевой Т.М. не должны рассматриваться на предсъездовской комиссии. Это противоречит правилам Устава СП России. Не должен рассматриваться вопрос о ликвидации нашей организации. Мы сами вправе разобраться на месте, остановить зарвавшуюся Петрову С.В., подделавшую протокол своего избрания, не признающую правил Устава.

6 августа 2017 года в г. Пестово Новгород-

ской области мы будем проводить очередные Ганичевские литературные чтения, учреждённые ещё дружным когда-то коллективом по моей инициативе.

Любите историю Союза писателей РСФСР, СССР, России! Она интересна и поучительна. В ней не было исключений из Союза, приостановок членства...

Не берите грех на душу. Мы все – возрастные люди, у каждого много болячек. И не дай-то Бог, это действие окажется причиной в последнем дыхании кого-нибудь из достойных людей!

Трущемся у Ваших ног безродному небожителю эти слова не относятся. Он их не достоин. Он в этом мире не посадил дерево, не построил дома. Вокруг него никогда не звучал детский голос. Наряду с высказываниями об Орлове Б.А. Олега Шестинского, интересно говорит о нём на страницах своего журнала «Парадный подъезд» № 48, (февраль-июнь) 2011 года на стр. 56 главный редактор Андрей Романов: «...с 1977 по 1981 года находился в ВМФ столько, сколько служат матросы срочной службы; служить Родине не хотел, слал письма авторитетному поэту Всеволоду Азарову с жалобами, что его обижают, петушат, недооценивают - и плачи “боевого офицера” принесли свои плоды»...

Орлов Б.А. правдивые слова А.Романова

не оспаривал ни в суде, ни в СМИ. Я не желаю быть рядом с таким человеком. Считаю: он обязан за все деяния понести наказание. Ему не простит всего Бог, Которого он в своих виршах старается подменять: “...Я - Бог!..”

Не понятным для многих членом союза Новгородского регионального отделения “СП России” оказался вояж представителей от Союза из Москвы на общем внеочередном собрании от 08.04.2017 года. Вместо досконального изучения документации за время правления Петровой С.В. (июль 2016г. - март 2017г.) и выслушивания мнения основного коллектива, возмущаюся несоблюдением правил Устава новым руководством, они во всём оказали поддержку моей “протее” и её команде, где я был поставлен перед коллективом в положение жалобщика и скандалиста, унижающее мои честь и достоинство, махинатора, подделавшего справки из Союза. Я вправе отстоять свою честь и достоинство в суде и потребовать за всё возмещение материального ущерба.

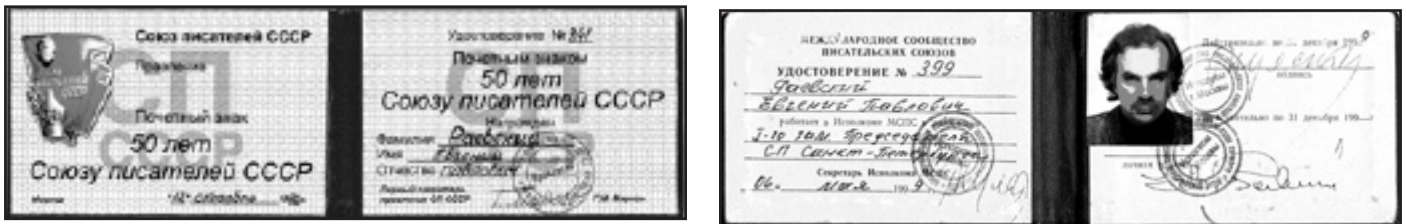
С уважением ко всем товарищам по перу, член СП России с 1998 года (место вступления в Союз – г. Тюмень), главный редактор журнала «Новгород литературный», экс-председатель НРООО «СП России» (январь 2009 – февраль 2016 гг.)

Молоканов А.Н.

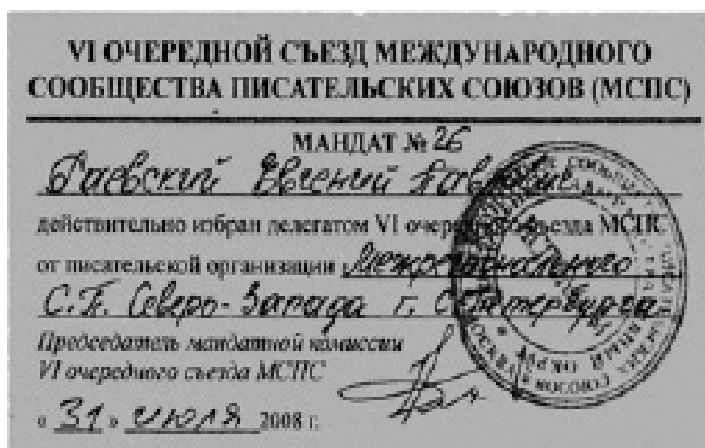

Тимур Пулатов вручает Евгению Раевскому сленский билет МСПС

Членские билеты Союза Писателей России,
Союза Писателей СССР,
Международного Сообщества Писательских Союзов,
Российского Межрегионального Союза Писателей,
выданные Е.П. Раевскому в разное время

Мандаты Е.П. Раевского на участие
в съездах МСПС и РМСП

Наградные часы Международного сообщества Писательских союзов, которыми был награжден Е. Раевский

Сергей ПСАРЁВ

В метро

На улыбки случайных прохожих в Петербурге теперь смотрят как на что-то неприличное. Их словно стерли с лиц горожан после трагедии в метро. Страшное слово «теракт» какое-то время не торопились произносить публично, словно надеялись до последнего. Не пронесло, случилось самое плохое...

Говорят, что ко всему можно привыкнуть. Каждый день где-то что-то происходит, гибнут люди. Долгое ожидание опасности постепенно успокаивает и делает ее нереальной: со мной такого случиться не может. И вот эта иллюзия начинает разрушаться на глазах. Начинаешь осознавать, что твой мир хрупок и ненадежен, спокойной жизни тебе и твоим близким уже никто не обещает. Ты больше не защищен. В этот момент людям становится по-настоящему страшно.

Для военного профессионала рисковать жизнью, идти на смерть - дело привычное. Его к этому готовят годами учебы и самой службы. Это получается прямой солдатской обязанностью - уметь воевать. В таком случае твой противник тоже может погибнуть, что несколько уравнивает шансы. В воинских штабах даже планируют возможные потери личного состава в ходе боевых операций и просчитывают необходимые резервы. При осуществлении теракта все происходит совершенно иначе. В мирном городе нет линии фронта, враг тебе не виден. Он всегда наносит удар неожиданно, чаще всего в спину...

Понедельник, третье апреля, не заладилась с самого утра. Опаздывая на работу, с трудом втиснулся в переполненную маршрутку. Сжатый со всех сторон пассажирами, я старался не реагировать на раздраженные толчки и ругань. Переполненную лодку лучше не раскачивать и молча плыть со всеми по течению. В метро людской поток показался мне дружелюбнее, здесь вежливо пропускали друг друга вперед и шутили. Не удивила и вынужденная задержка поезда на станции «Черная речка».

К такому давно привыкли. О том, что станцию закрыли на вход и выход по техническим причинам, вспомнилось только потом. Тогда на платформе обнаружили бесхозную сумку и проверяли ее на наличие взрывчатки. Вполне рутинное событие для метро по нынешнему времени. Так было, пока в вагоне метро не раздался взрыв, разделивший жизни людей на «до» и «после». У кого-то всего этого уже не было. Едкий дым стелился по тоннелю, а поезд с искореженным третьим вагоном пришел к станции «Технологический институт». Теперь эти кадры с погибшими и ранеными пассажирами, залитую кровью платформу, кажется, увидели все.

«Синяя ветка» метро – моя по определению, ездил по ней уже много лет. Получилось, что участником или свидетелем этой страшной трагедии не стал только потому, что проехал перегон между станциями «Сенная» и «Технологический институт» несколько раньше и узнал о происшедшем из сводки теленовостей.

В тот день многие петербуржцы создавались, чтобы убедиться, что их близкие живы. Звонили им и из других городов. Дело было совсем не в разделявшем их расстоянии. Так обрисовывался самый близкий круг людей, о которых помнили.

Принято говорить, что чужого горя не бывает, но каждый на него всегда реагировал по-своему. «На войне, как на войне», теперь многому не стоило удивляться. На войне тоже одни умирали, а другие успевали хорошо зарабатывать или развлекаться.

Наверное, самым большим достижением петербуржцев было то, что под землей им удалось избежать паники и быстро эвакуировать пассажиров. Многие очевидцы, рискуя своим здоровьем, помогали пострадавшим выбраться из вагона, перевозили их на своих автомобилях. Не афишируя себя, питерские предприниматели бесплатно заливали бензин на

автозаправках, угощали чашкой кофе. Рядом с ними оказывались те, кто во всем этом увидел только очередную игру, зрелище нашего блистательного мира. Его обязательно следовало запечатлеть на свой телефон, сделать запоминающееся селфи на фоне чужой человеческой трагедии и выложить его в интернет. У подзабытых населением политиков и прочих медийных лиц появилась возможность сказать правильные слова и привлечь внимание к своей персоне, кто-то неплохо заработал на автоперевозках в условиях остановившегося движения подземки. Нашлись те, кто в этой трагедии увидел повод для злорадства. Интернет запестрел такими комментариями, далеко не все сочувствовали пострадавшим и разделяли общую боль.

Кажется, так уже происходило в непростой русской истории, всему находилось место. Героизм, примеры высокой гражданственности прекрасно уживались с проявлением самых низменных качеств. Ничего в этом мире не изменилось. Зато у каждого всегда оставался выбор, возможность поступить по совести.

В отдельные часы от потока поступающей информации можно было постепенно сойти с ума. Наверное, не всем это следовало постоянно считывать и смотреть. Лучше научить людей действовать в сложных критических ситуациях.

Какой-то кабинетный психолог посоветовал людям на некоторое время остаться дома и снять последствия стресса. Следовало временно воздержаться от поездок в метро. Разве можно остановить жизнь огромного пятимиллионного промышленного города? Многих после вчерашних событий беспокоило лишь то, как они смогут добраться утром на работу, как отправят в школу своих детей...

Сегодня в метро на «синей ветке» людей оказалось действительно немного. Зато на входе прибавилось нарядов полиции, рядом с ними появились солдаты внутренних войск округа в болотном камуфляже со сфинксами на рукавах. Силовики по-хозяйски запускали послушные людские потоки через рамки металлоискателей, дотошно осматривали документы у выходцев из Средней Азии. Пожилой сотрудник метро с красными воспаленными

глазами, извиняясь, попросил досмотреть на видеокамере мой черный рюкзак. Потом он вежливо благодарил меня и пожелал счастливого пути.

Поезд в этот раз приходится ждать непривычно долго. По станции дают объявления, поступающая информация постоянно меняется. Очень заметно, что эти сообщения теперь идут в прямом эфире, голос диктора от волнения часто срывается. Наконец, поезд приходит, но он следует только до станции «Петроградская». Весь центр подземки со станциями «Сенная», «Садовая» и «Спаская» по-прежнему закрыт для движения. Там опять что-то ищут после очередного анонимного звонка. Пассажиры в вагоне едут молча, какое-то нордическое флегматичное спокойствие на всех лицах. Будь что будет, на все воля Божья. По случайному совпадению, это тоже третий вагон, и время близится к сроку вчерашнего взрыва. Не доезжая следующей станции, поезд останавливается, и пассажиров по громкой связи просят открыть окна для вентиляции. В воздухе повисает давящая тишина. Наконец поезд снова трогается и медленно приходит на «Петроградскую», все торопятся скорее выйти на поверхность.

Большой проспект Петроградской стороны запружен сплошным потоком автомобилей. Теперь дальше еду автобусом до станции метро «Спортивная», отсюда поезда идут уже по всей линии. Справа от меня стремительно вырастает бронзовая фигура памятника революционному демократу Николаю Добролюбову с большой вороной на голове. Рядом со станцией метро находится Князь-Владимирский собор, и там сейчас непрерывно идет служба. Подаю поминальную записку священнику без имен, их еще не знаю и указываю только количество погибших в метро на этот час. Он берет ее у меня и согласно кивает головой. Рядом еще несколько прихожан с зажженными свечами в руках. Господи, упокой их души и прости им все согрешения, даруй им Царствие Небесное. Этот весенний день в Петербурге впервые выдается по-настоящему теплым. На ветках сирени набухают толстые зеленые почки. Всем нам так хочется жить..

Можно снова ехать в метро с пересадкой

на станции “Садовая”. Дальше уже по привычной для меня “синей линии” через “Сенную” к станции “Технологический институт”. Через тот самый короткий двухминутный перерыв, на котором вчера в эти минуты произошел страшный взрыв.

На станции «Технологический институт» уже больше ничего не напоминает о вчерашних событиях. Только цветы лежат у самого края платформы. Люди здесь немного задерживаются и идут дальше. Поднимаюсь вместе со всеми по эскалатору. У входа в метро на Московском проспекте цветов гораздо больше. В самой середине их - икона и фото погибшей молодой девушки, на асфальте множество зажженных лампадок. Людское море накатывает волнами, сюда все еще продолжают нести цветы. Вокруг телевизионные камеры, местные и иностранные корреспонденты, перебивая друг друга, ведут с места событий прямые репортажи. Теперь цветы в ближайших киосках найти совсем непросто, а там где они есть, быстро выстраиваются длинные очереди. Пристраиваюсь в одну из них и беру красные гвоздики.

Почему-то очень хочется уйти подальше от этой разноголосой пестрой толпы, внутреннее состояние просит тишины. Тихий голос часто вернее доносит нужные интонации. Там, внизу, тишина все еще продолжает кричать мне своей болью. Словно оборванная на высокой ноте скрипичная струна. Снова спускаюсь в метро и кладу свои цветы у края платформы. Потом сделаю это на другой станции - “Сенной”. На ней все проще, но это уже старая питерская традиция. У Сенной площади сохраняется свой, особенный вольный дух, и первые лица страны здесь появляются редко.

Мы постепенно вкатываемся в состояние перманентной войны с терроризмом на дальних рубежах и собственной территории. Такова новая реальность, к которой следует скорее привыкнуть и научиться жить по законам военного времени. Это оказывается трудным для многих должностных лиц и простых рядовых граждан. Среди национальных черт нашего народа есть правило медленно запрягать, а потом быстро ехать, лететь мимо без

ответа «птицей тройкой» и рвать в куски воздух. Все неизбежно повторяется. Психология победителей достигается непомерно высокой ценой.

Иногда задумываюсь над внутренними мотивами террориста-смертника, который выбирает своей целью невинных безоружных людей. Наверное, кроме радикального религиозного фанатизма и слепого чувства мести у него таким образом появляется возможность преодолеть унижение, какие-то свои внутренние комплексы. Суметь в одиночку заставить содрогнуться огромный город. Здесь даже самый слабый человек на мгновение почувствует себя всемогущим властелином мира. Место для такого удара в метро на этот раз выбрано очень точно, так легко парализовать весь город. А еще важным орудием террористов любых национальностей и окраски всегда становится страх, умноженный слухами и недоверием к официальной информации...

На одной из станций метро решили усилить дежурство возле эскалатора. Заменяли находившуюся там женщину на крепкого на вид молодого человека. Теперь он безмятежно спал, не склоняя головы, на глазах непрерывно двигавшегося людского потока. Видимо сказалось сильное напряжение последнего времени. Молодым во все времена больше хотелось спать, организм требовал. Это старики часто страдали ночной бессонницей, им и в сторожах было легче. Мне тогда вспомнилось, как сам умудрялся спать в карауле, прямо на посту номер один у Боевого знамени своей воинской части. Спал стоя, с открытыми глазами под бдительными взорами проходивших мимо офицеров...

В это время в метро по громкой связи объявили, что движение поездов по всем линиям снова осуществляется в обычном режиме, без ограничений. Скоро всех погибших окончательно подсчитают и опознают, а пострадавшим окажут необходимую помощь. Следствие еще долго будет искать ответы на многие вопросы.

Да, конечно, нас ленинградцев и петербуржцев уже не запугать. Мы снова поедem дальше...

4 апреля 2017 года

Наталья ВЕСЕЛОВА

**«Жду тебя с Великой Любовью...»
(Живые голоса войны)**

Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство...

Евангелие от Марка 13:8; от Матфея 24:7

Павлов Димитрий Владимирович

Квартира уже продана, идут торопливые и бестолковые сборы последних вещей. Невесть отчего выворачивающая душу картина: хлам на полу, чужие люди, грохочущие ботинками по светлому паркету, голые, как глаза без ресниц, окна, лишённые штор... За ними, в фиолетовой ночи, стынет внизу пустая детская площадка, почти не изменившаяся за те сорок лет, что я на ней не играла, сияют радужными венцами далекие небоскребы, дымится сухим колючим морозом вечный город – Третий Рим. Святки в разгаре, но уже много лет не жгут костров, не поют колядок – с тех пор, как подмосковная деревня Щукино обернулась частью огромного Северо-Западного административного округа столицы. А ведь пели же когда-то, наверное... Давно, очень давно... Задолго до того, как в начале пятидесятых годов был построен этот добротный дом-«сталинка», где

Павлова Тамара Сергеевна

и получил от работы двухкомнатную квартиру простой инженер – мой дедушка Дмитрий Владимирович Павлов, ветеран Великой Отечественной войны...

Роскошь, конечно: две высокие светлые комнаты, одна четырнадцати метров, другая – страшно сказать! – двадцати двух, кухня с горячей водой и газом, ванна в метлахской плитке, шестой этаж с замечательным лифтом... Это, если бы в нее вселялись два человека – как, например, наша покупательница с дочкой-школьницей. Дмитрий, во время оно осчастливленный служебной жилплощадью, въехал с женой Тamarой, двумя детьми – пятнадцати и семи лет, а также с тещей и тестем. Тесть вскоре умер, остались впятером... Но в пятьдесят шестом году двадцатого века показалось великой удачей вырваться из большой комнаты в коммунальной квартире, где безропотно, долгие годы, привычно разгородившись мебелью, проживали в том же составе –

и не жаловались: после войны полстраны десятилетия не могло раскопаться из землянок. Но вот оно – счастье: свой дом! Что еще надо трудящемуся интеллигенту? Только спокойно и честно трудиться, растить детей, любить жену, уважать тещу...

Так и случилось: дети выросли, получили достойное образование, покинули родительский дом, а старшая так и вовсе сменила Москву на Ленинград... Ничего, завели сиамского кота, баловали его, как ребенка, читали английские книги, смотрели черно-белый телевизор, гуляли в Покровско-Стрешневском лесопарке, кормили серых белок... А потом пришли болезни, простые и – смертные. А за ними – колумбарий через стенку от Донского монастыря. И еще семнадцать лет миновало – когда другими интересами и стремлениями жила в этой квартире семья младшего ребенка – сына, известного ученого, – и его тоже не стало. Дочь Ольга продала квартиру, а внучка Наталья (разрешите представиться) – разобрала старые бесполезные вещи, не надеясь ни на какие ценности, потому что проказница-жизнь усмешливо распорядилась так, что... В общем, спасибо, хоть стены уцелели для продажи... И небольшой фанерный чемоданчик, обшарпанно-коричневый, с металлическими углами и наивным замочком, миниатюрный ключик от коего кто-то давным-давно продел на шнурке сквозь петельку ручки...

Собственно, возилась я с его вскрытием так, на всякий случай, ожидая увидеть очередные домашние лоскуточки-тряпочки-пуговички, бедненькие, – то ли для рукоделия, то ли просто позабытые. И вздрогнула, обнаружив, что реликтовый чемодан доверху набит письмами-треугольниками. Ошибиться было невозможно: так могла выглядеть только переписка военного времени. Письма – из тех, что, опаленные или полуистлевшие, с расплывшимися чернилами или вырванными клочками, истертые на сгибах, темно-желтые от времени, хранятся во всех музеях Великой Отечественной – от пролива Лаперуза до Калининграда. Но здесь, в двадцати минутах езды на метро от Красной площади, в январе 2016 года передо мной лежало горкой несколько десятков отлично сохранившихся писем, будто вчера полученных и прочитанных.

Все-таки, первый раз я прикоснулась к ним с некоторой опаской: «старшим» – семьдесят пять лет, «младшим» – семьдесят, вдруг сейчас рассыплются в прах? Ничего подобного. Поразительно добротная бумага, ясно видимые чернила, четкие буквы... Я тотчас узнала почерки моих дедушки и бабушки, родителей мамы, – быстрой кровной памятью: беззаботной школьницей переписывалась с обоими из Ленинграда... В те годы сразу по буквам на конверте понимала, чьей рукой написано письмо, – хотя послания всегда были, конечно, их совместными... А эти треугольники дедушка когда-то слал бабушке из Красной Армии, а она ему – из эвакуации и, позже, из Москвы. Руки мои, наконец, задрожали – и по мере того, как я все яснее осознавала, что именно держу, трепет все усиливался – так что пришлось опустить письма обратно в чемодан: они будто стали тяжелыми. Как золото.

Я все-таки нашла в этом разоренном доме клад.

До этого времени мне казалось, будто я достаточно знаю о том, что выпало на долю моих дедушки и бабушки во время войны – про бабушку даже больше, потому что она охотней рассказывала мне и маме, за месяц до войны родившейся, про ужасы эвакуационных мытарств. Дедушка же о тех днях почти не говорил при мне – да и вообще человеком был весьма закрытым, на слова скупым, иногда сдержанно-ироничным. «Той» еще, «старой» закалки – и смутных лет, когда много-словие лишь вредило. Сын репрессированного: его отец, инженер, сосланный попросту «за происхождение» (формальным предлогом послужил прибывший из Америки на его имя технический журнал) в 1933 году и через год в ссылке же умерший, был реабилитирован посмертно «за отсутствием события преступления» лишь в 1956 году – по стечению обстоятельств, именно в тот год, когда сын его переехал с семьей в свою первую и единственную отдельную квартиру. А с самой дедушкой Дмитрием (он так и подписывал свои письма, не пропуская в крестильном имени первого, впоследствии самовольно удалившегося «и») за два года до войны произошла весьма странная и не то что неприятная – а, прямо скажем, жуткая история. Меня она касается непосред-

ственно, ибо от кульминации напрямую зависело – родиться на этот свет моей маме или нет, а значит, и мое здесь появление стояло в те дни под очень большим вопросом.

В 1939 году Димитрий Павлов, двадцатидевятилетний московский инженер-электротехник (сын ссыльного, не забудем), случайно допустил серьезную ошибку в расчетах при проектировании какого-то военного оборудования, и заметили ее только тогда, когда по неверному чертежу была изготовлена партия ни на что не годившихся приборов. Собственно, предыдущего предложения достаточно. Любой наш соотечественник понимает, что с той минуты мой молодой дедушка мог с полным основанием считать себя покойником. Точно так же воспринимали его и все окружающие – друзья, коллеги и невеста Тамара, работавшая в том же проектом институте конструктором. Такое и в наши дни (представьте Сколково, например) с рук бы виновному не сошло – его жизнь на этом, конечно, не закончилась бы, но по развалинам ее он бы мыкался еще не один год. В условиях же сталинской мобилизационной политики и экономики конца тридцатых это с вероятностью до ста процентов означало быстрый расстрел после пары недель интенсивных пыток. Было назначено общее собрание коллектива института, на котором Димитрию предстояло быть единогласно заклеянным позором, разоблаченным в качестве вредителя и переданным в железные руки «органов». Выйти из актового зала без конвоя обреченный уже не рассчитывал. Тамара, одна из немногих коллег в те дни от любимого не отшатнувшаяся (а ведь в случае катастрофы ее породистая головка с пloidками полетела бы с плеч первой, как принадлежащая дочери царского офицера и по совместительству – самому близкому человеку «диверсанта»), сидела в первом ряду и видела, как давал объяснения ее с виду спокойный жених. Ни одного слова она не запомнила – только рассказывала потом всю жизнь, что лицо «Димочки» стало белей бумаги – и горели на нем ультрамаринным огнем его пронзительные глаза... Он был красив, да. И благороден. И мужественен до самой смерти, которой в тот

день еще не суждено было завершить свой победоносный замах. Вмешалось то, что в наше время называется человеческим фактором, – в лице директора института, тоже оказавшегося честным и смелым человеком. Не убоившись обвинений в пособничестве врагу, он произнес тогда целую пламенную речь – от чистого партийного сердца, и сумел убедить всех присутствовавших в очевидной ныне, но в те годы труднодоступной истине: ошибиться может каждый, и обычный человеческий просчет вовсе не должен караться смертной казнью... Директор сам вскоре был репрессирован по другой причине; имени его я не знаю; был ли он тогда расстрелян или только получил срок – но на земле его, в любом случае, давно уже нет; зато есть поступки, которые гарантированно отправляют человека в рай.

В конце мая 1941 года у Павловых родилась дочь Ольга, а вскоре Димитрия призвали на военные сборы – на три месяца... Вернулся он в Москву в июле 1946 года. «С любимыми не расставайтесь»¹ – эти слова уже были тогда написаны, с 1942 года начали расходиться по всей стране в списках; не знаю, слышали ли о них мои молодые дедушка и бабушка, но к ним, как и к миллионам расставшимся надолго – или навеки! – эти слова были ох, как приложимы...

Стояла осень (золотая? серая? – никто даже не заметил). Взяв в кольцо Ленинград, которому предстояло еще стать городом-мучеником, немцы вплотную подступали к Москве. Паника, конечно, в столице случилась нешуточная – а как иначе? Продукты исчезли из магазинов, с наступлением ночи на охоту выходили мародеры и бандиты, люди в ужасе бежали из обреченного, как представлялось в те дни, города, официальная эвакуация, по свидетельствам современников, организована была из рук вон плохо... Москва подвергалась массированным вражеским налетам, бабушка Тамара с грудным ребенком на руках бегала по тревоге в бомбоубежище... Сейчас это кажется трюизмом: в конце концов, под бомбу не попала – так и жаловаться нечего. Правда. Но... «Горе беременным и питающим сосцами

¹ А.С. Кочетков (1900-1953), «Баллада о прокуренном вагоне».

в те дни»². Евангелисты говорили о последних муках землян при конце света – но разве легче было в те дни, когда только *казалось*, что конец тот пришел? Женщинам объяснять не надо, что такое грудной ребенок на руках при самых благоприятных обстоятельствах: это не только умильные щечки-пяточки, но и бесконечные, внезапные и непонятные болезни, мокрые и грязные подгузники (это сейчас изобретены спасительные памперсы, а в сорок первом году в бомбоубежище на это дело шли рваные тряпки и носовые платки), постоянный крик по неизвестным причинам, неотступный риск ему умереть то от одного, то от другого... А вот представьте себе, что все эти «временные трудности» вы переживаете не в квартире с электричеством, горячей водой, паровым отоплением и передовой безотказной техникой – а в грязном подвале, когда сверху на твой дом летят тонны бомбы, муж на фронте, и ты о нем ровно ничего не знаешь, работы у тебя, как у кормящей матери, нет и быть не может, еды тоже – и при всем этом ты знаешь, что завтра будет только хуже, потому что по улицам уже, возможно, будет маршировать вражеская пехота... Какая разница, какой и когда будет всеобщий конец, когда вот он, твой – наступает, и ты беспомощна, беспомощна, беспомощна... А эта ниточка писем, что связывает тебя с любимым мужем, – она так хрупка, уязвима и непостоянна, что и легчайшая паутинка рядом с ней – канат... Тамара решила эвакуироваться, вслед за многими другими посчитав, что «на земле», в случае чего, выжить будет легче... Лично меня всегда поражало такое убеждение: кому на земле легче «прокормиться» – жителю благополучного мегаполиса, который корову только на картинке видел? Но заблуждение это настолько крепко в народе, что и до сих пор ревностные ожидатели конца света верят, что смогут пересидеть его именно в деревне... Тамара ошиблась – но нам ли судить ее? Немцы тогда еще шагали по нашей земле едва ли не победоносным маршем – почему, вопреки логике, она должна была верить в то, что найдется сила задержать их? Спустя семьдесят пять лет я знаю, что, останься бабушка в Москве – и уже через три месяца жизнь ее

² Новый Завет. Марк, 13:17; Матфей, 24:19.

могла бы стать пусть трудной, но сносной, она избежала бы двух лет нечеловеческих, запретельных каких-то страданий. Но как угадать было тогда, когда сама земля из-под ног уходила, а с неба летела смерть? Димитрий поддерживал намерения жены.

Рязань, Октябрьский городок,

15 октября 1941 года, среда, 2 часа утра
Милая, дорогая подруга моя! Ты ведь знаешь, как горячо я люблю тебя! Ты знаешь, что все помыслы мои о тебе и маленькой дочке моей! Уезжай же спокойно и твердо и не тревожься так, как ты пишешь, родная. Нельзя подвергать нашу малышку всему, что связано с тревогами в Москве и прочему. Что же касается известий от меня, то пусть не болит твое любящее сердечко: ты будешь получать их, чего нельзя с уверенностью сказать, если ты останешься в Москве. (...) Еще раз прошу – не тревожься так! Мне выпало большое счастье повидать тебя перед отъездом, милая моя жenuшка, и мою дочурку. Теперь, когда ты пишешь о ней, я так хорошо ее себе представляю! Когда я уезжал, она лежала на подушке и смотрела на меня своими ясными глазками. Да, милушенька моя, дочка наша похожа не только на меня, но и на тебя, иначе она бы не была такой хорошенькой. Родная! Если я получу заблаговременно телеграмму, то обязательно выйду к тебе, но могут быть всякие случайности – телеграммы иногда задерживаются, например... Ты не огорчайся очень этим, помни, что с тобой всегда горячая любовь моя».

Вероятно, Тамара, направляясь в Самарскую (тогда Куйбышевскую) область, залуственный поселок Кинель-Черкассы, должна была проезжать через Рязань, где муж ее был еще в неустойчивом положении – в части, мужительно ожидая назначения...

* * *

А путь его, военного инженера, лежал на Кавказ: Горький – Сумгаит – Баку – Грозный... Но это будет несколько позже. Хочу сразу сказать: война та далась бабушке более тяжело, чем дедушке, хотя он вернулся с орденом Красной Звезды и медалями за взятие и того, и другого, и третьего, а она получила

только медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Он перенес тяжелые военные лишения, она – *беспросветные страдания*. Конечно, в письмах супруги друг друга берегли, сглаживали углы. Но у Тамары – невероятно мужественной женщины, совершенно железной, такой навсегда оставшейся – все-таки прорывались иногда, как вопль боли сквозь стиснутые зубы – отчаянье, ужас и безысходность... Муж тревожился за нее, не всегда вполне понимая, что именно приходится ей переносить. Возможно, ему до поры до времени казалось, что гражданские вне зоны немецкой оккупации не подвергаются прямой опасности для жизни – потому он пока и задумывался над тем, хорошенькая ли его дочка, гордился, что стал отцом – и как-то не очень думал о том, что и дочка, и жены в любой момент может лишиться. Ну, понятно: «на войне»-то – он, а они где-то там, в мире и покое... Для дочки он боялся пока лишь простуды:

*«Рождественский майдан,
Пятница, 28 ноября 41 г.*

Голубка моя Рушенька! (Руша, Рушенька – это, наверное, сокращенное от «Тамаруша»; в письмах вообще очень много нежных слов и признаний в любви, интимных подробностей, потому что эти двое истинно любили друг друга, что доказали всей последующей жизнью – но я опушу эти не нам с вами предназначенные слова; и сама старалась, в подлинных письмах на них наткнувшись, отводить взгляд: пусть они навсегда принадлежат тем, кто их писал и читал. – Н.В.)

Тревога за тебя и за маленькую нашу дочку не покидает меня. На сердце тяжело от неизвестности всякий раз, когда я возвращаюсь мыслью к тебе, моя радость, когда думаю о судьбе твоей и Оли, когда думаю о том, что, возможно, вы еще не достигли Кинель-Черкассов, что так много шансов нашей малютке простудиться и еще больше захворать во время путешествия. (...) Я не писал никому, кроме тебя, да простят мне мои родные. Мне не до писем теперь, пока я не узнаю, что вы благополучны. Последним воспоминанием о тебе, дорогая, был пароход «Мария Ульянова», на котором я видел тебя в последний раз. Я послал тебе отсюда «молнию» в Кинель, но

вот уже неделя, как нет ответа. (...)

Я боюсь, ненаглядная моя женушка, дорогая моя супруга, что много горя выпало на твою долю, много испытало нежное твое сердечко... Да и кончились ли эти испытания?! Но ты будешь жива и здорова сама и сбережешь дочурку мою...».

Итак, по дороге в эвакуацию Тамара все-таки повидалась с мужем, но испытания, увы, только начинались. А уж как ей удалось сбегать «дочурку» – знает только Бог, потому что не обо всем, повторяю, она мужу писала...

Не писала, например, – да и цензор бы все равно вымарал! – о том, что в грязную дыру под названием Кинель-Черкаussy эвакуировались не только мирные жители, но и военный завод, немедленно ставший объектом налетов фашистской авиации. Завод охраняли, естественно, зенитки – и немецкие самолеты особенно близко к нему не подпускали: лупили почему зря. Но немцы, как известно, народ педантичный, и если уж что в голову заберет... Летали и летали, хотя и понятно было, что завод практически недосыгаем. Но не везти же бомбы обратно, в конце-то концов! Поэтому истинные арийцы сбрасывали их на крыши мирного поселка – и на головы женщин и детей, под тревожный рев заводского гудка (сирены – это в городах!) метавшихся по улочкам в поисках укрытия... Спустя семьдесят один год после Нюрнбергского процесса мы, конечно, уже не удивляемся, в очередной раз читая о том, как белокурые и голубоглазые наследники и пользователи великой немецкой культуры, опечаленные тем, что боевое задание в очередной раз бесславно провалено, из пулеметов расстреливали со своих самолетов мирных жителей, которые спасались от них в камышах, поздней осенью – по горло в ледяной воде Большого Кинеля... (Насчет культуры: Гёте, Шиллер, Бетховен, Бах, Вагнер, кто там еще... – интересно, предполагалось, что они одобрили бы это? А мой любимый Кнут Гамсун, написавший бессмертный «Голлод», норвежец, назвавший в своем некрологе Гитлера «борцом за права народов» – он тоже считал, что это было нормально?) Стоя в этой неширокой реке в конце ноября, когда уже вода начинала схватываться первым льдом, бабушка держала мою завернутую в теплое

одеяло будущую маму над головой – и молилась. Сверху строчили пулеметы, но закрыть ребенка собой Тамара не могла: кругом было по грудь воды. Она даже не могла молиться о том, чтобы убили ее, а не дочь: в таком случае малышка бы неминуемо утонула... Не попали ни в кого. Об этом Димитрий узнает только после войны; его полагалось щадить: ведь это он – герой, воин, а она кто? Просто женщина, спасающая свое дитя – ничего необычного.

* * *

«Пятница, 19 декабря 41 г. Рождественский майдан.

Моя родная, горячо любимая!

Почему же ты ничего мне не пишешь? Разве ты не знаешь, что ты мне дороже всех не свете? Что же с тобой случилось? Пойми, как невыносима мне мысль об этом! Ты и прекрасная дочка моя – ведь это все для меня! Чем больше проходит дней – тем больше тяжелых сомнений закрадывается мне в сердце. Нет, вы не попали в Киннель-Черкассы, хотя я и пишу сейчас туда. Но вы и не в Горьком, вы куда-то уехали, но куда – Бог весть... Маленькая дочурочка моя! Где же ей-то перенести все мытарства, которые выпали на вашу долю! Горький, как мне рассказали, 4 и 5 ноября пережил тревожные дни, подобные московским. И это как раз в то время, когда вы там были! С трудом заставляю себя заниматься своей повседневной службой – все валится из рук. Представляю себе все ваши мучения и беспокойства...».

Дедушка, конечно, понимал, что его жена и ребенок не на курорте, но весь объем постигшего их бедствия он долго еще и представить себе не мог. А тем временем его дорогой «Руше» в нетопленной крестьянской избе, где она квартировала с матерью и маленькой Оленькой, приснился вещий сон. Она вновь увидела себя, стоящей среди камышей под пулеметным обстрелом, только кругом была не вода, а глубокая черная грязь, и в этой грязи на глазах ее с воплями тонули люди – женщины, дети, военные – их просто засасывало вглубь, несмотря на крики и сопротивление... Тамара же могла только сначала прижимать к себе дочку, потом – поднимать ее все выше и выше,

а грязь все прибывала – вот-вот захлестнет совсем! И тут прямо перед молодой бабушкой появился седой бородатый старичок с охажкой жердочек под мышкой и, не говоря ни слова, кивком позвал за собой. Жердочки свои он стал класть молодой женщине под ноги одну за другой, образовалась некая хлипкая гать, по которой Тамара и пошла – осторожно-осторожно. Так и шла, оскальзываясь и еще крепче обнимая ребенка, не отрывая глаз от спины аки по суху идущего жогаго, что иногда оглядывался и будто призывал не сомневаться... Вывел на твердый берег с зеленой муравой – и, как положено, исчез – а бабушка проснулась. Во сне был просто «старичок», а, проснувшись, она сразу вспомнила добрый лик Николая-Угодника. С того дня Тамара знала наверняка, что переживет войну и сохранит девочку – не задумалась правда, как я бы на ее месте: а вдруг тот зеленый берег – не земной мир, а посмертный покой для них обеих?

* * *

С января 1942-го переписка супругов кое-как наладилась. Димитрий сначала оказался в Лукьянове, захолустном городке, где стояла его ремонтная часть (кажется, ремонтировали танки, но по цензурным соображениям подробно он об этом не писал, а когда писал, то цензор не дремал – вымарывал). Ну, а в Кинель-Черкассах продолжались проблемы – к счастью, хотя бы налеты, очевидно, прекратились, так как немцы к тому времени уже получили весьма ощутимый пинок под Москвой. Маленькая Оля переболела коклюшем – представляю себе, каково это было в условиях зимы в деревне (жили не в самой Кинели, а в ближней деревеньке). Вместе с Тамарой и ее матерью эвакуировалась и мать Димитрия со своей взрослой дочерью Марией, которую Димитрий в одном из писем к жене пожалел за то, что она не знала радостей любви. Действительно, если подумать – как же они с Тамарой были богаты в те дни! Могли даже пожалеть кого-то... Ведь если просто знать, что ты любишь и любим – насколько легче преодолеваются любые трудности! Это снова трюизм – но правда же... Денег у Димитрия не было, аттестат ему не выплачивали, поддержать семью

он никак не мог, просил лишь продать все его вещи, кроме линейки и готовальни... Кстати, его старая роскошная готовальня в потертом кожаном футляре, где на полуистлевшем синем бархате лежат дивные, таинственные стальные орудия *не моего* труда, уцелела – и у меня сейчас... Та ли – непроданная? Хочется верить... А моя восьмимесячная мама играла ложечками вместо игрушек, о существовании которых и не подозревала, – это тронуло до глубины души ее молодого отца...

И вот первая ирония судьбы: Дмитрий отправлен в Москву ждать назначения – а Тамары там нет! Не уехала бы – жить им хоть месяц вместе!!! Но не судьба... В письмах фамилии, фамилии общих знакомых: один на ответственной работе, другой убит, а жена его уже в новом браке... Ночная бомбежка... Скудное питание... Но вдруг бабушка получает деньги сразу от нескольких родных – и... Кто-то, наверное, осудит: жена и дочь меняют одежду на еду, а он взял – и пошел в ресторан! Я бы, кстати, точно так же на его месте поступила, потому что ресторан тут, уверена – не просто ради сытной еды появился, а чтобы вновь обрести простое, подзабытое чувство: я – человек, а не униженная тварь. Почти что: «Тварь я дрожащая или право имею?». Имел – уверена. И на театр тоже. Только как было Тамаре в прокопченной избе, хрестоматийно погребенной в снегу, читать про это?

Московский ресторан «Арагви» образца марта 1942 года:

«Я позволил себе даже некоторые дополнительные расходы в виде посещения ресторана «Арагви» с целью дополнительно покушать. Это удалось сделать, простояв два часа в очереди. Подают первое, второе (обычно плов) и стакан виноградного вина. Стоимость такого обеда от 16 до 20 рублей. Сегодня же я пошел в театр им. Немировича-Данченко и слушал «Риголетто». В этом заново отстроенном театре я был в первый раз, и он мне очень понравился. Я слушал эту оперу по радио неоднократно, но никогда не видел. Драматизм ее вновь потряс меня. Я очень люблю Верди...».

И через все письма – насквозь, рефреном:

«Я никогда не бываю один, ты всегда со мною – мой Ангел-Хранитель».

Все это время в Москве Дмитрий, никогда не умевший сидеть сложа руки, работал над каким-то военным изобретением (вновь без подробностей: цензура!), сделал чертеж при огарке свечи, сдал его в бюро изобретений. Позже, уже в Казани, он узнает, что изобретение принято и утверждено... Там, получив, наконец, свое назначение, он проходил подготовку на должность помощника командира танкового подразделения (батальона или бригады) по техничасти... Как истинный мужчина, цельный и строгий к себе человек, Дмитрий рад был надежному и полезному делу в руках, истово принялся за него... Весна, май... Все-таки, думалось ему, им там полегче стало – да и доченьке исполнился годик – «большая»...

«Думаю, что в Кинели очень привольно, особенно для маленькой Оли. Она, наверное, уже освоила технику хождения. Непременно вышли ее папе ее фотографию, столь давно ему обещанную».

Может, жизнь налаживается?

* * *

А тем временем в Кинель-Черкассах...

«13 апреля 1942 г.

...Была сама больна, а последнее время была сильно больна моя дочка. У нее одновременно с прорезыванием зубов был грипп в тяжелой форме. Все время была у нее очень высокая температура. Несколько ночей она совсем не спала, да и днем не спала. Я ее не спускала с рук, день и ночь ее держала. Я так опасалась за нее! (...) Здесь есть очень плохие люди, просто какие-то звери, и жить рядом просто невозможно. Ты, любимый, пиши мне чаще, а то я на самом деле начинаю думать, что ты забыл меня. Но нет, я стараюсь убедить себя, что ты очень занят, и у тебя не остается времени написать мне...»

Свои вещи я уже все продала, но все это теперь ничего не стоит. Вещи здесь идут за бесценок. Пайка теперь мы не имеем. У моей дочки нет ни манной каши, ни золотника сахара. Деньги трачу только на молоко. Сами же мы едим только картошку и черный хлеб... Если мы не уедем отсюда, то не знаю, что будем делать. Придется Олечку на руки – и суму через плечо. Только ведь теперь никто не

подаст...».

Помню, как тридцать лет назад, в достаточно еще благополучные времена, в теплой отдельной квартире я трагически переживала детские болезни своего ребенка – и собственное по этому поводу легкое, как теперь понимаю, недосыпание... Это все притом, что оба мы были сыты, красиво и добротнo обуто-одеты, да еще и находились под бдительным приглядом детской поликлиники со всеми специалистами – не говоря уж о патронажной сестре... Мне, тогда двадцатилетней, это казалось чем-то вызывающим, непреодолимым, я готова была обвинить весь мир, ополчившийся против меня, гибнущей у детской кровати... Тамара всего лишь просит мужа достать ей вызов в Москву и какой-то таинственный «литер»... Одна коротенькая горькая фраза из ее письма пронзила мне сердце:

«Какая у нас удачная дочка, такая вторая уж больше не получится...».

Наверняка ведь находились добрые люди, успокоительно шептавшие: мол, сильно не прикипай – эту-то уж точно потеряешь, да что поделаешь: смотри, жизнь какая пошла, самой бы уцелеть; вон, у таких-то корью помер, а у тех-то – животом...

Дети и сейчас иногда умирают. А раньше, когда не было антибиотиков... А еще раньше, когда не было вообще – медицины... Говорят, к этому относились спокойно, как к неизбежному, даже ругали тех, кто горевал. Умри у Тамары Оля – кто-то в те страшные годы, пожалуй, и порадовался бы, что теперь ей, мол, станет легче, а дети – дело нехитрое. Вот если вернется муж – тогда... У четы Достоевских тоже умер первый ребенок – Сонечка. И безутешный отец писал А.Н. Майкову, что мысль о том, что родятся другие дети, которые ее заменят, ничуть не утешает его: «Никогда не забуду и никогда не перестану мучиться! Если даже и будет другой ребенок, то не понимаю, как я буду любить его, где любви найду? Мне нужно Соню»³. Родились еще трое (и из них один – умер!), прекрасно заменили первую дочь, утешился вполне. И любил не меньше... И Тамара утешилась бы. Но в те ужасные летние дни, когда впереди маячила скорая осень, а за ней – такая же беспросветная зима... И

почти неизбежная потеря...

Представляю, как хотелось избежать этого любой ценой – кроме последней. Бабушка готова была уехать без документов, останавливал только страх за жизнь девочки, если снимут с поезда и просто выкинут на какой-нибудь станции. Что-то подобное уже чуть не случилось по дороге в Кинель, несколько раз в письмах мелькает: «Чуть не потеряла ребенка» – ничего удивительного!.. А Олечка между тем – «Все время говорит: «Папа, пади к нам!» – и манит ручкой. Я сама не рада, что научила ее этому».

Не оправдалась и слабая надежда на то, что, раз изобретение мужа принято, то его оставят в Москве, и они там воссоединятся. Известие о том, что он отправляется в Казань, потрясло и ошеломило Тамару. Это единственный период за всю войну, когда письма ее похожи были на истерические крики – в них только отчаяние, горе и мольбы... Димитрий так и не услышал тех исступленных призывов: они пришли в Москву, когда он уже оттуда уехал, и были возвращены отправителю... Еще Набоков заметил, что неистребимость почты всегда поражала его: действительно, это какое-то отдельное государство, не зависящее ни от каких внешних потрясений... Разве что снаряд прямо в здание почты попадет! И Тамара аккуратно получала обратно свои не дошедшие до мужа послания... Зная, что он нуждается в деньгах, она, сама находясь в крайнем положении, вдруг выслала ему 350 рублей. Страх, что ее Дима попадет на передовую, никогда не покидал ее – и вот уже громоздятся в уме назойливые догадки:

«Я ужасно беспокоюсь, меня беспокоит то, что ты пишешь, что у тебя будут деньги, и ты сможешь мне выслать. Ты что-то знаешь и не говоришь мне. Не нужны мне никакие деньги, лишь бы ты был в безопасности, в резерве! Слышишь – не нужно мне денег! Мы живем прилично, и мне ничего не нужно!» – это когда всерьез собиралась идти с сумой – она, которую в начале тридцатых при попытке сдать документы в приемную комиссию института, отхлестали ее же собственной метрикой по лицу – «за происхождение»!

³ А.Г. Достоевская «Воспоминания». М., 1987.

* * *

Но Димитрий не на передовой – он все еще в резерве, в городе Горьком.

*«Горький, 7 августа, 42 г.,
пятница.*

...Живем в палатках, сооруженных нами из жердей и веток. В построении их приобрели известный опыт, так как уже третий раз их строим за сравнительно небольшой отрезок времени. Главная задача – добиться водонепроницаемости. В тех, которые мы покинули последний раз, во время ненастных дней чувствовали себя очень неважно...».

А вот уже – Сумгаит. Открытка целиком:

«Сумгаит, 24 августа 42 г.

Моя дорогая Руша!

Живу на берегу Каспия. Положение мое совершенно такое же, как и в Горьком, т.е. еще нахожусь в резерве. Перспективы дальнейшего все так же неопределенны. Пока что это только перемена обстановки. Пылающее южное солнце, скудная природа. Вдали виднеются горы. В горах, наверно, есть долины, в которых произрастают все блага природы – и фрукты в том числе. Километров за 30 сюда доставляют виноград (15 руб. за кг), дыни и арбузы (10 руб. кг). Как видишь, все очень дорого и здесь. Впрочем, говорят, молоко и яйца дешевы, но мне они еще не попадались. Сегодня купался в море и несколько подгорел на солнце, т.к. перележал. Будь здорова, дорогая, целую тебя крепко. Твой Д.»

И вскоре он все-таки получает назначение помощника командира батальона, инженера по техническому контролю, радуется:

«В сущности, за все время моего пребывания в армии у меня в руках не только конкретное, но и мне соответствующее дело. Нельзя, правда, недооценивать и большой ответственности – новая деятельность потребует большой работы над собой помимо текущей работы. Я это знаю и охотно этому отдался. Материальное положение мое тоже улучшается, и я еще смогу помочь тебе, дорогая...».

Думаю, что именно с осени сорок второго года неистребимая почта все-таки несколько захлебнулась почтовыми треугольниками. Во всяком случае, именно тогда мучений обоим

разлученным супругам прибавилось стократ: они по каким-то причинам почти перестали получать письма друг от друга. Отсутствие вестей от любимого человека – и безо всякой войны тяжкое испытание, а тут... Думаешь, что хочешь – и мысли самые страшные, потому что – война.

«5 ноября 42 г., г. Грозный

Что случилось, голубка моя Руша? Почему нет писем от тебя? Ведь ты раньше так часто писала мне! Молчание твое меня сильно беспокоит и заставляет предполагать недоброе. Здорова ли ты и дочка наша? Может быть, ты тоже не получила ни одного из тех писем, что я написал тебе, и потому не пишешь сама? Сердце твое должно подсказать тебе, что я все так же люблю тебя горячо, как и раньше, несмотря на год нашей разлуки. Мне только тяжелее переносить ее без твоих писем. (...) Любимая, ты ведь не забыла меня, правда? Мне пока остались лишь воспоминания о чудесных днях, проведенных вместе, и о том, какая ты чудесная...».

Но его письма не все доходят, а ее – куда бы она их ни посылала – в Горький, Баку, другие места – все возвращаются обратно к ней... Оба трогательно молоды и, несмотря на то, что во время войны логичнее предположить все-таки именно смерть, боятся потерять друг друга иначе: забудет, разлюбит...

«Я каждый день ходила на почту, шла с надеждой в сердце, что вот, наверно, лежит письмо от моего Димуши дорогого, но каждый раз меня ждал ужасный ответ: «Нет ничего». Я возвращалась с пустым сердцем и наворачивающимися слезами на глазах...».

А дела-то все хуже: надвигается следующая зима в Кинель-Черкассах, и шансов пережить ее меньше и меньше:

«19 ноября 1942 г.

Кинель-Черкассы.

...Зима предстоит еще более трудная, чем в прошлом году. Холода уже начались, а у нас все еще нет дров, картошкой мы тоже не смогли запастись. Дров купим в воскресенье, продав что-нибудь из вещей. Очень трудно что-нибудь продать: не покупают... Хочется скорей увезти Олю в Москву – в такой грязи мы живем, кругом сажка, копать, ни к чему подойти нельзя, и она только среди всего этого

и находится, не успеваю ее мыть...».

Обстановка нагнетается, надо что-то предпринимать, выхода нет, писем – тоже...

«30 декабря 1942 г.

Кинель-Черкассы

...Вот уже почти месяц, как я не получила от тебя ни единой строчки. Что случилось, дорогой? Я не знаю, что и думать... Я пишу тебе очень часто, вероятно, мои письма не доходят до тебя! Сердце мое полно тревоги, я не знаю, что с тобой. Ты, пожалуй, прав, написав мне в последнем письме: «Я боюсь, что к лишениям еще прибавятся и сомнения, которые разъедают душу и уничтожают веру. Но ты, дорогая, найдешь в себе силы пережить все это...». Сомнения разъедают душу – это так, но веру мою ничто не уничтожит. Эта-то вера и заставляет меня переживать все. И я, конечно, найду в себе силы выстоять. Я знаю, родной, что впереди меня ждет счастье с тобой, светлое счастье. Я верю в это, и только это дает мне силы. (...) Мама моя последнее время все болеет. Стала старая, много пришлось ей на старости лет видеть работы (Ей было примерно 53-54 года; прожила еще лет тридцать пять и умерла совершенно здоровая – Н.В.). Но сейчас я сама все делаю. В лес за дровами на санках езжу, ведь нужно, чтобы дочке было тепло. Тех дров, что купил папа, давно уже нет. Но ты знаешь, я очень люблю ездить в лес. Он находится в пяти километрах. Я всю дорогу одна, и никто мне не мешает думать о тебе. Я вспоминаю о былом, мечтаю о будущем, о нашей встрече. Мой единственный друг, скорей бы, скорей бы она пришла!».

Ждать оставалось более трех лет. Но это письмо, как и многие другие, до Дмитрия не дошло, вернулось «за истечением срока, неявкой адресата». «Очень неприятно получать свои же письма». Она их еще много получит.

«...Откуда дровишки? – Из лесу, вестимо...». Ну, конечно. Только надо представить себе, как выглядела зимой 42-го моя двадцатипятилетняя бабушка. Росту в ней было полтора метра – чуть побольше, наверное, чем у «мужичка-с-ноготок» из только что процитированного стихотворения. Только вот кушала она гораздо хуже, чем он: русские крестьяне, с которыми имел возможность разговаривать

Николай Алексеевич Некрасов (и которых, будучи хотя и чувствительным, но вполне типичным помещиком-крепостником, в шаловливой молодости отдавал в счет карточных долгов), питались сытно: свининой и дичью в мясоед, квашеными груздями и рыбой всех мастей в пост – а молока так вообще было залейся и картошки в погребе – завались. Тамара ела только эту самую картошку – сухую – и хлеб, когда перепал. А крепким телосложением она и до войны не отличалась... У мальчика Власа дрова рубил отец: «В лесу раздавался топор дровосека». И эти дрова возила лошадь – ее требовалось только «под уздцы» вести. Бабушка хоть и употребила в письме глагол «ездила» – только само собой подразумевалось, что она не ехала на лошади, а, по сути, являлась ею: на себе волокла деревенские сани, туда – пустые (и мечтала о муже), – а обратно...

К тому моменту Тамара была уже неизлечимо больна, чудом выбравшись с того света. А случилось вот что. Какая-то местная сволочь (не зря же бабушка писала, что тамошние люди ей казались зверями) продала Тамаре хлеб, испеченный из так называемой «протравленной» пшеницы (или ржи). Тогда было принято посадочные зерна обрабатывать синильной кислотой, чтобы до сева не погибли, – для хлебопечения они, понятно, были смертельно опасны. Вот эти-то зерна кто-то смолот, потом испек хлеб и продал его молодой «дуре-эвакуированной». Убийца знал, что делает – не мог не знать! – но жажда наживы оказалась сильнее. А бабушка хлеб несла не себе, в другую семью – и не удержалась, вечно голодная, украдкой отломил корочку (скорей всего – горько совестясь!), проглотила... У тех, кому она принесла отравленный каравай, ночью умерла на печке столетняя бабка, отдавшая угощения, – а молодые, что-то запозднув, так его и не поели. Зато Тамара стала умирать в мучениях – рассказывала полвека спустя, что у нее уж ногти посинели, а пена шла отовсюду – даже из ушей... «Отходила» ее знахарка, у которой их семья квартировала – не думаю, что только травами: скорей всего, привычно прибегла к помощи своих подручных темных дел мастеров – тех самых, что помогали ей в определенные фазы луны выво-

дить желающих женщин утром на росу и прямо на этой росе, сотворив соответствующие заклинания, показывать, как на экране, мужа или сына, которого ждали с войны... Бабушка раз видела это лично, со страху едва прокинулась – и некая властная сила не позволила ей воспользоваться такой редкой возможностью и для себя... Рассказав мне, тогда молоденькой девушке, об этом, она добавила после некоторой паузы: «Все до единой они получили потом похоронки»...

Бабушка получала только письма. Иногда.

* * *

А Димитрий тем временем мылся в бане, в отдельном номере с ванной – целое событие после стольких-то месяцев!.. Квартировал в Грозном у «чудесной старушки» Нины Артемьевны, писал и читал при керосиновой лампе. Все-таки получил 4 письма от жены, шли целый месяц! – и очень опечалился, что дочурка растет в грязной крестьянской избе. На Рождество 43-го года Нина Артемьевна (дочь ее жила отдельно, сын был на фронте, никаких известий) угощала его пирогами. И вот – новое назначение, пришлось расстаться с доброй старушкой и уютной комнаткой... Меня в случаях, когда в письмах мелькали описания конкретных людей, с которыми соприкоснулись мимоходом мои близкие, всегда вот что простреливало: как у них сложилась жизнь? Чем закончилась? Дождалась ли Нина Артемьевна (этой «старушке», наверное, лет сорок пять-пятьдесят было) своего сына с фронта? А сама – долго ли прожила? От чего умерла? Помнила ли постояльца своего или скоро забыла? Потому что это ведь – реальные люди, жившие до меня – и у каждого своя неповторимая судьба. И сейчас они все где-то есть. Это так же точно, как и то, что нет смерти.

Идут, идут письма из Кинели – и возвращаются назад...

«17 января 1943 г.,

...Ты пишешь, что обрил голову и носишь усы, и я, пожалуй, не узнаю тебя теперь. Но нет, дорогой, ты ошибаешься. Даже если бы на самом деле лицо твое, да и весь бы ты был неузнаваем, даже изуродован, а я бы – ослеп-

ла, то все равно узнала бы тебя, почувствовала бы сердцем, что это ты. (...) Я же на самом деле очень изменилась. Стала очень худенькая, как когда ты полюбил меня, и лицо изменилось. Я иногда посмотрю в зеркало – и свое собственное лицо кажется мне незнакомым. Какой-то новый отпечаток на нем от переживаний и забот. Да и длинные волосы изменили лицо, мои косы стали уже ниже пояса. (...) Скорей бы прогнали проклятых фашистов с нашей земли! Скорей бы ты вернулся ко мне и своей дочке Олечке! Дочку свою ты теперь, наверное, не узнаешь. Она очень рослая и сообразительная, ей дают больший возраст, чем есть на самом деле. Знаешь, что она мне заявила как-то? Я ей говорю: «Доченька моя маленькая!» – а она отвечает: «Нет, нет.» «Почему же, как же так – нет?» «Папина Оля, на папу похожа!». Она запомнила, что я говорила, как она на папу похожа, сообразила и сказала...».

И это письмо тоже вернется – так и не узнает муж про ее новое лицо и отросшие косы... Красить волосы бабушка никогда не станет, длинными их сохранит до старости: основная ее прическа в моем детстве – седая коса короной вокруг головы. Голова болела от железных шпилек – но какое это могло иметь значение, если Димочке нравилось!

* * *

... А он тем временем на Северном Кавказе:

«17.1.43 г., Моздок

...Народ – местное население – очень радушно нас встречает, видимо, немцы крепко им насолили. Немецкие разбойники мародерствовали здесь, как и в других местах, где ни побывали, город также хранит многочисленные следы их варварства. Как ты знаешь из газет и радио, они сейчас очень здорово «цурюкают» (от слова «zurück» – возвращаться или попросту дранать)...

Среди слов любви, любви, любви – вдруг:

«...фронт так быстро продвигается вперед! Вообще поступают радостные вести об

успехах на всех фронтах нашей доблестной армии. Эти вести укрепляют веру в нашу победу над фашистским сбродом и желание внести и свою лепту в дело победы...».

Наверное, я тоже еще остаюсь в чем-то одурманенной пропагандой, потому что, читая эти слова, как-то внутренне съезживаюсь при виде странных, вовсе для дедушки моего не характерных метафор и эпитетов: эти *немецкие разбойники*, которые *драпают* от нашей доблестной армии, мародерствующий *фашистский сброд*... Газетная лексика того времени, и дедушка не мог не понимать, как она неподходяще смотрится в письмах к жене. Может быть, он специально писал так в расчете на цензуру? Или действительно этими словами думал? Но в письмах ему легко ведь было подобрать другие выражения – менее заезженные, более емкие? Не понимаю...

И наконец-то происходит то, что рано или поздно должно было: Дмитрий все-таки получает почти полностью исчерпывающие известия о бедственном положении своей семьи.

«25.1.43 г., Минеральные Воды.

Моя дорогая! Я получил известие, которое заставило меня жестоко тревожиться за твою судьбу и за судьбу нашей дочки. Более того, я просто опасаясь за жизнь и здоровье маленькой Оли! Ты никогда не писала мне об условиях своей жизни. Мой бесконечно любимый и самоотверженный друг. Я не строил себе относительно этого никаких иллюзий, но все же не думал, что все обстоит так плохо. Скажу тебе правду: я получил письмо от твоего отца, в которое он вложил письмо твоей матери к нему. Не сердись на него: лучше, если я буду знать все, как есть. Но все же знать, что моему ребенку подчас нечего дать есть, слышать об этом для меня невыносимо больно. Невыносимо больно подумать и о том, какие страдания выпали и на твою долю! Эти путешествия за пять километров в лес, чтобы принести ничтожную вязанку хвороста! И ты одна, одна, моя дорогая Рушенька! И эта жизнь в грязной холодной избе с маленьким ангелом, нашей дочерью...».

Сделать он не может ровно ничего. И помощи просить не у кого: война разбросала всех в разные концы. Он видит других детей,

невольно сравнивает их со своей дочкой, которую видел только грудной – а теперь ей скоро исполнится (если исполнится!!!) два годика... Сталкивает судьба с детьми хозяев квартиры, где его поселили: Лилей, Юрой, Борей, их матерью и бабушкой... И опять моя тревожная мысль о них: все ли они пережили войну? Были ли счастливы потом?

Хозяева другой квартиры – учителя Дмитрий Иванович и Феодосья Терентьевна. Имя ее Дмитрий пишет через «фету», по-старому. Иногда в письмах по давней привычке переходит на французский язык, спохватывается, снова пишет по-русски – и, надо сказать, цензура вполне благосклонно отнеслась к подобным старорежимным экзерсисам, строчки на языке союзника остались нетронутыми...

А вот еще забавная деталь:

«Родная, признаться ли? Я гадал на тебя, и вот что нагадала мне гадалка. На сердце у нее (у червонной дамы) дальняя дорога, и она так «убивается» об этой дороге, что даже «приболела», должна получить бумаги из «казенного дома», но бумаги хорошие. Потом предсказала исполнение желаний. Сказала, что возле нее постоянно находится какая-то дама, должно быть, мать. Вновь кинула карты, вновь вышли какие-то две дороги, бумаги из казенного дома, предсказала решительную перемену к лучшему в твоей жизни. Затем сказала, что возле нее находится какой-то «благородный король», который принимает большое участие в ее хлопотах и к которому она относится «со своим большим интересом». Последнего прорицания я не понял. Вообще прости за передачу тебе этой мистики, которая не более чем мистика, несмотря на некоторые удачные совпадения. Например, мне она предсказала «неожиданную встречу» – и что же! Вчера я случайно встретился с Александром Трофимовым, моим другом, о котором ты уже знаешь из моих писем. Я расстался с ним в Сумгаите, и мы не виделись ровно полгода!».

Надо сказать, что бабушка моя в молодости была, похоже, суеверна – да и, в доме у знахарки квартируя, в суевериях своих вполне могла укрепиться, так что эту историю с гаданием должна была принять близко к сердцу. Никакого «благородного короля», разумеется

при ней и быть не могло – она вообще оказалась вопиюще покинутой всеми в те месяцы, хотя муж, которому в феврале 43-го года присвоено было звание инженер-капитана, начал постоянно высылать ей деньги – 500, 600, 800 рублей... Она их либо не получала вовсе, либо – с большим запозданием... Димитрий покинул Кавказ и Кубань – цензор зачернил дальнейшее: речь, вероятно, шла о том, что Красная Армия приближалась к государственной границе. Почта не успевала за его танковым батальоном, и письма, не доходя, снова и снова возвращались к бабушке. Оба были изнурены тревогой друг за друга. Тамарина вторая зима в негостеприимной Кинели была в разгаре, и смерть уже не стеснялась с усмешкой заглядывать в лицо.

«6 февраля 1943 г.

Кинель-Черкассы

...Приходится сообщить тебе неприятную новость: я больна, у меня воспаление легких. Деньги твои, ни 300 р., ни 500 я еще не получала. А они мне сейчас нужны так, как никогда. Боюсь, как бы они не пропали. (...) Сегодня девушка с почты принесла мне твое письмо от 6 декабря, но денег все нет. Ты пишешь, родной, чтобы я не унывала, но это невозможно, потому что я очутилась в таком положении, что ты и представить себе не можешь. Много я предпринимала, чтобы сколько-нибудь облегчить наше существование здесь. Я тебе не писала, не хотелось расстраивать тебя. Я работала на строительстве, и копала землю, и осенью в колхоз, копала свеклу, и в больнице белье стирала – говорили, хорошо. Я хоть что-то могла достать, купить. Но теперь мое здоровье никуда не годится. А подходящей работы здесь не найти. Вещи все продала или сменяла на дрова, кроме того, я так много привезла их из леса на себе. И выхода из раздавшегося положения я не вижу – только в могилу или Москву. Папа хлопочет, но пропуска не дают. Но если я останусь здесь до весны, то погибну – и я, и моя дочь. Тяжело мне смотреть на мою родную крошку – так она изменилась...».

Не знаю теперь, хорошо или плохо, что Димитрий этого письма и подобных ему не получил: такие известия могли бы стать для него непоправимым ударом. С другой сторо-

ны, без писем вовсе он впал в полное отчаяние от неизвестности, и 6 июня 1943 года написал тестю в Москву – и послание каким-то чудом дошло:

«Уважаемый Сергей Степанович!

(...)

Как живет моя дорогая жена, ничего об этом не знаю! Да жива ли она и Оля?! Их положение в феврале было исключительно бедственным, и с тех пор писем от них я не имею. Я высылал ей деньги и аттестат в Кинель. Но там ли она? Очень тревожусь о ней и жду от Вас известий о ее судьбе. (...) Если Вы в Москве, Вы, конечно, ответите мне!».

А от Тамары тем временем летит в пустоту целая стая отчаянных писем, таких, что тяжело их даже читать. Вот строки, которые проходят сквозь них лейтмотивом:

«Если хочешь еще когда-нибудь увидеть в живых нас с дочкой – немедленно принимай меры! Вся надежда только на тебя...».

* * *

Как в конце концов удалось Тамаре решить вопрос с Москвой, я из переписки так полностью и не поняла – все-таки, многое не сохранилось. Но следующее уцелевшее письмо Тамары – уже из Москвы, в конце сентября 1943-го она пишет мужу:

«Ты, конечно, представляешь, как велика моя радость, что я снова в Москве. Наконец-то судьба смилостивилась надо мной! Все, что мне пришлось пережить в Черкассах, в этой ужасной ссылке, столь невероятно, так кошмарно и забываемо, что иногда даже не верится, что я вырвалась из этого ада...».

Выехала она 3 сентября, в Москве оказалась 6-го, без карточек – до 17-го, но все это, по сравнению с уже пережитым – сущая ерунда... Кажется, вытащили ее, правдами, неправдами и обходными путями достав вызов, бывшие сотрудники: некие Трофим Семенович и Савенков: «Буду благодарна им до конца жизни»...

До этого самого конца, наступившего более чем через полвека, бабушка вела жизнь, по нашим меркам, простую, хотя муж ее прекрасно зарабатывал, и семья ни в чем не нуждалась. В девяностых она ругала меня, взрос-

люю женщину, уже имевшую собственного ребенка-детсадовца, за обилие колец на пальцах, за слишком нарядные для повседневных платья, за крашенные локоны, подведенные глаза и пристрастие к французским духам... Я не в состоянии тогда была понять и принять простую вещь: бабушке это все казалось просто лишним для человека, мешающим духовной зоркости и правильному внутреннему строю. Нет, она не отрицала женственность как таковую (об этом чуть ниже), но любую чрезмерность тонко чувствовала, воспринимая недопустимым перехлестом...

Через год и она будет радоваться заграничным замшевым туфлям, четко осознавая, что они – необязательная роскошь, а просто скромная дань чему-то неумирающему, женскому... Радости, познаваемые ею в ту пору, – куда более насыщенные и подлинны (вот уж действительно, *под линем выстраданные!*):

«2 октября 1943 г.,

Москва.

...Сегодня, придя с работы, я нашла картошку и записку. Это тов. Трошин (командир Димитрия – Н.В.) принес мне картошки – очень много. Родной, я так благодарна тебе за твою заботу о нас с дочкой! Я уж никак не думала, что буду иметь так много картошки. Теперь мне зима не страшна. Дров мне дадут в ВЭИ (Всесоюзный Электромеханический Институт, где работала конструктором в войну, где до войны и познакомилась с мужем – Н.В.)

(...) Каким же необыкновенным человеком оказался А.А. Конов! Как он заботился обо мне! Я никогда не забуду то, что он сделал для меня. Это твой истинный друг. Благородный друг с прекрасной душой. В нем столько сердечности и доброты. Несравненный друг.

Наступила осень, но погода стоит хорошая, что называется, золотая осень. Моя мама с доченькой много гуляют, пока стоит хорошая погода. Для зимы у нее есть пальто и сапожки валяные. Все так хорошо, все у меня есть... Я даже трудно верю действительно. Муку, которую ты мне прислал, я берегу к празднику. Какая замечательная мука! Такой здесь ни за какие деньги не найти. Консервы тоже берегу. Картошки мне хватит на зиму, да и паек приличный...».

Валенки у дочки, дрова от работы и мешок картошки на зиму – это ли не счастье, о котором мы и понятия не имеем?.. Потому что они его тогда до дна познали.

«17 октября 1943 г.

Москва.

...Трошин сказал тебе правду: у тебя очень хорошенькая дочка. Она так хороша и умна, что нигде и никем не остается незамеченной. Папочку своего она знает по фотографии и все спрашивает, когда же папочка к ней придет. (...) Но скоро, я надеюсь и жду, солнце победы будет светить, будет греть нашу русскую землю...».

Димитрий просил командира, вызываемого в Москву, занести жене продуктовые посылки еще не один раз. Положение дел совершенно переменилось, хотя письма в оба конца по-прежнему доходили далеко не все. С обеих сторон в них – живая тревога, признания, но чувства горя и обреченности уже нет, изменилась самая тональность переписки... Теперь, когда непосредственная угроза миновала, отступило отчаянье, ощущение всеобъемлющего личного горя утратило остроту – именно теперь на первый план вышли чувства высокие, те, которые раньше были приглушены обычным человеческим страданием и страхом.

Освобожденный от ежечасной муки Димитрий увлеченно пишет жене о своем самоощущении и фронтовых товарищах:

«Меня как-то спросил один капитан в присутствии Русеева: «Скажите, вы – кадровый?». «Да, – отвечал я твердо, – кадровый». Русеев сказал: «Какое там кадровый! Такой же, как и мы с вами!». Но я думаю, что 29 месяцев, проведенных в армии, что-нибудь да значат! Ты видела Трошина? Он тебе понравился, правда? Знаешь, у меня здесь все такие же хорошие, как он, – вернее, большинство. Очень важно, чтобы было взаимопонимание, кроме приказов, и взаимное доверие. И вот, все это у меня имеется с моими офицерами, и я рассчитываю добиться хороших результатов в нашей службе. С моим заместителем по политчасти Федором Ефимовичем Кареловым у меня установились прекрасные дружеские отношения. В неофициальной обстановке я зову его Федей, а он меня – Владимировичем. За восемь месяцев мы прошли с

ним все испытания, выпавшие на долю моего хозяйства, а сейчас выбились на хорошую дорожку и иногда вспоминаем былые трудности. Они еще будут, но мы теперь окрепли!».

Димитрий – человек потомственно штатский, инженер и сын инженера; любить Советскую родину, погубившую отца, ограбившую семью подчистую, сломавшую жизнь матери и всем родным, ему не за что. И все-таки гордость за то, что он именно – офицер, в годы небывалой войны все растет и растет в нем от письма к письму. И здесь же – русский интеллигент, никуда не денешься: радуется, что жена в Москве, имеет возможность ходить в Большой театр, вспоминает «Лебединое озеро», которое вместе когда-то смотрели, третий год умоляет о фотографиях...

Он «перебрался за Днепр» – большего написать пока нельзя. В письмах Димитрий вообще всеми силами старается создать у жены иллюзию своего пребывания в полной безопасности «второго эшелона». Сложная работа, тяжелый график – это да, позволено сообщить... Но ничего не пишет о ковровых бомбардировках, постоянных налетах немецкой авиации, дальнобойных обстрелах их ремонтного хозяйства и высадках десанта, когда все, вплоть до секретарш части, испуганно передергивавших затвор старинных «трехлинеек», отбивались, кто чем мог, – а у него-то, между прочим, из табельного оружия был только офицерский пистолет... Тамара не должна волноваться – и так нахлебалась горя; теперь-то он это уразумел вполне.

* * *

С конца 1943 г. жить Тамаре стало гораздо легче: получая от мужа теперь по 1000 рублей ежемесячно, она и сама вновь работала на прежнем месте, в прежней должности... Одного не доставало: сразу же начала хлопотать о переводе мужа в Москву:

«13 января 1944 г.,

Москва

...Немедленно было сделано все, чтобы сегодня же и послать письмо. Письмо очень убедительное, вызов мотивируется тем, что Всесоюзный Электротехнический институт просит вернуть тебя на работу, что много

твоих работ внедрено в промышленность и что у тебя есть изобретения оборонного значения. Тебя вызывают для выполнения одного важного правительственного задания, считая тебя талантливым и способным инженером-конструктором. (...) И моя дочка, наконец, будет иметь папу, который будет с ней. По вечерам она будет ждать твоего возвращения, когда ты будешь возвращаться с работы не слишком поздно... Скорей бы, скорей все это было!».

Весной 44-го Тамаре дали на работе три сотки земли по Октябрьской дороге под огород – после Кинели уж было не привыкать, полагаю:

«Земля там – целина, и копать ее очень трудно. Ведь, родной мой, я одна из нашего отдела так одинока, у всех мужья, дети, все выходят на огород семьей – только я одна. (...) Сегодня же утром вдруг прибежал Трофим Семенович и сообщил мне неожиданную новость. У нас в Институте есть ЦКБ-1 и ЦКБ-2 (Центральное конструкторское бюро), и вот, начальник ЦКБ-1, некто Явлинский, выхлопотал тебе вызов к себе в отдел для работы по танкам, и этот вызов утвержден Н.К.О. и уже послан...».

Тамара боялась надеяться всерьез – и правильно. Дочка тяжело переболела корью. Встает в бабушкиных письмах и странная, почти фантазмагорическая картина Москвы конца Отечественной войны. Обратите внимание, любители утверждать, что «при Советской власти» все были равны в скромности, а драматическое расслоение общества появилось лишь с приходом ниспровергателей. Своими глазами я читала в бабушкиных письмах про коммерческие магазины, в которых продавались даже живые устрицы (идите, купите устриц весной 2017-го), но, увы, покупать там могли только те, у кого имелись какие-то таинственные литеры А и Б, а также еще некие заповедные книжки, дающие скидку 25%. Пишет мужу молодая моя бабушка, что ее начальники живут лучше, чем до войны! Она же попыталась всего лишь сняться с ребенком, достала фотобумаги... Фотограф сфотографировал их с Олей, но был арестован – пропал! (Фотографа-то за что?) Нет фоточек... Но... всем смертям назло – собирается праздновать

день рождения дочки, купить в коммерческом конфект (оба пишут «конфекты»), испечь пирогов – даже вино получают по карточкам! И все будет – **по-настоящему**. После Кинели – какая все это, должно быть, особая отрада:

«Сколько испытаний выпало на нашу долю... Но ничего – сколько радости, жизни впереди! Мы сумеем с тобой быть очень счастливыми. Слышал ли ты по радио песню «Темная ночь» в исполнении Козловского? Она из фильма «Два бойца». Когда я ее слушаю, она проникает мне в самое сердце, и навертываются слезы. Как будто ты, любимый, говоришь мне это...».

Это не первое письмо военных лет, в котором упомянут один из бессмертных «хитов» того времени: «Темная ночь» или «Землянка». Наверное, я не преувеличу, если скажу, что каждый без исключения человек, испытавший в те годы фронтовую разлуку – по обе стороны линии фронта – считал героем этих песен именно себя. Такие вот два идеальных попадания в десятку. За каждую из этих двух песен авторы должны были получить по Звезде Героя – ибо мощный вклад в дело Победы внесли их творения!

Приступая к этой работе, я намеревалась избежать любого пафоса, мечтая показать читателю просто живых людей, своих родных бабушку и бабушку, через три четверти страшного века дать услышать потомкам их живые голоса... Вот молодая мать, любящая и любимая жена, делает все возможное и невозможное для воссоединения с мужем, который в неоглядной дали от нее – и так же рвется к семье, к мирной работе, в родную Москву – всем сердцем он уже здесь.

Но... как избежать пафоса, скажите?!

«27 апреля 44 года.

*Не огорчайся, милый друг, таким положение дел с моим вызовом. Не так легко офицеру снять погоны в военное время, ведь мы – **русские** (Подчеркнуто автором письма – Н.В.). Примириться с этим, повторю, было бы мне нелегко. (...) Украина (так у автора – Н.В.) была и осталась цветущим краем. Какое здесь изобилие цветущих деревьев! Скоро все покроется белым цветом – это, наверное, будет так красиво!».*

Только одно предложение в этом письме

– без всякой назидательности и торжественности. Как данность: русские. Не советские. Временщики уйдут, Россия – останется. И, пока она в опасности, – воевать. И точка.

Теперь я часто слышу со всех сторон, что в наше время – случись что – и русские воевать не пойдут: не за что. Это, дескать, возможно было тогда, в те годы, когда жили «богатыри – не вы», а нынешние, мол, «выбрали «Пепси»». Не верю этой клевете – хотя бы только из-за того, что любой народ – это единое мистическое тело, наполняемое одной и той же родовой – кровной – энергией, и потомки не смогут поступить иначе просто потому, что это заложено у них в генах, а генотип целой нации за каких-то два-три поколения не ломается: была же в Афгане – 9-я рота⁴, а в Чечне – 6-я⁵... Близкие потомки людей, живших и думавших так, что муж мог написать жене те слова, которые когда-то написал мой дедушка, а жена – ответить теми, которыми ответила моя бабушка – не предадут Родину:

«21 мая 1944 года.

*(...) В последнем письме твоём я так поняла тебя, так почувствовала благородство твоего **русского** (подчеркнуто автором письма – Н.А.) сердца. Ты говоришь, что тебе нелегко было бы снять погоны в военное время. Ты прав, и я люблю тебя за это в тысячу раз больше. (...) Когда придет нам время быть вместе, я не знаю. Но клянусь тебе, мой единственный друг: больше ни единой попытки вернуть тебя в Институт. (...) Будь спокоен, родной, за меня: за три года у меня было много невзгод, теперь осталось меньше – переживу и тебя дождусь!».*

Закончила этот кусок, и подумалось невольно: не поверят. Скажут – подрихтовала

⁴ Закончившийся победой советских войск оборонительный бой 9-й парашютно-десантной роты 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка против десятикратно превосходящих сил противника (афганских моджахедов) за господствующую высоту 3234, расположенную над дорогой в г. Хост в зоне афгано-пакистанской границы, в ходе Афганской войны 7-8 января 1988 года. (Прим. автора).

⁵ Бой у высоты 776 в ходе Второй Чеченской войны, когда 29 февраля – 1 марта 2000 года 6-я рота 2-го батальона 104-го гвардейского парашютно-десантного полка 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии (Псковской) вступила в бой со значительно (приблизительно в двадцать пять раз) превосходящим по численности отрядом чеченских боевиков. (Прим. автора).

что-то Веселова (беллетристка же – вот и не изменила «профилю»), от себя «в тему» добавила, красотей подпустила – так, чуть-чуть, а заиграло иными гранями... Ну, например, с чего это вдруг советские инженер с инженершей дружно подчеркивают в письмах слово «русский» – не иначе, ненавязчивая пропаганда... Ну, и «штиль» какой-то подозрительно высокий – явно без редактуры не обошлось... Можно было бы, конечно, просто поместить здесь фотографии соответствующих страниц писем – но не зря же ставила я в текстах отточия: они скрывают слова, которые я с самого начала хотела скрыть – в них то сокровенное, на что мы с вами не имеем права, – поэтому уж придется читателям поверить моему честному слову: я исправляла в письмах только орфографию – согласно прошедшим реформам, просто чтобы моему современнику было удобнее читать, и он не считал бы ошибками то, что в сороковых годах соответствовало официальным нормам правописания... Ну, и запятые кое-где проставила – не всегда ведь была у авторов возможность – да и желание! – вдумываться в пунктуационные хитрости: поважней заботы одолевали... А писали они то, что думали и чувствовали, и, мнится мне, не только они – многие.

По мере того, как явно приближался конец войны, как росла уверенность в чудесной Победе, тон писем Тамары и Дмитрия постепенно менялся, становился более сдержанным, некая чуткая настороженность сквозила в них. Нет, это было не угасание чувств, подточенных долгой разлукой (действительно, в одном из писем бабушка замечает, что разлука их оказалась дольше, чем совместная жизнь до войны), это было постепенное осознание громадности того, что приближалось, – Победы. К ней тоже надо было готовить сердце, чтобы оно не разорвалось однажды, а самим – внутренне дорости до приятия предстоящего. Следовало как бы почистить перья, смыть военную грубость бытия, коркой за годы налипшую, смелей и глубже вдохнуть издалека идущую весну – очеловечиться. А начать – с детей:

«...Ты не ошибаешься, думая, что я часто делаю Олечке подарки от твоего имени – да почти все игрушки «присылаешь» ей ты. И

она всем говорит, что ту или другую игрушку прислал ей папочка. Когда ты прислал мне 1000 рублей, я ей купила туфельки, очень хорошенькие, а потом еще и куклу – большую и хорошую. Она очень любит игрушки, я ей покупаю много – у нее есть всякие тележки, автомобильчики, мишки, плита, кастрюли и куклы – и это почти все твои подарки. Теперь она просит меня написать тебе, чтобы ты прислал ей коня. Ты знаешь, она у нас очень веселая, жизнерадостная девочка, я не знаю, в кого она такая резвая. Твоя мама говорит, что в Муру (Марию, сестру Дмитрия – Н.В.), что ты был серьезным ребенком и очень тихим».

Тамара надеется, что скоро ей предстоит не жертвенно ждать мужа, а жить с ним – новым после того, что испытано, а, между тем, и сама она – другая. Встретятся не те люди, которые полюбили друг друга в конце тридцатых, поженились, полные надежд на лучшее, родили дитя, а – иные – и – дурацкое слово, но подходящее: опаленные. И оба они инстинктивно стали готовить грядущую встречу.

* * *

А между тем дедушка ожидает перевода на работу в штаб фронта, его часть направляется уже в Бессарабию. Поставлена на колени фашистская Румыния... Он молод, любознателен, восприимчив... Среди опасности и бесконечного военного труда все равно находит время увидеть, удивиться, восхититься – и обязательно поделиться с любимой. В письмах впервые появляются рисунки – вполне подробные и грамотные: все-таки Дмитрий привык к чертежам – и вот уже в письмах красуются на бумаге островерхие высокие одноэтажные дома красными черепичными крышами...

«17 августа 44 года.

...Я побывал во многих городах Румынии: Яссах, Васлуе, Берладе, Фокшанах, Бузеу, Тырговиште, Рымнику, Вылча и, наконец, Сибиу. В Бухаресте побывать пока не пришлось. Я видел много интересного, вынес много незабываемых впечатлений. (...) Чтобы попасть в Сибиу, пришлось пересечь Трансильванские Альпы по долине реки Олтул. Ехал ущельем с

нависшими кругом скалами. В этой горной, быстротекущей речке Олтул, кстати сказать, купался после путешествия в жаре и пыли. Я бы сказал, что здесь везде красиво, красивая природа, но эти альпийские городки особенно выделяются в этом отношении (...) Следует еще добавить о том изобилии фруктов и особенно винограда, которым мы пользуемся в свое удовольствие. Понятно, что и вина здесь изобилие. Его пьют и льют ведрами – это без малейшего преувеличения».

Из письма от 22 сентября 1944 года становится ясно, что Димитрий успел летом (в июле) слетать в Москву в краткий отпуск или командировку... Могу представить себе... Да нет, не могу, конечно, – каково это: увидеть свою дочку уже не в виде не понятного ни одному мужчине на свете таинственного живого кул-ка, а уже полноценной московской девочкой – трехлетней резвой болтушкой, и осознать, что ты *отец* этого создания... Встретиться с женой, которую не видел дольше, чем знал до разлуки, чей образ представлял по прежнему времени, а она... Какой стала не объективно, а *для него*? А его каким увидела? Ясно, что при усах, а глаза? Не узнать никогда. Понятно только, что отношения их упрочились, и следующие письма всё из той же Румынии пишет уже муж, по-другому заботливый! Вот он ходил в румынском городке по магазинам – да как толково, прямо удивительно!

«...я купил тебе несколько пар шелковых чулок и туфли на высоком каблуке, черные, шелковые сверху, а также кожаные туфли на низком каблуке, такие тупоносые. Они очень маленькие по виду, хотя их номер 35. Мне кажется, что на твою маленькую ножку нужно покупать 33 номер, но таких не оказалось. Увы, в сущности, моя дорогая, это моя первая покупка для тебя за время нашего брака, и то я не знаю, когда ты все это получишь. Во всяком случае, мне самому доставило удовольствие делать эти покупки для тебя. Поэтому и для дочки я купил маленькое розовое платье, но ведь она так быстро растет, что оно может оказаться ей мало, пока она его получит. Я еще постараюсь купить тебе замшевые туфли, которые я так люблю видеть на твоей ножке. (...) В магазинах наших полно, и они, главным образом, поддержива-

ют торговлю».

Румыния, между прочим, была государством враждебным, побежденным. «Наши» туда пришли – победителями, Бухарест – брали! То есть никто бы не удивился, если бы все эти подарки были попросту взяты как «трофеи» – как, собственно, брали все потребное немцы на нашей территории, и не то что в магазинах, а в любом доме, куда даже случайно зашли! Вот свидетельство из первых рук: никакого мародерства – покупали, торговлю, видите ли, поддерживали, вместо того, чтобы перестрелять всех на месте и прихватить, что приглянется. Советский неизбалованный человек, у которого на Родине до войны женщины в большинстве своем ходили по улицам миллионных городов в парусиновых тапочках и холщовых халатах, дедушка воочию увидел западное изобилие, такое, что «глаза разбегались». Но почти ничего, кроме самого необходимого, – себе, даже странно! Все только им, им – жене и дочке, настрадавшимся... Посылает платья, крепдешин, сукно, много шелковых и простых чулок, мыло... Родственникам (мать, тети, сестра, брат) – так, по чуть-чуть, чтобы «отметиться», и не может остановиться, задаривает Тамару и Олю... Покупает им сумочки, костюмчики с помпончиками, пудру, одеколон, джемперы, ручку с золотым пером, губные гармошки, туфли и даже красные бусы, о которых мечтала маленькая Оля. (О бусах ему Тамара 15 декабря ответит: «Бусы ей очень нравятся. Но носить летом буду их я: они мне тоже очень нравятся. Они будут считаться ее»). Вот так. Характер.)

Симпатичная дедушкина ремарка:

«Увы, мой чемодан, наполненный всякими предметами дамского туалета, менее всего напоминает теперь чемодан сурового воина...».

Последние города Румынии, скоро будет Венгрия.

* * *

В начале октября у Тамары – паника: легочное заболевание у Оли, сказалась все-таки Кинель – голод ее, холод и грязь... Вызывают частным образом известного педиатра Царева – и... Опасность туберкулеза! Нужно масло,

мед, козье молоко, фрукты, лекарства... Тамара безжалостно продает все богатства из посылки – спасать ребенка. Но при этом робко просит мужа прислать еще: женщина. Три года в лохмотьях, опорках, заматанная в платок – москвичка:

«Если будут белые или замшевые туфли – купи их для меня. Ты так хорошо знаешь мою ногу, что ничуть не ошибся в размере. Лина сестре своей прислала такое чудесное белье! Что же ты не догадался купить хотя бы одну такую комбинацию? Сразу видно, что женщина понимает больше во всех этих вещах...».

В те дни, когда даже осенью, в темноте (до снятия затемнения оставалось полгода!) каждый час приближал к Победе, Тамара изо всех сил старалась восполнить своему ребенку то, чего он недополучил, искупала мнимую вину – свою и мужа? Или просто училась радоваться жизни?

«22 октября 1944 г.

...Сегодня утром мы с Олечкой ходили в цирк. Очень хорошая программа: Дуров со своими животными, со слонами, которые танцуют «цыганочку», с морскими львами, вид которых не особенно был мне приятен. Олечке же особенно понравились номера с собачками, Пат и Паташон, а также Карандаш. В общем, цирк произвел на нее большое впечатление».

Оля Павлова. 1945 г.

Ни ее, ни его эта война на сломала. Димитрий пишет жене, пытаясь поддержать, подставить плечо – и это уже не туфельки, не платья... Он с ней именно муж, ненавязчиво наставляющий:

«30 октября 44 года.

...Я верю в жизнь и люблю ее, несмотря на все черные дни, которые выпадали на мою долю и, может быть, выпадут еще. Так и надо, дорогая Руша, держись этого курса и не предавайся мрачным предчувствиям. Перед волей расступаются все преграды. Видимо, уж так устроено на свете, чтобы человек все испытал. И испытания эти дают большую уверенность в себе и, пусть это звучит парадоксом, делают нашу жизнь еще более полной».

Тамара отвечает в такт и в тон:

«18 ноября 1944 г.

...Твое письмо и твои рассуждения меня так радуют! Я люблю тебя именно такого. Везде, всегда я тебе говорила, что ты иной, не такой, как все. И такого, только такого тебя люблю и таким хочу тебя видеть. Я, так же, как и ты, верю в жизнь и люблю ее, люблю потому, что эта жизнь принесла мне много забот, тревог, горя, радости – и много счастья, люблю ее за то, что она дала тебя мне – эта беспокойная жизнь, дала мне узнать еще большую жажду жизни...».

Жизнь очевидно повернула на лучшее, Димитрий уже инженер-майор, в письмах – добрая ирония, явно убывает трагизм: «Моя сероглазая женка» – раньше он никогда бы не позволил себе так написать, выбиться из вышеупомянутого «высокого штиля».

* * *

И вот он наступил – великий – победный – сорок пятый.

Тамара не сомневалась в нем: «Думаю, что этот год принесет нам Победу».

Пришли новогодние подарки: замшевая сумочка, долгожданные комбинации... А Олечка побывала на елке в мамином Институте:

«9 января 1945 г.

...Приезжал артист, наряженный Дедом Морозом, со своей внучкой Снегурочкой, и с

ними много снежинок-балерин – маленьких девочек из балетной школы. Дед Мороз забавлял детей, Снегурочка и снежинки танцевали под музыку. Дети тоже танцевали вокруг елки и пели, играли в разные игры. В общем, к удивлению многих, было все очень хорошо организовано. Потом Дед Мороз принес большую корзину с подарками для детей, и сам их раздал...».

Теперь в конце своих писем к мужу Тамара часто открыто пишет: «Храни тебя Бог!», «Пусть Бог хранит тебя!» – не боится: видно, явные преследования верующих прекратились, раз без опаски можно посылать такие слова офицеру за границу.

Пройдет лет тридцать, и бабушка будет просто ехать в московском метро по своим делам, как вдруг с противоположного сиденья к ней пересядет незнакомый человек. «Извините, пожалуйста, – скажет он ей, – но мне кажется, что вам очень нужно – вот это». Откроет портфель и подаст ей старинную икону в бронзовом окладе – Богородица Владимирская... В этом году уже двадцать лет, как нет на земле бабушки, икону хранит моя мама – та самая московская девочка Олечка из сороковых...

* * *

В январе 45-го Димитрий побывал в Киеве в командировке, по дороге, по обычаю, наблюдал жизнь:

«В Карпатах, местечках, затерявшихся среди гор, жизнь патриархальна. Утром, одеваясь, я в окно увидел музыкантов и, выглянув, поманил их. Они тотчас же явились со своими скрипками, флейтами, контрабасами и начали играть для русских офицеров. Исполнены были румынские национальные мотивы и даже русские, советские. Мы дали им денег – леи и пето – и они удалились. Нас везде встречали толпы ряженых. Когда мы случайно оказались в одном местечке, нас зазвали в помещение, и красивая, молоденькая девушка поднесла нам вина (впрочем, довольно кислого) и какой-то сдобный калач. К нам относились с большим почетом. (...) Укрепляй свои отношения с моими родными, мне это доставит очень большое удовольствие. Чаще бывай у

моей мамы. Не жди, чтобы старый, почтенный человек (Почтенному человеку около 55 лет – Н.А.) приходил к тебе хотя бы ради своей внучки. Так не положено и не принято делать, и поэтому этого и не следует ожидать. Сама бывай чаще и не лишай мою мать удовольствия видеть Олечку (внучка названа была Ольгой в честь своей бабушки – Н.А.)»

И к Москве неумолимо приближается весна, многие, и бабушка в их числе, уже знают, что именно весной придет победа – у нее и позже, редко, но случались какие-то моментальные прозрения. В письмах глухо звучит тема, что она мужу во время его летнего приезда даже называла дату победы – «после Пасхи»...

«22 февраля 1945 г.

...На днях была в Октябрьском зале Дома Союзов на концерте английской музыки. Исполнялись романсы на английском и русском языках. Прекрасная музыка! Теперь мне сердце больше открыто для прекрасных звуков, я глубже чувствую музыку. И я знаю, почему. Я размышляла и пришла к тому, что жизнь моя во время войны была весьма печальна, много мук и страдания выпало на мою долю. Очень много переживаний, о которых ты знаешь и не знаешь (выделено мной – Н.В.) Все это научило меня видеть жизнь и чувствовать ее, а музыка – ведь это жизнь, да, жизнь, а иногда – грезы... – Поскольку ревнует мужа к его однополчанкам, вставляет шпильку: – Мама сшила мне очень модное платье из светлосинего материала, присланного тобой. Вид получился великолепный. Завтра у нас в отделе банкет. ЦКБ получило Красное Знамя, вот по этому поводу и вечер. Теперь очень в моде банкеты. Будут артисты, танцы и пр. Пойду, наверное. Приглашены гости: генералы какие-то и из Наркомата. Пойду, посмотрю...».

Она так любила и ждала мужа, что ей было ни да каких не до генералов, смешно даже представить, но, думая, что у мужа там банкеты «с дамами»... Не удержалась.

И вот его открытка из Венгрии:

«23 февраля 1945 г.

Руша, дорогая!

Поздравь меня, я награжден орденом Красной Звезды!

Орден
Красной
Звезды
Димитрия
Павлова

Сегодня мы праздновали славную годовщину Красной Армии. Днем была торжественная часть, вечером будет большой банкет. Поздравляю тебя с этим праздником, крепко целую и остаюсь любящий тебя твой Димитрий».

Он живет «на квартире» в мадьярском домике в чистой комнате, в просветах службы изучает местные обычаи. Деталь: никак не привыкнет мыться в тазу: «Мы, русские люди привыкли мыться в проточной воде». Действительно – ужас (меня и сейчас эти европейские пробки в раковинах убивают). Зато мадьярские мальчишки похожи на русских – да и все мальчишки (не девчонки) мира друг на друга похожи – общемировое мальчишеское единство... С очень милыми войнами – до поры до времени...

* * *

Наконец-то мой пуританин дедушка получает свой первый культурный шок:

«13 апреля 1945 года.

...Туфли, которые я тебе купил в Будапеште, мне очень нравятся. Они замшевые, с лакированной отделкой. Я так хорошо представляю себе в них твои ножки! Я тебе еще непременно куплю сандалеты, в которых щеголяют европейские дамы, хотя это совершенная дешевка. Они имеют такой вид. (Далее – подробный рисунок двух разновидностей босоножек на танкетке – Н.А.). Будапештские дамы бойко стучат этой обувью по тротуарам. Кстати, не берись судить, является ли это модой или следствием военного времени, но многие дамы ходят в... брюках! Чаще всего внизу брюки заканчиваются на манер спортивных, а иногда имеют самый обычный вид. Позже я видел такое и в Чехословакии...».

О, да, это я в нем прекрасно понимаю и помню. Спустя тридцать пять примерно лет его десятилетняя внученька Наташа будет скакать по гаражам в просторном московском дворе в грязных джинсах – и стараться не столкнуться с ним в прихожей, особенно по возвращении с прогулки (как из боя), чтобы не услышать горький дедов упрек: «Девочка должна ходить – в платьице!». Ну, да – и играть в куклы... Маме моей он тоже привез большую фарфоровую куклу-красавицу. А в Венгрии упорно вкладывал в письма фотографии с видами Будапешта – цензура вынула, конечно, – пришло только его фото с сослуживцами. Жаль.

А вот еще замечательное письмо, где совместилось самое простое, человеческое – с уже истинно гражданским, вновь чисто русским, очевидно не советским:

«Действительно, Олечка паинька на фотографии, но вместе с тем чувствуется, что она далеко не всегда такая. Такая живость во взоре, такая «лисичка-сестричка». Как она сама говорит: «Я хитрая, как лиса». Только подумать, что ей 26 мая исполняется всего 4 года! Я помню, что в том месяце, когда я был в Москве, она меня чрезвычайно поразила. Я шел тогда по переулку, что идет вдоль железной дороге от Малой Басманной к улице Карла Маркса, то есть, к нашему дому. Я нес ее на руках со всей возможной скоростью, так как она мне перед тем заявила, что «замуж не собирается», т.е. что она еще небольшая и терпеть больше не может, как я ее ни уговаривал. Мысль о том, что придется устраивать на улице (мне, офицеру!) ее столь необходимые и естественные дела, приводила меня в ужас. И вот, я мчал ее на руках по этому бесконечно длинному переулку. И вот она, засмеявшись, как бы снисходя к моим усилиям и одновременно, будучи благодарна мне, обняла меня и поцеловала. Повторяю, что такое тонкое понимание происходящего ребенком едва ли трех с половиной лет – моей дочерью – поразило меня до крайности. (...) Победные известия с фронтов радостно волнуют: испытываешь гордость за свою страну, за славное русское оружие, повергнувшее в прах хвастливого и злобного врага. Немцы покрыты несмываемым позором. Чванливые

негодяи, мнившие себя властителями вселенной, блокировавшие в свое время Ленинград и рассматривавшие Москву в бинокль, – дождались своего часа. Русские в Берлине. Есть отчего прийти в волнение: мы переживаем исторические дни. (...) Я уже писал тебе, что покинул страну мадьярию и теперь вновь среди братьев-славян, в Чехословакии. Мы понимает друг друга процентов на 25. Интересное дело, в их быте много общего с нашим – что значит славянская кровь...».

И в Тамарином поздравлении мужа с Первым мая – то же:

«...Желаю, чтобы этот май стал месяцем победы над гитлеровцами, принес окончательный разгром их, чтоб, наконец, близкие, родные смогли вернуться к себе на Родину, к своим семьям...».

Фото дочки Олечки она послала мужу, а вот свое отправить не решилась из чисто суеверных соображений: мечтала сфотографироваться только вместе с ним, всерьез боялась, что если сфотографируется одна, то одна и останется! Сейчас можно добродушно или снисходительно улыбнуться, но тогда, когда столько не вернулись... А он-то ей все время посылал то одну, то другую фотографию!..

Вот еще интересный вопрос. Бабушка пишет: «Ходят слухи, что на Пасху будем гулять два дня», т.е. добавят еще выходной к Пасхе? Что, при Сталине разрешили праздновать Пасху, как, например, долго запрещаемый Новый год, да еще и выходные дополнительные давали? Уж не у кого спросить... Она пришлось в том году на 6 мая, салют в честь взятия Берлина был 2 мая, затемнение сняли 30 апреля, на улицах стал гореть свет.

И Победа пришла – в ночь на Светлую Среду пасхальной седмицы, как несколько раз предрекала Тамара... Она вообще умела предсказывать, моя бабушка... Вот оно, это письмо, это бесценное свидетельство очевидца, написанное сразу же – не приукрашенное и дополненное когда-нибудь впоследствии воспоминание.

«Москва

Суббота, 12 мая 1945 г.

Любимый!

Поздравляю тебя с великим праздником Победы! Наконец-то этот долгожданный

день пришел и принес нам эту великую радость! У нас в Институте слушали 8 мая радиопередачу из Англии, речь Черчилля, которую мы тут же перевели. Так что у нас ждали с часу на час этого известия. Если б ты знал, как радовался народ этому величайшему событию! В два часа ночи, после передачи по радио акта о капитуляции, на улице поднялось такое оживление, и люди, несмотря на ранний час, все устремились на Красную площадь, и уже в 5 часов утра она была полна народа. Особенно много было у вокзалов, где люди встречали случайно в этот день прибывших фронтовиков и изливали на них свою радость, выражаемую, например, в подбрасывании в воздух этих попавшихся военных. Ну, такое было оживление, что трудно передать! Трамваи и метро были переполнены, потому что в такой день никто не мог усидеть дома. День был солнечный, но холодный, и так радостны были лица людей! Правда. Встречались и плачущие люди – те, которые потеряли родных и близких. Их горе в этот общий день радости, среди общего ликования, было безудержно. Редко можно встретить рыдающих людей на улице, но в этот день радость была бурной, и горе людей, потерявших близких, тоже не могло скрыться и лилось. (...) В 10 часов вечера Москва была незабываемо красива: тысячи разноцветных прожекторов – голубых, лиловых, зеленых и других – переплелись красивой сеткой в небе, и грянуло тридцать громовых залпов из орудий, много цветных ракет взлетело в освещенное прожекторами небо – уж такое красивое зрелище! А после салюта самолеты выбрасывали гирлянды цветных ракет – это тоже было замечательно красиво. Торжество продолжалось до утра.

Дорогой! Огромна моя радость, но я все же буду спокойна только тогда, когда получу от тебя письмо, датированное после 9 мая, а окончательно спокойна только, когда буду с тобой. Молю Бога, чтобы Он скорей вернул мне тебя («Он» сначала было написано со строчной буквы, но потом исправлено на заглавную – Н.В.). (...) Дочка твоя, как только ей сказали, что кончилась война, сразу же спросила, почему папа ее не едет. Она, глупышка, думала, что папа молниеносно будет

с ней, как только война закончится...».

Да, Олечка жестоко ошибалась. Приказ об увольнении ее папы из армии будет подписан ровно через год и один день после даты написания этого письма. Но пока никто еще об этом не подозревает – люди ослеплены и оглушены небывалой радостью. Дмитрий пишет жене:

«18 мая 1945 года.

Рушенька моя дорогая!

С победой тебя, родная!

Со славной, чудесной победой, пришедшей после стольких лет страданий и испытаний, в сиянии великого подвига нашего народа. Как ликовала Москва, я догадываюсь и слышал по радио эти крики «ура» во время салюта в честь победы. У нас было то же. После того, как в два часа ночи объявили по радио о капитуляции Германии, поднялось невообразимое: беспорядочная стрельба из всех видов оружия, крики ура, поздравления, появилось на сцену вино, песни. Зенитчики открыли огонь, точно в воздухе была, по крайней мере, сотня вражеских самолетов. (...) Восьмое мая было для меня отмечено еще и тем, что я получил медаль «За оборону Кавказа», с чем ты можешь меня и поздравить. Мне дорога эта память о тех суровых днях...».

Прощается «до скорого свидания», но – да! – пройдет еще целый год...

* * *

«Жду тебя с Великой Любовью»... – эти ликующие слова заканчивают одно из бабушкиных писем сразу после войны. Сначала обоим кажется, что встреча произойдет вот-вот. Тамара даже трогательно дает мужу свой

рабочий телефон: Ж-4-31-26. Дескать, если приедешь внезапно, – звони, сразу прибегу... (Набрать бы этот номер сейчас, но как быть с буквой «ж»? Право, кажется, что, если б не маленькая эта загвоздка, то там сразу сняли бы трубку, я бы вежливо попросила к телефону Тамару Сергеевну – и тогда... *оттуда* зазвучал бы ее взволнованный молодой голос, и я бы сказала ей, чтобы она не волновалась так мучительно, потому что совсем скоро и еще долго-долго будет очень-очень хорошо, я точно знаю. Но... все никак не придумать, как справиться с проклятой буквой.) Рекомендует ценные вещи не доверять почте, а привезти самому... Покупает «Димочке» ткань на пальто, себе шьет шелковые блузки из присланных им тканей, чтобы понравиться ему, когда приедет, в каждом письме спрашивает, что слышно о демобилизации, пребывает в радостном волнении...

Но...

Странно и страшно писать это: если 42-43 годы в эвакуации были самыми опасными и тяжелыми, то теперь, с мая 1945 года по май 1946-го, наступил год самый мучительный нравственно...

* * *

Но пока еще горяча первая радость победы, пока еще длится этот бесконечный выдох облегчения, еще только расправляются плечи, поднимается голова: будем – жить.

«24 мая 1945 г.

...Последнее мое путешествие было в Вену. Надо думать, что это была самая западная точка, которая была мной достигнута, т.е. западнее быть уже не придется.

Медали Дмитрия Павлова:
«За оборону Кавказа»,
«За победу над Германией»,
«За взятие Будапешта»,
«За взятие Вены»

Пора, пора – назад, на Восток. В Вене я был 11 мая. Вынес впечатление, что это очень красивый город, хотя и пострадал очень от военных действий, главным образом, от авиации союзников. Я был во дворце Франца-Иосифа, в парламенте, соборе св. Стефана, осматривал венскую оперу, ратушу. Посетил кладбище и могилы Штрауса, Моцарта, Бетховена, Брамса, Шуберта. Был и в Венском лесу...».

Кругом средневековые замки, офицеры беззаботно охотятся, подняли 7 зайцев, кто-то убил серну... Зажарили и съели – ничего себе, пикничок.

Продолжаются посылки в Москву, в основном, отправляются бесконечные материи на платья и блузки.

Подоспели и новые награды: медали «За Вену», «За Будапешт», «За победу над Германией». Все, наконец, могут чуть расслабиться, ездят друг к другу «в хозяйства» в гости, рыбачат, ночами режутся в преферанс на деньги... И снова – пикники, пикники... Представляю, как должно было сердить бабушку, когда она читала дедушкины простодушные описания офицерских развлечений! Зато он догадался поставить у частного дантиста коронки и мосты на зубы (от своих – натерпелся!). Эти «европейские» зубы простоят долго...

* * *

У Тамары дочь выжила, а у знакомых ребенок умер от менингита начале июня 45-го, перед этим другой – в эвакуации. «Отец им так гордился, катал в колясочке», – с горечью пишет бабушка... Всегда так было, даже в ту весну, когда казалось, что теперь – только счастье впереди. Кому – Победа, кому – горе... А она все шьет и шьет платья, блузки из великолепных заграничных тканей: скорей, скорей – успеть предстать перед мужем красивой! И...

Возраст Дмитрия под приказ о демобилизации не попал. Впереди полная неизвестность. Суеверия еще больше одолевают мою и без того суеверную бабушку – вот отрывок письма от 25 июня 1945 г.:

«Димочка! Зря ты не взял ту подкову, что вы с товарищем нашли на шоссе. Помнишь ли, когда-то очень давно, гуляя в лесу в Сокольниках, мы с тобой нашли подкову, и я взяла ее

себе в сумочку? Она у меня до сих пор цела, она со мной ездила в эвакуацию и обратно вернулась. Ты смеешься, наверно, да?».

Ну, конечно, ей уже кажется, что, если б он взял ту подкову, как она – свою... Уже был бы дома, быть может? И тут, как назло – выпала из трамвая, сильно разбилась... «Вечно то я куда-нибудь падаю, то на меня что-нибудь падает. Весной на меня, например, упал карниз...». Теперь я знаю, в кого я – человек-авария...

И вот, новая горечь – хуже той, что сквозила в ее письмах раньше:

«Эти четыре года разлуки я переносила: ведь это было неизбежно и неотвратимо, но теперь я нетерпеливо жду тебя! Неужели, еще месяц, может, и больше? Теперь месяцы так бесконечно длинны, тянутся, как годы... Просто невозможно еще так долго прожить без тебя!»...

Ах, Тамара, Тамара, Тамаруша-Руша... Не месяц – одиннадцать. Одиннадцать месяцев еще, милая... Горечь будет только нарастать, переходя в отчаянье. Кому – и так ли?! – нужно было это последнее их испытание?

И все-таки она верит, что скоро, скоро... Просит поберечь усы, чтоб она успела их еще раз увидеть, пока не сбриты... Уж на что-что, а на них Тамара налюбуется вдосталь: усы останутся у дедушки до конца жизни.

* * *

Осенью победная эйфория завершилась вполне, как и европейские путешествия: с октября Дмитрий уже в Одессе. Все бесит, приказа о демобилизации нет, никак не вырваться на волю. Ходил на концерт Вертинского. (Да, да, так вот обыденно: сидел в зале, смотрел на сцену, где, сидя за огромным, наскоро настроенным роялем, грассирующим тенором – «Над 'гозовым мо'гем вставала луна...» – хрупкий бледный человечек легко и просто вынимал душу из присутствующих – а море, фиолетово-бирюзовое, подпевало из-за ближайшего угла). Громоздятся полуфантастические проекты, например, вдруг Дмитрий предполагает остаться в армии навсегда, служить в Одессе: город красивый, приморский, а «детке будет хорошо». Когда становит-

ся ясно, что эта странная затея провалилось, вновь хлопчет о вызове в Москву...

Осенью отчаянье Тамары притупилось было, пришла обреченность, почти смирение. Эту москвичку квартирный вопрос не сгубил: по сравнению с тем, что выпало пережить, например, в Кинель-Черкассах, жизнь ее казалась вполне благополучной. В одной большой комнате коммунальной квартиры жили четвером: родители Тамары и она с Олечкой. Однажды бабушка додумалась отгородить себе с дочкой полкомнаты (чем отгородить – не говорит, не стеной, во всяком случае). Скорей всего, шкафом или занавеской. И счастливо пишет своему Димитрию, что о комнате беспокоиться больше не надо – с жилплощадью, дескать, все в порядке... Конечно, не землянка же... И так проживут до 1956-го года, да еще одного ребенка там родят! Счастье. Вот оно, какое, оказывается, когда – настоящее.

Оля много болеет, свинка дочки погубила Тамаре летний отпуск, а потом одно за другим: колит, цистит – чуть до больницы не дошло – а письма от мужа все сдержаннее... (На самом деле оттого, что он не в меньшем отчаянье от всей этой нелепо-трагичной ситуации, просто открыто выражать негативные эмоции – не в его характере.) И опять мечется на разрыв несчастная Тамара: то ни во что не верит, то убеждает себя, что все хорошо, то мужа молит немедленно приехать – а он что может сделать, бедный?

Строки из разных писем – как крики из бездны:

«Я от нетерпения видеть тебя потеряла способность писать связные письма!».

«Сама я до того изнервничалась, что ни с кем не могу говорить спокойно».

Так пройдет и лето, и осень – но она не сойдет с ума.

* * *

Похоже, что в ноябре 1945 г. Димитрию все-таки удалось снова вырваться в отпуск в Москву, потому что он «вернулся в Одессу 1 декабря», а Тамара «видела безобразия при посадке». Но вызова как не было, так и нет. В письмах Тамары глухое раздражение порой сменяется уже безнадежностью: «С

отчаяньем сообщаю тебе, что надежду на твой вызов потеряла!». Действительно, скоро год, как кончилась война, дочь пять лет растет без отца, виделись за это время всего два-три раза... Она носится по инстанциям, пишет, звонит занятым людям, некоторые по-настоящему прячутся от нее! Один (некто Явлинский – ах, как бабушка в письмах его клеймит: *«Поверь мне, я не ошибаюсь: он ничего не сделает, все его посулы – вранье, он ждет только случая притащить сюда своих, а всем его обещаниям цена грош – ведь это врожденное у них»*), завидев бабушку невдалеке на территории института, даже сбежал в боковую аллею! В феврале 1946 г. Тамара добилась запроса, подписанного аж президентом Академии Наук! У Оли нашли затемнение в легких, нужно быть с ней, лечить ее, нужен муж рядом! Или уж климат Одессы...

Не действует ничто – словно в заколдованный круг попали.

Кто-то, возможно, и сейчас в душе осудит их за такое нетерпение: скажите, пожалуйста! – оба живые, здоровые, ребенка сохранили – что за нытье интеллигентское! – подумаешь, не потерпеть годик; многие пришли инвалидами, а другие – так и вовсе не вернулись, а кто вернулся – да к пепелищу и крестам, а эти... Платья она, видите ли, шьет, а он дышит себе черноморским воздухом – и всё недовольны. Сказали бы спасибо, что выпутались!

Да, конечно, если сравнивать с катастрофой, то ее – не было. А был страх – исконный, животный и – да – снова суеверный: потерять друг друга именно теперь, когда все самое страшное позади. Потерять по какой-нибудь нелепой случайности или просто от усталости – той, крайней и запредельной, когда одному, например, просто захочется на миг «забыться», а другой – не вынесет... ***Не такой, возможно, несправедливой, казалась потеря во время войны.***

Но в письмах все те же высокие слова и мысли: вот Димитрий размышляет о «тыловых крысах»:

«Я очень горд своим положением и в глубине души презираю их за все то, чем они были во время войны, и за то, что они есть сейчас. А я с гордостью буду вспоминать об этом периоде своей жизни, даже если и расстанусь с

военной службой».

Но все невыносимей бесполезное и уже не нужное ни ему, ни Родине прозябание в Одессе! Письмо от 8 марта 1946 г.:

«Несмотря на всю эту служебную нуду, как говорил Маяковский (а для меня это нуда в буквальном смысле слова), время летит с какой-то поражающей быстротой, и я считаю уже не днями, а неделями. Меня просто пугает эта быстрота, с которой уходит время! Должен же я что-то успеть сделать в этой жизни, а не просто жить! Причем, жить в постоянном стремлении к своим идеалам, в неудовлетворенности своим настоящим, как живу я сейчас. Быть может, действительно следует следовать поговорке «Не так живи, как хочется»? Верю, что нет!».

У Дмитрия патриархальный взгляд на семью, считает, что детство ребенка может быть радостным только тогда, если жена не работает и полностью посвящает себя семье. Он счастлив, что взгляды его и Тамары на этот вопрос совпадают, готов уже забрать жену и дочь в Одессу... Не может видеть маленького ребенка, чтобы не вспомнить о дочери: разрывается сердце – ведь он ее уже знает, видел «большенькой», держал на руках...

Вот уже снова весна – а все не видно конца этой глупой, странной, никому не нужной разлуке!

«25 марта 1946 г.

...Была война, я мучилась, ждала, любила, трепетала за тебя. А теперь, когда война кончилась, когда можно было бы давно уже жить вместе, спокойно воспитывать ребенка, - все еще остается в тумане. (...) Или приезжай сам, или забери меня к себе. пойми, что я больше не хочу жить одна. Неужели ты не понимаешь, что я не железная и не каменная, я не могу жить одна, я хочу все заботы делить с тобой...».

«Кажется иногда, что больше не выдержу, что-то случится...» – этот крик уже похож на те, последние, из эвакуации – и вот...

В начале апреля приказ об увольнении пошел по инстанциям, его подписывают командующие по ступенькам вверх... Но неудачи преследуют – прямо роковые, словно вся преисподняя ополчилась против двоих любящих.

Вот поистине кошмарное письмо от 26 апреля – представляю, каково было бабушке читать его – и не закричать, не сломаться, не возроптать на Небеса!

«...По несчастливой случайности, из-за какого-то исправления остался неподписанным именно тот приказ, в котором в числе других находился и я, а теперь все наше командование находится на учениях...».

Судьба испытывает в последний раз, но знаю: это испытание тяжелей многих. Странно, читаю их переписку – и переживаю с ними, хотя знаю, давно-давно знаю, что все закончилось благополучно, что лучше и быть не могло потом, что это письмо – предпоследнее:

«6 мая 1946 г.,

Понедельник

...Не живу, а существую изо дня в день в ожидании приказа о моем увольнении. Не по сердцу даже южная весна, потому что знаю и чувствую по себе, как ты переживаешь каждый день моей задержки. Прошли первомайские дни. Первоначально я хотел было послать тебе поздравительную открытку, но потом раздумал: ведь не этой телеграммы ждешь ты от меня, она бы тебя не обрадовала, а скорее, расстроила. (...) Страдаю душой за тебя: боюсь, что в эти дни на твою долю выпадает испытаний нравственных больше, чем за всю нашу разлуку в прошлом. Я понимаю, что эти последние дни ожидания являются также и последними каплями, которые могут переполнить чашу терпения...».

Словно в насмешку, когда на приказе уже есть четыре подписи из пяти требующихся, инженера-майора Дмитрия Павлова отправляют в командировку в Котовск! Самое по-

Медаль
Тамары Павловой
«За доблестный
труд
в годы Великой
Отечественной
войны

следнее письмо от 12 мая 1946 года, в воскресенье, дышит едкой иронией:

«Положение такое идиотское, что может быть так: сегодня я уеду, а завтра поступит приказ!».

И как, вы думаете, получилось? Из собственноручной биографии дедушки, написанной двумя годами позже, явствует, что приказ был подписан именно 13 мая 1946 года...

Война закончилась. Аллилуйя.

* * *

В будущем они были счастливы – такая образцовая интеллигентная семья, где глава семьи – единственный добытчик и кормилец (инженер-изобретатель), а его жена – уважаемая домохозяйка, в хорошем смысле – домоправительница. Через четыре года после войны, в апреле 1949-го у них родился сын Владимир, в будущем – известный ученый, физик-ядерщик, доктор наук. Сохранились письма Дмитрия в роддом, где Тамара родила своего второго ребенка. (Именно тот подозрительный роддом, пользовавшийся в народе дурной славой, потому что там по необъяснимым причинам часто умирали новорожденные мальчики; его коллектив чуть не в полном составе попал через год под расправу во время знаменитого «дела врачей»; бабушка рассказывала, что и ее Володеньку, только-только народившегося, акушерка сразу же понесла из зала в соседнее помещение, не показывая матери и зажимая ему ротик рукой, – но родильница не зря прошла сквозь пепел и лед войны: она тотчас стала громко угрожать, что соскочит со стола и догонит преступницу, – и даже предприняла такую попытку, после чего мальчику немедленно дали закричать и вернули его обратно в родильный зал; правда это или что-то вроде родового психоза, я, разумеется, не знаю, но и сорок лет спустя бабушка говорила о том случае вполне здраво и уверенно.)

А ее так же горячо любимый Дмитрий – все такой же любящий муж и заботливый отец:

«Сегодня я везу тебе передачу. Передаю две булки, сахар, три яблока, а также по дороге хочу зайти в гастроном и купить черной

икры, шоколаду, печенья и еще чего-нибудь. Олечка вернулась из школы, хорошо покушала, съела два яблока. Сейчас сядет за уроки, а потом пойдет гулять. Вчера она без меня рано сделала уроки, но потом оказалось, что она в своем альбоме должна была проиллюстрировать рассказ про зайца, попавшего в наводнение. Нечего и говорить, что мне пришлось нарисовать ей в альбом три рисунка, да еще и раскрасить их...».

Олечка тоже выросла, закончила Московский Авиационный Институт, вышла замуж и переехала в Ленинград. Так что дети у Дмитрия и Тамары оба получились благополучными, только второе, *мирное*, родительство, конечно, принесло им больше радости; инстинктивно желая компенсировать свои моральные потери, понесенные в первом, они истово предались счастью воспитания младшенького – в безопасности и достатке. Жили спокойно и дружно:

«Дорогая Тамара, дорогие мои детки-малолетки Олечка и Вовочка!» – так начинается письмо Дмитрия из ленинградской командировки в 1954 году.

Счастливая семья...

Дмитрий прожил 73 года, умер осенью 1983-го от лимфогранулематоза, очень мужественно проболев им лет двенадцать. «Эх, вы, теоретики...» – были его последние слова жене и невестке. Тамара жила без него до весны 1997-го, умерла, чуть-чуть не дотянув до 81 года, не от старости, а от доконавших ее многочисленных болезней, ни одна из которых сама по себе не была смертельной – но совместными усилиями они, наконец, сумели довести до конца дело, начатое за 55 лет до того в проклятых Кинель-Черкассах...

А небольшой коричневый чемоданчик с аккуратными треугольниками их писем проживет еще долго: до тех пор, пока хоть один потомок – или просто честный русский человек – дышит воздухом Жизни и Памяти на этой несущейся сквозь ледяной звездный мрак обугленной головешке – страшной и прекрасной Земле.

7 апреля 2017 г.

Благовещенье

Татьяна СОРЕНСЕН

ДАНИЯ

Моя семья. К столетию 1917 года

Окончание. Начало в №№ 13,14

*Посвящается моей семье и
памяти моего деда Юрия (Георгия)
Константиновича фон Копиталь*

1918-1920 гг.

Я остановила свой рассказ на событиях января 1918 г., когда мой дед оказался в Киеве, остановившись «у своего деда генерал-лейтенанта в отставке Лейб-Гвардии Волынского полка Петра Петровича Доможирова», который фактически приходился братом его бабушки Анны Петровны Доможировой (род. 20.06.1852 г.).

Из воспоминаний: «Дальше я пропускаю свою жизнь до возвращения в Петроград, когда поступил (добровольно) в 17 Военное строительство». Это уже осень 1919 г.

Что же произошло за это время? И почему он пропускает это время, когда происходило так много в России? И ведь в конце 1917 г. он оказался в Киеве, где власть менялась 14 раз с 1917 по 1921! О том, что происходило в Киеве, мы знаем из художественных произведений, напр., из «Белой гвардии» и «Дней Турбиных» Булгакова, «Доктора Живаго» Пастернака.

На самом же деле события 1918 – 20 гг. на Украине, борьба русских офицерских добровольческих формирований, развитие Белого движения как на юге России, так и на западе и севере страны известны довольно плохо, а иногда практически неизвестны. Это одна из забытых страниц Белой борьбы в России. Эта тема стала актуальна только в последнее время. И поэтому так важны воспоминания оставшихся в живых. Впрочем, рассказывали и вспоминали они это только «под дулом пистолета», боясь подвергнуть себя, родных и близких репрессиям. В этом отношении очень интересна книга Сергея Владимировича Волкова «1918 год на Украине (Россия забытая и неизвестная)»¹, состоящая из воспоминаний очевидцев. Вот отрывок из этой книги, харак-

теризующий обстановку на Украине и в Киеве, где именно в это время оказался дед. «Ситуация, сложившаяся в конце 1917 года на Украине, была крайне запутанной. Здесь находилось значительное число офицеров – как проживавших на этой территории и служивших до войны в Киевском военном округе, так и масса тех, кто застрял на Юго-Западном и Румынском фронтах или не смог добраться до Центральной России. Киев был переполнен русскими офицерами, спасшимися из большевизированных частей. По приказу пришедшей к власти и провозгласившей в начале 1918 года независимость Украины Центральной Рады² правом жительства пользовались только проживавшие в городе до 1 января 1915 года. Все остальные обязаны были регистрироваться. Большевики во главе с М.А. Муравьевым, 26 января 1918 года захватившие Киев и ликвидировавшие Раду, истребили там множество офицеров. По сведениям Украинского Красного Креста, общее число жертв исчисляется в 5 тысяч человек, из коих большинство, до 3 тысяч, офицеры. Называются также цифры от 2 до 6 тысяч погибших офицеров. Во всяком случае, это была одна из крупнейших, если не самая крупная за 1917-1919 годы единовременная расправа над офицерами.»

Как вспоминает дед, ему самому чудом удалось уцелеть, когда он в январе 1918 г. «был остановлен патрулем (в пакете у меня был китель с погонами и револьвер), но меня отпустили – я был в форме рядового солдата...»

С 29 апреля 1918 года П.П. Скоропадский³ стал гетманом Украины. Вот ещё отрывок: «С установлением власти гетмана генерал-лейтенанта П.П. Скоропадского положение

русских офицеров на Украине изменилось радикальным образом. Если не считать действий петлюровских банд, жертвами которых в числе прочих становились и офицеры, в период с весны до осени 1918 года они находились там в относительной безопасности. Гетманом были даже ассигнованы денежные суммы для выдачи находящимся на Украине офицерам. В это время Украина и особенно Киев превратились в Мекку для всех, спасающихся от большевиков из Петрограда, Москвы и других местностей России. К лету 1918 года в Киеве насчитывалось до 50 тысяч офицеров, в Одессе – 20, в Харькове – 12, в Екатеринославле – 8 тысяч. Как вспоминал генерал барон П.Н. Врангель: «Со всех сторон России пробивались теперь на Украину русские офицеры. Частью по железной дороге, частью пешком через кордоны большевистских войск, ежеминутно рискуя жизнью, старались достигнуть они того единственного русского уголка, где надеялись поднять вновь трехцветное русское знамя, за честь которого пролито было столько крови их соратников. Здесь, в Киеве, жадно ловили они каждую весть о возрождении старых родных частей. Одни зачислялись в Украинскую армию, другие пробирались на Дон, третьи, наконец, ехали в Добровольческую армию⁴».

Так что же было с дедом, который в это время оказался в Киеве?

Ответ я нашла, прочитав в марте этого года дело моего деда в архиве на Шпалерной-25⁵ и в архиве НКВД – МВД на Литейном-6⁶.

Он разделил участь сотен тысяч офицеров, оказавшихся в пекле революции, ещё не отгремевшей первой мировой войне, начавшейся гражданской, сменяющихся постоянно властями, анархии, где было непонятно, что делать.

Из протокола допроса от 17.01.1934 г.: «Последний мой чин – поручик мортирного дивизиона. Во время Октябрьской революции был на Галицийском фронте, после октября 1917, когда наступила демобилизация, остался в Киеве у моих родственников⁷ и поступил в филиальный отдел Киевского Университета на естественный факультет. В момент поступления в Киев было правительство

Украинской Рады. По мобилизации гетмана Скоропадского я был взят в Украинские войска, где был назначен поручиком в тяжёлую артиллерию. Отдавая симпатии, вследствие моего социального происхождения, задачам, поставленным белыми войсками в борьбе с Советской властью, я по призыву существовавшей в Киеве организации по вербовке офицеров, вступил в добровольческую армию, переехал в Ростов Дон в армию Деникина, где получил назначение в артиллерийский дивизион, который стоял в резерве на передовых позициях Красной Армии.

В начале ноября 1918 я решил вернуться в Киев. Во время моего возвращения в Киев, не доезжая до Екатеринославля⁸, я был арестован какой-то красноармейской частью и в ту же ночь, но уже в вагоне другого поезда, я подвергся расстрелу, но остался жив, выпрыгнув на ходу в сугроб снега. Очнулся в будке у путевого сторожа, который отвёз меня в больницу ст. Васильково или Усычѣвка, к доктору Семёнову. В больнице я находился примерно месяц и по выздоровлении направился в Киев, где уже была Советская власть. В Киеве я поступил как студент медик в Брест-Литовский пункт Красного Креста по эвакуации беженцев. В Красном Кресте я прослужил до апреля 1919г., после чего вернулся к родным в Ленинград, где стал работать в 7-м Военном строительстве, потом в 17 строительстве Северного фронта в качестве конторщика-делопроизводителя».

А вот несколько другое изложение этого периода жизни из архива НКВД-МВД. «В марте 1918 г. призван в Украинскую армию в тяжёлый запасной дивизион. Находился там до ноября 1918 г. в г. Киеве. В ноябре 1918 г. две недели находился в добровольческой армии в Екатеринославле, в боях против Красной армии не участвовал. Последний чин - поручик артиллерии. Из добровольческой армии самостоятельно ушёл». «В 1918 г. в ноябре, уйдя из добровольческой армии и возвращаясь через Киев в Красную Армию, где тогда служил отец, попал в руки банды Махно около ст. Ульяновка под Екатеринославлем». В графе «трудовая деятельность» он пишет: «декабрь 1918 - май 1919. Пробирался из бе-

лой армии пешком в Киев для дальнейшего наступления в Красную Армию. За это время выполнял разные работы. В сельской местности помогал по хозяйству, а в Киеве поступил в Красный крест». На вопрос: «Что ещё желаете сообщить о себе, родителей и родственниках» - он добавляет: «Причиной самовольного ухода из Белой Армии было то, что отец служил в Красной Армии, и я не мог идти против. Вообще будучи политически неграмотен и находясь с 18 лет на службе, я не разбирался в чём состоит борьба красных с белыми и механически перешёл на службу в белую армию».

В автобиографии от ноября 1935 г. он пишет: «В 1917 г. в ноябре был командирован в Киев, там демобилизовался и женился на Нине Анатольевне Белянкиной и поступил в филиальное отделение Киевского университета на естественное отделение с переводом на медицинское. Но много учиться не удалось, был призван в марте 1917 в Украинскую армию, а затем в ноябре 1918 г. попал в белую. В ноябре 1918 г. ушёл из белой армии и возвращался к жене в Киев, но дорогой около ст. Ульяновка на перегоне Ростов – Дон – Екатеринославль был схвачен, предполагаю, бандой Махно, это было 25 ноября/7 декабря 1918 г. и в поезде на площадке вагона подвергся расстрелу. Случайно сохранил жизнь, прыгнув во время хода поезда, и был подобран железнодорожным служащим и отвезён в больницу. По выздоровлении в декабре 1918 г. пешком пришёл в Киев к жене, но с ней развёлся и уехал в Ленинград к отцу и поступил в мае 1919 г. в Красную армию в 7 Военное Строительство Северного Флота». И хотя документы частично разнятся, но из этих документов следует, что причинами самостоятельного ухода из добровольческой армии были служба отца в Красной Армии в Петрограде и возвращение к жене Нине Анатольевне Белянкиной (Габричевской), о знакомстве с которой он так пишет в своих воспоминаниях: «Находясь в Киеве, я случайно встретился с Белянкиным из фольварка (Мытки), и он познакомил меня со своей родственницей – женой брата, Ниной Анатольевной Белянкиной, урождённой Семёновой. Она была дочерью инженера Семё-

нова⁹, который строил Исторический музей¹⁰ в Москве, первый её муж бактериолог (Габричевский¹¹). С ней у меня завязался роман; жила она на Николаевской улице в польском пансионе около ресторана «Континенталь». Об этом я писала в предыдущей статье. И кроме того он пишет, что она была женой брата, а не вдовой или что была разведена с ним. Интересно, что в своих воспоминаниях он ни словом не упоминает ни о женитьбе, ни о разводе. Об этом я узнала только из многочисленных анкет. На вопрос «Перечислите фамилии, имена и отчества бывших жён-мужей и их местонахождение» отвечал: «Нина Анатольевна Габричевская. Разошёлся с ней в 1918 г. и её местонахождение не знаю». По семейным легендам говорилось, что его первая жена эмигрировала во Францию, но документальных подтверждений этому не найдено. Однажды, уже после смерти деда, мы нашли зашитый под репродукцией портрет с изображением необыкновенно красивой женщины и пытались расспросить бабушку, кто эта женщина, но она ничего не рассказала. В то время добиться от кого-либо воспоминаний о прошлом было практически невозможно. Они жили со страхом в душе. А моя тётя предположила, что это и есть портрет его первой жены.

Так же и с показаниями, кем он был схвачен и расстрелян. То ли это была красноармейская часть, то ли банда Махно. Недаром он пишет - *предположительно*. Кто мог разобрататься в это время кто с кем, за кого и с кем воевал. Но расстрел - была привычная расправа в то время. Без суда и следствия, в вагоне поезда, прямо на ходу.

Конечно, это возможно не вполне правдивые изложения происшедшего с ним за эти полтора года, но ведь рассказывать подробности было просто опасно для жизни, ведь это не воспоминания, а допросы и анкеты, и трудно себе даже представить, какое это было для него время и как много оно вместило. Безусловно, не только для него, но и для всей России. И он просто разделил трагическую участь многих миллионов людей, попавших в кровавую мельницу Октябрьского переворота. Всё это в дальнейшем повлияло на их судьбы.

Вот, например, что творилось в это время в Екатеринославле, в районе которого он «попал в руки предположительно банды Махно». Сводка в середине ноября 1918 года сообщала: «Город разделен на пять районов. В верхней части укрепились добровольческие дружины, в районе городской думы – еврейская самооборона, далее – кольцом охватывают немцы; добровольцев, самооборону и немцев окружают петлюровцы и, наконец, весь город – в кольце большевиков и махновцев». Кругом царил хаос, атмосфера неизвестности и неопределенности. «В общей сложности в 1918 году в ходе событий на Украине от рук большевиков, петлюровцев и различных банд погибло до 10 тысяч русских офицеров».¹²

Итак, за полтора года с января 1918 г. до мая 1919 г. ему удалось уцелеть в Киеве при большевиках, поступить в стать студентом-медиком на естественном отделении Киевского университета, жениться, развестись, служить в Украинской армии гетмана Скоропадского, добровольческой армии, подвергнуться расстрелу, вылечиться, работать как студент-медик в Брест-Литовском пункте Красного Креста в Киеве по эвакуации беженцев, и наконец в мае 1919 г. вернуться к родным в Петроград, поступить в Красную Армию. А по возвращении, на протяжении многих лет пришлось скрывать это своё прошлое, именно то, что происходило в 1918 - 1919 гг.!!

И снова воспоминания деда: «Дальше я пропускаю свою жизнь до возвращения в Петроград, когда поступил (добровольно) в 17 Военное строительство. Находилось строительство недалеко от Петрограда в дер. З/П Озерки (ехать через Колтуши). Однако до сентября 1919 г. оно было расположено на р. Свири в селе «Заостровье» недалеко от Лодейного поля. Здесь я и Андрияша Петров жили вместе в хорошей избе, кушали овсяный кисель и зажаренную рыбу в тесте – «шанги», получали красноармейский паёк – ржавые селёдки и чувствовали себя неплохо.

В августе погрузили нас на баржу. Ладожским каналом и дальше Невой доплыли до Озерков. До 1920 г. (весть о переходе Красной Армии в Трудовую Армию¹³) всё время находился в этой деревне, а затем, как студент,

был откомандирован в Военно-медицинскую Академию¹⁴...

Андрияша Петров женился. У него родился сын Игорь... Дни проходили быстро в разъездах по крупнейшим строительствам. Летом купались, осенью собирали грибы, а зимой танцевали на посиделках. У гусин-финнов странный обычай: до брака женихи ночуют у своих девушек, но детей не бывает. До нашего прихода не было на дверях замков, двери запирались палкой. Они ничего, кроме картошки, не сажали, занимались продажей картошки. В Петербурге – Петрограде на это покупали овёс, муку и прочее.»

Всё налаживается, жизнь радует, даже «красноармейский паёк – ржавые селёдки», не говоря о жизни в хорошей избе, сборе грибов, танцах, всё это контраст предыдущим годам – на войне, в землянках, под пулями, постоянной угрозе жизни, неизвестностью. И ему ведь всего 24 года! Впереди учёба на врача и надежды на лучшее!

На этом воспоминания заканчиваются. Дальше только небольшие воспоминания о самом аресте в 1934 г. Пропуск, теперь уже на 14 лет! Что же вместили эти годы?

1920- 1934 гг.

Из протокола допроса от 17 января 1934 г.: «...в 1920 г. строительством я, как студент-медик, был командирован в Военно-медицинскую Академию, где находился до 1924 г. Поступая на Военное строительство, а также в Военно-медицинскую Академию, я скрыл своё социальное происхождение и своё пребывание в армии Деникина. В 1924 г. я по чистке был исключён из Военно-медицинской Академии перевёлся в Ленинградский медицинский институт, который окончил в 1925 г. Получив образование врача, я стал работать при клинике медицинского института, с 1926 по 1927 г. был в командировке на о. Вайгача¹⁵ и в Большеземельской тундре¹⁶.

С 1928 по 1932 г. работал в Гаванской поликлинике. В сентябре 1932 г. командирован в Мурманск, где находился по апрель. С 1 мая 1933 г. работаю в 4-здрав. объединении».

А вот ещё вариант. Из автобиографии и анкеты в НКВД-МВД, ноябрь 1935 г.:

«В 1924 г. переведён в Ленинградский Ме-

дицинский институт и кончил в 1925г., в мае 1925 г. женился на Нине Сергеевне Кольша. Имею двух детей: Марианну, родилась в 1926 г. (8 февраля), и Аллу родилась в 1934 г. (4 февраля).

1926/27 г. врач отряда Красного Креста на остров Вайгач и Большеземельскую тундру¹⁷ на оказание помощи самоедам-ненцам и обследованию их быта. По возвращении мною был сделан доклад в Полярной комиссии Академии наук¹⁸.

7/28 (1928) ординатор клиники кожно-венерических болезней при 1 Ленинградском Медицинском институте.

30 г. Ординатор института охраны материнства и младенчества г. Ленинграда.¹⁹

2/33 Командирован в г. Мурманск в окружной здравотдел врачом – дерматологом для организации вен. помощи и в 1933г. был врачом сан. части Мурманского ОГПУ.

1933 г. врач дерматолог при 4 здрав. объединении г. Ленинграда и врач вендиспансера 43 ВО г. Ленинграда и одновременно врач Общества Содействия утопающим и спасения на водах «Освод». 1928-1934 Преподаватель кафедры вен. болезней в 3 Медицинском техникуме.»

Что это было за время в стране для таких, как мой дед и вся его семья?

С приходом к власти большевиков, начался «красный террор»²⁰ и политические репрессии²¹, продолжавшиеся на протяжении всех этих ста лет, но с разной степенью жестокости, силой и накалом. Это была история борьбы государства с собственным народом и преследование всех, кто был негоден новой власти и которых почему-то называли «врагами народа». К ним принадлежали представители бывших привилегированных классов и интеллигенции, офицеры, кулаки, священники, и этот круг со временем расширялся.

Как было сказано все, не признавшие Советскую власть, спасающиеся от большевиков из Петрограда, Москвы и других местностей России, бежали на юг России и в Киев от «красного террора», а потом постепенно началось возвращение тех, кто по разным причинам не покинул Россию. Возвращались, в основном, в большие города, к родствен-

никам, ведь собственные усадьбы и имения (если имелись), были разграблены, национализированы, и возвращаться туда было просто опасно. И здесь, в городах, все они попали в разное время под каток политических репрессий, инструментом которых являлись органы ВЧК - ОГПУ - НКВД - КГБ.

В. И. Ульянов-Ленин был одним из главных организаторов политики террора, проводившейся непосредственно по его указаниям. Эти указания предписывали начать массовый террор, организовать расстрелы на местах, без суда, изолировать неблагонадежных в концентрационных лагерях и проводить прочие чрезвычайные меры: «Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города». Уже 1918 году по его указу специально для перевоспитания классовых врагов и инакомыслящих был создан первый в СССР концентрационный лагерь на Соловках.²²

Вот список первых репрессий, одно перечисление которых наводит ужас: в декабре 1917 арестованы лица, причастные к распространению антибольшевистских листовок, в 1918 подавлено выступление слушателей Михайловского артиллерийского училища, в июле 1918 - выступление левых эсеров, в 1919 ликвидирована подпольная организация «Великая Единая Россия». Массовыми репрессиями сопровождалось подавление Кронштадтского восстания 1921. В эти же годы начались первые бессудные расстрелы и инспирированные процессы: «дела» В. М. Пуришкевича (январь 1918) и А. М. Щастного (июнь 1918), расстрел великих князей в Петропавловской крепости (январь 1919).²³ Далее только в Петрограде - Ленинграде прошли волны следующих политических репрессий²⁴: Дело «Петроградской боевой организации» (ПБО), 1921, «Дело лицейстов», 1925, «Академическое дело», 1929 – 1931, «Гвардейское дело» (Дело «Весна»), 1930 – 1931, «Бывшие люди», операция НКВД, 1935 – 1936, «Кировский поток», массовые репрессии, 1934 – 1935, а кроме этого известные всем этнические депортации, 1930 - 1940-е гг., ну, и конечно, «Большой террор», 1937-1940 гг. и «Ленинградское дело», 1949 –

1952. И это только перечень крупных массовых операций. Машина работала беспрерывно, без пауз и остановок.

Как же можно было уцелеть в этой мясорубке? Да практически никак, т.к. фактически под эти дела мог попасть каждый. Под большинство этих сфабрикованных дел подходила и вся моя семья, а с их происхождением была просто мишенью. В конечном итоге, от большой и дружной семьи, гордящейся своим прошлым, не осталось на сегодня почти никого. Я часто удивляюсь, как удалось уцелеть деду и небольшой части нашей семьи.

Вернусь в 20-е годы. Закончилась гражданская война, и уцелевшие члены семьи постепенно собирались в Петрограде, где, к счастью, находилась квартира деда Юрия Константиновича - Николая Степановича Шебаршина (22.02.1839-1907), бывшего Белозерского, Крестецкого и Старорусского уездного воинского начальника (с 1885 г.), которую он купил по выходе на пенсию, по адресу 3-я Советская, д.4²⁵, кв.6, и где проживал с семьёй, с детьми и внуками. Хотя, судя по всему, до революции, проживали там немногие из семьи, т.к. сын, зять и внуки служили и жили с семьями в местах прохождения службы. В основном, все они служили в районе Старой Руссы (месте его последней многолетней службы), там же рождались их дети. Женат он был вторым браком на Анне Петровне Доможировой и имел только двух детей: от первого брака - сына Шебаршина Николая Николаевича²⁶ (род. 12.09.1864 - ум. 1904 г.), от второго брака дочь Анну Николаевну (род. 9.12.1877 г. - ум. август 1961 г.) - мою прабабушку. Сын его, Николай Николаевич - военный, умерший в 42 г. имел большую семью - 8 детей, из них 6 сыновей. О судьбе большинства из них ничего неизвестно. Один из сыновей Борис Николаевич²⁷, к моменту революции находился в Петрограде и после революции служил в РККА, был красным командиром, руководил полком, видимо занимал хорошее положение, в этой квартире не жил и с братьями Михаилом и Петром, не общался, т.к. они были из «белых». Установить точно, сколько и когда в этой квартире проживало родных в 20-е гг. невозможно, т.к. институт прописки был введён только

в конце 1932, в связи с введением в стране единой паспортной системы²⁸, что дало возможность дополнительного контроля за населением. Но по этому адресу после революции проживали дети Н.Н. Шебаршина Михаил и Пётр и две дочери Нина и Зоя (об их семьях ничего не известно), также как А. П. Шебаршина, её дочь А. Н. Копшталъ с мужем К. А. и их дети: мой дед и его сестра Екатерина с мужем Борисом Фёдоровичем Акинфиевым и их дочерью Натальей (род. 1927 г.). То есть, после революции, квартира уже превратилась в «коммунальную». Не знаю, сколько комнат там было (очень хотелось бы побывать), но в 20-х гг. там жило не менее 10-12 человек. Они уезжали из этой квартиры в различное время, одни в связи с женитьбой (как мой дед), другие с переездом, третьи, в связи с арестами, как Михаил и Пётр Шебаршины. В конце 20-х годов родители деда А.Н. и К. А. Копшталъ с семьёй дочери Екатерины перебрались в Москву. На 1950 г. в этой квартире, ставшей уже полностью коммунальной, проживала только одна Нина Николаевна Шебаршина, умершая в середине 50-х гг. О судьбе её более ничего неизвестно. Мало кто общался в это время друг с другом. Это было опасно.

Что известно про К.А. Копшталъ после революции. Из протокола допроса 1934 г. следует, что он служил в Красной Армии: *«В Красной Армии отец занимал следующие должности: Военный руководитель Старорусского и Ловенецкого района, а затем с 1922 г. начальника школы подготовки Высшего командного состава.»* Интересно, что опять Старорусский военный округ! Кроме этого имеются сведения, что после революции он был военспецом²⁹ (чинов в те года не было, но по дореволюционным меркам он соответствовал чину генерала) – одним из создателей Олонецкой военной группы. В других анкетах дед пишет, что его *«отец генерал-майор, командир бригады»* и *«служил в Красной Армии, инвалид Гражданской войны»*. Работал в разных местах, связанных с армией (по здоровью он был комиссован). Что касается военспецов, то, по словам В. И. Ленина *«...совершенно незачем выкидывать полезных нам специалистов. Но их надо поставить в*

определенные рамки, представляющие пролетариату возможность контролировать их. Им надо поручать работу, но вместе с тем бдительно следить за ними, ставя над ними комиссаров и пресекая их контрреволюционные замыслы».

В воспоминаниях деда имеется ссылка, что «отец Юрия Константиновича - кадровый офицер, якобы, с сочувствием отнёсся не только к Февральской, но даже и к Октябрьской революции. Он добровольно вступил в Красную Армию и был фигурой в командовании Фрунзе, когда тот руководил борьбой с Колчаком. Константин Копиталь, как утверждается, отдал в дар народу фамильное поместье в Старой Руссе по собственной инициативе; говорили, что даже существовала некая бумага, подписанная лично Лениным, о каком-то пайке. Отец запретил Юрию Константиновичу удрать за границу, во Францию». Это, видимо, было напечатано с его слов или рассказов, и это можно считать семейным апокрифом, т.к. пока документальных фактов не найдено.

Практически вся семья деда состояла из военных, принимавших участие в Первой мировой войне, и какова могла быть их судьба в обстановке прихода к власти большевиков?

«После Октябрьской революции, в вооружённых силах, произошёл раскол в среде командного состава, который по отношению к большевикам и к Советской власти разделился на несколько групп. Первая группа, генералов (адмиралов) и офицеров, не признала власть большевиков и Советов, повела активную вооружённую борьбу за свержение их власти и составила ударную силу Белого движения. Вторая группа, также не признала Советскую власть, однако заняла выжидательную и нейтральную по отношению к большевикам позицию, не встав на открытый путь сопротивления. Третья группа, добровольно перешла на сторону Советской власти. Среди них ставшие затем известными военачальники».³⁰ По разным оценкам, около 25-30 % до-революционного офицерского корпуса прошли службу в рядах Красной армии.

К какой из этих групп принадлежал мой прадед, не знаю и знать не хочу, т.к. братоу-

бийственная война прошла через всю историю России, разрушила ее на две непримиримые части. Выжить было практически невозможно и очень ценю, что часть моей семьи сохранила связи и поддерживала друг друга в это ужасное время.

Уверена, что в рядах Красной армии оказалось немало достойных офицеров и генералов. Произошло это по многим причинам: кто-то верил в большевистские идеалы и возможность построения справедливого общества, кто-то в голодной стране не нашел работу и оказался не в силах прокормить семью, кого-то попросту мобилизовали; а кто-то, возможно, верил в способность коммунистов предотвратить распад страны и надеялся на последующее перерождение большевистского режима.

Но всех их впереди ждала трудная судьба и они, уверена, не раз пожалели о своём выборе. Но был ли у них выбор и какой, не знаю. Ведь здесь жили их родные и близкие. Они были ответственны не только за себя, но и за них. Я знаю и верю, что они были честными, воспитанными, образованными и благородными людьми, а при новой власти выжить таким людям и с их происхождением было невозможно.

Гражданская война закончилась, и надо было продолжать жить. В РККА проходила демобилизация³¹, в начале 20-х годов на Родину возвратились и многие из числа самых ярких противников советской власти, возвращались даже не сотни - тысячи вчерашних белогвардейцев, в том числе множество генералов и офицеров. Тысячи репатриантов из рядового офицерства держались в СССР в черном теле. В армию их не брали, в советские учреждения - тоже. Подавляющее большинство бывших белогвардейцев числилось на учете в ОГПУ как лишенцы³², не имеющие права устроиться на какую-либо более или менее приличную работу. Вчерашние генералы и полковники, капитаны и прапорщики работали сторожами, строителями, грузчиками, чернорабочими. Короче - освоили истинно пролетарские профессии.

Что происходило в моей семье? Вроде бы жизнь налаживалась. Прадед работал во-

енспецом, дед учился в Военно-медицинской Академии, и хотя «*по чистке*³³ *был исключён из Военно-медицинской Академии, но перевёлся в Ленинградский медицинский институт, который окончил в 1925 г.*». Судя по всему, отчислен он был из Академии не по поводу его прошлого в белой гвардии, которое он скрывал, а просто по «классовому» признаку, как происходящий из дворян, т.к. *чистка* означала исключение чуждых элементов. Замечательно, что ему удалось завершить медицинское образование, стать врачом и работать по специальности. В дальнейшем это спасло жизнь и ему и всей семье. В это же время он случайно знакомится со своей будущей женой - моей бабушкой Ниной Сергеевной Кольша (р. 6.11.1905 г.) Её дядя, Кольша Владимир Александрович³⁴, зубной врач, попросил деда во время лечения зубов сопроводить племянницу на выпускной бал в школе. С этого времени завязался роман, и в мае 1925 г. они поженились, а 4.02.1926 г. родилась моя мама, Марианна Юрьевна Копшталь. Дед переехал в квартиру тёщи Кольша Юлии Александровны³⁵, по адресу ул. Куйбышева 36/2 кв.32, где он и был арестован в 1934 г. Квартира эта полностью принадлежала Ю. А. Кольша, которая была врачом-гинекологом и имела частную практику. В этой квартире родилась и я, но к этому времени шестикомнатная квартира стала коммунальной, и в одной комнате, бывшей столовой, площадью 25 кв. м нас жило 6 человек. Но это уже другая история.

Обстоятельства складываются на фоне общей картины жизни 20-30-х годов удачно. Наконец можно отдохнуть после всего пережитого. И думаю, что главной ценностью становится семья. Хорошие зарплаты, квартира достаточна для проживания большой и дружной семьи, жена учится в Университете, у тёщи частная практика, сам дед работает врачом и даже появляется домработница Моцаенко М.П. (бежавшая от голода на Украине и ставшая впоследствии почти членом семьи). В квартире с 1923 года также поселяется брат Ю. А. Кольша³⁶ с женой, приехавшие из Тифлиса. Ниже этажом живёт брат - зубной врач, также имеющий успешную практику. У отца - хорошая работа. Сестра удачно выходит за

муж, и в 1927 г. рождается дочка. Участие в интересной экспедиции на о. Вайгач, практическая и научная работа и даже отдых на Чёрном море с женой и дочкой (имеется фото с их счастливыми лицами), к 1934 г. ждут второго ребёнка.

Тем не менее, машина политических репрессий работает и постепенно подбирается к семье. В 30-е годы политические репрессии начинают наступать семью. В 1930 по «Гвардейскому делу» (Дело «Весна») арестовываются двоюродные братья Пётр и Михаил. О судьбе Петра не знаю пока ничего. А вот о Михаиле Николаевиче Шебаршине хочется рассказать отдельно. Разыскивая по интернету сведения о членах семьи, имена которых я знала, я натолкнулась на большой и очень интересный рассказ о нём. Из воспоминаний деда на конец февраля 1934 г., когда он был осуждён и выслан: «*Отправка на Медвежью гору; встреча здесь с двоюродным братом Михаилом Шебаршиным*». Они вместе росли в Старой Руссе, и разница в возрасте у них была 4 года, а потом, возможно, до женитьбы деда, какое-то время жили в квартире их общего деда.

Мне хочется остановиться на судьбе этого замечательного человека - Михаила Николаевича Шебаршина (3.9.1892 – 13.7.1963), выпускника Московского кадетского корпуса, Николаевского Высшего Инженерного училища г. Санкт-Петербурга, известного советского шахматиста и выдающегося математика³⁷. Блестящий ученик, русский военный инженер, поручик, великий шахматист, серебряный призер первенства РСФСР, достойный конкурент Александру Алёхину, Михаилу Ботвиннику, был арестован в ноябре 1930 г. и осуждён по 58 статье (Организация контрреволюционных действий) на 10 лет. В интернете каждый может прочесть рассказ о нём, который называется «*Жизнь в чёрно-белую клетку*»³⁸. Здесь я привожу некоторые отрывки. В 1913 г. «*21-летний выпускник Шебаршин уже готовился пойти по стопам отца – стать кадровым офицером, но произошло непредвиденное: военная комиссия признала его негодным к строевой службе. Вскоре, однако, началась Первая Мировая война, Россия несла крупные*

потери, и Михаил Николаевич пошел на фронт добровольцем. Вплоть до 1918 года Шебаршин служил в 17-м саперном батальоне 17-го армейского корпуса 8-й армии Юго-Западного фронта под командованием легендарного генерала Алексея Брусилова. Гражданская война и интервенция застали Михаила Николаевича в Самаре. Сейчас трудно судить, почему Шебаршин не пошел воевать в рядах Добровольческой армии. Возможно, помешало обострение почечнокаменной болезни. Но сам факт, что туда его призывали дважды, а также нахождение в омском госпитале в 1919 году впоследствии ему «аукнулись». В Ленинград Михаил Шебаршин приехал в 1925 году. Работая учителем математики в 197-й средней школе, 31-летний отставной поручик «параллельно» активно занимается и шахматами». Он был в то время широко известен в Ленинграде: «Этот высокий чопорный математик в очках и с моржовыми усами вместе со своим другом, студентом-шахматистом Перфильевым, обожал давать сеансы игры вслепую». Он «имел заслуженную репутацию сильного шахматиста. Так, в его активе — два «серебра» (на чемпионате города 1926 года и через пару лет на первенстве РСФСР). И еще, конечно, победа на всесоюзном чемпионате работников просвещения, которая была завоевана летом 1930 года. Но уже в ноябре Михаил Николаевич был арестован и осужден на десять лет по «политической» 58-й статье. Не исключено, что судьбу Шебаршина предопределили именно омские «вражеские» эпизоды. Но стоит учесть и такой момент: всесоюзную федерацию шахмат в двадцатые-тридцатые годы возглавлял прокурор РСФСР, а затем и нарком юстиции СССР Николай Крыленко, «прославившийся» своей беспощадностью к любому инакомыслию.» Итак причиной ареста послужило то, что в 1918 году он находился в городе Омске, в госпитале, а город являлся столицей восстания Колчака. «Отбывал срок в застенках Белбалтлага». «Казалось, в застенках Белбалтлага Шебаршина, не отличавшегося крепким здоровьем, ждала верная смерть. Но тогда его в буквальном смысле слова спасли шахматы. В 1935 году Михаила Николаевича

допустили до участия в первенстве Беломорканала, и он занял первое место. Эта победа вкупе с ударным трудом позволила Шебаршину оказаться в сравнительно «мягком» положении ссыльного и даже устроиться старшим экономистом на Беломорско-Балтийский комбинат». Эти люди назывались «вольнонаёмными». Устроиться в других местах не представлялось возможным. Обычной практикой того времени по отбытии срока наказания или даже досрочным освобождением за ударный труд, было «закрепление в лагере для работ по вольному найму». Возвращаясь к судьбе М.Н. Шебаршина. «Стремительное наступление немецко-фашистских войск осенью 1941 года вынудило руководство Белбалтлага устроить эвакуацию «столицы Беломорканала» — Медвежьегорска. Пунктом назначения Михаила Шебаршина значилась Яя». В небольшой сибирский поселок Шебаршин приехал не один — вместе с ним была бывшая балерина прославленного Мариинского театра Мария Прокофьева. Более двадцати лет они прожили в мире и согласии. Шестнадцать лет, с 1941-го по 1957-й, Михаил Николаевич проработал в школе №2 учителем математики и физики». Там же умер и похоронен. «На похороны Шебаршина собрался почти весь поселок Яя», ведь он оставил незабываемые впечатления о себе в сердцах своих учеников, коллег и всех жителей посёлка, которые до сих пор собираются на кладбище, чтобы почтить его память. О нём пишет и Сергей Гродзенский, автор книги «Лубянский гамбит»³⁹, говоря, «что еще очень долго будут жить рассказы об удивительном человеке, не имевшем ни высоких наград, ни звучных титулов, но привлекавшем окружающих щедростью своего таланта, платившими ему неизменным уважением». Одна из его коллег вспоминала: «Это был великодушный человек, в нем чувствовалась прирожденная военная выправка. При этом он был абсолютно грамотный, прекрасно разбирался в живописи, музыке и литературе, владел французским и немецким языками. Под стать ему была и жена, такая же деятельная, прекрасный организатор, в нашей школе она ставила оперы, в частности, «Пиковую даму». Тогда Мария

и Мишель, так она его называла, были в Яе парой №1». Да, это были удивительные люди! Было замечательно прочесть о судьбе этого человека, которого не сломала судьба, но сами судьбы этих людей перемалывала эта беспощадная и чудовищная машина.

Аресты в семье продолжают. В 1933 г. арестовывают мужа сестры - Бориса Фёдоровича Акинфиева⁴⁰ 1889 г.р., талантливого инженера, направленного в 1916 г. Россией в Америку, на завод Форда⁴¹, видимо, для ознакомления с новыми технологиями сбора машин, где был запущен первый в мире сборочный конвейер, а также с идеей строительства фордовского автозавода в России и поставок авточастей и сборки машин на месте. В 1918 г. он возвращается через Аляску и Японию в Россию, видимо, радуясь революции и желая работать на благо новой России. Видимо, он был очень востребован, т.к. в России опыт организации крупномасштабного производства высоко оценивался и пропагандировался в 20-е – начале 30-х годов. В Советский Союз поставлялись автомобили и трактора Форда, а служившие у него специалисты руководили строительством автозавода в Горьком. Но в 1933 г. Б. Ф. Акинфиев был арестован ОГПУ и отправлен в Восточную Сибирь. Жена с 6-летней дочерью осталась жить в семье отца на его содержании. Скорее всего, причиной ареста послужила именно его работа в Америке и происхождение. Поиск его дела, задача будущего. Он, как и дед, по-видимому работал после освобождения по вольному найму инженером, а впоследствии занимал должности гл. инженера на крупных стройках и предприятиях.

Дед наверняка знает и отдаёт отчёт, как опасно общаться с незнакомыми и даже знакомыми людьми, ведь многие из членов семьи уже арестованы, и сосланы, наверно, много знакомых, но хочется надеяться и верить в лучшее, ведь ко времени ареста ему 38 лет.

Да, конечно, сжимается круг общения, опасно общаться с бывшими друзьями – офицерами. Но где они все? Ведь дед и начинает свои записи с перечисления имён друзей и сослуживцев, о которых не слышал ничего после революции. Протокол допроса от

19.01.1934. *«Вопрос: Перечислите знакомых, проживающих в Ленинграде. Ответ: К своим знакомым отношу следующих лиц: Андрей Варфоломеевич Петров, проживающий В.О. 2 л. Д.65, кв. 21, Служащий завода «Большевик», врач-дерматолог; Ковальский Михаил Иванович, прож. по Советскому проспекту 34, работающий ассистентом больницы им. Тарновского».*

Только двое. Один из них, с которым прошли вместе столько испытаний - Андрей Петров. С ним служил в лейб-Гвардии 2-м Мортирном Артиллерийском Дивизионе и добирался до Киева после «большевизации» дивизиона, был в Киеве, служил в Красной Армии, добравшись до Петрограда осенью 1919 г. (возможно, что и вместе), оба откомандированы в Военно-медицинскую Академию, работают врачами-дерматологами. Мама вспоминала, что отец Андрея Петрова - Варфоломей Федорович⁴² был замечательный врач-терапевт, и у него все консультировались. И действительно, он был доктором медицины, профессором хирургии, соучеником Е.Б. Боткина по Военно-Медицинской академии, имеющий массу научных трудов и открытий. С Андреем до ареста они часто встречались, а после войны хотели, чтобы их дети поженились. Так что эту дружбу они пронесли через всю жизнь. Мало кому можно было доверять в это время и вести разговоры, особенно на тему политики.

1934- 1948

И хотя он считал, что он *«неожиданно для себя был взят, и теперь понимаю, не по подозрению, а лишь профилактически, в ночь 16 января 1934 года. Возможно, политически так надо, но всё же это перегиб...»*, но это не так.

Из следственного дела: *«Справка к ордеру на арест. Место работы: больница им. Ленина. Врач – венеролог. Адрес: 1-я ул. Деревенской Бедноты 2/36 кв. 32.⁴³ По ст. 58- 11⁴⁴. Краткая характеристика инкриминируемого преступления: Является членом контр. революционной организации. Агент № 173 ад (видимо, армия Деникина?) 1918 г.».* *«Постановление об избрании меры пресечения и предъявление обвинения от 16.01.1934. Уполномочен-*

ный 2 СПО (Секретно-политический отдел — борьба с антисоветскими элементами, освещение политических настроений), Шакулов рассмотрев следственные материалы по делу и приняв во внимание, что Копиталь Юрий Константинович является членом контрреволюционной фашистской организации, постановил: Гр. Копиталь Юрия Константиновича привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58-11 УК РСФСР, а мерой пресечения, способствующей уклонению от следствия избрать содержание в ДПЗ 3 категории. Постановление мне объявлено 16.01.1934. Подпись.» «Протокол 16.01.1934. Произведён обыск по адресу 1-я ул. Деревенской Бедноты 2/36 кв. 32 у Гр. Копиталь Юрия Константиновича. Взято для доставления в ПП ОГПУ в ЛВО разная переписка... Присутствовал при обыске Управдом Жакта: Подпись». Что интересно в этих документах. То, что дед первоначально привлекался по ст. 58-11 («является членом контрреволюционной фашистской организации»), а это более тяжкая статья. В ходе следствия статья была изменена на 58-10. Был ли на него донос?

Из обвинительного заключения от 21.02.1934 г.: «В СПО ПП ОГПУ в ЛВО поступили сведения, что проживающий в Ленинграде и работающий в одной из поликлиник Здрав объединения ВО, врач-венеролог Копиталь Юрий Константинович, принимая у себя больных, ведёт активную контрреволюционную агитацию. На основании этих данных, в ночь на 17 января 1934 г. Копиталь Юрий Константинович был арестован».

Кто же донёс на него? В деле имеются показания только одной свидетельницы! Это одна из его пациенток, кстати, больная венерической болезнью. Имя её и адрес проживания имеются в деле, но писать их не буду, т.к. возможно, что родственники её живы, «из Херсона, из мещан, безработная, 1903 г. рождения», давшая показания на врача, который её лечил, послужившие главным поводом для обвинительного заключения, ибо других свидетельских показаний в деле не имеется. Конечно, можно всё списать на время, когда доверять было никому нельзя, но не могу понять, что подвигло её дать показания на деда, жена

которого была на 8 месяце беременности. И какие показания! «По вопросу о а/с агитации Копиталья, будучи допрошенной в качестве свидетельницы, гражданка (имя пропускаю) показала следующее: «Во время моих посещений Копиталь вёл со мной беседы антисоветского характера на тему о трудностях переживаемого момента, причём он указывал, что вопреки заверениям Советской власти о подъёме материального благосостояния трудящихся, жизненный уровень, особенно представителей интеллигентских слоёв населения, снижается с каждым годом. Лучшей иллюстрацией того, что всякие заверения Коммунистической партии и Советской власти о здоровье населения являются одной из демагогических приёмов правительства, служит, по мнению Копиталья, значительный рост, по сравнению с царским режимом, венерических заболеваний бытового характера. По мнению Копиталья, всё это является результатом политики коммунистической партии, которая во имя погони за цифрами по выполнению пятилетки, обрекает широкие слои населения не только на голодное существование, но и на вымирание. Копиталь рассказывал также, что в бытность его в экспедиции большеземельской тундры он убедился, что местные народности севера невероятнейшим образом эксплуатируются Советской властью, которая их обложила непомерными налогами. По твёрдому убеждению Копиталья, некоторые народности севера обречены на полное вымирание. Если бы повторилась, по мнению Копиталья, интервенция на севере, как это было в 1918 г., то местные народности севера несомненно выступили бы против Советской власти. (показания свид.)».

Не понимаю, конечно, зачем он вёл такие разговоры с пациентами. Но главное, что следует из этих показаний, это понимание полного провала политики Советской власти: обнищание населения, рост венерических заболеваний в СССР, голод, эксплуатация народов Севера⁴⁵, несмотря на заверения в обратном. И он знал об этом не понаслышке.

Итак, дед был арестован в ночь на 17 января 1934г., содержался во время допросов в одиночной камере, и 21.02.1934 г. было на-

писано обвинительное заключение, заканчивающееся словами: *«На основании вышеизложенного ОБВИНЯЕТСЯ Копиталь Юрий Константинович 1896 г. р., со слов не судившийся, подд. СССР.*

В том, что, будучи после Октябрьской революции демобилизован, поступил в царскую армию и армию Скоропадского, а затем Деникина, где принял участие в боях против Красной Армии. Будучи захвачен в плен одной из воинских частей Красной Армии, Копиталь был приговорён к расстрелу, которого избежал, путём побега из-под стражи. Вернувшись в 1919 г. в г. Ленинград поступил в Красную Армию, где скрыл своё социальное происхождение и своё пребывание в армии Скоропадского и Деникина. Будучи врачом и принимая больных, вёл среди них активную а/с агитацию.

ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ЧАСТИЧНО.

Руководствуясь приказом по ОГПУ за № 172- 24 полагал бы:

Дело за № 208-34 по обвинению Копиталь Юрия Константиновича по согласованию с помощником обл. прокурора по надзору за органами ОГПУ направить на рассмотрение тройки ПП ОГПУ в ЛВО. Подписано Уполномоченным 2 отд. ОПО.

Обвиняемый Копиталь Юрий Константинович, арестованный 16.01.34 и содержится в ДПЗ. Вещественных доказательств по делу не имеется».

«Выписка из протокола заседания тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 22.02. 34.

Слушали: Дело за № 208- 34 по обвинению Копиталь Юрия Константиновича по ст. 58/10 УК⁴⁶. Постановили: Копиталь Юрий Константинович, 1896, уроженец Ст. Руссы, из дворян, бывший офицер царской армии, служащий, заключить в концлагерь сроком на три / 3 года, считая срок с 16.01.34. Дело сдать в архив».

Какая замечательная фраза: *«Вещественных доказательств по делу не имеется».* И, тем не менее, статья и 3 года лагерей. Недолгий и «праведный» суд! Но дело шло быстро - всего месяц от ареста до приговора. Правда, дела решались несколько медленнее, чем во

время «красного террора», когда расстреливали на месте без суда и следствия. Уже более «цивилизованно».

Арестовывали не по одному за ночь, а по несколько человек, ведь *«увезли на «чёрном вороне», где уже сидел Николай Никитин», а «на утро после ареста выгрузили в общую камеру. Вонь, сжатость, кураж; за отсутствием места пришлось спать на столе».* То есть камеры были забиты. Мама вспоминала, что *«Николай Никитин, дядя Марины Мейер, маминдой подруги детства, рассказывал ей после войны, что сидел в одной камере с дедом. В камере было около 30 человек, все стояли день и ночь, места лечь и сесть не было, а по ночам вызывали на допрос. Многие не выдерживали и подписывались под обвинениями. Их расстреливали».* То есть судить нужно было быстро. Правда, непонятно, почему перевели затем на время следствия в одиночную камеру. *«В 1934 г. в 1 час ночи арестован ОГПУ ЛВО у себя на квартире, одновременно был произведён обыск. Дознание велось на Шпалерной ул., дом ОГПУ; всё время сидел в одиночной камере 1 корпус, камера № 210 и 22.2.1934 г. обвинён по ст. 58-10 срок 3 года».* Имелся ещё один пропавший, к сожалению, листок воспоминаний, где он подробно описал своё пребывание в ДПЗ. Помню, там он тоже писал, что спать не давали и допросы велись ночью. Ему угрожали, что расстреляют, если не признается, на что он заявил, что как бывший офицер этого не боится. Жаль, что этот интересный документ пропал, но я не теряю надежды его отыскать.

Важно, что виновным дед себя не признал, хотя его уговаривали и сулили быстрое освобождение. Как легко было поддаться, ведь дома оставалась беременная жена и малолетняя дочь, но он выдержал. В результате сохранил свою жизнь. А ведь все признававшие вину расстреливались на месте. А он «отделался» статьёй 58-10 УК и тремя годами.

26.02.34 начальнику ДПЗ поступило распоряжение об отправке для отбывания наказания в Белбалткомбинат ОГПУ – ст. Медвежья гора⁴⁷. Видимо, деду всё же удалось сообщить жене, что он жив и находится в пересыльной тюрьме около Военно-медицинской Акаде-

мии. Она за это время, не имея никаких сведений о нём, т.к. на Шпалерной после ареста общили, что ничего о нём не знают, преждевременно родила 4. 02. 1934 г. слабую девочку 2,5 кг, мою тётю, Аллу Юрьевну. Молока не было от переживаний.

7.03.1934 он прибыл на место заключения и был отправлен на 7 туломское отделение⁴⁸ Белбалткомбината ОГПУ, ТуломСтрой, на строительство Нижне-Туломской ГЭС⁴⁹ на реке Туломе, входившей в Туломский каскад ГЭС в посёлке Мурмаши Мурманской области⁵⁰.

Из анкеты 1940 г. *«Меру социальной защиты отбыл на 7 Туломском отделении Белбалтлага НКВД». «Получил льготы и зачёты за ударную работу и освобождён 3 ноября 1935 года и остался работать по вольному найму врачом дерматологом 7 Туломского отделения».*

К этому времени в системе исправительно-трудовых лагерей по всей стране работали сотни тысяч вольнонаёмных. Откуда они брались? Да очень просто. После освобождения по политическим статьям 58, освобождённые, с которых не снималась ни судимость, ни ограничения, связанные с ней, не могли возвращаться на жительство в города проживания. В СССР с 1924 г. была введена система «минусов»⁵¹ — запрета проживания в крупных городах. Первоначально запрет распространялся на три города — Москву, Петроград и Киев, что называлось «минус три». Но затем количество «минусов» стало расти, а также эта мера стала применяться к отбывшим наказание. К концу 20-х годов XX века некоторые освобождаемые из заключения стали «получать» до двенадцати «минусов». После введения в СССР 27 декабря 1932 г. паспортной системы секретный список «минусов» стал дальше возрастать до 72 и в начале 40-х годов XX века насчитывал 135 и больше наименований, включая столицы союзных республик, крупные и закрытые города. То есть заключённые после освобождения вынуждены были оставаться на местах. Система «минусов», была заменена впоследствии на «101 километр»⁵². Где же они могли найти работу? Только при лагерях ГУЛАГа и поступали по

«вольному найму» в систему НКВД-МВД. Исключением не стал ни мой дед, ни двоюродный брат М.Н. Шебаршин, ни муж сестры Б.Ф. Акинфиев, ни остальные члены семьи. Все они пребывали в этой системе долгое время, а многие так и закончили жизнь в местах поселения.

Уже летом 1935 г., ещё до официального досрочного освобождения 3 ноября 1935, к нему приезжает семья - жена с полуторагодовалой и девятилетней дочками. По воспоминаниям мамы, добирались они *«на поезде до Колы (не доезжая одной остановки до Мурманска), далее на дрезине до посёлка Мурмаши. Летом жили в бараке, а потом дали двухкомнатную квартиру на втором этаже в «фибrolитовом» доме. Квартира была хорошая, тёплая. Была немецкая овчарка Норка, которую потом (через 2 года) увезли в Ленинград. Дневальный носил пищу».*

Именно приезд семьи, видимо, повлиял на поступление с ноября 1935 г на службу по «вольному найму» в систему НКВД-МВД, где он работал врачом на строительствах гидроэлектростанций, которые возводились руками заключённых и вольнонаёмных. Семья осталась жить с ним на 2 года - с 1935 по 1937 г. Жили вне зоны, в бараке, в отдельной комнате, а работать врачом ходил в зону. Его специальность венеролога-дерматолога действительно была очень востребована не только в нечеловеческих условиях пребывания заключённых, но и для обслуживающего персонала.

По воспоминаниям мамы: *«Дед носил еду из зоны в судках. Еда была вкусная, хорошая. Я пошла в местную школу. Там было 4 класса, и всего 12 учеников. Занимались первый и третий (по 3 человека) и второй и четвёртый - по очереди. Учительница была одна. После школы все бежали играть в снежки. Мороз 40 град. Снега масса. Очень весело».* Маме всё это очень нравилось, и она говорила, что когда вырастет, то приедет жить в Мурмаши. *«Летом всё было покрыто черникой и голубикой. Много грибов. Но иногда отец брал машину, и они ехали в зону за грибами. Там была масса грибов. Брали огромные бельевые корзины и собирали красные и подберёзовики. Потом мама мариновала их, и была масса банок.*

Черники набирали по 3 литра за раз. Погода была очень тёплая, но вода в Туломе очень холодная. Я купалась за лето 2 раза, но никто больше не купался. На второй год построили клуб современного типа, и в клубе всегда выступал джаз заключённых (из известных артистов в заключении). Дети могли ходить на все концерты. Они делали пирамиды, пели песни и выступали перед заключёнными, которых приводили под конвоем на выступления детей и джаз оркестра». Интересно, что у неё как ребёнка остались яркие, замечательные незабываемые воспоминания об этом времени. Не думаю, что такие же впечатления этот период жизни оставил у деда и бабушки, но всё же они опять были вместе, дед работал по специальности и получал зарплату. Но эта стройка закончилась, и деда перевели на новое место, на строительство Волжского гидроузла в деревню Селихово, Переборы, под Рыбинском, где строили ГЭСС. Семья в декабре 1936 г. возвращается в Ленинград, где моя мама за полгода в 4 классе нагнала математику (после Мурманской ничего не знала). Каждое лето семья ездит к нему. Он же работает в разных местах: «С февраля 1937 по январь 1942 г. - Волгострой НКВД⁵³, Угличский гидроузел⁵⁴. С января 1942 г. по декабрь 1943 Волгострой НКВД, Рыбинский гидроузел⁵⁵» и на разных должностях: врачом, зав. лазаретом, врачом ординатором и врачом консультантом, занимается обслуживанием вен. больных в том числе в поликлиниках и совхозах. Каждой зимой до войны с 1937 по 1940/41г. он в декабре или январе получает месячный отпуск и приезжает к семье в Ленинград. Интересно, что с введением института прописки в 1932 г. он каждый раз должен регистрироваться в ЖАКТе, как и все приезжающие в гости. На основе этих записей я узнала, что его отец, К. А. Копштал, проживающий в это время в Москве, навещал семью сына после ареста в ноябре 1934 г., там же зарегистрированы все приезды деда и отъезд бабушки в 1936 г. Правда, срок и место убийства скрыли и указано, что убита она в мае 1936 г. в Лодейное Поле, а возвратилась в декабре 1936 г. со ст. Кола, Туломстрой. Трудно было быть женой врага народа и можно было потерять прописку, остав-

шись без жилья. К счастью, в это время квартира ещё не превращена в коммунальную, но «уплотнена». Это сделала сама Ю.А. Кольша, пригласив жить в одну из комнат, свою знакомую с дочкой, а в другую брата с женой. Это позволило соблюдать определённую конспирацию, особенно ей, имеющей частную практику в квартире. Дело в том, что, несмотря на разрешение с 1920 г. аборт, производить их можно было только врачу в больнице, но уже в 1924 году доступ к абортам был ограничен, а в 1936 г. они были полностью запрещены⁵⁶. Ю. А. Кольша, имеющую частную практику, видимо, жалея женщин, попадавших в трудные ситуации, помогала им. В результате, на неё донесли, и ей дали год тюрьмы. Это было 8.06.1935. Скорее всего, именно поэтому, её дочь (моя бабушка), не имея средств к существованию, и уехала к мужу на поселение в Мурманши. Сразу после освобождения Ю. А. Кольша был дан отказ в прописке в собственную квартиру, и она жила какое-то время в Москве, видимо, у родственников, а прописка у них обоих была восстановлена одновременно, 19.12.1936 г. По возвращении из заключения, Ю. А. Кольша частную практику закрыла и работала врачом-гинекологом в поликлинике Октябрьского р-на № 27 (б. центральной коммунальной поликлинике), пр. Майорова 27. Ко времени начала войны квартира постепенно превращается в коммунальную, брат с женой и подруга получили большую площадь, и в квартиру въехали совершенно чужие люди, заняв комнаты вместе со старинной мебелью. В этой квартире Ю.А. Кольша перенесла блокаду 1941-42 гг., а в 1942 г. ей удалось приехать к семье дочери в Рыбинск, но, так и не оправившись от голода, она скоропостижно умерла от сердечного приступа осенью 1943 г.

К моменту начала войны Ю.К. Копштал работал в Угличе на строительстве Угличской ГЭСС, где он снимал домик у хозяев и куда летом приезжала семья. Там их и застала война, когда они приехали, как обычно, к отцу на лето. Моя мама вспоминала: «Зимой 41 г. отец был переведён в Рыбинск-7 на строительство новой гидроэлектростанции. Жили в отдельной 2-х комнатной квартире. Кроме карточек он приносил каждый день полхле-

ба в портфеле, а мать купила на рынке козу Ксюшу, которая давала по 3 литра молока в день. В 9-м классе (1942г.) было голодно, и все люди ездили менять вещи на продукты. Я отпросилась в школе на 3 дня, и мы вдвоём с мамой погрузили вещи и поехали с санками искать деревню, где это купят. Был март месяца. Кругом полыньи. Шли до самого вечера, замёрзли, но нашли хорошую деревню, где нас обогрели, накормили и очень хорошо обменяли вещи на картошку. Я навсегда запомнила жареную картошку со свининой, которой нас накормили. Погрузили 3 мешка картошки на свои санки и поехали, но через 2 км санки сломались. Ужас! А нужно идти 30-40 км. Мама пошла обратно попросить новые большие санки, и ей их одолжили. На следующий день, не отдохнув, мама пошла отдавать санки. Дорога была ужасная, она отсутствовала два дня, но санки вернула, в деревне были удивлены. Мы стали есть картошку и два мешка посадили. И с них сняли 30 мешков картошки, которых хватило и на следующий год и на посадку. Год прожили хорошо, сытно».

Ещё в 1940 г. он пишет заявление на снятие судимости, но только 3 июня 1944 г. по постановлению Особого совещания при НКВД СССР с него снимается судимость, вместе со всеми связанными с ней ограничениями. Семья 28.08.1944 г. возвращается в Ленинград. К счастью, удалось сохранить одну комнату в квартире, и они вновь туда прописываются. Мама поступает в Ленинградский Педиатрический институт, который заканчивает в 1949 г. Ему же пришлось ещё работать в Рыбинске до сентября 1945 г., видимо, перевода было добиться сложно. Но 11.07.1945 г. он откомандирован в Ленинград по месту жительства и получает работу врача центральной лаборатории УМВД СССР в Сестрорецке. Наконец, с 15.04.48 был уволен по сокращению штатов, закончив работу майором медицинской службы. По окончании службы он получает бумажку на маленьком листочке (А6) с печатью «в том, что он действительно состоял на службе в органах МВД с 3 ноября 1935 г. по 15 апреля 1948 г. врачом и уволен по сокращению штатов. Настоящая справка выдана для предоставления в соответствующие учреж-

дения взамен трудовой книжки». Никакие места работы и должности не указаны. Интересно, что он не получил никаких поощрений за всё время службы, но 3 выговора. 24.04.1941 «За незаконное освобождение заключённых от работы на производстве и фиктивный перевод в слабкоманду», 12.5.41 «За халатное и невнимательное отношение к порученному делу» и строгий выговор 28.4.44 «За проявленную бесконтрольность за закладкой продуктов питания в котёл и за приготовление пирожков за счёт продуктов питания, положенных стационарно-больным заключённым». Интереснейшие документы. Так закончился очередной этап жизни, длиной опять в 14 лет. На протяжении многих лет он посылал деньги отцу по 100 руб. в месяц.

1948-2006.

Ему 52 года! Самое главное - он, наконец, свободен. Война закончена. Жизнь продолжается. Ещё 13 лет он работал врачом-дерматологом в разных местах до своей смерти в сентябре 1961 г. Судя по всему, он был очень хороший врач и специалист. Помню, как он приготавливал препараты из растений, и мы постоянно с ним откапывали корешки растений, из которых он делал настойки и лекарства. Он знал все растения. Любил читать, гулять по городу и посещать музеи, беря меня с собой каждые выходные, разбирался в живописи, музыке и литературе. Он свободно владел французским и немецким языками и грамотно излагал мысли (в автобиографиях и анкетах нет ни единой грамматической ошибки), и никогда ни на кого не повышал голос. Он был в высшей степени человек высокой культуры, и все окружающие относились к нему с огромным уважением. Он остался в моей душе как самый замечательный и светлый человек в жизни. Умер от рака пищевода, стойчески перенося болезнь. Всё-таки военная и лагерная жизнь сказалась на его здоровье. Можно сказать, что судьба его всё же сложилась счастливее многих, хотя на его долю выпало столько испытаний.

Его мать умерла за месяц до него, в Москве в августе 1961 г., о чём мы ему не сказали. А отец К.А. Копшталь, персональный пенсионер, участник Гражданской войны,

генерал-майор, погиб при странных обстоятельствах 5 сентября 1944 г. в Москве. Ушёл из дома и не вернулся. Тело его так не нашли, и он не похоронен. Странно и трагически закончилась его жизнь.

По поводу реабилитации. В 1957 г. дед пишет заявление Генпрокурору СССР о реабилитации: *«В 1934 г. 22.02. я был осуждён тройкой по ст. 58-10 к трём годам ИТЛ. Содержался в Балбалтлаге на 7 Туломском отделении, досрочно освобождён 4 ноября 1935 г. Судимость снята 3.06. 1944. Обвинение отрицал на допросах и отрицаю теперь. Убедительно прошу Вас тов. Прокурор СССР. 1. Затребовать из МВД г. Ленинграда моё дело № 208-34. 2. Опротестовать приговор и тем самым реабилитировать меня»*, но ответа не получает. В следственном деле эти страницы закрыты, но там был отказ. А реабилитирован он был только 15 августа 1989 г. заключением прокуратуры г. Ленинграда, о чём семье, конечно, не сообщили. Узнали мы об этом только в 2005 г., когда стали назначать льготы политзаключённым и членам их семей на основании официального признания прокуратурой реабилитации и получении соответствующего документа. На основании этого документа моя мама Фирсова (ур. Копшталъ) Марианна Юрьевна, *«в соответствии с частью 2 статьи 1.1 Закона РСФСР № 1761-1 «о реабилитации жертв политических репрессий» от 18.09.1991г., как оставшаяся в несовершеннолетнем возрасте без попечения отца, необоснованно репрессированного по политическим мотивам, заключением прокуратуры СПб от 14.07.2006 г., признана подвергшейся политической репрессии и реабилитирована⁵⁷»*. Потрясающе! Дед был официально реабилитирован, когда ему было бы 93 года, а его дочь, когда ему было бы 106 лет! Действительно, в России нужно жить долго! И главное, что она тоже была реабилитирована. И никто не знал об этом постановлении до 2005 г., когда им стали назначать льготы. Моей маме, в возрасте 80 лет, за 2 года до смерти, стали с 2006 г. доплачивать 500 р. в месяц, а также она получала компенсацию суммы оплаты ЖКХ 50%. Да, государство вспомнило об этих людях, когда их уже не было в живых,

да и дети, в основном, были стариками. И не думайте, что это было легко, надо было собрать кучу справок. Маме повезло, что у нас сохранилась справка о снятии судимости. А многим доказать это было трудно, и умерли они раньше.

Послесловие

Наверно, чтобы понять время, его нужно пережить, быть его участником и свидетелем. Но когда я писала эту статью, я сама стала свидетелем этого времени и остро переживала всё, что происходило с моим дедом. В его воспоминаниях нет вражды и ненависти, но чувствовалось, что первая мировая война, несмотря на все тяготы, была лучшим временем в его жизни. Мир был понятен и прост. Здесь друзья, а здесь враги, есть семья, друзья, товарищи, с которыми не страшно делиться своими мыслями и чувствами, которые не предадут, а поддержат. Понятный мир для молодого человека, вступающего в мир, мир безо лжи, предательства, страха, двойных стандартов. Где можно и нужно просто служить на благо семьи и отечества, оставаясь человеком, имея самоуважение и уважение к этому миру и своей стране, гордясь семьёй, страной, и уважая себя и других. И что это не просто слова, но образ мыслей и жизни. Понятное и доступное продвижение по социальной лестнице, без подхалимства и блата, мир честных людей. Как давно забыли мы это. 100 лет нас приучали к другому. То, что сделали большевики и Советская власть со своим собственным народом, продолжая это делать ежедневно, уже под другими флагами и знамёнами, но не преобразовавшись внутри, ведёт нас всех в никуда. Нет раскаяния. Нет доброты, понимания, сострадания, прощения. Не у отдельных людей, но у нас, как страны. И не было национальной розни. Перечень имён офицеров - друзей моего деда до революции пестрит многочисленными иностранными фамилиями. Посмотрите на имена учёных, военных и государственных деятелей. Их предки, приезжали в Россию и оставались здесь навсегда, служа на благо отечества. Где все они теперь? Как много мы можем встретить их кругом, на государственных постах и в армии? А ведь все они служили своей стране, и страна эта была

Россия. Она воспитывала замечательных талантливых людей - учёных, государственных и военных деятелей. И когда мы говорим о условиях, ведь и там была понятная социальная лестница. Был табель о рангах⁵⁸, где главное было не происхождение, а личные заслуги. И можно было заслужить не только личное, но и потомственное дворянство.

Например, мой прапрадед по матери Болеслав-Александр Георгиевич Колыша был поляк, «*родом из духовных, евангелическо-реформаторского вероисповедания*», что не помешало ему получить образование в Московском императорском университете, стать преподавателем математики в Императорском Александровском лицее (б. Царскосельском) и дослужиться к 45 годам (когда он внезапно умер, оставив 8 детей), до звания Статского Советника, что соответствовало в России должности вице-директора департамента, вице-губернатора, председателя казённой палаты и чином бригадира армии и капитан-командора флота.

А ещё, когда я писала этот очерк, рылась в архивах, перечитывала массу материалов, касающихся этого времени, воспоминаний очевидцев, статей и научных изданий, массу справочного материала, которые, благодаря интернету, можно сегодня быстро найти, то, при погружении в это время, моим главным впечатлением был ужас, ужас происшедшего в России, с Россией и с людьми, жившими в это время. Миллионы унесённых жизней и поломанных судеб.

И, конечно, я невольно сравнивала судьбы людей, оставшихся в России, как семья родных по линии матери, с судьбой эмиграции в Дании, о которой я писала ранее. Судьба эмиграции была трагична. Люди умерли вдали от родины, потеряв всё, но сохранив жизнь. Но главное - они могли встречаться, общаться, дружить, вспоминать, создавать объединения и группы, поддерживали и помогали друг другу. Это были люди одного круга, одной культуры, одного прошлого, которые как могли сохраняли человеческие ценности и передавали их детям. Зарубежная русская церковь была объединяющим центром для русской эмиграции и, несмотря на различие взглядов, осу-

ществляла поддержку всех эмигрантов, независимо от национальной принадлежности, выходцев из б. России. И недаром на русском кладбище в Копенгагене так много иностранных фамилий. Не все они были православными, но все ощущали себя русскими не только по языку, но по культуре и миропониманию. Это были люди, с которыми могла сводить судьба всех членов моей семьи до революции, люди одного круга. Да, материально им было зачастую даже труднее, чем оставшимся на Родине. Но всё же была открытость, дружба, поддержка, общение с людьми, имеющими общее прошлое. Но в СССР цена жизни измерялась самой жизнью. А в Советской России - полная закрытость, недоверие, замыкание в рамках одной семьи, где тоже часто происходил раскол по политическим взглядам, постоянная пропаганда, и постоянный страх. Не знаю, кому и где было лучше. Знаю, что не хотела бы жить в это время и не пожелала бы никому.

Разница заключается и в том, что за границей люди не боялись рассказывать о своём прошлом, писали дневники, оставляли правдивые воспоминания об этом времени, которые можно найти в многочисленных архивах русской эмиграции в разных странах, особенно во Франции и Америке. В Дании, например, эмигранты приносили свои воспоминания в церковь а также в музей в Баллерупе.⁵⁹ В семьях сохранялись устные рассказы о прошлом, конечно окрашенные очень личными переживаниями, но дети знали своё происхождение, свой род.

В то же время в СССР люди боялись правдиво рассказывать о себе, своей жизни и прошлом даже родным и близким, своим детям и внукам. И в семьях существуют в лучшем случае апокрифы, зачастую мало имеющие отношение к действительности. Не говоря о дневниках и воспоминаниях, даже фотографии уничтожались и обрезались. В любой момент могли нагрянуть с обыском и арестом. И так на протяжении десятков лет. Об их судьбе можно узнать только из многочисленных и достаточно закрытых архивных фондов и материалов. Сегодня есть возможность заказать архивные документы, следственные дела род-

ных, включающие и личное дело, и анкеты, и собственноручно написанные автобиографии на Шпалерной 25 и на Литейном 6. Будьте уверены, что это трудный и долговременный поиск, но когда вы прочтёте эти документы, то никакого сомнения в преступности режима, установленного Советской властью, у вас не будет. Останется лишь огромное сочувствие и сопереживание к их судьбе.

Делалось всё, чтобы люди скрывали своё прошлое. Система анкет, существовавшая при поступлении на работу, приёме в партию или комсомол, при арестах, а затем приёме «вольнонаёмными», была просто иезуитская. С обязательным перечнем вопросов. Напр., таких: *«Чем занимали вы (мужья, жёны, ваши родители и родители мужей и жён, братья и сёстры, их семьи и т.д.) до Октябрьской революции, применяли ли наёмную рабочую силу (источник существования). Чем занимаетесь вы (и они) в настоящее время (точный адрес работы и места жительства)», «с кем из родителей, братьев, сестёр и родственников Ваших и жены-мужа (перечислите ФИО), поддерживаете Вы и Ваша жена-муж связь, и в чём она выражается».* И про бывших мужей и жён. С кем общаетесь, встречаетесь. *«Был ли в плену или интернированным во время империалистической или гражданской войны, где и когда, при каких обстоятельствах, из какой части РККА попал в плен и был интернирован».* А ещё в некоторых анкетах я встречала вопросы: что делали до февраля 1917 г., с февраля по октябрь, после октября? Как можно было отвечать об этом периоде, когда в стране царил полный хаос, безвластие, переход власти от одних к другим? Но именно ответы на эти вопросы служили поводом для политических репрессий в течение всей последующей жизни. И конечно, про социальное положение до революции, своё и родных, про службу в бывшей царской (старой) армии (чин и звание), участие в империалистической войне (а до этого она была Великая и Первая мировая), службу в белых или иностранных армиях, когда, по мобилизации или добровольно, чин и звание, *«были ли осуждены, высланы, раскулачены или лишены избирательных прав, когда, где, за что и на какой*

срок», «что ещё желаете сообщить о себе, родителях и родственниках», «Были ли колебания в проведении линии партии, участвовали в оппозициях, антипартийных группировках, когда и в каких». И ещё множество подобных вопросов. Ну и конечно, за сокрытие каких-либо сведений люди подвергались репрессиям. А ещё доносы. Это было очень распространено и поощрялось, причём уже с детства. Вспомним Павлика Морозова, который был примером для всех школьников. И я думаю, что не было ни одного человека в стране, который мог не попасть в эту репрессивную машину. Просто кому-то везло больше, кому-то меньше, а кто-то сам активно работал на эту систему. Правда, и до многих из них добрались после 37 года. А самое главное, что добрались до тех, кто сам составлял эти анкеты и создавал всю эту систему.

И хотя уже столетие отделяет нас от этой ужасной и кровавой эпохи, но мы всё ещё не можем залечить раны, нанесенные революцией и Гражданской войной, по-прежнему деля себя на белых и красных, своих и чужих, не имея понимания и сострадания, не имея любви. Рухнула эпоха, и в её пучине погибла не только сама страна, но семьи, родные, близкие. Унесены миллионы жизней, а мы всё также непримиримы.

Я желаю всем нам быть добрее, сострадательнее и искать свои корни, ощущая дыхание истории. Как дерево не может жить без корней, так и нам они нужны, чтобы крепко стоять на этой земле, ибо без корней мы ничто. Благодаря поискам своих корней, я узнала массу нового о нашей истории. Надеюсь, что откроете что-то новое и вы, для чего сделано много сносок в конце статьи.

---

¹ **Сергей Владимирович Волков. 1918 год на Украине (Россия забытая и неизвестная – 5).** Под общей редакцией предводителя Российского Дворянского Собрания князя А. К. Голицына. Авторы проекта Валентина Алексеевна БЛАГОВО, Сергей Алексеевич САПОЖНИКОВ.

² **Центральная рада** (март 1917 — апрель 1918) — на начальном этапе, представительный орган украинских политических, общественных,

культурных и профессиональных организаций; с апреля 1917 года, после Всеукраинского национального съезда, взяла на себя функции высшего законодательного органа на Украине, координирующего развитие украинского национального движения, провозгласила в одностороннем порядке национально-территориальную автономию Украины в составе России. После свержения Временного правительства Центральная рада провозгласила Украинскую народную республику в федеративной связи с Российской республикой, а после разгона Всероссийского учредительного собрания начала вооружённый конфликт с Советской Россией за государственную самостоятельность Украины.

27 января (9 февраля) 1918 г. представители Центральной рады подписали в Брест-Литовске сепаратный мирный договор с Германией и Австро-Венгрией, после чего обратились к ним за военной помощью в борьбе против советских войск. На основании этого обращения Украина была оккупирована австро-германскими войсками. В конце апреля 1918 года Центральная рада была упразднена в результате государственного переворота гетмана П. П. Скоропадского, поддержанного оккупационными войсками.

³ **Павел Петрович Скоропадский** (род. 3 [15] мая 1873, Висбаден, Германия — умер 26 апреля 1945, Меттен, Бавария, Германия) — генерал-лейтенант Русской императорской армии, после революции 1917 года — украинский военный и политический деятель; гетман Украины с 29 апреля по 14 декабря 1918 года.

29 апреля 1918 года в Киеве на Всеукраинском съезде хлеборобов (помещиков и крупных крестьянских собственников, около 7000 делегатов), воспользовавшись затяжным кризисом Центральной Рады УНР и опираясь на поддержку германских оккупационных войск, сочувствие офицерских кругов бывшей русской армии, зажиточного украинского крестьянства и казаков, Скоропадский был провозглашён гетманом Украины. После успешного, совершённого малой кровью, государственного переворота своей грамотой гетман Скоропадский распустил УЦР и Малую Раду, а изданные ими законы отменил. Тем самым была упразднена Украинская Народная Республика и установлена Украинская держава. Принял официальный титул: «Его Светлость Ясновельможный

Пан Гетман Всея Украины». После поражения Германии в Первой мировой войне в ноябре 1918 года, по условиям заключённого перемирия немецкие войска начали покидать оккупированные в результате Брестского мира территории. Лишившись немецкой поддержки, после непродолжительной гражданской войны, режим Скоропадского рухнул. В середине декабря 1918 г. Киев был взят войсками Директории УНР, сформированной 13 ноября 1918 года во главе с Симоном Петлюрой и Владимиром Винниченко. Сам Скоропадский 14 декабря 1918 года отрёкся от власти и тайно покинул Украину, уехав в Берлин. <https://ru.wikipedia.org/>

⁴ **Добровольческая армия** начала формироваться 2 (15) ноября 1917 года в Новочеркасске Генерального штаба генералом от инфантерии М. В. Алексеевым. 25 декабря 1917 года (7 января 1918 года) получила официальное наименование «Добровольческая армия». 22 февраля 1918 года под натиском красных войск части Добрармии оставили Ростов и двинулись на Кубань. 15 августа 1918 года в части Добровольческой армии была объявлена первая мобилизация, что стало первым шагом на пути превращения её в регулярную армию. К сентябрю 1918 года численность Добровольческой армии возросла до 30—35 тыс. в основном за счёт притока в армию кубанского казачества и бежавших на Северный Кавказ противников большевизма. После завершения Первой мировой войны в ноябре 1918 года правительства Великобритании и Франции усилили материально-техническую помощь Добровольческой армии. 12 июня 1919 года Главнокомандующий Вооружёнными силами на Юге России генерал А. И. Деникин объявил о своём подчинении адмиралу А. В. Колчаку, как Верховному правителю Русского Государства и Верховному Главнокомандующему Русских Армий. 8 января 1919 года Добровольческая армия вошла в состав Вооружённых сил Юга России (ВСЮР), став их основной ударной силой, а её командующий генерал Деникин возглавил ВСЮР. В конце 1918 — начале 1919 года части Деникина нанесли поражение 11-й советской армии и заняли Северный Кавказ. В боевом отношении некоторые части и соединения Добровольческой армии обладали высокими боевыми качествами, так как в её составе было большое количество офицеров, имевших значительный боевой опыт и искренне

преданных идее Белого движения, но с лета 1919 года её боеспособность снизилась в связи с большими потерями и включением в её состав мобилизованных крестьян и пленных красноармейцев. После неудачного наступления на Москву летом — осенью 1919 года Добровольческая армия под давлением Красной армии отступила на Кубань, где в начале 1920 года была сведена в Отдельный Добровольческий корпус под командованием генерала А. П. Кутепова. 26—27 марта 1920 года остатки Добровольческой армии были эвакуированы из Новороссийска в Крым, где вошли в состав Русской Армии генерала барона П. Н. Врангеля. Википедия.

⁵ **Шпалерная 25, Дом предварительного заключения, ДПЗ, Шпалерная тюрьма, «Шпалерка»** — первая в России специальная следственная тюрьма.) Открылся 1 августа 1875 года как первая в России следственная «образцовая тюрьма» на 317 одиночных камер (32 — женские, а остальные — мужские), а также 68 общих камер и карцеров (всего рассчитана на 700 заключенных), в здании находился тюремный лазарет. ДПЗ соединялся висаячим коридором со зданием Окружного суда (Шпалерная, 23). До революции в тюрьме на Шпалерной содержались многие участники революционного движения, начиная от народников. Так в 1895—1897 годах в камере номер 193 содержался В. И. Ленин. Во время Февральской революции все заключённые были освобождены восставшим народом, а здание Окружного суда было сожжено. В 1932 году на месте сожжённого Окружного суда было построено здание Ленинградского ОГПУ, которое в народе называли Большим Домом (Литейный, 4). С 1920-х гг. ДПЗ - следственная тюрьма Ленингр. (С.-Петерб.) управления ОГПУ - НКВД - МГБ - КГБ - ФСБ. В настоящее время Дом предварительного заключения официально называется СИЗО-3.

⁶ В комплекс зданий, принадлежавших ОГПУ-НКВД, входит «Дом пропусков» на Литейном проспекте 6, построенный И. Ф. Безпаловым в 1930-е гг. на месте Сергиевской Всей Артиллерии церкви.

⁷ У генерал-лейтенанта в отставке Лейб-Гвардии Волынского полка **Пётра Петровича Доможирова** - брата бабушки Анны Петровны Доможировой. Род. 9.07. 1855 г . Ум. 1921 в Киеве. Обстоятельства смерти неизвестны. По всей види-

мости во время «красного террора».

⁸ **Екатеринославль**, современное название которого – Днепропетровск, был основан 22 мая 1787 года. До 1796 и с 1802 по 1926 — Екатеринославль, с 1796 по 1802 — Новороссийск, с 1926 по 2016 — Днепропетровск. Своим историческим названием город обязан императрице Екатерине II и ее фавориту - Григорию Потемкину, который и предложил именовать маленький городок на берегу Днепра славным именем Екатерины.

⁹ **Анатолий Александрович Семёнов** (1841—1917) — военный строитель и архитектор, действительный статский советник.

¹⁰ **Музей имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича** основан указом императора Александра II 21 февраля 1872 года, по ходатайству организаторов Политехнической выставки 1872 года. С февраля 1921 года по сегодняшний день — Государственный Исторический музей.

¹¹ **«Георгий Норбертович Габричевский** (1860—1907) — русский учёный, микробиолог, основатель научной школы, один из организаторов производства бактериологических препаратов в России.

¹² **Сергей Владимирович Волков. 1918 год на Украине (Россия забытая и неизвестная – 5).** Под общей редакцией предводителя Российского Дворянского Собрания князя А. К. Голицына. Авторы проекта Валентина Алексеевна БЛАГОВО, Сергей Алексеевич САПОЖНИКОВ.

¹³ **Трудовая армия** — формирование (объединение, армия) в Советской Республике которые создавались в 1920 — 1921 году на базе управлений (штабов), частей, соединений и запасных частей РККА, для помощи народному хозяйству. Сокращённое наименование — Трудармия. Были задействованные для выполнения хозяйственно-экономических и частично управленческих задач в местах своей дислокации. Являлись одной из составляющих системы «военного коммунизма» и практическим воплощением тезиса ЦК РКП(б) того времени о милитаризации труда, являвшийся вынужденной мерой в условиях гражданской войны и фактически не функционирующей экономики Советского государства.

¹⁴ **Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова** — ВМА. Создана на базе Военно-медицинской академии старой армии; первое

высшее медицинское учреждение России для подготовки классных чинов военного ведомства и военнослужащих медицинской службы Вооружённых Сил Российской Федерации. Академия занимает историческое здание в центре Санкт-Петербурга, ул. Академика Лебедева, 6А. После Октябрьской революции находилась в двойном подчинении - Наркомздрава и Главного военно-санитарного управления. Готовила военных врачей. Часть профессорско-преподавательского состава поддержала новую власть и продолжала работу в академии, среди них И.П. Павлов, В.Н. Тонков, возглавлявший академию с 1917 по 1925 годы (*как раз во время обучения деда*). Они выезжали на фронты Гражданской войны, возглавляли медико-санитарные службы армий и фронтов, продолжали работать на кафедрах и в клиниках в самых трудных условиях разрухи и голода. На фронтах свирепствовали сыпной и брюшной тиф, холера.

¹⁵ **Вайгач** — остров на границе Баренцева и Карского морей, административно относится к Ненецкому Автономному Округу Архангельской области. Отделён от континента узким проливом Югорский Шар и от Новой Земли проливом Карские Ворота. С древних времен на острове никто не проживал, но на нем многие столетия располагались главные святилища сменяющих друг друга народов Севера. Поэтому Вайгач является уникальным объектом наследия и для истории человечества имеет большое значение.

¹⁶ **Большеземельская тундра** — холмистая моренная равнина, расположенная на землях, относящихся к Ненецкому АО и Республике Коми.

¹⁷ 20 июня 1924 года при Президиуме ВЦИК был создан «**Комитет содействия народам северных окраин**» (Комитет Севера), под председательством П. Г. Смидовича. Комитет был создан для поддержки хозяйственно-экономического, социально-политического, административно-судебного и культурно-санитарного развития северных народностей и территорий. В 1925—1927 годах обществом Красного Креста и Наркомздравом РСФСР были организованы медицинские экспедиции и передвижные медпункты для оказания медицинской помощи кочующему населению.

¹⁸ **Географическое общество** с момента своего образования в 1845 году активно занималось исследованиями полярных районов совместно с

Российской академией наук и Гидрографическим управлением Российского флота. Многие экспедиции осуществлялись на частные средства и проходили без должной подготовки. Неудачи экспедиций Г.Я. Седова, Г.Л. Брусилова, В.А. Русанова подвигли Академию наук и Географическое общество учредить в 1914 году Полярную комиссию при Академии наук. Труды Полярной комиссии регулярно публиковались, была создана уникальная библиотека, насчитывающая более 4 тысяч томов, хранящаяся ныне в Библиотеке Академии наук. Полярная комиссия Академии наук просуществовала до 1936 года, после чего была ликвидирована в связи с реорганизацией Академии, и её переездом в Москву.

¹⁹ Открыт в 1925 в Ленинграде при городской детской больнице.

²⁰ **Красный террор** — комплекс карательных мер, проводившихся большевиками в ходе Гражданской войны в России (1917-1923) против социальных групп, провозглашённых классовыми врагами, а также против лиц, обвинявшихся в контрреволюционной деятельности. Являлся частью репрессивной государственной политики большевистского правительства, применялся на практике как путём реализации законодательных актов, так и вне рамок какого-либо законодательства. Служил средством устрашения как антибольшевистских сил, так и не принимавшего участия в Гражданской войне населения. Террор и насилие большевики широко использовали против «классовых врагов».

²¹ **Политические репрессии в СССР** — принудительные меры государственного воздействия, включающие различные виды наказаний и правоограничений, применявшиеся в СССР к отдельным лицам и категориям лиц по политическим мотивам.

²² **Соловецкий лагерь особого назначения (СЛООН, «Соловки»)** — крупнейший в СССР исправительно-трудовой лагерь на территории Соловецких островов, действовавший в 1920—1930-х годах. В 1919 году ВЧК учредила ряд принудительных трудовых лагерей в Архангельской губернии: в Пертоминске, Холмогорах и рядом с Архангельском. Лагеря должны были существовать на собственные деньги без поддержки центра. В 1921 году эти лагеря стали называться Северными лагерями особого назначения (СЛООН). В

начале 1923 года ГПУ РСФСР, сменившее ВЧК, предложило умножить количество северных лагерей, построив новый лагерь на Соловецком архипелаге. 6 июля 1923 года, через полгода после образования СССР, союзных республик были выведены из-под контроля республиканских НКВД и слиты в Объединённое государственное политическое управление (ОГПУ), подчиненное непосредственно СНК СССР. В ведение ОГПУ были переданы места заключения ГПУ РСФСР. В июле 1923 г. первые заключённые были переправлены из Архангельска на Соловецкий остров. Вскоре Северные лагеря ГПУ были ликвидированы и на их базе организовано Управление Соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения (УСЛОН или СЛОН) ОГПУ. Лагерю было передано в пользование все имущество Соловецкого монастыря, закрытого с 1920 года.

²³ **Иванов В. А. Миссия Ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х-40-х годов:** (На материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997.

²⁴ **Операции по репрессиям в Ленинграде.**

²⁵ **Б. 3-я Рождественская.** В середине XVIII века здесь находились Рождественские слободы. Название получили по церкви Рождества Христова (на пересечении 6-й Советской улицы с Красноборским переулком, снесена). Современное название получила 6 октября 1923 года. Названа в честь советской власти, к шестой годовщине Октябрьского вооружённого восстания 1917 года.

²⁶ **Шебаршин Николай Николаевич**, род. 12.09.1864. Исключён из списков умершим 3 августа 1904 г. Православный. Поручик 88-го пехотного Петровского полка. Из дворян Новгородской Губернии. Воспитание получил в С.-Петербургской военной прогимназии и окончил курс военных наук в Рижском пехотном юнкерском училище по 2 разряду. 3 сентября 1882 г. зачислен на службу в 113 Старорусский пехотный полк.

Переведён в 86-й пехотный Вильманstrandский полк 6 мая 1893 г. Зачислен в запас армейской пехоты по Старорусскому уезду 27 июня 1898 г. Определён в службу в управление Епифанского уездного воинского начальника исправляющим должность делопроизводителя с зачислением по армейской пехоте 5 апреля 1901 г. Штабс-капитан с 15 июня 1902 г. (ст. с 6 мая 1900 г.). Переведён в управление Порховского уездного воинского на-

чальника делопроизводителем с оставлением по армейской пехоте 11 июля 1902 г.

Жена - старорусская купчиха Екатерина Петровна Антонова. Дети: **Борис**, родился 16 апреля 1888 г. в Старой Руссе, **Пётр**, родился 2 октября 1889 г. в Старой Руссе, **Михаил**, родился 3 сентября 1892 г. в Старой Руссе, **Нина**, родилась 16 октября 1893 г. в Старой Руссе, **Зоя**, родилась 20 ноября 1894 г. в Старой Руссе, **Николай**, родился 11 марта 1896 г. в Старой Руссе - умер 13 февраля 1898 г., похоронен на кладбище Старорусского Спасо-Преображенского монастыря, **Константин**, родился 15 мая 1898 г. в Старой Руссе, **Сергей**, родился 24 сентября 1899 г. в Старой Руссе.

²⁷ **Шебаршин Борис Николаевич** (16 апреля 1888 г. – после 1945?) Православный. 6 августа 1909 г. из юнкеров Павловского военного училища произведён в подпоручики (ст. со дня выпуска) и выпущен в 117-й пехотный Ярославский полк. Переведён в 86-й пехотный Вильманstrandский полк 17 ноября 1910 г. Поручик с 15 октября 1913 г. (ст. с 6 августа 1913 г.). Переведён в 266-й пехотный Пореченский полк 8 ноября 1914 г. В Эскадре воздушных кораблей с 16 ноября 1915 г. На 26 августа 1916 г. в прикомандировании к Эскадре воздушных кораблей. Переведён в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа с зачислением по армейской пехоте 15 сентября 1916 г. На 1 января 1917 г. командир строевой роты Эскадры воздушных кораблей, на 8 марта 1917 г. состоял в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа, в той же должности.

Награды: ордена св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, св. Анны 3-й ст., св. Станислава 2-й ст. Жена Антонина Александровна (православная). Сын Николай (родился 8 апреля 1911 г. в Старой Руссе). Сын погиб во время ВОВ. Источники и литература: ЦГИА СПб. Ф. 19.; Сергиенко А.М. Эскадра воздушных кораблей «Илья Муромец». История создания и боевого применения в документах и воспоминаниях. Т. 2. Белгород, 2014.

²⁸ **ПАСПОРТНЫЕ СТОЛЫ**, учреждения, осуществляющие выдачу паспортов и регистрацию жителей. Создавались по Пост. ЦИК и СНК СССР от 27.12.1932 о введении единой паспортной системы. В начале января 1933 в составе Управления рабоче-крестьянской милиции Л. и Ленингр. обл. образован Паспортный отдел, которому подчинялись районные подразделения,

а также 300 спец. пунктов выдачи паспортов на предприятиях. В 1934 по городу и режимным районам Ленинградской области было привлечено к административной ответственности за нарушение паспортного режима около 86 тыс. чел. В сент. 1935 начался обмен паспортов «с целью выявления социально чуждого и контрреволюционного элемента» (всего по городу предстояло заменить 1,5 млн паспортов). В результате обмена и перепрописки паспортов из Ленинграда, удалены 25,2 тыс. чел., не имевших права проживать в городе.

²⁹ **Военный специалист** (сокращённо **военспец**): в первые годы советской власти — генералы, адмиралы, офицеры и чиновники вооружённых сил Российской империи, привлечённые на службу в РККА и РККФ (не всегда добровольно) во время Гражданской войны в России.

Вождь большевиков В. И. Ленин поставил задачу привлечения военных специалистов Российской империи к строительству Красной армии и к управлению войсками во время боевых действий против Белых армий.

Хотя с точки зрения коммунистической идеологии царские офицеры и генералы относились к враждебному пролетариату эксплуататорскому классу, военная необходимость в создании регулярной Красной армии заставила принять на службу большое число бывших офицеров и генералов.

³⁰ **Революция и гражданская война.** Википедия.

³¹ «Армия более чем с 3 миллионов сокращалась до 562 тысяч. В то время в ней служило около 50 тысяч генералов и офицеров старой армии, в том числе почти 15 тысяч бывших белогвардейцев. Это были в прошлом колчаковцы и деникинцы, командиры Грузинской, Армянской и Азербайджанской армий, репатрианты. Несмотря на "контрреволюционное прошлое", многие из белых офицеров продолжали службу в РККА наравне с военспецами, прошедшими с большевиками всю гражданскую войну».

³² **Лишёнец** — неофициальное название гражданина РСФСР, СССР, лишённого избирательных прав в 1918—1936 годы согласно Конституциям РСФСР 1918 и 1925 годов. Сколько лишенцев в стране было всего, сказать трудно. К началу XX века в Российской Империи насчитывалось около миллиона дворян, которых к 1918 году, живых и не уехавших в эмиграцию, конечно, осталось мно-

го меньше. Зато, если учесть духовенство и всех, хотя бы и мелких торговцев, пораженных в правах окажется заметное число.

По данным переписей населения 1926 и 1927 годов, за год число лишенцев выросло втрое — до 3 миллионов человек. Это произошло не потому, что где-то выявили новых неблагонадежных, а потому что в ту же категорию записали подросших детей лишенцев.

³³ **«Чистка»** - практика, как и название, была заимствована большевиками вскоре после Октябрьской революции, в 1921 году, от якобинцев, которые практиковали нечто подобное в год своего пребывания у власти (1793—1794). В 1918 году выходит указ Ленина «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства». Были отменены вступительные экзамены в университеты, классовое происхождение оказывалось единственной причиной не допустить человека к учебе. В 1930-е слово «чистка» начнёт ассоциироваться с физическим истреблением классовых противников, но в первые годы советской власти это еще значило «всего лишь» исключение чуждых элементов из организации. Предполагалось, что после этого организация приобретет социальный состав, приличествующий новому обществу. Политика советского руководства официально заключалась в «пролетаризации» науки и высшей школы. В 1918 году появляются рабочие факультеты (рабфаки) — фактически курсы ликбеза для поступающих в институт. Именно их выпускники (опять же, рабочие и крестьяне), станут в дальнейшем едва ли не исключительными поставщиками студентов.

³⁴ **Кольша Владимир Александрович** р. 27.11.1877 в Петербурге, умер в апреле 1943 г. (во время блокады). Зубной врач. Проживал по адресу: ул. Куйбышева 36/2 кв.27. Жена, Кольша Ольга Кузьминична р. 25.06.1885, Умерла 15.03.42 (во время блокады).

³⁵ **Кольша Юлия Александровна** р. 27.12.1875 г. – ум. осенью 1943, вероисповедания католического. Отец, Кольша Болеслав-Александр Георгиевич, статский советник, умер в 1883 г. Имела 7 братьев и сестёр, «воспитывалась в Женском училище принцессы Терезы Ольденбургской, бесплатно» по адресу Каменноостровский пр., 36 (угол Большого пр. Петроградской сторо-

ны, 73). В 1891 училищу был придан статус института, хотя сюда по-прежнему принимали малолетних девочек, а учебные программы соответствовали женским гимназиям. В старших классах девушек обучали машинописи, шитью, началам медицинской помощи, практическому уходу за младенцами и дошкольниками. Имеются документы, что *«подвергалась испытанию 19 марта 1903 г. в Педагогическом Совете Императорской Николаевской царскосельской гимназии из латинского языка, каковое и выдержала удовлетворительно»*, а также *«подверглась испытанию в медицинской испытательной комиссии при институте в 1910 г.»*. Имеется аттестат с указанием предметов и оценок и диплом *«от 15 дня 1911 г. из С.-Петербургского Женского Медицинского института»* о том, что *«в заседании медицинской испытательной комиссии 14 января 1911 года, удостоена звания, ей присвоено звание лекаря с отличием»*. Лекарь с отличием - это врач по тем временам. В 1905 г. родила дочь Нину Сергеевну Кольша от врача Сергея Васильевича Коломийцева. В браке не состояли.

³⁶ **Кольша Евгений Болеславович** р. 25 апреля 1883 г. в Петербурге. 7 мая 1883 г., т.е. через 2 недели умер его отец Кольша Болеслав-Александр Георгиевич. И он, и жена умерли в блокаду. Когда и где похоронены неизвестно.

³⁷ Каталог биографических записей, в котором собраны ссылки на топики, посвященные людям, внесшим лепту в развитие математики. Математики: великие, выдающиеся, известные, ... и не только математики...

³⁸ **Жизнь в черно-белую клетку** 25.01.2012, газеты «КУЗБАСС», «СПОРТ», а также **Ботвинник М.М. Аналитические и критические работы (1923-1941)** – М.: Физкультура и спорт, 1984

³⁹ **Гродзенский С.Я. «Лубянский гамбит»**. Эта книга о шахматистах, чьи жизни были загублены в десятилетия безвременья. Автору удалось установить истину о судьбах мастеров, когда-то блиставших на шахматном небосклоне, а затем бесследно исчезавших: в 20-е, 30-е, 40-е.

⁴⁰ **Борис Фёдорович Акинфиев** – р. 1889 г. в г. Тифлисе. Проживал после войны с семьёй и матерью жены в Москве. В 1937 г. родился сын Андрей Борисович.

⁴¹ В 1910 году **Генри Форд** построил и запустил самый современный завод в автомобильной

промышленности – хорошо освещенный и хорошо вентилируемый «Хайленд парк». Именно там в апреле 1913 года начался первый эксперимент по использованию сборочного конвейера. Дикая успех его «Форда Т» объясняется сочетанием «цена-качество». Он делал машины для всех, их мог купить кто угодно. Форд - Т стоил всего 250 долларов против 1100-2500 у конкурентов. Его машина оказалась легкой, крепкой, простой и дешевой, он выпустил их 15 миллионов штук с 1908 по 1927 год. Деятельность компании Форда в России началась в 1909 г. — с рекламирования и продажи автомобилей модели Т. В Петербурге, Москве, Одессе и прибалтийских портовых городах появились сбытовые конторы Форд Мотор Компани. В 1916 г. дилер компании в России М.С. Фриде сообщал личному секретарю Генри Форда: если построить в России автозаводы, то через десять лет они смогут «делать там почти такой же бизнес, как сейчас в Америке». Одним из первых знатоков и пропагандистов производственных методов Форда в России был инженер Н.С. Лавров, который в 1916 г. побывал в США и завязал контакты с менеджерами компании. Он был осведомлен об идее строительства фордовского автозавода в России и предложил начать с поставок авточастей и сборки машин на месте: «Прошу вас обратить внимание на громадную территорию России, которая в будущем может стать вторыми Соединенными Штатами».

⁴² **Петров Варфоломей Федорович** (1865 – после 1924), доктор медицины, профессор. Окончил с отличием ВМА в 1889 г. В 1895 г. защитил в ВМА докторскую диссертацию «Наблюдение над лейкоцитозом при крупозной пневмонии и над влиянием на него ртути в малых терапевтических дозах». Приват-доцент ВМА, профессор хирургии ВМА. В 1924 – заведующий амбулатории Водздрова, Ленинград. А на самом деле он был жив ещё после войны. Он имел массу научных трудов и открытий.

⁴³ **1-я улица Деревенской бедноты**. Мало кто сейчас помнит это название. Улица между Троицкой площадью и Петроградской набережной, на Петроградской стороне в Санкт-Петербурге. До 1918 года носила название Большая Дворянская улица, в октябре 1918 года Большую Дворянскую улицу переименовали в пику предыдущему названию в 1-ю улицу Деревенской бедноты. В 1935

году стала Куйбышева, в честь советского партийного и государственного деятеля Валериана Владимировича Куйбышева (1888—1935). Современный адрес - д. 36/2 - угловой пятиэтажный дом, построен в 1912-1913 гг. - гр. инж. Хржонстовским Г. П. Дом украшен горельефными изображениями орлов. Гипсовые орлы сидят по краям парадных входов.

⁴⁴ **58-11.** Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы.

⁴⁵ 15 июля 1929 года было принято решение Президиума ВЦИК о создании Ненецкого округа в составе Северного края. В 1930 году в округе началась коллективизация. Земельные участки, считавшиеся собственностью богатых оленеводов, передавались колхозам и товариществам. Первоначально созданные для коллективного охотничьего и рыболовного промысла, а также выпаса оленей товарищества постепенно становились колхозами. Значительный ущерб сельскому хозяйству округа нанесли репрессии, от которых пострадали сотни крепких хозяйств в деревнях и тундре. Главы многих семей были осуждены, члены семей высланы на спец. поселение в Коми АССР. В округе широко применялся труд заключенных. Они занимались добычей флюорита, добывали уголь в Воркутинском угольном бассейне. Но разговоры на эту тему считались антисоветской пропагандой.

⁴⁶ **58-10.** Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст.58-2 — 58-9), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой — лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении: наказание аналогично статье 58-2.

Статьи 58¹, 58^{1а}—58^{1г} и 58² — и более позд-

них редакциях устанавливали ответственность за контрреволюционную деятельность. Отменена в 1961 году. В обиходе именовались «58я статья». Жертвами политических репрессий принято считать людей осужденных по статье 58 (п.2-14) УК РСФСР, принятого в 1926 году.

⁴⁷ **БЕЛБАЛТ комбината ОГПУ – ст. Медвежья гора, Беломоро-Балтийский комбинат ОГПУ - ББК ОГПУ—НКВД** образован после окончания стр-ва ББВП Пост. СНК от 17.08.33 «О ББК» на базе **БелБалтлага, ББЛ, Беломорско-Балтийский ИТЛ** — исправительно-трудового лагеря, основной задачей которого было строительство и обслуживание Беломоро-Балтийского канала. Белбалтлаг организован 16 ноября 1931 на базе Соловецкого ИТЛ ОГПУ. Центр лагуправления с момента образования находился на ст. Медвежья гора (г. Медвежьегорск). Закрыт 18 сентября 1941 в связи с близостью к зоне военных действий. Максимальное число заключённых приводится на декабрь 1932 г. — 107 тысяч 900 человек, из них 92 000 заключённых было занято на строительстве канала, 15 900 — на лесозаготовках. Во время пребывания деда там находилось в 1934 — 62 211, на 01.01.1934 — 70 373, на 01.01.1935 — 66 418;

При организации **ББК ОГПУ—НКВД** на него возложены следующие задачи: колонизация края, прилегающего к каналу (в частности, путем заселения его трудпоселенцами); эксплуатация канала, судостроение в целях создания флота для канала; разведка и эксплуатация минерально-рудных ископаемых, сооружение гидростанций; Работы ББК ОГПУ—НКВД обслуживали з/к Белбалтлага (на 01.07.38 — 77 278 человек, из них 3946 женщин) и трудпоселенцы (на 08.07.38 из 28 083 человек, содержащихся в 21 трудпоселке ББК, на работах занято 15 525 человек. Структура Комбината распространялась не только на территорию средней Карелии, но и на весь Русский Север, включая побережье и острова Белого моря и Кольский полуостров, — до заполярной тундры. В нем насчитывалось 14 отделений.

⁴⁸ **7 Туломское отделение** — одно из 14 отделений Белбалткомбината.

⁴⁹ Построена в 1934—1936 гг. Белбалткомбинатом НКВД СССР.

⁵⁰ **Мурмаш** — посёлок городского типа в Кольском районе Мурманской области. Располо-

жен в 21 километре от города Мурманска, на берегу Нижнетуломского водохранилища реки Тулома.

⁵¹ **Минус** — неофициальное наименование принятой в СССР репрессивной меры — запрета проживания в крупных городах.

⁵² **«Сто первый километр»** — неофициальный термин, обозначающий способ ограничения в правах, применявшийся в СССР к отдельным категориям граждан. Им запрещалось селиться в пределах 100-километровой зоны вокруг Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик (Киев, Минск и так далее), других крупных, а также «закрытых» городов (Севастополь, Днепропетровск). В годы политических репрессий на 101-й километр и далее отправляли членов семей репрессированных по ст. 58 УК РСФСР. Позднее подобной высылке подвергались, главным образом, не работавшие граждане (тунеядцы), диссиденты, рецидивисты и осуждённые по особо тяжким статьям УК РСФСР.

⁵³ **Волгострой** — специальное строительно-монтажное управление НКВД СССР, занимавшееся строительством Углического и Рыбинского гидроузлов. Волгострой создан в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 14 сентября 1935 года. Его целью было обеспечить глубоководный выход канала Москва — Волга в сторону Нижней Волги и Волго-Балтийской водной системы через реку Шексну (участок Волги Ивановско — Рыбинск не был судоходным весь навигационный период) и эффективно использовать водно-энергетические ресурсы выше Рыбинска. В строительстве участвовали только советские специалисты. Основную рабочую силу составляли заключённые **Волголага**.

⁵⁴ **Угличская гидроэлектростанция** — ГЭС на реке Волге в Ярославской области, в городе Угличе. Входит в Волжско-Камский каскад ГЭС, являясь его второй ступенью. Одна из старейших гидроэлектростанций России — пущена в 1940 году. Строительство станции велось в 1935—1955 годах, преимущественно силами заключённых ГУЛага, по состоянию на 1941 год она являлась второй по мощности действующей гидроэлектростанцией СССР.

⁵⁵ **Рыбинская гидроэлектростанция** (в 1946—1957 годах — Щербаковская ГЭС) — ГЭС на реках Волга и Шексна в Ярославской области,

в городе Рыбинске. Входит в Волжско-Камский каскад ГЭС, являясь его третьей ступенью. На момент строительства была второй по величине гидроэлектростанцией СССР после Днепрогэса и одной из самых мощных электростанций страны. Строительство станции велось в 1935—1955 годах, преимущественно силами заключённых ГУЛага.

⁵⁶ Декрет 1920 года разрешал производить аборт только врачу в больнице, для операции было достаточно простого желания женщины. Уже в 1924 году вышел Циркуляр Наркомздрава, ограничивающий доступ к абортам: теперь для такой операции требовалось специальное разрешение, которое выдавалось при представлении женщиной ряда документов (удостоверения о беременности, болезни, о получаемом окладе, о семейном положении). С 1936 года в СССР аборты были запрещены полностью. Эта мера вызвала огромный рост женской смертности и инвалидности в результате обращения женщин к подпольным акушеркам и разного рода знахарям, а также из-за попыток прервать беременность самостоятельно. Кроме того, резко увеличилось число убийств детей до года собственными матерями. В 1955 году запрет был отменен, и смертность женщин и новорожденных детей резко упала.

⁵⁷ Подвергшимися политическим репрессиям и подлежащими реабилитации: дети, находившиеся вместе с репрессированными по политическим мотивам родителями или лицами, их заменявшими, в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении; дети, оставшиеся в несовершеннолетнем возрасте без попечения родителей или одного из них, необоснованно репрессированных по политическим мотивам.

⁵⁸ **Табель о рангах** — таблица, содержащая перечень соответствий между военными, гражданскими и придворными чинами, ранжированными по 14 классам. Учреждена указом Петра I от 24 января (4 февраля) 1722 года.

⁵⁹ Семья Ольги Александровны, младшей дочери имп. Александра III, в 1930 г. купила небольшое фермерское хозяйство в Баллерупе (район Копенгагена). В этом доме в 1991 г. был открыт музей, посвящённый Ольге Александровне, где находится коллекция её картин, а кроме этого много вещей, переданных сюда русскими эмигрантами и огромный фотоархив.

Лариса ЗАЛЕСОВА-ДОКТОРОВА

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Семен Троянов - русский танцовщик, хореограф и профессор танца

Я хотела бы рассказать об одном танцовщике, балетмейстере, директоре балетных трупп и школ.

Когда он жил во Франции, судьба свела его с Сергеем Дягилевым, Анной Павловой, Верой Трефиловой и другими русскими танцовщиками и хореографами.

Несколько лет назад я побывала в Кембридже, штат Массачусетс, США. Был июнь, класс выпуска 1967 года праздновал 35-ю годовщину окончания колледжа. Во время приемов и встреч я познакомилась со Стивеном Варга. Мы почти подружились. Неделя иссякла, и на прощание Стивен мне подарил воспоминания - дневники своего отца.

Наша встреча произошла случайно или почти случайно (я убеждена, что ничто в жизни не случайно).

В результате я увозила в моей сумке увесистый том - несколько сот страниц «Воспоминаний» Семена Троянова.

Этот человек имел несколько имен. Он родился на Кубани под фамилией Головченко, выступал на сцене, начиная с 1916 года, под сценическим именем Семена Троянова. Поселившись в Будапеште он стал Варгой.

В дневниках, написанных по-русски, он объясняет перипетии своей красочной жизни, насыщенной драматическими событиями, творчеством и встречами с интересными людьми.

Удивительная жизнь.

Удивительная и полная приключений.

Но для нас важна ее профессиональная часть.

Танцовщик, хореограф, владелец балетных трупп в нескольких странах, профессор, скорее учитель танцев (странно к нему применять слово профессор) и на закате жизни – директор одной из самых успешных - популярных балетных школ в США, находившейся на Лонг Айланде около Нью Йорка, в которой готовились стать артистами балета 500 учеников. Мальчиков и девочек.

Мальчиков всегда непросто убедить пой-

ти учиться балету. Семен Головченко был тем самым мальчиком, для которого самого учиться танцевать было счастьем. Наверное, этим счастьем он смог поделиться с учениками, потому его школы были так популярны.

Семен Троянов умер около 15 лет назад в очень преклонном возрасте (более 90 лет).

Его воспоминания написаны для его сыновей, но сыновья не читают по-русски.

Это так сказать предыстория сюжета.

Семен Троянов описывает юность и начало артистической карьеры в России, эмиграцию и парижские встречи, Вторую Мировую войну, которую он провел в Венгрии, жизнь и работу в Швеции и наконец отъезд в Америку.

Поскольку начало его карьеры в Москве совпало с началом Первой Мировой Войны, революцией и последующей эмиграцией, в России его имя неизвестно.

Конечно, не все в книге одинаково интересно, но некоторые моменты поразительны. Особенно встречи в Париже, работа в Турции, Италии, Венгрии.

Сейчас, спустя столько лет, когда мы продолжаем по крупицам собирать то, что растеряли за сто лет, такие свидетельства особенно ценны.

Нынче уже никого из участников тех событий нет в живых, но отголоски, волны Дягилевских достижений, магия его имени распространяется, или, скажем, свет его личности освещает и тех, кто хотя бы ненадолго пересек его путь.

Вот так получилось у Семена Троянова.

Настоящее его имя Головченко. Он родился и вырос на Кубани. Приехав в Москву в 1914 году он начал танцевать и ставить танцы в кабаре «Летучая мышь» у Никиты Балиева и одновременно в «Театре миниатюр». В то же время он учился у Леонида Жукова, первого солиста Большого театра и партнера Екатерины Гельцер.

Эти имена хорошо знакомы русским зна-

токам балета и исследователям русской культуры довоенных и революционных лет.

В Москве Семен Троянов общался со многими. Он снимался в фильмах вместе с Мозжухиным, выступал с Шаляпиным в благотворительных концертах. Ему было 20 лет, и его профессиональная жизнь только началась. К сожалению, она началась в неудачный момент.

Он закончил балетную школу весной 1917 года и был принят солистом в труппу Большого театра тогдашним директором Александром Горским осенью 1917 года. Можно удивиться столь головокружительной карьере. Юноша начинает профессионально учиться балету в 17 лет, и в 22 становится солистом. Но учтите, шла война, и артисты были либо на фронте, либо у Дягилева.

Из «Воспоминаний» Сергея Григорьева можно видеть, как он ездил в Россию и набирал танцовщиков для «Русских сезонов».

Все кончилось осенью 1917 года. Семен Троянов со своей женой и партнершей Авророй Горской уехал на Кавказ, а оттуда в Константинополь.

Семен Троянов, оказавшись на Западе без ничего, выброшенный из профессиональной среды, смог добиться большого успеха во всех тех странах, куда его забрасывала судьба.

Интересно сравнить его судьбу с судьбой многих тысяч русских эмигрантов, которые, чтобы выжить, пошли работать на заводы Рено под Парижем или стали шоферами такси. Хотя многие из них занимались профессиональной деятельностью в России, на Западе большинство из них не смогло ее продолжить.

А Семен Троянов смог. Он не стал артистом с мировым именем, но тем не менее русская балетная школа обеспечила ему успех. И он смог удержаться на высоте своей профессии в течение 50-60 лет.

Семен Троянов был человеком многих талантов. Он успешно танцевал и успешно ставил балеты.

Интересно обратиться к его детству и юности, чтобы понять, что ему дало запас жизненных сил на всю долгую жизнь.

Мальчик из крестьянской семьи из казацкой станицы Северная оказался в Москве и в Большом театре. Его родители были кубанскими казаками и занимались сельским хозяй-

ством. Лошадьми. Он преодолел сопротивление отца и начал учиться сначала в самой станице, потом в гимназии в Темрюке. И тут же в гимназии он начал обучаться бальным танцам. В то время этот предмет был обязательным в русских гимназиях. Его учителем был бывший солист из Варшавской оперы.

Летом 1914 года в Кисловодске Семен Троянов начал брать уроки балета и решил продолжать их в Москве, куда он уехал, поступив в Коммерческий институт.

То есть уроки в Москве в школе при Большом театре он начал в возрасте 18 лет.

Очевидно, это был человек выдающихся способностей. Потому что его профессиональная балетная жизнь начинается сразу же. Он начал ставить хореографические миниатюры, одновременно зарабатывать деньги, выступая с балетными дуэтами в многочисленных концертах в Москве. Очень быстро он сделал себе имя как постановщик хореографических миниатюр. Летом 1915 года он уже ездит с гастрольями по провинции, они проходят с большим успехом.

Наступил 1916 год. Происходит убийство Распутина и Февральская революция.

Автор описывает в своих воспоминаниях, как все в Москве, особенно студенты ликовали, а он видел впереди кровавые события. Еще один дар - он умел видеть будущее.

На последнем поезде он с женой покидает Москву и едет на Кавказ, в Кисловодск.

Автор описывает неразбериху, которая наступила в Кисловодске, та же, что раньше была в Москве. Приближается Красная армия, а город тем временем захватывают сторонники Шкуро. Семья Троянова арестовывают, ведут на расстрел. Он убегает, скрывается.

Они с женой бегут в Ейск. Удивительно, там они продолжают выступать с балетными номерами, то же самое происходит позже в Екатеринодаре, где они дают концерты балетных миниатюр в Зимнем театре. Вокруг бушует война. Скопившиеся артисты, солисты из Большого театра ждут и надеются.

В Екатеринодаре он поставил небольшой балет. Тут он познакомился с Василием Воскресенским, который позже объявился в Париже как полковник де Базиль, владелец балетной труппы.

Отплытие в Константинополь завершает первый этап его жизненного пути.

Дальше следует эмиграция во всех своих формах, положительных, отрицательных, с надеждами и разочарованиями.

Как профессионал нам он интересен своей работой во Франции. Из его воспоминаний возникает красочная артистическая жизнь Парижа между двумя войнами. Она кипела. Русский балет, Дягилев, русские балерины Павлова, Кшесинская, Ольга Преображенская, русские художники были знаменитыми.

Русская балетная школа, уроки, полученные автором в Москве, помогли ему достигнуть успехов в Париже и оставаться на вершине профессии в течение многих десятилетий.

В Париже Семен Троянов стал партнером бывшей прима балерины Мариинского театра Веры Трефиловой. Она часто выступала у Дягилева, особенно в классических балетах, например, в роли Одетты в «Лебедином озере», которое Дягилевская труппа показывала в Монте Карло летом 1923 года. И как пишет Троянов, Дягилев ей платил по 5000 дол. за выступление. Это были большие деньги.

В Париже Семен Троянов учился в школе Ивана Хлюстина, где и познакомился с Анной Павловой, ее мужем г-ном д'Андре, Натальей Натовой, которая тоже стала его партнершей.

Семен Троянов-танцовщик

Очевидно, его мастерство стало значительным. Приведу некоторые фразы из воспоминаний. «Я с Наташей Натовой делал такие поддержки и подъемы, какие до этого никто не делал. Например, в Гранд Жете я ловил ее за ногу, и она была в моих руках в воздухе в арабеске».

С Верой Трефиловой он танцевал принца в «Лебедином озере» в Берлине и в Гельсингфорсе.

Он делал три воздушных тура и многие другие вещи. Г-н Морской, в то время дирижер Ковент Гардена, увидел его в Ла Монне в Брюсселе и поразился его технике.

Первое предложение Сергея Дягилева

«Увидев нас с Натовой в па-де-де из «Лебединого озера», Дягилев прислал Сергея Григорьева и пригласил меня для переговоров в отель Ритц, где он тогда жил. Дягилев мне

обещал место первого танцовщика и возможность балетмейстерской работы, потому что он уже слышал о моих балетмейстерских работах от Ивана Хлюстина».

Это было первое из Дягилевских предложений.

По двум причинам Семен Троянов отклонил его. Во-первых, не было места для его жены, и как он пишет: «Мне не хотелось с ней расставаться надолго. Артисты у Дягилева ведут бродячую жизнь». Второй момент - денежный. Семен Троянов искренне ответил Дягилеву, что зарабатывает в 4 раза больше, чем тот мог ему предложить. Он также слышал о том, что иногда патрон вообще был не в состоянии заплатить артистам.

Вместо этого он подписал контракт с оперой города Канн для себя и для своей жены Авроры. Он получил место первого танцовщика, а Аврора - прима балерины. И сразу же Семен Троянов начал ставить балеты. Ежедневно в его постановке шли новые программы - балетные дивертисменты.

Второе предложение Сергея Дягилева

По-прежнему был 1923 год – Дягилев снова увидел Семена Троянова в Париже в им же поставленном балете «Голубой бог» композитора Рейнольдса Кана (Reynolds Hahn).

Сразу же после премьеры он стал настойчиво его приглашать в свою труппу. Как говорит автор: «Обещал мне золотые горы и громкое имя. Но я снова отказался. У меня уже был подписан контракт на следующий год в Лондон в театр Гарик. И на зиму в Оперный театр Канна. Я был доволен моей судьбой».

Вот тут интересно понять его характер.

Семен Троянов не был амбициозным, он меньше думал о посмертной славе, если вообще о ней думал, чем о благополучном существовании.

Возможно, его имя было бы сейчас в одном ряду с именем Нижинского или Фокина, если бы он рискнул принять предложение Сергея Дягилева.

Но он этого не сделал.

Семен Троянов не только выступал в таких театрах как Парижский Шатле, но поставленные им балеты тоже шли в огромных залах. Например в Гомонт Палас в день его открытия - это был огромный зал в Париже вроде

Нью-Йоркского «Радио сити», вместимостью в 3000 мест.

Я не исключаю, что главной причиной отклонения Трояновым предложений Дягилева было желание не терять профессиональной независимости и оставаться хозяином своей судьбы. Он им всегда был, и его биография показывает, что он обретал успех и поклонников, где бы ни работал.

Семен Троянов - балетмейстер

Говоря о его балетмейстерской работе, можно сказать, что он был автором огромного количества небольших балетов, хореографических миниатюр и характерных дивертисментов. Он не был новатором на уровне Фокина, Мясина, Сержа Лифаря. Но тех балетмейстеров в большой степени создал Дягилев, который всю жизнь стремился к новому и невиданному.

Семен Троянов ставил короткие балеты, которые шли на сценах казино или новых роскошных кинозалов, в них он объединял сцены из классических балетов, например, из «Корсара» и новые, входившие в моду танцы, как, например, танго, фокстрот. Он был первым танцовщиком в Париже этих новых танцев. Это подтверждается его описанием уроков, которые он давал Анне Павловой: курсов танго, фокстрота и других, которые потом они апробировали в ночных клубах. Семен Троянов пишет, что Анна Павлова обожала танцевать танго. Они часто посещали ночные клубы Парижа в компании ее мужа мосье д'Андре и Веры Трефиловой - постоянной партнерши Семена Троянова.

Тем временем Вера Трефилова заканчивала свою карьеру и забирала школу балета от Ивана Хлюстина, который планировал переехать на Лазурный берег.

Что еще явствует из «Воспоминаний» Семена Троянова?

Этот человек был тружеником, очень много работал. Это касается и тренировок и выступлений. Например, он пишет, что когда он добивался идеального антраша, он тренировался до тех пор, пока его икры не становились сине-черными, и он репетировал прыжки тех пор, пока не появлялось состояние, что он действительно летит по воздуху. Его год был расписан гастролями, контрактами.

Лето в Довилле, зима - в Канне, гастроли по Скандинавии, Англии. Концертные выступления с Трефиловой и с Аннет Лейбович (Anette Leibovics) - первой балериной Опера де Пари.

Последнее предложение Дягилева

Зимний сезон Семен Троянов проводит в Канне, где он танцует в оперном театре и где идут поставленные им балеты. В декабре 1924 года он встречает Сергея Дягилева: «"Так что же вы господин Троянов, так и не решили работать со мной?" - он сказал это с укоризной. Я ему ответил: "Я вам очень благодарен, но я зарабатываю гораздо больше, чем вы можете мне предложить". Я ему также рассказал о плохом здоровье моей жены. И что путешествовать с его балетом меня заставит оставлять ее одну. Он понял и не сердился. Это было наше последнее свидание».

Образовалась балетная труппа полковника де Базиль, старого знакомого Троянова по Тифлису и Кисловодску. Тот его тоже звал у него работать. Но Семен отказался.

А потом и труппа распалась.

Выдающийся танцовщик, изобретательный балетмейстер Семен Троянов интересен еще по одной причине: он был, очевидно, замечательным организатором. В Будапеште, затем в Мальмо – в Швеции, и позже в Америке он открывал школы балета, сам продолжая танцевать и ставить балеты. И он создавал балетные труппы, которые успешно выступали и гастролеровали. Директоры театров охотно подписывали с ним контракты.

То есть получается, что этот человек, не будучи великим и не оставив о себе столь громкой посмертной славы, как Нижинский или Фокин, Семен Троянов был одним из тех, кто способствовал славе русского балета и распространению влияния русской школы танца и русского искусства. И был одним из тех, кто составлял парижское окружение Сергея Дягилева и его артистов. Они встречались, ходили на премьеры друг друга.

Я хочу провести небольшое сравнение Семена Троянова с Дягилевым.

У них обоих был хорошо развит инстинкт выживания. Хотя у Дягилева он был развит лучше. Дягилев вообще войны нигде не видел.

Троянову повезло меньше. Он увидел и Гражданскую, и Первую Мировую. И Вторую Мировую. На Кавказе он дважды чудом избежал смерти. Первый раз его арестовали в Кисловодске во время Гражданской войны как буржуа на улице, отвели на расстрел и расстреляли, но пули в него не попали. Он очнулся в гряде трупов.

Второй раз это тоже случилось на Кавказе в то же время. Его снова арестовали и хотели расстрелять, но он смог убедить конвоиров, что располагает важной информацией, которой поделится только с их начальником. Семена Троянова отвели к командиру, и им оказался его бывший соученик по гимназии. Конечно он ему написал охранную грамоту.

Несколько десятилетий в его жизни прошли без войны, и снова он с ней столкнулся в Венгрии. Немецкая оккупация, жена-еврейка, но они этот факт скрыли, даже укрывали у себя дома евреев.

Выжили, и после войны Сепмен Троянов снова открывает в Будапеште в 1945 году балетную школу.

Советские оккупационные власти ему настойчиво предлагают вернуться в СССР. Кроме одного офицера, который говорил, что этого делать не следует. А наоборот – он должен искать варианты покинуть Венгрию. Семен их находит и умудряется с женой и двумя сыновьями уехать в Швецию.

Дальше Америка, благополучная жизнь. Она меньше посвящена танцу, а больше организаторской работе - школе, балетным спектаклям.

Семен Троянов никогда не претендовал на то, чтобы создавать что-то новое. Он с удовольствием танцевал в «Лебедином озере», «Корсаре», в «Баядерке».

Из этих воспоминаний становится очевидным один интересный факт. Сергей Дягилев прославлен как мастер нового искусства, как первооткрыватель талантов и как человек, который убеждал публику идти за ним, любить его новое искусство и забыть о старом-рутинном. Но труппа «Русские сезоны» успешнее зарабатывала деньги и собирала публику постановками «Лебединого Озера» и «Спящей красавицы», чем короткими балетными миниатюрами вроде 'Spectre de la Rose'. Этот факт отмечает Сергей Григорьев в своих «Воспоми-

наниях» о годах, проведенных им с труппой «Русские сезоны». Он приводит такой факт: Дягилев очень гневался, когда видел, что максимальные сборы приносили сюжетные балеты «Царица Тамара» и «Шехерезада», а не «Стальной скак» Прокофьева.

Вера Трефилова протанцевала много сезонов в Монте Карло в роли Одетты в «Лебедином озере», которое труппа «Русские сезоны» ежегодно зимой представляла в Монте Карло. В Лондоне в театре Колизеум труппа была ангажирована на 26 недель для представления «Спящей красавицы». И самый высокий гонорар Дягилев платил Вере Трефиловой - классической балерине.

Интересно представить себе, что было бы, если бы воскресла труппа Дягилева. Вполне возможно, что на «Лебединое озеро» публика бы ломилась, а новые короткие миниатюры принимались бы спокойно. В прошлом месяце в Париже в театре «Шамп Елизей» шел одноактный балет, поставленный бельгийским хореографом Анн-Тереза Де Кеермакер. Танцевала Сильви Гилем. Если бы это было «Лебединое озеро», публика бы спрашивала билеты у выхода из метро. А так их можно было спокойно купить в кассе накануне спектакля.

Вопрос - насколько Дягилев образовал публику и вообще образовал ли?

Вернемся к Семену Троянову.

Наиболее яркие страницы воспоминаний - Гражданская война, со всей разрухой, и бессмысленной гибелью людей. Но на этом фоне автор воссоздает атмосферу Кисловодска, Минеральных Вод, тех мест, где русская аристократия, богатые купцы и дворянство проводили каникулы. Потому в этих городах были курзалы, летние театры, казино. Ежегодно там собирались театральные труппы, солисты Большого театра, балерины, выступал Федор Шаляпин. Тут заметно соединение богатства и искусства.

И та же тенденция прослеживается в Европе, в Париже, а позже в Америке.

Пример: Семен Троянов хорошо знал Альфонса 13-го – короля Испании, который был другом и меценатом Сергея Дягилева. Тот часто приезжал инкогнито в Париж, они встречались, вместе обедали.

Второй период

Расцвет карьеры автора как танцовщика и как хореографа в Париже, во Франции в период между войнами.

Семен Троянов приводит любопытные отзывы о себе русских эмигрантов. Бывшие офицеры, профессионалы из России бедствовали во Франции, потому что их профессии не были нужны. А тут человек, танцующий танго и высоко прыгающий, хорошо зарабатывает и прекрасно живет. У многих этот факт вызывал изумление.

Отличие Семена Троянова от Дягилева

Главное - отсутствие больших амбиций у Семена Троянова.

Он был крестьянским мальчиком и шел по жизни осторожно. Например, окончив гимназию, он мог поступить в Московский или Петербургский университет, а он выбрал Коммерческую школу, потому что надеялся стать бизнесменом или дипломатом. Здесь уже видны семена его отказа присоединиться к труппе Дягилева, нырнуть в неизвестное будущее, которое тот ему сулил.

С 12 лет сам себя содержал. Вначале уроками в гимназии отстающим товарищам или во время каникул казакам, которые должны были сдавать вступительные экзамены в офицерскую школу. Каждый ему платил по 40 рублей, при условии, что они успешно сдадут экзамены и будут приняты. И все 30 были приняты. Таким образом он заработал деньги на целый год жизни в Москве. Для Семена Троянова финансовые вопросы были важными. Сергей Дягилев был дворянином, владельцем имения, там не было вопроса о деньгах. Творчество интересовало его больше, чем деньги.

Просматривая «Воспоминания» Семена Троянова поражаешься его памяти. Конечно, это память профессиональная. Он начал писать «Воспоминания» в конце своей жизни в 78 лет, и за исключением некоторых дат и имен, его память сохранила важнейшие моменты. Хотя автор и сетует, что многие материалы погибли, будучи утерянными во время бегства из России и позже из Венгрии.

Заключение

Недавно я получила письмо от Стивена Варга - сына Семена Троянова, где он пишет, что еще встречаются люди, помнящие его отца. Одним из таких является автор книги 'Under my wings: My life as an impressario' 95-летний Paul Szilard, который был родом из Венгрии. Импрессарио времен Сола Юрока, хотя и не ставший таким знаменитым как Юрок, он тоже внес свою лепту в наведение мостов между артистами Восточной и Западной Европы, и он тоже сделал много, чтобы познакомить публику мира с искусством России и стран Восточной Европы. В своей книге он приводит много ссылок на Семена Троянова.

Или совсем недавно и совсем неожиданно в Санкт-Петербурге я познакомилась с американским танцовщиком Карлом Бартом. Из разговора выяснилось, что он родился и вырос в Венгрии и был учеником Семена Троянова. Он мне сказал: «Я хорошо помню его школу, которая находилась за Оперным театром в Будапеште».

Кто знает, если бы Семен Троянов принял предложение Дягилева, то, возможно, теперь в Мариинском театре шли вечера балетов, поставленных великим русским хореографом Семеном Трояновым. Или можно представить другой сценарий: не стал ли бы он в Нью-Йорке директором Нью-Йорк Сити Баллет вместо того, чтобы быть директором балетной школы на Лонг Айланде.

А могло быть и такое: он остался в памяти людей как легендарный танцовщик. Еще один Нижинский?

Ничего этого не случилось, но тем не менее, его воспоминания для нас ценны, потому что они дают дополнительные детали о жизни и работе русских артистов во Франции, в Париже и провинции и об окружении, в котором создавала свои балеты труппа Сергея Дягилева.

Брюссель

Софья ДУБОВСКАЯ

Музы не молчали

I. ДНЕВНИК ХУДОЖНИКА

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Обычно рассказ о музее начинается с героических страниц истории. Но, говоря о работе над художественным обликом Народного музея 235-й школы «А музы не молчали», я оглядываюсь на тот первый день, когда создатель музея Евгений Алексеевич Линд привел меня в пустой полутемный зал.

Было это четверть века назад. Папки с документами, утварь сороковых годов и один стул для меня. Я посмотрела на груды экспонатов: «Как сделать, чтобы обгоревшие листочки осветили подвиги артистов, художников в блокадном Ленинграде? Чтобы школьники поверили?». Об этих поисках теперь напоминает мой рабочий дневник.

ЧИТАЮ ДНЕВНИК

1. Зрелище

«Все, что я знаю об искусстве, надо приложить к понятию музей.

Музей – это зрелище. Посмотреть, что успели другие зрелища, не зазорно, музей – искусство молодое; даже десятая муза и та старуха по сравнению с музеями типа нашего.

МУЗЕЙ – это театр наоборот.

В ТЕАТРЕ – зритель пассивен.

В МУЗЕЕ – зритель активен.

В ТЕАТРЕ – актеры живут во времени и пространстве.

В МУЗЕЕ – движение передано чередованием «кадров».

Если 24 кадра в секунду мы видим как целое изображение, то и множество экспонатов остаются в памяти точно так же, единым образом. О пространстве подумать особо, чтобы оно не было только консервной банкой для истории».

ОГЛЯДЫВАЮ ЗАЛЫ

Музей открывается зрителю залом «Театр музыкальной комедии». Среди зимы, ночи, войны. Большая роль отведена освещению зала, который представляет темно-синее пространство с подсветками. С первых шагов видим уличную афишную тумбу, затем театральные подмости, огороженные условно шторкой.

ВОЗВРАЩАЮСЬ К ДНЕВНИКУ

2. Начало

«Войдя в музей должно забыть ту жизнь, из которой мы сюда прибыли. Здесь другое измерение.

Световой образ многозначен. Проектора – это и театральное освещение стенда-спектакля, и городские фонари, направленные на афишную тумбу. Луч вдоль темной стены напоминает о затемненном военном городе. Скрытые светильники между стендами создают объемность кулис.

Театральная игра, кулисы, сцена и шторка вокруг – балаганчик, что-то простонародное, простодушное близкое детской душе, разговор на их языке: игра – модель жизни. Афишная тумба в затемненном городе – туда же. И бутафорские книги, макеты книг с текстами-свидетелями. Для современника историю доносит летописец. Сделать ощутимым присутствие посредника. И в то же время непомерно большая книга это тоже игра».

3. Размышления

«Прием гротеска: аншлаг «На сегодня все билеты проданы», и рядом табличка «Граждане! На этой стороне улицы при артобстреле наиболее опасно». Гротеск – это стремление художника вывести зрителя из одного состояния в другое, которого зритель никак не ожидал.

Научная основа музея и художественный

вымысел совместимы. Зрелище начинается, реакция зрителя мгновенна. Быстрее, чем об этом можно сказать. Дальнейшее проникновение в события осуществляется в постепенном, пристальном разглядывании документов, экспонатов. Таким образом, художник обязан угадать своим решением обобщенное, неразделимое видение в пространстве и во времени. Двуединство.

Композиция из предметов не художественного происхождения – искусство XX века, поп-арт. Документу придан статус художественного языка. Разговор об истории ведется на языке современного искусства).

4. Путь к образу

«Для художника есть только один путь к образу: «пережить» то, что нужно выразить. Пережить – сделать фактом своей жизни, найти момент, подходящий для контакта. А как быть, если экспонатов сохранилось очень мало?

Для создания образа хватает минимума признаков, которые отбирает сам художник. Музейные экспонаты – это крохи истории. И – достаточно. Надо создать окружающую среду, художественную атмосферу для этих экспонатов так, чтобы не было двух мнений: именно эти «осколки века» необходимы для художественного образа эпохи».

5. Тема «Композиторы»

«В зале *Композиторы* стенды расположить в особо четком ритме. Создать ощущение ритма в окружающей среде. Ведь ритм – важное свойство музыки, вот и породнит тему и ее художественное воплощение.

В центре вокруг рояля – витрины – письменные столы, покрытые зеленым сукном, символы кабинетов. Рабочее место в устоявшейся жизни. Пенал, резьба по дереву, слова с «ь». Значит, лет 30 существовал кабинет композитора. И вдруг вместо настольной лампы – коптилка, вместо рукописи нот – дневник голодных дней, кусок клея, чтобы мы знали, что надо есть, чтобы каждый день умирать.

Документы, играющие роль актера, участвуют в событиях, они должны воссоздавать всякие ситуации, выражать «движение жиз-

ни» и то, чем вызвано это движение».

6. Седьмая симфония Д.Д. Шостаковича «В единственной нашей встрече дома у художника Иосифа Александровича Серебряного он раскрылся для меня как человек искусства гораздо больше, чем в самой живописи. Смотрели на эскиз к картине «Седьмая симфония», предназначенный для музея. Эскиз был написан при коптилке зимой 1942 года и изображал концерт в филармонии зимой 1942 года, на котором побывал художник».

СЕГОДНЯ, ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ

В зале «Премьера Седьмой симфонии Д.Д. Шостаковича» победная кульминация всех трех экспозиций, модель праздничного концерта в Большом зале Ленинградской филармонии 9 августа 1942 года. Ярко освещенная эстрада с оркестром в виде инструментов и нот той поры. И цвета зала филармонии – красный и слоновая кость.

Гордостью этого зала стало живописное свидетельство блокадных лет – картина художника Иосифа Серебряного, изображение концерта в филармонии зимой 1942 года.

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ДНЕВНИКА

7. Музей создается

«То обстоятельство, что музей все еще создается, собирается, это настоящее время глагола придает эффект сиюминутности даже всему историческому из собрания музея. Собиратели, «следопыты» – школьники, они же проводят экскурсии, и то, что создание экспозиции нельзя отложить – уйдут старшеклассники, прервется традиция, в которой воспитываются с 1-го класса, – все эти условия разительны для художника. А то, что в зимней аварии затопило музей – своя «блокада». Порой я теряю ощущение, где я и кто:

Участник событий 40-х годов?

Участник собирательства коллекции?

Художественный интерпретатор событий?

Или все вместе взятое?»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда завершилась работа над тремя залами экспозиции, стало ясно чередование разных эмоциональных состояний, которое подчеркивает многогранность артистического Ленинграда.

Зал Музкомедии – суровость военного города.

Зал «Композиторы в блокаде» – кабинетная работа авторов симфоний и песен.

Зал, посвященный филармонии, наиболее мажорный. Особенно это заметно в день открытия экспозиции. Зал мгновенно наполняется заинтересованной толпой. А статичные актеры-экспонаты разыгрывают премьеру.

Зрелище состоялось. Художник и зритель нашли общий язык.

Все три экспозиции раскрывались зрителю с 1977 по 1983 годы. Это не представило и половины коллекции музея. Многие сюжеты томятся в толстых папках в ожидании звездного часа, и персонажи, недоступные взору, в тайне ото всех складывают виртуальные композиции.

Ленинград – Петербург
1976 – 2000 гг.

Зал «Седьмая симфония Д. Шостаковича»

Зал «Композиторы в блокаде»

II. ЭПИЗОДЫ

ВОСПОМИНАНИЯ ХУДОЖНИКА

О работе на рубеже семидесятых-восьмидесятых годов прошлого века над экспозицией школьных музеев: «А музы не молчали» в школе № 235 Адмиралтейского района и «Музея 63-й гвардейской дивизии генерала Симоняка» в школе № 223 Кировского района.

1. Начало

Самое начало работы над музейной экспозицией. В новеньком, только что отстроенном двухэтажном флигеле во дворе школы ещё не было ни одного сотрудника музея, даже открывать входную дверь по утрам было практически некому. Любые вопросы обсуждались мною с Линдом, но Евгений Алексеевич мог быть свободен только после окончания всех уроков в школе. Выход был найден. Мне была вручена связка ключей от всех помещений музея, включая входные двери, а значит и забота об охранной сигнализации. Через соединительную галерею я проходила в школу и надоедала Линду на переменах между уроками.

В зимний период в музее было прохладно, так что мы с моим помощником-художником раскладывали экспонаты, не снимая пальто. А в вечерние часы, когда во дворе было пусто, мальчишки для развлечения забрасывали окна камнями и лупили в двери. Можно было подумать, что это специально устроена атмосфера, близкая к блокадному быту. После такого дня выходя на улицу, я не сразу осознавала надёжность нашей жизни и недоумевала: что за странные прохожие? Хорошо одетые, упитанные, ходят парочками, а главное – никто не торопится! И как они могут смеяться, ведь у нас – блокада.

2. Авария

После завершения экспозиции о театре Музкомедии наступила пауза в работе. К тому же подступал Новый год. 1-2 января музей должен быть закрыт. Что меня вытолкнуло из дома и направило в музей? Он оказался открыт. Поднимаюсь на 2 этаж, вхожу в зал –

навстречу Линд с несколькими старшеклассниками выносят афишную тумбу, держа её наперевес. Вокруг ни одного экспоната, голые стены. Потом мне сказали, что у меня на лице была идиотская улыбка...

Накануне заметил дым над музеем единственный свидетель, живший в подвале школы. Это был не дым, а пар от лопнувших приборов отопления. Учителя и школьники с большим риском, по щиколотку в воде – притом, что электричество не обесточено – вынесли все экспонаты. Всё было спасено. Пострадало оборудование, музейная мебель. Сценические костюмы «Баядеры» сохранились благодаря мощному стенду, изображающему театральную сцену. Документы, акварели художника Рудакова и фото спасло то, что они были тщательно окантованы и этим защищены от воды. До того раздавались мнения, что, мол, оформление окантовками не современно по стилю. Но именно этот «стиль» и защитил подлинные документы от гибели. Пришлось мне во второй раз выполнить в натуре экспозицию зала Музкомедии.

3. Декорации

Декоративные элементы для экспозиции, даже такие несложные, как синяя шторка по периметру зала Музкомедии, раздобывали с трудом. В первый наш поход за синей шторой на какую-то городскую базу товаров нам предложили полотенца, бязь и рукавицы для уличных работ. Таким же тупиком казалось устройство символических плиток тротуара вокруг афишной тумбы. Рабочие-столяры, в очередной раз привозившие витрины из своей мастерской, внесли в зал десятка два небольших бетонных плиток. Пояснив при этом:

- Когда мы грузили свои витрины, заметили в подворотне штабель этих плиток. Ну и решили, что вам они пригодятся.

4. Аннушка

Вскоре в музее появилась единственная сотрудница Анна Николаевна, «Аннушка», как звал её Линд. В то время ещё не было стеллажей и шкафов для хранения экспонатов. Экспонаты, хотя и сложенные в образцовом порядке, располагались в комнате без признака

какой-либо мебели. И только первоклассники могли пробираться среди плотно уложенных объёмов. Когда мне надо было «изъять» из такого запасника важный в работе экспонат, Анна Николаевна поручала это одному из своих маленьких ассистентов. Тот виртуозно проделывал поисковую работу, и Аннушка с гордостью говорила: «Это мои археологи!».

По утрам входные двери мне уже открывала Анна Николаевна. Однажды она отказалась впустить меня на работу, ответив, что никого в музей пускать нельзя. Пришлось прибегнуть к помощи директора школы. Выяснилось, что Евгений Алексеевич Линд, который был болен и долгое время не мог приходить в музей, строго-настрого велел Аннушке: «Берегите музей, никого не пускайте». Вот она и перестаралась.

Во время работы над экспозицией я обращалась с каким-нибудь вопросом к Анне Николаевне. Мы с ней проходим по залу. Я иду, как принято, «левой-правой», но Аннушка – каждой ногой стоит на суконном лоскуте, каким обычно натирают паркет. И передвигается по паркету скользящими движениями, натирая при этом каждую паркетину. Так она расхаживала постоянно, и паркет в музее сверкал, как зеркало.

На телефонные звонки Аннушка отвечала нараспев «Музей!»; она произносила слово музей с таким достоинством, будто распевала, по крайней мере, – «Аве Мария».

5. О пушках и о музах

Так сложилось в моей практике художественного решения музейных экспозиций, что в один и тот же временной отрезок надо было успевать и в музее об искусстве блокадного Ленинграда, и в другом школьном музее о прорыве и снятии блокады. О главной дивизии в этих битвах, 63-й гвардейской дивизии генерала Симоняка (так и назван этот музей). Я воспринимала это как один большой музей блокадного Ленинграда в двух частях: о пушках и о музах. И конечно рассказывала Линду про пушки. Линду весьма пригодились два эпизода.

В музее 63-й гвардейской дивизии моими наставниками были ветераны дивизии. Один

из участников прорыва блокады рассказывал о боях за рошу «Круглая». Входили в рошу 500 бойцов. В живых осталось 18. Сражение выиграло. Другим моим наставником был полковник Давиденков. Тот человек, который сказал: «Огонь!» утром 18 января 1943 года, начиная этим артподготовку перед форсированием реки Невы. Генерал Симоняк организовал исполнение Интернационала. Музыка настолько вдохновила солдат, что они забыли ждать и слушать команду, и ринулись на лёд реки под огонь своей же артиллерии. Симоняк видел всё в бинокль. Из-под бинокля по щекам текли слёзы.

И вот теперь эти «ребята», видя, что работы по выполнению музея зашли в тупик по разным причинам, отправляются к городским властям с такой речью: «Вы забыли, кто ВЫ, а кто - МЫ! Если бы не мы - тогда, в сорок первом, то сейчас не было бы вас, не было бы города. Если музей не раскроет двери в назначенный срок, мы сотрём вас с лица земли, как стёрли фашистов в 41-м!».

Музей был открыт в честь 35-летия Победы летом 1980 г. Для Линда это был хороший пример того, как ветераны блокады обладают большим авторитетом при решении проблем в музейном строительстве.

Из моего рассказа Евгений Алексеевич узнал, что в экспозиции музея 63 гвардейской дивизии присутствует фотография оркестра, исполнившего Интернационал, и портрет дирижёра оркестра Наумова. Линда интересовалась все музыканты блокадных лет. Оказалось, что он слышал о Наумове. И теперь с помощью этого музея разыскал дирижёра. На одной из встреч ветеранов в музее «А музы не молчали» Линд познакомил меня с Наумовым.

6. Ветераны

Тогда, на рубеже 70-80-х гг. казалось, что все мы полны сил, раз мы делаем музей, и – вечны, даже артисты-ветераны, которые содействуют сохранению памяти в школьном музее. Они словно торопились нам помочь, едва успевали: Королькевич, Янет, Шостакович, Элиасберг, Серебряный. Теперь вспоминаю как божественное явление.

Вот на чаепитии в музее я за одним столи-

ком с четой артистов Гусаровых.

Вот солист театра Музкомедии Королькевич вдохновляет меня на художественные подвиги рассказом о том, как в самую лютую стужу первой блокадной зимы артисты поддерживали высокую планку вокального искусства: «А если не выдержишь – ну, прокукарекаешь два раза и считай, карьера закончилась».

Вот композитор Матвеев, частый гость в музее. Он не только вдохновлял своим присутствием и воспоминаниями, но и участвовал в размещении экспонатов музыкальной тематики. Особенно беспокоился о композиторах, песни которых издавались в блокадном Ленинграде; и мы спорили до хрипоты, забывая, кто из нас художник, а кто музыкант.

Летом 1978 года художник Иосиф Александрович Серебряный был болен и не работал в своей мастерской, поэтому я оказалась у него дома для знакомства с эскизом к картине «7 симфония». В этой встрече он раскрылся для меня как человек искусства гораздо больше, чем в самой живописи. Смотрели на эскиз, вспоминали, как много искусства в эскизах вообще, в эскизах Левитана. Наконец, Иосиф Александрович мысленно отправился в зиму сорок второго и меня повёл за собой.

Он только что вернулся из командировки в партизанский отряд и явился в Союз художников. Руководитель Союза протянул ему билет на концерт в Большой зал филармонии. Серебряный с недоверием отпрянул: как можно! Город – это фронт, обстрелы, голод, на улицах неубранные трупы – как можно развлекаться? Но его уговорили, настояли. И всё, что он испытал на концерте, сумел выразить в этом эскизе, на который мы с ним смотрели с тайными чувствами, каждый со своими. А затем эскиз перевезли в музей – жемчужина в короне! Это был последний год жизни художника Серебряного.

На встречах в музее артисты блокадных театров перед началом приветствовали друг друга в кабинете Линда. По их репликам было видно, что они подолгу не видались и с грустью замечали «работу» времени. Нина Пельцер вносила в разговор нотку легкомыслия и бодрости. Одета она была в брючках, свер-

кающем парчовом блузоне и - боевые ордена и медали. Когда разговор коснулся коварства времени, она произнесла: «С некоторых пор я перепутала даты. Теперь затрудняюсь назвать, когда родился Наполеон Бонапарт, а когда – я?».

7. Сработались!

К счастью для работы и отрадно для художника было то, что мы с руководством школы и музея быстро находили общий язык во всех решениях.

С Линдом у меня видимо было некое родство художественных вкусов. Мне бы хотелось объяснять, доказывать свою правоту, поиграть красноречием. Но каждый раз меня ждало разочарование. Я не успевала и рта раскрыть, а Линд уже признавал все мои предложения.

При создании самой первой экспозиции, когда ещё не было ни одного примера воплощения идеи в натуре, а лишь картинки и наше воображение, представитель из РОНО попытался отменить проект. Дескать, не годится для школьников делать зал со стенами тёмно-синего цвета. Директор школы Павел Михайлович Макаров пригласил меня в свой кабинет, чтобы обсудить без свидетелей из РОНО. Мы походили вокруг макета зала «Театр Музыкальной комедии», Макаров выслушал моё исчерпывающее представление проекта и ответил на это, что он сам берётся дать отпор всем, кто ставит палки в колёса, а мне предложил работать, ни о чём не беспокоясь. Что я и выполняла с превеликим удовольствием.

8. Красные следопыты

«Красные следопыты» школы № 223 с таким усердием собирали на бывших полях сражений остатки боевого снаряжения – притащили даже пулемет, – что мне казалось: школьникам надо дать возможность проявить свою увлеченность. Я предложила учителям объявить конкурс рисунков на темы музея и на уроках труда сделать макет боевых действий. А чтобы макет был грамотным с точки зрения военной науки, над этой работой взял шефство офицер из дивизии им. генерала Симоняка.

9. Мирный день

Однажды я решила отвлечься от драматизма работы над экспозицией блокадного музея и отправилась в гости в Красное Село. В цветущем парке мои друзья провели меня по аллеям и показывают: «А вот это – Воронья гора, откуда фашисты обстреливали блокадный Ленинград...»

10. Возвращение с войны

Красные следопыты оправдывали свое звание «следопыты». Они отважились пройти путем, в пределах нашей страны, которым возвращалась с войны в родной город дивизия генерала Симоняка. Тогда, в 1945 г. воины-победители не пожелали ждать в Германии, когда для них подадут транспорт, и пешком пришли из Германии. В Ленинград дивизия входила по Старой Петергофской Дороге, че-

рез Нарвские ворота, как в 1814 году вошла армия, победившая Наполеона. Поход следопытов мы изобразили на карте-стенде.

11. Гвардейцы

День открытия Музея 63-й гвардейской дивизии генерала Симоняка. Зал полон гостей. Ждем ветеранов дивизии. Под звуки военного марша в зал входят ветераны-гвардейцы в парадных мундирах цвета морской волны, сверкая орденами и медалями. Но шаг замедлен, некоторые прихрамывают; у кого-то пустой рукав. Между бодрой музыкой сегодняшнего оркестра и мудрыми взглядами убежденных сединой прославленных воинов пролегла вся история их жизни и подвигов. Каким-то неуловимым движением воздуха нам передается драматизм судеб и тех, кто не дожил до этого дня...

Иван ИЛЬИН

Год Красного Петуха

В Год Красного Петуха мне вспомнилось, что спокон века на Руси бытовало выражение: «Подпустить Красного петуха». Это означало устройство пожара.

А по правилам пожарной безопасности ПОЖАРОМ называется ГОРЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ К СЖИГАНИЮ НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ.

Ещё существует выражение: «Москва не сразу строилась», а Санкт-Петербург, якобы сразу «Из тьмы лесов, из топи блат вознёсся пышно, горделиво».

Но на самом деле Петербург много раз обновлялся и перестраивался после опустошительных пожаров, уничтожавших десятки кварталов и сотни домов. Вначале город был деревянным, кроме нескольких домов высшей знати. Первые дома строились из леса, срубленного на месте постройки. Всем хотелось построиться поближе к царским хоромам и застройка была очень плотной. Пожаров, конечно, боялись. Но по-русски надеялись на «авось да небось».

Петербург в огне

После выхода на пенсию я некоторое время работал в Главном Управлении Пожарной Охраны Ленинграда и имел доступ к пожарным архивам, начиная с самого основания Петербурга. По старым документам я сумел собрать сведения о самых больших и разрушительных пожарах, изменявших облик нашего города.

11 августа 1736 года рано утром, при свежем ветре, вспыхнул пожар на Почтамтской улице. Огонь перебросился на соседние дома, и к полудню вся местность между Большой Невой, Мойкой и Невским проспектом была охвачена сплошным пламенем. Длившийся больше двух суток пожар уничтожил более 100 жилых домов. Причина осталась не выясненной, но пожар стал поводом для указа

о строительстве в этой местности только каменных домов, а также был подтверждён указ Петра I «Об устройстве при всех домах колодезев».

23 июня 1737 года произошёл громадный пожар между Мойкой и Миллионной улицей. Загорелось одновременно с двух сторон от поджогов. Сгорело около 80 домов. После этого пожара последовало распоряжение «О запрещении содержания в районах Адмиралтейской и Казанской части кузниц, свечных лавок, складов пеньки, дёгтя и прочего».

23 мая 1771 года возник пожар на Васильевском острове. На территории от набережной Невы до Малого проспекта были превращены в пепел дома с 9 по 13 линию. Сгорело не менее 150 домов. В огне погибло несколько человек и много домашнего скота.

После каждого большого пожара издавались указы и распоряжения о повышении мер противопожарной безопасности. То вообще запрещалось строить в Петербурге любые здания, то предписывалось обмазывать горючие стены и крыши раствором глины, то требовали ограничить высоту зданий вводить брандмауэры, наличия колодезев, средств для тушения пожаров и прочего.

Все эти полумеры при отсутствии комплексной городской пожарной службы не давали должного эффекта. Кроме каменных разрешалось строить только глинобитные дома. Здания велено было возводить только в один ряд с расстояниями между ними не менее 15 аршин. Но никакие штрафы и запреты не могли избавить город от пожаров, а деревянные дома продолжали строить до конца XIX века.

Наконец 24 июня 1803 года, через 100 лет после основания Петербурга, Высочайшим Указом Императора Александра I обыватели Санкт-Петербурга были освобождены от постановки ночных сторожей, содержания пожарных работников и освещения улиц.

Для несения службы ночной стражи ту-

шения пожаров повелевалось составить особую команду из солдат, с отпуском на каждого человека по 100 рублей и 40 копеек ассигнациями в год. Пожарная команда была разделена на 11 частей: Адмиралтейская, Московская, Каретная, Литейная, Рождественская, Петербургская и Выборгская. В каждой от 1 до 4 команд.

24 июня 1803 года считается днём основания пожарной охраны Санкт-Петербурга. Но образование Государственной пожарной службы не избавило город от пожаров.

В новогоднюю ночь на 1 января 1811 года был уничтожен огнём единственный в то время в Петербурге Большой каменный императорский театр на Театральной площади. Вечером 31 декабря в театре шла опера «Русалка». После разъезда публики в начале первого часа ночи в театре начался пожар. Он сильно огорчил петербуржцев и долго служил в салонах главной темой злобы дня и дурных предзнаменований о нашествии Наполеона.

8 июня 1832 года начался пожар в доме Сафроновых на Болотной улице (ныне ул. Марата) между Свечным переулком и Разъезжей улицей. Эта часть города, несмотря на запреты, была застроена исключительно деревянными домами, среди которых преобладали конюшни, навесы и сеновалы извозчичьих и ямских дворов. Огромное количество сухого сена, соломы, дёгтя и колёсной мази быстро разгорелись со страшной силой. Император Николай I, прибыв на пожар, обходил пожарище, утешая обездоленных погорельцев. По Высочайшему повелению был создан Комитет для раздачи сумм, выделенных погорельцам особами Императорской фамилии.

В феврале 1836 года, на Масляной неделе, сгорел на Адмиралтейской площади театр-балаган Лемана. Из 400 человек, бывших в балагане, погибли 126.

17 декабря 1837 года вспыхнул грандиозный пожар в Зимнем дворце. В дворцовой аптеке загорелась сажа в дымоходе и рогожа, которой прислуга затыкала на ночь дыру около дымохода. Огонь распространился с невероятной быстротой. Император Николай I срочно был вызван из театра и, прибыв во

дворец, возглавил работы по тушению. Весь дворец представлял сплошное море пылающего огня. При помощи гвардейцев стали выносить вещи. Вся площадь Главного Штаба была завалена диванами, столами, стульями, картинами, сервизами. Были спасены и портреты Галереи 1812 года. Из дворцовой церкви была вынесена вся богатая утварь, великолепная ризница, образа, большая серебряная люстра, императорский трон из Георгиевского зала, трон Императрицы Марии Фёдоровны, литого серебра люстры, канделябры, все императорские регалии и бриллианты. Были спасены от огня многочисленные собрания исторических картин и портретов, зеркала, мраморные статуи, китайская мебель из комнаты Екатерины II.

13 января 1852 года в районе Семёновского полка страшный пожар уничтожил всё на улицах Рузовской, Можайской, Верейской, Подольской, Серпуховской, Бронницкой, по Клинскому и Мало-Детскосельскому проспекту почти до Обводного канала. Погибло 30 человек.

Через 5 лет 15 июля 1857 года в Измайловском полку начался пожар в доме вдовы бригадира Софронова. На тушении присутствовал Император Александр II. Погибло 20 человек и пострадало много пожарных.

В Духов день 28 мая 1862 года в 4 часа загорелся Апраксин двор. Пожар бушевал 12 суток. Убытки от пожара были огромны. 20 тысяч человек сидельцев, приказчиков, рабочих, хозяев ларей остались без куска хлеба.

В 1873 году 28 апреля в здании Главного Адмиралтейства сгорел собор св. Спиридона, а 12 декабря сгорела ситценабивная фабрика Лютша на Кожевенной линии.

2 февраля 1875 года произошёл пожар на мукомольной мельнице миллионера В.А. Кокарева. Умышленный поджёг совершил, с целью получения страховки, арендатор мельницы крупный общественный деятель, известный благотворитель, купец I гильдии, коммерции советник Степан Овсянников. Пожар длился 18 дней. Овсянников, вместо страховки, получил каторгу в Сибири.

В 1882 году сгорели театры «Ливадия» и

«Аркадия» со всем имуществом, декорациями, костюмами, музыкальными инструментами и верхней одеждой публики.

В том же году получили значительные увечья 10 пожарных, пострадавших при тушении пожара в Апраксином дворе на складе швейных машин компании «Зингер». На следующий день в 3 часа ночи запылала Громовская лесная биржа на берегу Невы в районе улиц Кавалергардской и Таврической.

24 февраля 1890 года от умышленного поджога, после хищения тайных документов и военных карт, сгорела библиотека Главного Штаба. Огонь уничтожил несколько канцелярий и почти весь круглый зал (ротонду), занятый библиотекой Штаба. Погибло несколько десятков тысяч томов документов и книг.

14 мая 1890 года случился второй пожар в большом театре на театральной площади. После пожара здание театра пришлось разобрать, а на его месте была построена Консерватория.

4 марта того же года во время пожара в здании Академии художеств удалось спасти почти все ценные полотна и другое имущество, но статую Минервы, венчающую купол, пришлось впоследствии разбить, так как она опиралась на балки, повреждённые огнём.

28 июля 1912 года в 20 часов загорелась церковь Серафима Саровского за Нарвской заставой. Сгорел престол, иконостас, вся церковная утварь и выручка. Сгорела колоколь-

ня, упавшие большие колокола разбились, а малые расплавились. Предполагалось, что церковь сперва была ограблена, а потом подожжена.

В ночь на 7 февраля 1913 года на Петроградской стороне, вблизи от домика Петра I, загорелся деревянный собор Живоначальной троицы, одна из древнейших реликвий Петербурга эпохи Петра Великого. Брандмейстер и пожарные Петровской пожарной части, совместно со священнослужителями, сумели спасти часть церковного имущества. Диакон Лев Наговский вынес раку с частицами мощей, разрешив пожарным вынести Престол, до которого, по правилам церкви, миряне не могли даже прикасаться. Пожарные вынесли также запрестольную Сень, вышитую золотом Императрицей Елизаветой и паникадило о семи рожках работы Петра I.

Это лишь некоторые из больших пожаров в Петербурге за первые 215 лет его существования. По мере увеличения строительства пожароустойчивых зданий и накопления опыта, борьба с огнём в Санкт-Петербурге становилась всё результативнее.

О пожарах в Ленинграде после 1917 года, а в особенности о пожарах во время Блокады, нужно писать не статью, а серьёзную большую книгу. Все материалы для этого есть в городском пожарном архиве и в периодической печати.

*Охтинская пожарная часть
угол Большеохтинского
проспекта
и Конторской
улицы.
Построена в 1867 году.*

Елена САКС

Раевские и Боярские

(По материалам книги «Другие Раевские»)

*О. Павел Раевский и о. Александр Боярский
(фрагмент общей фотографии)*

Ещё в 1908 году известный ученый-биограф, литературовед Борис Львович Модзалевский в своем труде «Род Раевских герба Лебедь» отмечал: «В России существует в настоящее время много родов с фамильным прозванием Раевских; все они – совершенно различного происхождения». Об одном из дворянских родов Раевских, к которому принадлежит генерал от кавалерии, герой Отечественной войны 1812–1814 гг. Николай Николаевич Раевский, знает, наверное, каждый школьник. Династия профессиональных военных, чье родословие восходит к Ивану Степановичу Раевскому, выехавшему из Польши в 1526 году, связана родственными узами с Российским императором Петром I и выдающимся учёным Михаилом Васильевичем Ломоносовым, а также дружескими отношениями с поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным. Однако о многочисленном представительстве известной фамилии – о Раевских-священнослужителях, о «других Раевских» – широкой аудитории практически ничего не известно.

РАЕВ – РАЕВСКИЙ – РАЙСКИЙ

Попытаться найти ответ на вопрос о происхождении фамилии Раевских в среде священнослужителей можно в исследовании сотрудника Московского архива Министерства юстиции В. В. Шереметевского «Фамильные прозвища великорусского духовенства в XVIII и XIX столетиях», изданном в Москве в 1908 году.

Любопытно, что по заключению Владимира Владимировича, в XVII веке и в первой половине XVIII века среди Московского духовенства лица с фамильными прозвищами, передающимися по наследству, (иными словами - с фамилиями) были исключением, и, даже имея прозвища, священники «не писались ими» (то есть не подписывались). При этом «употребление фамилий среди духовенства распространялось вместе с распространением школьного обучения детей духовенства». В самом деле, в церковных, клировых ведомостях и других документах XVIII - XIX веков чаще всего встречаются имена с отчеством (Пётр Григорьев, Иван Иванов) - как таковых фамилий в привычном для нас понимании буквально единицы. Так, в Новгородской духовной школе с 1706 по 1729 год все 282 ученика имели фамилии патронимические, то есть образованные от отчества. В тот период в церковной жизни сильно сказывалось малороссийское влияние. Наставники-малороссы, имевшие фамилии и писавшиеся ими и в светском, и в духовном чине, снабжали учеников фамилиями по Малороссийским образцам. Так, ученики Казанской семинарии в 1738 году все имели фамилии на -ский. Но лица, получившие фамилии в школах, избегали подписываться ими. При этом не было единого правила присвоения фамилий при поступлении в школу. Преподаватели изобретали фамилии, даже меняли фамилии, с которой ученик пришел в семинарию из училища. Семинаристы при поступлении в Академию

могли сами попросить изменить фамилию или сделать это самовольно. Духовное начальство заставляло также членов клира, не бывших в училищах, придумать, выбрать себе фамилию и в метриках подписываться полностью фамилией, именем и отчеством. Это решение, однако, привело к путанице в генеалогических связях духовенства. Шереметевский приводит забавный случай, когда шесть родных братьев носили шесть разных фамилий!

Фамилия Раев (но не Раевский!) имеет топографическое происхождение, то есть образована от названия местности. В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля слово «рай» в костромской, ярославской, нижегородской губерниях означает «гул», «эхо» (производное «райкий», то есть гулкий, зычный). Раевых было много в Нижегородской епархии. Аналогично происхождение фамилии Райковский от названия местности Райки. Дворянская же фамилия Раевских могла быть получена священниками по названиям селений, принадлежавших этим дворянам. К ним относятся, например, Раевские в Воронежской, Нижегородской и Калужской епархиях. (Это, разумеется, не касается Раевских - дворян по происхождению, впоследствии принявших священный сан.) Бывали также случаи, когда дворянские фамилии давались в честь прославившихся дворян или покровителей учеников. Тогда ученики духовных школ получали производные от фамилий своих благодетелей путём прибавления -ский. Например, стипендиат князя Голицына - Голицынский.

Учитывая вышеизложенное, некоторые архивные данные, а также то, что род священнослужителей Раевских, о котором идёт речь в данной статье, проживал преимущественно на русском севере, на территории бывшей Новгородской губернии, можно предположить, что свою фамилию Раевских, образованную от библейского слова «рай», один из его основателей получил, скорее всего, в духовной семинарии.

РАЕВСКИЕ И БОЯРСКИЕ

В своих статьях, посвященных роду священнослужителей Раевских, я временами ци-

О. Павел Раевский

тирую книгу воспоминаний Сергея Раевского «Записки о былом» (1993). Ещё не так давно они не могли быть напечатаны. По разным причинам. Сам автор, Сергей Павлович Раевский, адресовал свои воспоминания прежде всего своим близким, в нашем случае - своему крестнику и родному племяннику Евгению Павловичу Раевскому. Дело в том, что центральной фигурой повествования является отец Сергея Павловича - Павел Васильевич Раевский, сын одного из старейших преподавателей Новгородской духовной семинарии Василия Адриановича Раевского, известный петербургский священник, один из лидеров дореволюционного православного церковного обновления в Петербурге, человек с трагической судьбой... Само слово «обновленчество» стало ругательным повсеместно в церковной среде уже с конца Великой Отечественной войны. Временно поддержанное новой властью Советов прогрессивное церковное движение, в определённый момент стало неудобно, со всеми вытекающими последствиями. Поэтому тема эта была запретной в семье и непопулярной в обществе. Вряд ли вы найдёте среди свежих публикаций подобные откровения участника или очевидца тех событий. Эти воспоминания уникальны, поскольку Сергей Павлович часто сопровождал отца в его архиерейских поездках по епархиям в качестве иподиакона.

О. Александр Боярский

Из рассказов родственников, из текста “Записок...” и литературы, посвящённой истории русской православной церкви начала XX века, известно, что Павел Раевский был другом и единомышленником Александра Боярского, одного из главных идеологов обновления церкви. Поэтому я, конечно, с интересом прочла книгу искусствоведа и переводчика Екатерины Николаевны Боярской, внучки Александра Боярского и двоюродной сестры блистательного петербургского актёра Михаила Сергеевича Боярского, - “Боярские. Театральная династия” (2008). Но только во второе издание книги, выпущенное в 2015 году, был добавлен достаточно обширный материал об Александре Ивановиче как о популярном священнике и ревнителе подлинного обновления церкви. Хотя узнать о личности и жизни Александра Боярского, неоднократно подвергавшегося арестам и расстрелянного в 1937 году, можно было и раньше, например, из очень содержательной, документально обоснованной статьи профессора СПбГУ, доктора исторических наук С. Л. Фирсова с красноречивым названием «“Рабочий батюшка”. Штрихи к портрету обновленческого “митрополита” Александра Ивановича Боярского» (2005). (Данная публикация в “Вестнике Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета” находится в открытом доступе в интернете.) Не говоря уже о ценных свидетельствах его современников, опубликованных в “Очерках

по истории русской церковной смуты” Анатолия Левитина-Краснова и Вадима Шаврова (1996), сборнике «“Обновленческий” раскол» (2002) и других изданиях, где также встречается имя о. Павла Раевского.

Знаменательно то, что о своём предке написали именно родные люди, добавив свои, неповторимые по теплоте и колориту “штрихи” к его портрету. И ещё. В новом издании о Боярских меня как исследователя ждала редкая удача: листая вкладки с иллюстрациями, я наткнулась на общую фотографию, где рядом с Александром Боярским сидит Павел Раевский. По известным причинам, в нашем распоряжении подобных совместных снимков не было.

...В самом начале своего пастырского пути Александр Иванович выступал в Спасо-Петровской мануфактуре (бумагопрядильная фабрика, ныне - прядильно-ткацкая фабрика “Рабочий”, Шлиссельбургский пр. - ныне пр. Обуховской обороны, 86), где когда-то вёл беседы, будучи студентом Петербургской Духовной академии, Павел Васильевич Раевский, который был старше Боярского на восемь лет. Позднее в марте 1927 года о. Александр присутствовал на хиротонии о. Павла во епископа Кронштадтского. Вместе они преподавали в Ленинградском Богословском институте, где Павел Раевский занимал должность ректора. Также единодушно выступали на заседаниях ВЦУ (Высшего церковного управления).

В своей книге Екатерина Николаевна сознательно не называет тех, по чьему доносу в марте 1936 года отец Александр Боярский был арестован в третий, последний раз. (Позднее, в сентябре 1937 года, приговор к пяти годам заключения был, по решению “особой тройки”, изменён на высшую меру...) В сборнике «“Обновленческий” раскол» таковым указан архиепископ Ивановский Николай - Автономов Николай Петрович (“Каталог русских архиереев-обновленцев” митрополита Мануила (Лемешевского), с. 847). Судя по краткой справке из его весьма бурной биографии, с декабря 1935 года о. Николай священствовал в г. Иванове. В том же 1935 году о. Александр Боярский был возведён в сан митрополита Ивановского. После гибели Боярского, в декабре 1937-го, назначен управляющим Ивановской

Павел и Мария Раевские
в год свадьбы (1902 г.);

митрополией. Во время Великой Отечественной войны “эвакуировался с оккупантами в Германию”, где перешёл в католичество.

Перебирая семейный архив Раевских, я обнаружила запись, как мне кажется, имеющую отношение к делу. 3 октября 1935 года в одном из своих посланий родным, как обычно, проникнутых любовью и горячим желанием скорой встречи со своей большой семьёй, отец Павел Раевский (будучи епископом Рыбинской епархии) в совершенно не характерной для него резкой форме прибавляет: “Много в последнее время накопилось неприятных дел. Есть вредители и гады, с коими приходится бороться... Собираюсь по делам в Иваново”.

Сергей Павлович также вспоминает о неожиданной встрече с Александром Боярским после его ареста: “В Ярославле, идя по городу, я встретил большую группу священнослужителей (большинство было в рясах), которых вели под вооруженным конвоем. Вероятно, их перегоняли из следственного изолятора в тюрьму. Среди них я узнал известных архипастырей, в большинстве ленинградцев... Я, пораженный увиденным, поздоровался и в ответ услышал громкий и радостный голос Боярского: “Поклонись моему другу митро-

политу Павлу [Раевскому]. Мы еще повоюем за Христа”. Впоследствии стало известно, что все они были убиты на лесоповале, когда несли бревна. В тюрьме, в Пасхальную ночь, они устроили Заутреню...” Как уже было сказано выше, о. Александр Боярский был расстрелян в сентябре 1937-го, однако отсутствие информации об этом государственном преступлении на протяжении около двадцати лет (!) породило массу слухов о дальнейшей судьбе священника.

ИСТОРИЯ БЕЗ КАВЫЧЕК

Обновленческое движение в историографии называют по-разному: русским христианским модернизмом, прогрессивным течением в православии, церковной смутой и расколом - трактовка зависит от близости автора к Русской Православной Церкви. Поэтому в изданиях РПЦ принято употреблять условное, закавыченное название: обновленческий “митрополит” или “архиерей”.

Мне близка позиция Сергея Львовича Фирсова, считающего, что давать оценку решениям и поступкам исторической личности следует исходя из реалий того времени, другими словами, мы должны попытаться встать на её место. Только так можно достичь хоть какой-то, опять же, относительной непредвзятости в исследовании. Вместе с тем, Фирсов замечает, что социалистические убеждения батюшки “сыграли с ним злую шутку” (!). Честно говоря, мне претит подобный снисходительный тон в повествованиях о серьёзных, убежденных, неконъюнктурных людях, живших на сломе эпох, прошедших непростой путь и зачастую окончивших его трагически, даже если им довелось контактировать или, не дай Бог, сотрудничать в той или иной мере с большевистским правительством. Слово подавляющее большинство населения СССР не являлось членами партии и, следовательно, атеистами, и всех их надо предать анафеме, и вообще ничего положительного в те времена создано не было. А авторы статей - вовсе не вчерашние пламенные комсомольцы (представители РПЦ не в счёт, хотя у каждого был особенный путь к священничеству). Почему же, оглядываясь назад, в наше родное советское прошлое, вспоминая своих предков, мы

судим о каждом в отдельности - так сказать, “по делам его”?.. Без стереотипов, условностей и обобщений. Я не верю, что люди, о которых идёт речь в данной статье, - временщики и конформисты.

Что же касается “социалистических убеждений”, то, чтобы понять позицию “рабочего батюшки” и его подлинных соратников, следует привести цитаты из одной известной работы Александра Боярского “Церковь и демократия”, изданной в 1918 году, которая до сих пор, вот уже спустя сто лет (!), не потеряла актуальности. Эти строки - острейший срез, можно сказать, диагноз российской духовной жизни той эпохи.

Из главы “Порабощение Церкви - недовереие народа” (с. 6):

“Интеллигенция переполняла религиозно-философские, теософские и разные оккультные собрания, а религиозно живой народ, который не мог удовлетвориться предлагаемыми ему обрядами, крестными ходами да мёртвыми словами, который стремился к личному участию в религиозной жизни Церкви и организации окружающей жизни по заветам Христа Спасителя, валом повалил из церкви в баптизм, иоаннитство, к братцам. Когда по воскресным дням проезжаешь ст. Обухово, где в эти дни после революции возобновил свои беседы “братец” Иоанн Самарский (Чуриков), когда видишь тысячи народа, торопя-

щиеся с прибывающих поездов, чтобы встать в тянущийся через всю улицу длиннейший “хвост” и попасть хоть на несколько минут в зал, где беседует “братец”, когда видишь поезда, переполненные почитателями братца, едущими с понедельничного “приёма” с большими ребятами на руках, с бутылочками чудодейственного “маслица”, когда слышишь, как “православные” пассажиры, утопая в облаках табачного дыма, с сатанинской злобой донимают этих простых сердцем, кротких людей, которых толкнула в объятия братца царствующая в наших церквях и нашем пастырстве мертвечина, когда наблюдаешь смелую пропаганду баптистов с молитвенными собраниями в садах и скверах, на улицах и площадях, когда сознаёшь, что всё это напряжённое религиозное движение народа и интеллигенции идёт мимо нас, духовенства, и святой Церкви, душу охватывает страх за Церковь и тягостное сознание, что расхищается она, растаскивается по брёвнам при преступном содействии самого духовенства, и это содействие заключается в нашем молчании, в нашем приспособлении к “богатым и сильным мира сего”, в нашей отрёшенности от народа и его законных интересов, создавшейся при самодержавном строе.” (С. 7-8.)

“...Борясь с буржуями, крестьяне и рабочие борются со своими духовными отцами, чувствуя в них своих классовых врагов. Вот

Семья Раевских

Поэт Евгений Раевский и народный артист России Михаил Боярский

почему, ослеплённые классовой враждою, кронштадтские матросы с лёгким сердцем расстреливают в Царском Селе истинно-народного пастыря о. Иоанна Кочурова.” (С. 9.)

“Почему же народ не трогает Чурикова, баптистов и других “пророков”; почему они именно теперь чувствуют себя особенно хорошо, свободно и в то время, когда православное пастырство унывает, они преисполняются надеждами на будущее.” (С. 10.)

“Почему такая разница в отношении к священнику и “пророку-проповеднику”? Потому, что, по рассуждению народа, последний - “наш”, из нашей среды, желающий нам блага, и потому мы позволяем ему и ругать нас, так как есть за что ругать, а первый не наш: он защищал старый строй и теперь не стал нашим, он - враг наш и потому пусть молчит, если хочет жить.” (С. 11.)

К вопросу о политической активности церкви. Ещё в 1906 и 1907 гг. о. Павел Раевский был избран кандидатом в выборщики в I и II Государственную Думу (при непрямых выборах) от конституционно-демократической партии (т.н. “кадетов”). В главе “Единение духовенства и народа - необходимый залог крепости Церкви и целостности завоеваний революции” о. Александр объясняет необходимость участия церкви в политической жизни страны:

“Вы хотите втянуть Церковь в классовую борьбу, - слышим мы обычный упрёк. Да, от-

ветим, мы думаем, что в разыгрывающейся пред нами классовой борьбе Церковь не может, не должна быть нейтральной. [...] Если бы Церковь стала определённо на одну сторону, она дала бы этой стороне такой перевес, который без лишней борьбы и крови приблизил бы эту сторону к победе. На чьей же стороне может быть Церковь в разыгрывающейся борьбе классов? Только на стороне трудового народа и не потому, что на его стороне в данный момент сила, а потому, что на его стороне правда.” (С. 12-13.)

“Затравливаемое и в лучшем случае игнорируемое духовенство естественно отходит от широкого народного движения, а это движение лишается самого ценного фундамента Правды Божией, на котором оно может быть утверждено Церковью, лишается нравственного авторитета, оставляя за собой лишь авторитет грубой силы, которую может сокрушить какая-нибудь новая сила.” (С. 14.)

“Нам ничего другого теперь не остаётся, как только покаяться пред народом, исправить свой грех и идти к нему с живым и свободным словом, не боясь его, а любя его, скорбя о нём, страдая за него. Но это не значит, что духовенство должно войти в какую-нибудь из существующих политических партий, претендующих на руководство народом. [...] Церковь выше и шире всех политических партий.” (С. 17.)

Уже упоминавшийся Анатолий Левитин в своих “Очерках...” приводит ещё одно высказывание Боярского в беседах со своими сподвижниками: “Церковь ни при каких условиях не должна обезличиваться, её контакт с марксистами может быть лишь временным, случайным, скоропроходящим. Христианство должно возглавлять социализм, а не приспособляться к нему. Для этого христианство должно вести самостоятельную линию и быть более социалистичным, чем все социалисты и коммунисты, вместе взятые”. (А. Левитин-Краснов, указанное сочинение, т. II, с. 235.)

Что же помешало этим благородным порывам осуществиться? Почему христианско-социалистическое движение, зародившееся в России еще до революции, потерпело поражение - это тема отдельного разговора.

Макар АЛПАТОВ

Мюзикл – победитель музыкально-сценического жанра XXI века

(Размышления о путях развития современного музыкального спектакля)

Впервые с понятием «мюзикл» - у нас принято говорить и писать «мюзикл», музыкальный спектакль от «мюзикл комедии» или «мюзикл плэй» - я столкнулся лет 50 назад, когда, ещё студентом режиссёрского факультета, мне посчастливилось принимать участие в постановке в Оперной студии Ленинградской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова педагогом, режиссёром и автором либретто Т. Крамаровой музыкального спектакля А. Кнайфеля «Кентервильское привидение» (по О. Уайльду). Тогда, впрочем, как и сегодня, не было точного определения этого музыкально-сценического жанра, и споры не утихают до сих пор. Как ассистенту режиссёра-постановщика, мне пришлось, внимательно изучив партитуру этой современной 3-актной оперы, столкнуться не только с подготовкой солистов к сценическим репетициям, но и работать с блестящим балетмейстером Л. Лебедевым, тогда тоже студентом, т.к. хореографические номера должны были органично войти в ткань постановки, по задумке режиссёра, не нарушив её, а подкрепив, утвердив. Как назло, опытейшая Крамарева заболела, слегла буквально за пару недель до выхода спектакля и, хотя практически она полностью завершила свою работу, мы – студенты, её помощники, вместе с дирижёром Л. Гельрудом должны были каждый день после репетиции приходить к ней с отчётом о проделанном и готовности к премьере. Она дружила с известным музыковедом А. Ореловичем, и вот однажды у неё дома возник спор о жанре «Кентервильского привидения». Орелович утверждал, что это уже не опера, а скорее, предвестник мюзикла – театрального жанра, соединяющего музыку и драму, у которых почти паритет, в мюзикле драматургическое начало даже чаще главенствует, ибо мюзикл, в основном, обращается к произведению высокой классики – к примеру, Шекспира, Сервантеса, или Шоу,

Диккенса – список можно продолжить. Да вот, казалось бы, совсем недавно потряс весь музыкальный мир «Иисус Христос-суперзвезда» с извечной мировой темой (в скобках замечу, что тогда ещё не трогали наших, к примеру, Ильфа и Петрова, Булгакова, Грина, а теперь добрались и до Пушкина) с использованием выразительных средств: хореографии – равнозначного партнёра сценического развития действия; вокального искусства оперы, оперетты, музыкальной комедии; в дальнейшем, рок-музыки и того, что будет её продолжать, кстати, не только для солистов, но и хора или вокального ансамбля. Мэтры спорили, мы слушали в любопытном молчании. Мне, воспитанному на классике, ещё со школьных лет получившему прозвище «моцартист», (вдумайтесь!) музыка А. Кнайфеля казалась по своему новой, а работа Л. Лебедева просто восхищала умением соединить пластику и вокал, было впечатление, что балетные артисты поют. Позже, когда из-за болезни солиста мне срочно пришлось вестись на роль лорда Кентервиля, я ощутил это прямо на сцене, но тогда до конца не уразумел, что же это всё-таки за музыкальный зверь такой – мюзикл! Во мне продолжал жить классический вокалист и начинающий режиссёр, пусть с определённым оттенком эстрадного артиста, где все жанры хороши и нужны. Я уже на Международном конкурсе в Будапеште попробовал вкус рока, разумеется, классического, и это мне понравилось. Не стоит забывать, что к тому времени мне пришлось попеть в опере, и в оперетте, и даже в мюзикле «Вестсайдская история» Л. Бернстайна, где трагедия гения Шекспира была перенесена на американскую почву, и синтетический артист музыкального театра должен был добавить к своему творческому арсеналу обязательную сценическую пластику на профессиональном танцевальном уровне – а это было нелегко, хотя в консерватории

нам преподавали основы балетного искусства и на вокальном, и на режиссёрском факультете.

Я продолжал работать на эстраде и свои сольные концерты теперь старался делать спектаклями с уклоном в русло мюзикла и был рад, когда мои попытки удавались. Большой опыт мне дала практика на сцене Мариинского (тогда Кировского) театра под руководством замечательного Мастера, нар. арт. РСФСР Р.И. Тихомирова. Надо сказать, что опера Т. Хренникова «В бурю» – тоже одна из современных попыток сближения жанров, и близка к героическому мюзиклу – не удивляйтесь! Ленин уже не поёт, а говорит, и его выход решён именно в традициях героического мюзикла, а схватки с антоновскими бандами, изумительно поставленные Тихомировым – типичный ход в духе мюзикла, что мне потом удавалось наблюдать в постановках этого жанра не раз да и самому стараться применять на деле.

Ещё более полувека назад в Тбилиси в балете А. Баланчивадзе «Мцыри» (по М. Лермонтову) мне, как автору либретто, тогда совершенно неосознанно хотелось внести в спектакль элементы мюзикла, о рождении которого я знал мало: вокализ хора – олицетворение природы; убрать артиста в шкуре Барса, чтобы Мцыри боролся сам с собой, – соло героя, чтобы пело его юное тело, противостоя зло – это удалось! В сценах горской свадьбы и видений раненого Мцыри «Золотые рыбки» тоже мне слышались вокальные мотивы – значит, уже начало бродить молодое вино нового жанра, преломлённое и глубоко спрятанное в творчестве никогда не стареющего Лермонтова. Это продолжилось и в Ленконцерте, где в моноспекталях на музыку редкого мелодиста Т. Когана «Я – Есенин» и «Жди меня или письма с войны» (по К. Симонову) делались шаги к открытию нового жанра на эстраде – соло-мюзикла, что тогда не нашло поддержки у Худсовета, хотя моими союзниками были не только композитор, но в то время начинающий блестящий музыкант М. Аптекман, в дальнейшем сделавший на сцене питерского театра Музкомедии удачные попытки в поисках открытия нового жанра музыкального спек-

такля, именно современного отечественного мюзикла. Мюзикл стал преследовать меня по всему фронту творческого пути. В Петрозаводском музыкально-драматическом театре мне пришлось ставить дипломный спектакль «РВС» по повести А. Гайдара. Музыка написал ученик великого Шостаковича Юрий Дружинин. Памятуя, что мой консерваторский преподаватель – педагог и дирижёр Л.А. Павлова-Арбенина, с самого первого занятия по музыкальной драматургии настойчиво внушала (как она говорила, прописную истину), что главным режиссёром любой музыкальной постановки является композитор, я засел за партитуру. И что же? Оказалось, что «РВС», этот героический музыкальный спектакль, – мюзикл, где в данном конкретном случае всё решалось методом от противного: Аркадий Гайдар заставил подчинить музыку своему таланту. Кропотливым трудом дирижёра А. Ковалёва это удалось, и автор оказался благодарным за то, что этот детский мюзикл занял своё место в репертуаре театра. Танцевальные эпизоды, боевые сцены сражений между «зелёными» атамана Козолупа и отрядом красных с соответствующей музыкой горячо принимались юными зрителями. Тут я снова задумался над определением жанра мюзикла: в этом спектакле музыка не стала главным действующим лицом, она украсила то, что в своём произведении предложил писатель Аркадий Гайдар.

Более 40 лет назад я получил предложение выступить в главной роли в театре «Эксперимент», который тогда базировался на месте нынешней антрепризы им. А. Миронова. Т. Коган написал произведение, жанр которого на афише был обозначен так: «Эстрадная опера-балет-пантомима «Вариации несбывшейся мечты» по Ленгстону Хьюзу». Постановку осуществил главный режиссёр этого, к сожалению, недолго просуществовавшего коллектива, состоящего из приглашённых по кастингу артистов, Виктор Харитонов, изголодавшийся по работе профессиональный сценический выдумщик и фантазёр с несколько эротическим уклоном. Это был чистой воды мюзикл – к сожалению, из-за бедности невозможно было ввести хоровой, балетный

и пантомимический состав в полном объёме – зрителю была дана возможность самому додумывать происходящее, что отметил в положительной рецензии тогда популярный журнал «Огонёк». Я играл и пел негра без грима – моим вторым «я», проще, балетным дублёром, выступал темнокожий танцовщик Тито Ромалио. Сцена его распятия на круге-солнце – кстати, круто травмоопасная – вызывала бурю эмоций всегда переполненного зрительного зала. Хочу отметить, что мне уже было за 40, а двигаться – скорее, носиться по сцене – и – не удивляйтесь! – не только петь своеобразное прочтение рок-музыки вечным новатором Т. Коганом, но и танцевать рядом с профессиональной балериной, солисткой Оперной студии консерватории Натальей Барской, да ещё с тяжёлым автоматом-пулемётом в руках (роль которого исполнял обычный осветительный прибор) на соответствующем уровне было невероятно трудно и изматывающе, но на сцене это забывалось. Потом, правда, всё сказывалось: спина ныла, но рядом пела очаровательная Луиза Ходжаева, которая всеми силами помогала, отдавалась роли, и её нельзя было подвести. Да, этот спектакль шёл под оркестровую фонограмму, что, как мне казалось тогда, чуждо мюзиклу, но это был настоящий мюзикл, как бы его не зашифровали на афише, и я его искренне любил.

Любовь к мюзиклу укрепила работа на студии «Ленфильм»: мой консерваторский педагог знаменитый музыкальный кинорежиссёр профессор Я. Б. Фрид пригласил меня на режиссёрскую практику на свои картины. Ещё с известного во всём мире фильма «Двенадцатая ночь» - обратите внимание, по Шекспиру – Фрид стремился ВСЕ свои фильмы – по мотивам Лопе де Вега, Тирсо ди Малина и другие, снимать в жанре киномюзикла. Надо сказать, что некоторые досужие музыковеды пытались возражать его киноверсиям оперетт – таких как «Сильва», «Летучая мышь», «Вольный ветер», максимально приближенных к современному мюзиклу. Кстати, композиторы его киномюзиклов дорогого стоят, например, мелодии Г. Гладкова из «Собаки на сене» и «Благочестивой Марты» полюбили зрители и звучат не только с экрана, но и

с эстрадных подмостков и даже в застольях и веселье.

Если на Минском телевидении мне предложили поставить одноактную комическую оперу И. Стравинского «Мавра» (по Пушкину), в которой отголоски нового жанра только зарождались, и кое-кто умудрялся в квартете героев услышать зародыш джазовых мотивов в музыкально-театральном спектакле, то в Одесском театре Оперетты, где я некоторое время служил исполняющим обязанности главного режиссёра, меня снова ждал мюзикл (в 2-х действиях с одним трупом) польского автора Ю.Таларчика «Во всём виноваты сардинки», где были заняты всего 6 актёров, но среди игравших – н.а. СССР М. Водяной, народные артисты Л. Сатосова и М. Дёмина, молодые Г. Жадушкина и В. Барда-Скляренко, позже также удостоенные высоких званий. Сюжет смешил, музыка не радовала, но впереди у меня маячили знаменитые «Звуки музыки», и это вдохновляло. «Сардинки» принесли артистам возможность зарабатывать, ведь даже если на основной сцене шёл очередной спектакль текущего репертуара, то вшестером можно было играть где угодно, тем более, что декораций вообще не требовалось – ограничились выгородкой из обычных стульев, да и оркестра не надо: вот тут-то и была на месте, помогала, выручала фонограмма. Актёры благодарили, а я не был удовлетворен этой работой и приступил к углублённому изучению истории мюзикла, тем более, что во главе с редким Мастером К. Чернозёмовым было решено создать в нашей консерватории отделение мюзикла на вокально-режиссёрском факультете, куда меня позвали преподавать. Учить можно тому, что знаешь сам: историографию мюзикла необходимо было досконально изучить, чтобы на занятиях не только ставить фрагменты из лучших и популярных произведений, но и рассказывать студентам-вокалистам, воспитанным на классике, что такое мюзикл, а это нелегко, когда никто толком не может сформулировать обозначение этого жанра, который зародился в Америке вот уже почти 150 лет назад, а его создателем в Нью-Йорке стал английский продюсер и постановщик Джордж Эдвардс. Мои студенты были очарованы мелодиями из мю-

циклов Дж.Керна, Дж.Гершвина (к нему они были подготовлены оперой «Порги и Бесс»), Кола Портера, Роджерса и Хаммерстайна «Оклахома!». . . Конечно, в первых рядах стояли незабываемый Бернштейн со своей «Вестсайдской историей», мои любимые «Звуки музыки», «Май фер леди» Лоу и Шоу, «Оливер», «Скрипач на крыше», «Смешная девчонка», «Волосы», «Кошки», «Кабаре», и в то время новое слово в мюзикле – «Иисус Христос суперстар» Уэббера, приблизивший этот жанр к шоу-спектаклю, также как и его «Призрак оперы». Американско-английское царствование в мюзикле было перервано в 1985 году французами: «Отверженные», «Нотр-Дам де Пари», «Маленький принц» и др. и позже – австрийцами: «Моцарт», «Элизабет» и пока непревзойдённой постановкой культового шоу-мюзикла «Бал Вампиров», триумфально шедшей в нашем театре Музкомедии.

Но и мы не отставали, а даже опередили парижан. Много лет назад мне довелось присутствовать на Худсовете Ленконцерта, когда принимали рок-оперу А. Журбина по либретто Ю. Димитрина «Орфей и Эвридика», которую принято считать первым русским мюзиклом. Руководитель ансамбля «Поющие гитары» недавно ушедший А. Васильев, услышав «Иисуса-суперзвезду», стремился создать и у себя музыкальный спектакль этого жанра. Помню сложности прохождения идеи – сначала жанр был обозначен, как зонг-опера, но солисты «Поющих гитар» А. Асадуллин, И. Понаровская, Б. Вивчаровский да и весь коллектив играли настоящий мюзикл. Далее последовали «Юнона и Авось» А. Рыбникова, «Звезда и смерть Хоакина Муриеты» – и поехало...

Обо всём этом мне пришлось рассказывать студентам факультета музыкальной эстрады (отделение эстрадного и джазового пения), который возглавляет известный композитор и педагог В. Лебедев, тогда Университета культуры и искусств, где я преподавал долгие годы и где знание мюзикла признавалось необходимым, так как наш декан имел к нему самое прямое отношение: читал курс, посвящённый этому предмету. Неудивительно, что многие наши выпускники нашли своё при-

звание в этом музыкальном жанре. Говорить о «Бременских музыкантах», многострадальном «Норд-Осте», «Графе Монте-Кристо», «Алых парусах», «12 стульях» и др., о детских русских мюзиклах и ещё о нескольких десятках успешных постановках нет смысла – это надо видеть и слышать самому и определяться также самому. Признаюсь, я удивлён, что спектакли А. Колкера по Сухово-Кобылину, поставленные Е. Воробьёвым, не признаются мюзиклами. Мюзиклы идут ведь и в драматических театрах – вспомните, БДТ, к примеру, «Ханума»; Балтийский дом – хотя бы «Вестсайдская история», постановки В. Пази – «Кабаре» и «Пышка» – можно список удлинить. А вот когда меня убеждают, что из опер Пуччини легко сделать мюзиклы, только меняя аккомпанемент, стало быть, оркестровку-аранжировку (такие опыты проводились с «Мадам Баттерфляй» и «Девушкой с Запада»), я отвечаю дерзнувшему режиссёру: напиши своё новое собственное либретто любимого уже канонического произведения, найди композитора и ставь, как ты видишь, – это и будет твоё личное прочтение, бери пример с Элтона Джона, сотворившего мюзикл «Аида», не тронув великого Верди даже фабульно.

Взять на себя смелость определить чёткие рамки жанра может только гений. До сих пор бытует байка: когда юный Моцарт написал «Бастьена и Бастьену», отец спросил его: как определить жанр этой маленькой оперы? – мальчик ответил: оперетта. Устами младенца глаголет истина, а гениального ребёнка?

Я люблю театр, особенно музыкальный – много попел на его сценах. Часто раньше ходил в оперу. Но в нашем городе в последние годы стал приверженцем театра Музкомедии, пересмотрел весь его репертуар. Некоторые мои коллеги, не только молодые, но и ровесники – упорно убеждают, что опера и оперетта устарели – недаром их пытаются модернизировать и, забывая, что главный режиссёр любой постановки – композитор, стараются осовременить Верди и Вагнера, Мусоргского, Глинку, Чайковского, совсем недавно С. Прокофьева (обратите внимание – на Моцарта уже посягают!), а уж об оперетте и спорить нечего... Сильва и Марица, не говоря

про Мистера Икса, могут жить и сегодня, но это палка о двух концах - не врубающихся в музыкальную драматургию, не умеющих или не желающих читать партитуру, где всё чётко написано, горе-постановщиков; порой второй, истинно музыкальный, конец, а скорее, даже начало – бьёт безжалостно и больно, и подчас становится их полным собственным концом - фиаско.

Но согласен – жанры всякие нужны, всякие важны. Народится новый реформатор оперы и оперетты, скажет своё современное слово, и снова заполнятся залы и зазвучат овации тем, кто воплотил передовые идеи понятно для зрителя, а пока я хочу пропеть дифирамбы нашему театру Музыкальной комедии. И начну с его генерального директора Юрия Шварцкопфа, который в 2017 году только что отметил 70-летний юбилей. Кстати, если копнуть глубже и уяснить его работу ещё и в Мариинском театре, можно многое понять, ибо большому кораблю – всегда большое плавание.

Но сначала небольшое лирико-технологическое отступление – не без этого.

Идея диссертации о влиянии современной радио- и микрофонной аппаратуры (или, как технические специалисты её называют, микрофонно-усилительные тракты – сокращённо МУТ) на голос профессионального певца и о методике обучения владению микрофоном для создания профессионального радиогеничного голоса родилась у меня в самом начале моей творческой деятельности. Я пел с самого раннего детства, и мои педагоги прививали мне отрицательное отношение к микрофону. Однако вскоре жизнь внесла в это значительные коррективы. Приведу фрагмент из моей давней статьи о голосе, которую тогда назвали спорной.

«Певческий голос издавна считается главным компонентом русской музыки – войдите в наши христианские православные храмы – вы услышите не орган, как у католиков, или даже целый оркестр, или, может, вокально-инструментальный ансамбль, как, к примеру, в Швеции, а голоса без сопровождения. Русская национальная музыка находится под эгидой голоса человека – баян, гармошка, свирель-жалейка, балалайка, гитара или дру-

гие народные инструменты – голос только сопровождают, аккомпанируют его звучащую. Голос есть у любого, петь может каждый – один, вдвоём или хором - нужно лишь очень захотеть и много и терпеливо учиться. Этому масса примеров. Голос всегда с человеком, во все времена, в горе и в радости, внутри него – в душе, в сердце. Конечно, рядом могут быть гитара или фортепиано, струнный ансамбль или огромный оркестр, для кого-то фонограмма или караоке, но голос – это всё! – если научиться им правильно владеть, пользоваться, познать и понять истинную природу его звучания. Вокалу – сольному пению – надо учить и учиться с детства, лишь тогда можно чего-то достичь. Вы скажете, ведь рождаются самородки – да! Но таких единицы. Русское музыкальное образование, музыкальное воспитание исстари основано на человеческом голосе, который царит, играет красками тембра, динамическими оттенками, а аккомпанемент его украшает, помогает. Никто не спорит – музыкальные инструменты – от самых древних до сегодняшних электронных – это замечательно.

Есть виртуозы, способные почти оживить свой инструмент, играть на нём, передавая всю гамму человеческих чувств, заставляя его плакать или смеяться, кричать или шептать – про таких говорят: их инструмент ПОЁТ, но только человеческий голос воистину живой, и его звучание никогда не сможет заменить никакой, даже самый современный инструмент или гениальный исполнитель. У нас на Руси голос – основной музыкальный инструмент на все времена, и даже пришлые чужеродные веяния, как бы их ни пытались насильственно навязать нам, не могут этого опровергнуть. У нас и джазовые и рок-мотивы поются по-своему, голосом, даже заимствуя несвойственную нам манеру расщепления звука. Красивый тембр певческого голоса до сих пор ценится у нас на вес золота. Высшее звание – золотой голос России. Золотые запасы, золотые кладовые не скудеют и поныне – правда, далеко не всем удаётся прорваться сквозь препоны рыночных отношений и большинство стремятся в классику, в оперу, в филармонию, в мюзикл. На эстраду

они почти не попадают за редким исключением – тут не красотой тембра берут, тут критерии другие, но всё равно голос главенствует и на эстраде – совсем уж безголосых, необученных, открыто презирают, особенно им достаётся от имитаторов-пародистов. Голосистых по-прежнему любят, им заслуженно поклоняются. Да, мало их, но что же делать? Часто и оперные корифеи пытаются «поэстрадничать», не у всех выходит: здесь другая специфика, но голос берёт своё всегда. А уж в народной русской песне без голоса никуда не деться даже на эстрадных подмостках, тут и микрофоны с реверберацией и чудо-фонограммы не помогут, ну, а плюсовки зрители давно научились отличать: не только свистят, но кое-где и физиономию за обман могут попортить. Так что разевай рот – не разевай под «фанеру» – так народ окрестил плюсовую фонограмму с уже записанным голосом – а без голоса никуда. Некоторые, что понахальнее, бывает, умудряются, но их песенка скоро будет спета окончательно и бесповоротно. Голос побеждает и в новых современных модных рок-течениях, и тут, вы не поверите, есть солидное влияние России, где певческий голос всегда стоял, стоит и стоять будет на самом первом месте», – конец этой большой цитаты. Ох, как обрушились на меня после этого любители антиголосового пения, и сейчас рычат, но от правды никуда не деться: красота спасёт мир, тем более, красота неповторимого человеческого голоса, на каком бы континенте он не родился, а у нас на Руси, тем более...

Семимильными шагами в последние столетия развивается наука и техника.

Микрофон появился ещё до 1878 года - всё, что связано с радио, многие ассоциируют с Эдисоном, и первый угольный микрофон также. Не будем вступать в неумолкающую полемику, спорить, кто первым начал модернизировать этот электровакуумный прибор для звукоусиления и для звукозаписи, который используется во многих устройствах - в телефоне, магнитофоне, на радио, ТВ, в кинематографе и прошёл путь от простейшего угольного, затем конденсаторного, динамического и теперь электронного или, как его ещё называ-

ют, транзисторного, миниатюрного. С бурной историей развития радиомикрофонной техники каждый, кому это интересно, может ознакомиться, прочитав соответствующую литературу, проще всего в Интернете. Моей задачей является убедить, что начинающего артиста-вокалиста, выступающего в любом жанре музыкального искусства, НЕОБХОДИМО обучать владению современным микрофоном, который может стать либо добрым другом и помощником, либо страшным врагом, усугубляющим недостатки голоса, – это должно быть специальной учебной дисциплиной ибо ещё прошлый век породил новые концертные залы с радио- и электроакустикой, их называют радиогеничными, и их невозможно пробить, объять акустическим голосом без усиления его звука, тем более под аккомпанемент оркестра, где используются электронные инструменты, синтезаторы, выход их децибелов не перекрыть даже самому пробивному человеческому голосу. И надо сказать, что многие театры преуспели в техническом оснащении своих зрительных залов, хотя сплошь и рядом ещё продолжают сбой звука и даже профессиональные звукорежиссеры – мастера своего дела сетуют на несовершенство аппаратуры.

Но моё лирико-техническое отступление закончилось, и я возвращаюсь в наш театр Музыкальной комедии, где 1 сентября 2011 года – на предпремьерном прогоне впервые услышал и увидел легендарный культовый мюзикл Романа Полански «Бал вампиров». Сразу признаюсь – я не верил в его успех, но уже после первого акта влюбился в этот спектакль. Второе действие добило меня окончательно и бесповоротно. Не скрою, у меня, что называется, был свой интерес, и когда-нибудь мне придётся рассказать о своём невольном определённом участии, но не в этом дело. Великий Моцарт, а за ним и многие другие корифеи сценической музыки, убеждали: если публика приняла, подхватила и запела мелодии сразу на премьере, жди успеха. Уже после первого акта звучала на перекуре на улице перед театром тема двух лирических героев – «За горизонтом», показалось, где-то слышанная раньше, да так оно и было: моцарто-россинивские скороговорки Профессора и даже первая ария

Графа фон Кролока «Ваш Бог мёртв», которую я с наслаждением спел на своём юбилее. А сколько любимых мотивов осталось в музыкальных душах после окончания всего шоу! Два следующих дня, включая премьеру, я снова провёл на Балах и с тех пор отсмотрел полюбившуюся мне постановку более 160 раз, и первенство принадлежит далеко не мне. Причём так вышло, что не видел всего 3-4 исполнителей из всех составов. Я посвящал просмотры, делая соответствующие акценты, работам отдельных солистов – их в принципе был десяток, молодого дирижёра А. Нефёдова, по сути главного хормейстера театра – это стало практически первой полномасштабной его работой за дирижёрским пультом. Маэстро просто жил музыкой, увлекая новый для театра Музкомедии состав оркестра. Меня умиляло, когда он надевал наушники для чёткого ритма балета. Я восхищался хором, ансамблем-свингом, танцовщиками, звуко-режиссёрами (пусть и не всегда: аппаратура, бывало, подводила профессионалов, солисты сразу не могли привыкнуть к миниатюрным микрофонам, крепящимся чаще на лоб, их заливал пот), поражался режиссёру, ведущему спектакль, музыкальной точности перемен декораций, которых оказалась не одна сотня, хотя и тут без сбоев не могло обойтись. Большой интерес и любопытство вызывала у меня и реакция зрителей – от мала до велика.

В то время я работал на канале «Ваше Общественное телевидение» у А. Лушникова и получил возможность пригласить многих участников шоу-мюзикла «Бал вампиров» в программу «Форум» – мне удалось провести более 40 передач и рассказать телезрителям не только о самом спектакле и интернациональной постановочной бригаде его создателей, о предвещавшем его фильме, где сам Р. Полански играл влюблённого студента Альфреда. Кстати, в кино звучала музыка, но она мне не запомнилась, извините.

И, разумеется, о том, как сюжет с экрана удалось перенести на сцену, что дело нелёгкое – жанры абсолютно разные. Это произошло тоже с помощью интернационального творческого содружества: современно-го композитора-мелодиста Дж. Стейнмана,

успешного либреттиста и поэта М. Кюнце, фантастического художника Кентаура, выступившего во всех ипостасях – декорации, грим, костюмы; тонкого чуткого балетмейстера Д. Каллахана и, конечно, души коллектива, сценировавшего участников в единое целое, в одну семью режиссёра-постановщика, перенесшего спектакль на нашу сцену, певца, танцовщика, опытного мастера Корнелиуса Балтуса, с которым я имел честь познакомиться. Артисты рассказывали о себе, о своей сценической работе, о планах, пели под гитару или фонограмму, играли на разных музыкальных инструментах, шутили и даже отвечали на каверзные вопросы. Это были лауреаты премии Правительства Санкт-Петербурга именно за спектакль «Бал Вампиров» продюсер-триумфатор, заслуженный деятель искусств Ю. Шварцкоф – его приглашал не я да и не один раз, и молодой дирижёр А. Нефёдов. Особый респект волжскому богатырю, ныне представляющему город над вольной Невой, получившему за создание образа Графа фон Кролока «Золотую маску» и не только, сыгравшему свою звёздную роль и в северной столице России, и в Берлине – по-немецки, а теперь и в Москве... Также участвовали: блистательная Манана Гогитидзе – Ребекка Шагал, наша землячка, внучка знаменитого композитора А.П. Петрова (гены играют!), также удостоенная «Золотой маски», теперь уже дважды; самый старший из участников, редкого дара артист-певец, воспитанник нашей ленинградской сценической школы, заслуженный артист РФ Андрей Матвеев – Профессор Абронсиус, номинанты «Золотой маски»: трогательная хрупкая провинциальная хитрюшка из Трансильвании, жаждущая простого девичьего счастья Елена Газаева – ныне заслуженная артистка Республики Северная Осетия; и лауреат Российских и Международных конкурсов, самый молодой, в 19 лет пришедший в проект студентом нашего Университета культуры и искусств, для которого роль Альфреда стала первой в творческой биографии, обладатель редкого по красоте голоса и яркой сценической внешности Георгий Новицкий, внук блокадников, солист театра «Родом из блокады»; и ещё любимец публики почти

двухметровый избалованный судьбой сын Кролока Герберт – улыбчивый, танцевальный, пластичный, обаятельный Кирилл Гордеев, владеющий многими экзотическими музыкальными инструментами, включая волынку; гротескные любовники, неожиданно для себя ставшие вампирами К. Китанин – Шагал и Н. Богданис – красавица Магда; и безвременно, совсем молодым ушедший от нас бессловесный урод-горбун, преданный слуга Кролока – Куколь – А. Чубатый.

Надо отметить, что много интересного рассказали с телеэкрана – режиссёр, ведущая спектакль С. Воронцова, которая, как выяснилось, не знает нот и действует согласно опыту и интуиции, руководившая огромной командой монтировщиков декораций; звукорежиссёры Г. Рарог и В. Гурин и даже зрители, оказавшиеся остроумными и поделившиеся стихами и частушками в адрес полюбившихся исполнителей. Как уже стало понятно, успех спектакля был бешеным, урожай премий этого шоу превзошёл все ожидания: и «Золотая маска» и «Золотой софит», и целый ряд других достаточно престижных.

Обо всех вышеперечисленных творческих личностях можно и нужно написать отдельные статьи и даже монографии, но это дело будущего. К этому списку необходимо добавить Р. Колпакова, А. Суханова, В. Свешникову, С. Денисова, А. Лукоянову, Н. Диевскую, И. Кроля, куратора проекта, заместителя генерального директора театра А. Лебедеву и тех, кто внёс свой вклад в этот шоу-мюзикл, снимавший «Золотую маску» всему спектаклю. Интуиция и опыт Ю. Шварцкопфа выиграли по всем статьям. После первого сумасшедшего прощания с полюбившимся спектаклем, «Бал вампиров» снова – правда, ненадолго, вернулся на родную питерскую сцену театра Музкомедии, с которой начинал своё триумфальное шествие. Сейчас он прописался в Москве. Аншлаги всё те же...

Любопытно, что после Бала последовали новые постановки мюзиклов, причём, от Мюзик-холла до почти всех Дворцов культуры, некоторые имели определённый успех, но... Любопытный «Аладдин» для детей – с полётом под куполом театра ковра-самолёта,

что вызывало большой восторг зрителей, замечательные артисты – один лучше другого, известный композитор, музыка – только непонятно, где. Появляется в мюзикле сам Чарли Чаплин и даже премию завоёвывает, далее и в ДК Ленсовета и в Музкомедии возникают голливудские дивы, правда, разных национальностей, но артисты практически те же, и они повторяются, как и выезд лимузинов на сцену. Возникает булгаковский Воланд, естественно, рядом с Мастером и неожиданно с Онегиным, тут же в ДК Горького вспоминают самого Уэббера с плащом и дивной музыкой юного Иосифа. А в Музкомедии долгожданный «Джейкил и Хайд» становится трагическим мюзиклом, на что некоторые непродвинутые зрители жалуются: мол, ждали развлекаловку, а получили действо, над которым надо думать, – и тут же в ответ их одаривают «Хитами Бродвея», к коим вскоре добавляется... и не только. И снова Театр Музкомедии ошеломляет почти русским, как заявляет один критик-любитель, чуть ли не советским (может, антисоветским?) музыкальным спектаклем безвременно ушедшего, вечно передового Г. Фиртича, скрестившего своё творение с мало кому понятным «Петербургом» А. Белого, с блистательным В. Кривоносом, который, не будучи поклонником мюзикла, профессионально, убедительно, по-своему и даже по-новому, по-современному трактует своего героя. Если вы думаете, что я, наряду с не в меру юными поседевшими музыковедами или престарелыми молодящимися музыковедьмами, буду кидать камни в адрес Афанасьевой и её команды или во Франдетти с Бронз или, не дай Бог, в Балтуса, Керо и пр., то жестоко ошибаетесь. Да, не объять великих, особенно эпопею Булгакова ни в каком жанре, но пытаться надо – безумству храбрых споём новый гимн мюзикла. Не надо уговаривать меня, что всё на продажу, что надоели одни и те же актёрские лица с одними и теми же штампами и, бывает, безголосые или предельно уставшие. Болезнь протекает нормально. Это явно нездорово, что мюзиклы идут подряд по несколько спектаклей, и актёры сдуваются и гаснут до предела – уже заметили эту закономерность, ищут новые пути. Пусть завтра мы не откопа-

ем композитора и либреттиста, а, тем более, постановщика, художника, балетмейстера, ну, скажем, на заданный совершенно современный заказной шоу-мюзикл «Маскарад» по Лермонтову, но надо дерзать. И я не зря об этом пишу. У меня есть союзники – почитайте Станиславского, и напомним, что совсем недавно отмечалось 100-летие постановки в нашей пушкинской Александринке именно лермонтовского «Маскарада» – это был предвестник современного шоу-мюзикла – не удивляйтесь! Кто не верит, посмотрите этот спектакль в наши дни – вернее, как теперь принято говорить, ремейк по нему «Маскарад. Воспоминания будущего». Целый век назад великий Вс. Мейерхольд, пригласив композитора Глазунова и художника Головина, послал нам сигнал, сделав успешную попытку сотворения по музыкальным канонам драматической постановки с потрясающими массовыми сценами, с новаторскими для того времени решениями художника-постановщика. С моей точки зрения, этот спектакль стал предвестником нового жанра – мюзикла, расцветающего сегодня.

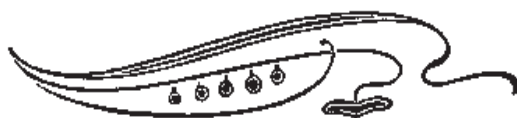
И не морочьте мне голову, что лучше моего любимого шоу-мюзикла «Бал вампиров» никогда ничего не будет. Эта работа совсем ещё молода – ей всего 20 лет. Отвечаю своим оппонентам, что понимаю трудности сегодняшнего мюзикла, особенно шоу-мюзикла с масштабными массовыми хоровыми и балетными сценами, уже упоминалось о несовершенстве радиоаппаратуры, микрофоны крепятся чаще всего актёрам в область лба, к этому надо привыкнуть, на сцене жарко – освещение крутое, пот льёт ручьём. Плохо, что спектакли идут блоками – голосовая и сценическая нагрузки

выматывают участников мюзикла. Никто не застрахован и от сценических ошибок – можно забыть реквизит, кроме того, громадные шоу, к сожалению, славятся травмоопасностью, но важен результат. Не надо никого ругать и ограничивать в фантазиях, не надо пытаться доказать, что многие менеджеры делают бездарные попытки в погоне за большими деньгами – даже «Бал вампиров» не во всём оправдал надежды – я не говорю про финансы, этого не знаю.

Не верьте, что умирают опера и оперетта – хотя вот жанр советской музыкальной комедии ушёл в небытие: непонятен, несовременен сюжет и это факт. Музыкальный спектакль будет жить всегда, а как его называть – мюзикл, героический, трагический, шоу, комедия положений и т.п. и т.д. – жанры всякие нужны, жанры всякие важны. А «Бал вампиров», в который я не верил поначалу, считая что танцующие тёмные силы не могут победить и вдохновить нашего искущённого зрителя, оказалось – не важно, ЧЕМ, а важно, КАК – победил меня по всем статьям, был для меня первой ласточкой настоящего шоу-мюзикла и я благодарен Ю. Шварцкопфу и всем, кто причастен к созданию этого дивного легендарного культового мюзикла, и никогда не забуду того наслаждения, которое испытываю даже только при его упоминании.

Хочу закончить тем, что меня не покидает надежда и даже уверенность, что удастся увидеть и услышать настоящий радостный национальный успешный танцевальный русский шоу-мюзикл.

Дерзайте!!!

Ольга ПОЛЯКОВА

Рисунок интерьера

Вопрос изображения интерьера возникал перед художниками всех времен. Решалась эта проблема по-разному и всегда на уровне последних достижений, как интеллектуальных, так и технических.

Греки уже в пятом веке до н.э. пытались передавать с помощью линейного рисунка объемные трехмерные изображения. Они разработали основные перспективные законы, базирующиеся на особенностях зрительного восприятия. Стремление художников работать с натуры и максимально реалистично передавать объем и эффект удаления пространства на плоскости, пользуясь закономерностью восприятия, свойственной специфике человеческого зрения и психологии, принесло великолепные результаты. Многие открытия греков успешно используются современным искусством.

В эпоху Возрождения усиливается интерес художников к фундаментальным знаниям, так как уже был накоплен большой эмпирический опыт.

Серьезную теоретическую работу по рисунку интерьера провел Леонардо да Винчи, создав замечательные иллюстрации с комментариями, этими достижениями активно пользуются современные художники и архитекторы.

Характерно, что в то же время на севере Европы, в Германии, над теми же проблемами работал Альбрехт Дюрер. Причем, он проводил параллель между пропорциями тела человека (хорошо известен всем художникам «пропорциональный циркуль Дюрера») и пропорциями интерьера. Впоследствии эти теории превратились в академический канон.

В пылу борьбы с академическим искусством в начале 20 века некоторые достижения были забыты, или, во всяком случае, сейчас воспринимаются современными художниками как вновь открытые.

Рисунок интерьера - важное и необходимое задание творческих факультетов Инсти-

тута живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Он выполняется с натуры студентами всех курсов архитектурного факультета, а также театральной мастерской живописного факультета.

Задания проводятся в вестибюле академии художеств, академической библиотеке в музее слепков РАХ и в залах Эрмитажа. Эти интерьеры разные по стилистике и поучительны для студенческого задания.

При проведении рисунка очень важна методика. Начинается работа с разъяснения подхода к поставленной задаче, просмотра и анализа образцов архитектурных рисунков предшественников, как классиков - Ухтомского, Гау, Примацци и других мастеров, так и лучших интерьеров выпускников из академического методического фонда.

Затем, прежде чем приступить к выполнению основной работы, обязательно всеми студентами проводятся подготовительные зарисовки с натуры под руководством педагога.

На эскизах выясняется место, с которого будет выполняться рисунок, композиция, пропорции главных архитектурных объемов, горизонт, точка зрения, тональное решение, освещенность, материал логичный для реализации поставленных задач.

Построение длительного рисунка начинается с определения основных пропорций, больших и малых отношений объемов. Знания линейной перспективы необходимо применять на практике. Надо четко определить массы и планы образованные архитектурными формами.

Периодически необходимо возвращаться к проверке построения, используя знания перспективы.

На младших курсах рекомендуется выполнять рисунок на не большом размере бумаги, не более $\frac{1}{2}$ листа, графитным карандашом, с использованием подкладок, мокрым соусом, сепией, акварелью.

Особое внимание следует уделить выбору

материала. Бумага может быть цветная, пастельная, на холодной имприматуре хорошо смотрится рисунок теплыми материалами: сангиной, сепией. На теплой основе органично выглядит графитный карандаш или уголь, ретушь, итальянский карандаш, тушь перо тростниковая палочка и др. профессиональные материалы.

Старшие курсы используют большие размеры, до 70 см по большей стороне, и применяют такие материалы как соус, сангину, тушь перо, уголь, сепию. После четкого построения интерьера, проверки как общих пропорций, так и многочисленных фрагментов, их отношений друг к другу, ухода в пространство или выхода на передний план важных деталей и консультации с педагогом, можно приступать к работе в тоне, начиная со средней нагрузки в самых темных местах, постепенно, не перетемняя, переходят к детализации. Работа первоначально ведется в светлом диапазоне с расчетом на возможный впоследствии темный тональный набор.

Важную роль в интерьере играет свет, в зависимости от освещения архитектурные формы воспринимаются по-разному.

Можно использовать дневной свет, эффект контража часто привлекает студентов возможностью более эмоционального решения работы. Вечернее освещение требует серьезного отбора интенсивности источников света, иногда очень интересно выглядит сочетание дневного и искусственного света. Та-

кие рисунки более интенсивные, тонально нагруженные в них четче светораздел формы и рельеф деталей. Даже при сильной тональной нагрузке, линии построения должны просматриваться.

На старших курсах задание усложняется. В рисунок вводятся фигуры людей и скульптуры.

В залах Эрмитажа старшими курсами работа ведется над интерьерами со скульптурами, где необходимо обострять светораздел для более внятной трактовки формы и внимательно перепроверять пропорции общего построения, а также масштаб скульптур.

В завершении смягчаются, при необходимости, касания в углах, акцентируется материальность предметов: мрамор, металл, дерево, стекло, протираются блики, обобщаются второстепенные детали.

На рисунок должно быть предоставлено достаточно времени, чтобы студенты могли справиться с поставленными задачами.

Методика работы и последовательность ведения рисунка должны соблюдаться на протяжении всего исполнения задания.

Программа по рисунку института им. И.Е. Репина мало меняется. В институте сохраняется высокий уровень мастерства и профессиональной грамотности и не утрачиваются достижения, продуманные и отработанные многими поколениями русских и иностранных художников.

Вячеслав ПОЛЯКОВ

Дон Батюшка – золотое доньшко

Дельта Дона во все времена была известна обилием ресурсов, имея не только огромное геополитическое (выход в Азовское море), но еще и хозяйственное значение. Азовское море было в 6,5 раз более продуктивно на единицу площади, чем Каспийское, в 40 раз больше, чем Черное и в 160 раз больше, чем Средиземное море. Битва за ресурсы дельты – «Божий присуд» по-казачьи – велась всегда, во все времена, по сей день и час.

По Белградскому миру 1739 г., после очередной русско-турецкой войны, вновь хлынули на барьерные «нейтральные» земли не только Донские казаки, но и преимущественно малороссияне. Осваивая берега и побережье, они ставили рыбные «заводы» – примитивные рыболовецкие хозяйства. Самый большой и многочисленный рыбачий стан назывался Щучим, или Казачьим. В середине 16 века упоминается как Посольский ерик. Станица основана в 1753 году добровольными переселенцами из низовых донских станиц. До 1807 года называлась Щучьей. Это одно из древнейших поселений Нижнего Дона. Возникло как сезонное стойбище кочевников-скифов в конце 6 – начале 5 вв. до н.э. Во второй половине 4 в до н. э. Елизаветинское городище превратилось в крупнейшее в Северо-Восточном Приазовье. Город стал торговым, административным и ремесленным центром всего региона, в нем размещалась ставка родоплеменной знати и греческие кварталы.

Первое упоминание о Донских казаках в документах относится к 1546 году. Первые казачьи городки появляются во второй четверти 16 века. Известна жалоба Ногайского князя Юсуфа Ивану Грозному в 1549 году на казаков. У них уже были городки в низовьях Дона. В 1593 году казаки поставили свой городок на Посольском Ерике (Казачьем) близ Азова – ныне станица Елизаветинская.

В 1768 году началась новая война России с Турцией. В 1769 году Азов и вся дельта Дона снова были заняты русскими войсками. Кючук-Кайнаджирский мир укрепил территорию Дельты Дона в составе России. Эти

земли вошли в состав Азовской губернии, существовавшей с 1745 по 1784 гг.

Задолго до войны с турками и во время войны с ними Донские казаки, запорожцы и малороссияне стали захватывать территории дельты Дона и ставить там свои поселения. Малороссияне и запорожцы составили особую милицию под названием Ново-донских казаков и пытались занять все три донские гирля – от устья Чулека до впадения реки Кегальник в Азовское море. После заключения Кючук-Кайнаджирского мира в 1774 году эти «Ново-донские» отряды были расформированы и включены в состав Донских казаков или в состав мещан ростовской, таганрогской и азовской крепостей.

После указа Екатерины II в 1780 году новая волна переселенцев хлынула на Дон. С 1783 года на Украине официально началось закрепощение лично свободных людей, среди которых было много реестровых казаков. «Исстари малороссияне и великороссы приходили на Дон с намерением поступить в казачье звание». Во второй половине 18 века тяготы службы резко возросли, и русские и малороссы не торопились войти в казачье общество, а селились в качестве вольных. Тут Донские казаки и атаманы стали вылавливать и насильно закрепощать всех, кто объявлялся на казачьих землях. Одних закрепляли за донской старшиной, превращавшейся в помещиков, других за станицами.

Тех, кто стал жить на землях донских офицеров, в 1796 году царским указом признали крепостными этих офицеров-помещиков. Те, кто жил в станицах, платили казакам пожилое и выполняли разные земские повинности, но имели важное преимущество: их не брали на службу, не отрывали от хозяйства. Крепостная зависимость стала уделом лишь тех, кто по собственной воле приходил на казачьи земли.

Еще в конце 18 века рыбы на Дону было так много, что сухую тарань продавали не на вес и не на счет, а кучами и возами, ценою от 2 до 20 копеек за кучу или воз. При таких ценах, низовых казаков называли «тараньей то-

лочью», а Дон – «золотым дном».

В начале 19 века количество рыбы в Дону «умалилось более чем во сто крат». Причин называли две: первая – резко увеличилось население по берегам Азовского моря, и много рыбы стали ловить на продажу еще до того, как она дойдет до устья Дона; вторая – «от злоупотребительного лова некоторыми частными людьми, к сословию донских казаков не принадлежащими, в самом устье Дона».

Цены на рыбу выросли. Красная рыба стоила в то время от 10 до 20 рублей за пуд (цена лошади на Дону в начале 19 века была 15-20 рублей). Тарань уже стоила от 4 до 20 рублей тысяча, судак – от 50 до 200 рублей тысяча, лещ – от 100 до 500 рублей тысяча.

Зимой одна «ахапка» (особая сеть, подвешенная подо льдом) давала чистой прибыли до 2000 рублей, по 200 рублей на одного члена ватаги.

Этот хищнический лов, подогреваемый высокими ценами, и вызвал первое резкое снижение продуктивности Батюшки Дона. Новые поселенцы не полагали себе никаких пределов в ловле рыбы, пересыпали большими ловушками и миллионами крючьев, перегораживали все устья Дона и морской залив сотнями километров сетей. Наконец, до того распространили эту недозволенную ловлю, что вовсе пресекли ход рыбы из моря в Дон.

Казачье сопротивление с каждым годом нарастает. Увеличивается само казачье население (за 19 век Войско Донское выросло более чем в 5 раз). В 1799 году создается Роговская станица, за ней, в 1802 году – Гниловская, в 1807 году Щучий (Казачий) стан тоже преобразуется в станицу и получает название Елизаветинская в честь Августейшей монархини Елизаветы, супруги царствовавшего тогда императора Александра I.

В 1822 году в жизни населения дельты Дона произошли изменения, прекратившие борьбу казаков с малороссиянами из-за рыбной ловли. Комитет по устройству Войска Донского отныне разрешал ловить рыбу в Дону только казакам и запрещал это делать всем остальным категориям населения. «И казаки снова увидели рыбу в Дону», – сказано в «Статистическом описании» (8, л. 71). С этого времени начинается экономический рост станицы Елизаветинской и ее хуторов. В 1822 году на всем Дону был 351 рыбосчет-

ный завод, из них 167 – в станице Елизаветинской, дававших две трети всей товарной рыбы Дона.

В начале 20 века рыболовство снова приняло хищническое направление и быстро истощило рыбные запасы из-за увеличения спроса на продукты питания и развития путей для вывоза. За 7 лет, с 1901 по 1908 гг. добыча рыбы сократилась в 12 раз. Во второй половине 19 века объем торговли рыбой в Ростове, Таганроге и Азове превосходил в денежном отношении объем торговли хлебом. Уже в 1909 году каждый день по Дону в его низовьях в среднем проходило по 30 пароходов, иногда более 100 в сутки. За один час 12 апреля прошло 39 пароходов. Сегодня эти цифры в сотни раз больше по количеству и в тысячи – по тоннажу. Река уже в конце 19 – начале 20 века погибала, но не до конца.

В 1914 году, когда началась война, движение судов резко сократилось, значительный контингент потенциальных браконьеров был призван в армию. Так бедствие огромного масштаба на время спасло рыбные запасы Нижнего Дона от окончательного уничтожения.

Одним из первых постановлений Большого Войскового круга в мае-июне 1917 года было постановление об охране рыбных ловлей. Во время гражданской войны – снова хищнический лов без надзора. «Революция сама по себе, а рыба все равно наша», – говорили казаки.

В 30-х годах 20 века, после всеобщей коллективизации в рыбколхозы, всю рыбу «до последнего хвоста» сдавали по твердым закупочным ценам. За каждую рыбешку или даже «отхап» можно было получить срок, как «за колосок».

В Великую Отечественную войну, перед самой оккупацией на Нижнем Дону, в том числе и на заповедных территориях, выловили подчистую всю рыбу – чтобы она не досталась оккупантам. На «излов» было брошено все трудоспособное население.

Возможность быстро разбогатеть на рыбе всегда соблазняла людей, многие из них становились браконьерами. Эта «профессия» и сейчас процветает не только на Дону.

До революции рыбная ловля на Дону регулировалась Войском и Государством. Существовала должность смотрителя рыбных ловель, у которого была своя караульная коман-

да – гирловая полиция (группа вооруженных инспекторов). По закону вся рыбная ловля принадлежала только представителям казачьего сословия.

Во второй половине 19 века в низовьях Дона от протоки Каланча до Таганрогского залива вся территория считалась заповедной. Здесь нельзя было ловить рыбу даже казакам.

В настоящий момент в процессе возрождения казачества государство приняло «ряд правовых норм и положений, которые должны способствовать возрождению традиционного способа хозяйствования казачества», но о рыбной ловле, бывшей основой казачьего хозяйствования в Низовьях Дона, в этих документах практически не говорится.

Больно смотреть автору этих строк на почти труп могучего Батюшки Дона Ивановича, наблюдая в хуторе Колузяево станицы Елизаветинской день и ночь непрерывный поток караванов судов-большегрузов типа «река-море». Причем, вверх, «до горы», они поднимаются пустыми, а вниз, к морю, – отягощенные нашим «золотым» в прямом смысле зерном, подсолнечным маслом, нефтью, углем и прочими стратегическими ресурсами, которыми так щедра наша Донская земля – «Божий присуд» по-казачьи. Все лучшее просто разворовывается уже многие десятилетия. Настоящий национальный капитал, на котором Россия должна непомерно богатеть и богатеть и быть, где ей положено – впереди планеты всей с таким богатствами. Все оседает за рубежом на банковских счетах кучки воругов. Где же такое видано?! Земля, которую с таким напряжением всех сил удерживали наши предки – Донские казаки, больше нам не принадлежит. Она поругана и разграблена временщиками. Возникает естественный вопрос: доколе?! Нынешнее поколение страдает и даже не догадывается: в Дону – Золотом Донушке водились осетры, белуги, севрюги, стерляди, их было в огромном достатке. Один служивый казак мог прокормить до сотни человек не только хлебом, но и мясом, молоком, маслом, рыбой, овощами и фруктами. Какие там современные «продвинутые» американские или канадские фермеры! Свели под корень настоящих рачительных хозяев Божьего присуда, которые не только возделывали цветущий райский край, но и строили, и защища-

ли всю Матушку Россию.

Современные «хозяева» жируют за рубежом за наш с вами счет. В конце пятидесятих прошлого века старики рассказывали, как в 1954 году в Обуховском храме Преображения Господня станицы Елизаветинской служили панихиду по кончине Батюшки Дона, который был перекрыт ГЭС, что перекрыло ход рыбы на нерест на 1500 км вверх. Не стал Дон весною разливаться в пойме, обеспечивая нерест рыбе всего Азовского бассейна: резко сократилась ее добыча и видовое разнообразие. Но и этого мало. С 1960-х гг. ведутся буровые разведывательные работы в районах Новохоперска, станицы Еланской, на Елкинском медно-никелевом и кобальтовом месторождениях под Воронежем – в самом сердце Российского Черноземья.

Господь дал людям все для жизни в Раю. Казаки Божье творенье зовут «Божьим Присудом». Жизнь – Божий Дар. Пользуйтесь справедливо и бережно, сберегая и преумножая для потомков, как завещали предки, заплатившие дорогую цену за право пользоваться Присудом. Легко поддаваться искушению заработать, злоупотребляя бесценным даром. Ворье всегда жаждет украсть и продать Родину подчистую. Неважно что – рыбу, хлеб, подсолнечное масло, уголь и нефть, или медь, никель с кобальтом – а там «хоть трава не расти».

Казаки всегда жили «с воды да травы». Стране необходимо для нужд собственной промышленности только 3% от планируемой добычи никеля, остальные 97% - искушение продать за рубеж нашим врагам на производства в том числе оружия, направленного из зависти против нас. Расхитители жили и будут жить во все времена «одним днем». Неважно, на чем обогащаться – лишь бы «срубить поскорому». Так было всегда. Загубить безвозвратно лучшее в мире черноземье – им наплевать. Их дети здесь не живут, и внуки никогда жить не будут. Нам, не желающим по моральным причинам грабить ближних и лишать грядущие поколения «Божьего Присуда», останется безжизненная гниющая пустыня, засоленная и зараженная тяжелыми металлами. Продажные чиновники жаждут погреть руки на народной беде – грабеже и убийстве Родины.

Ничего удивительного – так было во все времена: «спрос рождает предложение, рынок

все управит». Только сплоченность народа и воля государей не позволяли вору всех мастей и чиновникам творить беспредел на нашей земле. Теперь голос общества не слышен правительству. Государя нет: народ сам его предал и отрекся от Помазанника Божия. Грех царевийства на всем нашем народе.

Моя бабушка Анна Панкратьевна приговаривала: «Вырастешь – будут у тебя дети,

внуки и правнуки, если доживешь. Страдать будете, не догадываясь за что – за грехи наши. Мы-то знаем, за что пострадали – отступили от Бога. Господь покарал безумием: брат на брата, сын на отца. Только всеобщее воцерковление и соборное покаяние избавит вас от нашего греха. Бог простит и пошлет власть, которая нас услышит. Он все управит».

Дети ериков

В конце 80-х годов все образованное общество жило в поглощении от корки до корки толстых литературных журналов, таких как «Новый мир», «Иностранная литература», «Нева», выходивших многомиллионными тиражами. Каждый экземпляр передавался из рук в руки много раз и зачитывался буквально до дыр. Общение «совков» сводилось к обсуждению прочитанного, а не к политике или хлебу насущному. Наше поколение не помнило продовольственных карточек и содержания полок в магазинах. Мы были одеты и сыты – но голодны, жадны до информации, с упоением учились. В советское время второе – и последующие – высшее образование было бесплатным – только учись! Учились не ради будущей карьеры и денег, а просто жили в этом прекрасном и удивительном мире, стремились познать его и самих себя, определить свое отношение к этому непостижимому миру...

Лев Николаевич Гумилев был не просто запрещенным «диссидентом», он был легендой – кумиром современников. Чем больше его критиковали официальные мэтры от науки, тем больший интерес в обществе Гумилев возбуждал среди поклонников – фанатов и оппонентов. Лев Николаевич преподавал в Ленинградском Государственном университете, читал лекции по народоведению, которые посещали не только студенты. Аудитории не вмещали всех желающих увидеть и услышать живую легенду. Сейчас, после смерти ученого, приходится слышать от людей, посещавших его лекции, что они считают себя его учениками. Их можно понять: личность и творчество Льва Николаевича оказали сильное влияние на мировоззрение многих, в том числе и автора этой статьи.

На презентации книги «Древняя Русь и Великая степь» в 1989 г. в Большом конференц-зале ЛГУ яблоку негде было упасть. Мне посчастливилось за час до начала сесть посередине третьего ряда: два первых предна-

значались только для ректората профессуры. Много цветов и восторженных лиц. Полный триумф! По окончании – вопросы. Их было много. Настал и мой черед. Я спросил:

- Почему «степь» - женского рода? У нас, донских казаков, «степ» - мужского.

- Вы откуда? – спросил Лев Николаевич.

- Из Древней Таны – станицы Елизаветинской, - ответил я.

Меня было плохо слышно огромному залу, в который набилось около тысячи человек. Я стоял в трех метрах от Гумилева. Он сказал: «Останьтесь, пожалуйста». С этого момента «глаза в глаза» возникла связь, продолжавшаяся до самой его кончины. Ждать пришлось долго – больше часа. Толпа поклонников осаждала его в галерее второго этажа Университета. Я терпеливо ждал, улавливая его извиняющийся взгляд через головы и плечи людей, донимавших его вопросами и автографами. Наконец он пригласил меня к общению жестом. Сердце мое ликовало, но в последний момент «ушло в пятки». Я не успел раскрыть рта, как он сам спросил, как меня зовут, и совершенно по-казачьи лукаво добавил: «...и чьих ты будешь?». В ту пору в Ленинграде такой вопрос мог задать только очень близкий человек-земляк. Откуда этот рафинированный интеллигент-зек мог знать сокровенное, родное и глубокое – даже в нюансах интонации?

- Поляков - старого казачьего рода. А по матери – старого старшинского донского дворянского рода Волошиновых. Воспитывала меня прабабушка Харенчиха, в девичестве Ландырева, - выпалил я по-военному.

Мгновенно в глазах Льва Николаевича вспыхнули искорки лукавого любопытства. Нас окружало не менее двух десятков любопытствующих.

- Пожалуйста, подробнее о Харенчихе. Это ее фамилия или кличка, как у всех казаков и казачек?

- Харенчихой ее кличут в станице. Ее

муж, мой прадед, - Харенков, но это на русский манер. До революции его фамилия была - Харенок.

Тут Гумилев совсем пришел в возбуждение. Он взял меня за плечо и с нескрываемым восторгом сказал, привлекая внимание всех любопытствующих:

- А ты знаешь, что означает эта фамилия? - и тут же: - Спорим, что не знаешь?

- Знаю! - ответил я.

- Не может быть! - и вдруг, как будто я был его старым знакомым: - Спорим на «Столичную» - ты не можешь знать значение этого прозвища!

Я жутко смутился: великий, гениальный Лев Николаевич Гумилев сам шел на близкое знакомство... да кто я такой?

Еле переведя дыхание, я ответил ему пожатием протянутой им руки.

- Ну, так кто такой Харенок? Отвечай.

- Секретарь райкома партии, только у тех, кого древние греки звали гордым именем Скифы.

Лев Николаевич шарахнулся от меня, широко раскрыв глаза и рот:

- Точнее, пожалуйста!

- Что-то вроде Дельфийского Оракула у греков, Вещего Олега у славян.

- И вы это знали? Не может быть! От кого ты слышал о том, что значит «Харенок»?

- От самой Харенчихи... Да она такое знала и вытворяла! - спокойно ответил я, оглядывая вытянувшиеся лица слушавших.

- Записывай мой телефон. Звони и приходи ко мне домой на Коломенскую. Не затягивай. Мне интересно, о чем могла поведать тебе Харенчиха.

* * *

В первом классе на мой вопрос «Кто мы и откуда, бабаня?» она, ее двоюродная сестра и еще одна сродница в три голоса ответили:

- Запомни, повторяй своим детям и правнукам: это наша земля от Сотворения Мира. «Мы здесь жили всегда»!

- Как всегда? - возражал я. - Вы мне Библию читали, там про казаков ни слова.

- В Библии ни слова, но мы-то знаем, - хором твердили бабули. - Неважно, на каком языке «тоды буровили». Чья власть - на том и гутарили, как удобно было, народ как жил в «Божьем Присуде» у Батюшки Дона да при море - так и живет досе «с воды да травы». Так бывалыча всегда - запомни! - твердо, уверенно настаивала родня.

Прошло много лет. Давно нет истинных

патриоток родной земли - замечательных мудрых казачек прабабушек. У меня выросли два сына-казака, шестеро внуков. Чем бы я ни занимался - все про казаков получается - «отягощенная» казачья наследственность.

* * *

Предварительно созвонившись, я купил «Столичную», фрукты и торт и с трепетом явился в квартиру на Коломенской. Лев Николаевич радушно, с шутками встретил меня, а увидев гостинец, произнес свое сакраментальное: «Водка - понятие психологическое». Меня неожиданно поразило в его жилище отсутствие библиотеки, как мне казалось, обязательной у такого крупного, всемирно известного ученого-энциклопедиста. В его работах присутствует очень серьезный научный аппарат, множество ссылок на источники. На большом письменном столе, который стоял не к окну, а от него, - ни одного лишнего предмета, только стакан с отточенными карандашами и шариковыми ручками, пепельница, настольная лампа, графин с водой и две стопки бумаги: одна - чистых листов, другая - исписанных. На стенах и под стеклом в шкафах не было ни одной фотографии его легендарно-знаменитой матери, лишь один небольшой портрет отца, Николая Степановича. На мой удивленный вопрос об отсутствии библиотеки он ответил:

- Зачем держать в доме. Все должно быть в голове. Если прочел - то на всю оставшуюся жизнь, со всеми выходными, авторами и страницами. Я еще в лагерях привык все писать по памяти. Записываю уже сформулированное.

Я вспомнил родного дедушку по матери, Павла Ивановича. Он говорил, что самая краткая форма изложения материала - статья в учебнике. С первых классов гимназии приучались учить все наизусть, до каждой запятой, страницы, автора статьи и выходных данных учебника. Недаром бытует мнение, что мы полетели в космос еще на гимназическом образовании.

На вопрос об отсутствии фото Анны Андреевны Гумилев отозвался о ней весьма нелестно. Потом Лев Николаевич заинтересованно расспрашивал меня в подробностях о казачьей жизни, прошлой и настоящей. Я был до слез тронут его глубоким пониманием феномена казачества. Его интересовали этнические, корневые, сущностные основы казачьего менталитета, казачьего былинного, неписаного обычая и фольклора, казачьи заветы и незафиксированные сказания, которые удалось

услышать из уст прадедов и прабабушек, их видение и понимание известных исторических фактов. Его интересовало знание нижнедонскими казаками тюркских языков.

Время встречи пролетело почти мгновенно. Незаметно – я почти не пил – опустела бутылка «Столичной» вместе со второй пачкой «Беломора». Лев Николаевич совершенно не закусывал, был трезвым, от него даже не пахло. Изредка, похаживая, он приседал на корточках, покуривая, прислонялся спиной к стене у дверного косяка, несмотря на свою солидность и почтенный возраст, и говорил, что присесть очень полезно для разминки суставов:

- Весьма советую. Хорошая «университетская» привычка.

Первый раз я пробыл у него более шести часов. Наталья Викторовна не раз грозным взглядом пыталась меня выпроводить, но Лев Николаевич мягко ее упрасивал потерпеть гостя.

Через несколько встреч Лев Николаевич серьезно заболел. Его разбил тяжелый паралич. Когда ему немного полегчало, я посетил его только с красной икрой, сыром и фруктами с разрешения Натальи Викторовны. При мне его навестил Дмитрий Сергеевич Лихачев, и я стал неловким свидетелем встречи двух великих ученых с одинаковой – и такой разной судьбой.

Лев Николаевичи и до инсульта не выговаривал половину алфавита, а после понять можно было только половину от половины. До болезни у него возникло желание написать большую статью, даже книгу о казачестве, но, увы, – болезнь...

Ко мне проездом заехал мой двоюродный дядя. Казак станицы Елизаветинской ВДВ Павел Воронцов. Он был старше меня лишь на несколько месяцев, и мы учились в школе в одном классе. Во время его приезда, мы не спали всю ночь, вспоминая счастливое станичное детство. В половине седьмого утра зазвонил телефон... О чудо – извиняющийся за ранний звонок голос Льва Николаевича! Ему ночью не спалось, и он едва дождался утра. Говорит:

- На ваш вопрос, кто такие казаки и откуда, я долго думал, как ответить, и пришел к выводу: казаки – дети ериков (*протоков, вытекающих из реки и впадающих снова в нее же – прим. автора*).

- И ерчиков, - добавляю я, - из ерика в ерик.

- Все казаки зовутся только по названи-

ям великих Евразийских рек: Днепра, Дона, Кубани, Терека, Урала-Яика, Днепра, Дуная, Амура и даже Ефрата. Есть Семиреки, Енисейцы, Волжские казаки, Аграханцы и Аргунские. Казаки – суть номады шестого типа. Они жили и расселялись по берегам, поймам рек и больших озер Меоты, Азовского моря, Байкала, Каспия и Черного морей. Принято считать казаков конниками – неверно. Конники – третий номадический тип цивилизации, для казаков он вторичен. Стихия конников-кочевников – водораздел. Главным естественным препятствием для них являются реки, озера, болота, леса, горы. Стихия казаков не степь (Степ), а поймы великих рек. Казаки живут на реках постоянно, передвигаются, как истинные номады, впитывая в свою культурную среду огромное количество народов и культур. В казачьем языке преобладает русский, он составляет конструктивную морфологическую основу. Больше половины слов имеют тюркские и другие корни. Казаков смело можно назвать русскими, в первую очередь по языку и православной вере, которой они одухотворили безбрежное евразийское пространство.

Я не мог перевести дыхание и перебить Льва Николаевича. Мне, «старому казак-камышнику», глубоко импонировал взгляд великого ученого на казаков как евразийскую древнюю поречно-займищную цивилизацию.

- Лев Николаевич, так вы полагаете, что казачество – цивилизация?

- Да, именно так! В основе феномена лежат древние цивилизационные основы. Никто, кроме казаков, так широко не распространил своего влияния. От Дуная до Аляски, от Ямала до Индийского океана. Казаки не просто народ – номад, тип цивилизации со всеми признаками. Кочевники по артериям Евразии – рекам, со своей технологией военного быта.

Лев Николаевич говорил в трубку больше часа, аргументируя цивилизационное начало казачества. Он жалел о том, что раньше не уделил внимания феномену казачества.

- Время так неумолимо. Многого не успеваю закончить, тем более, начать.

Он обещал обязательно написать, как только полегчает. Я до сих пор не могу отойти от сказанных тогда Львом Николаевичем слов. Через три месяца его не стало. Очень жалею – не записал. Не был готов к такому гениальному и неожиданному для меня ответу великого ученого на поставленный вопрос. Лично для меня на всю жизнь осталось Гумилевской аксиомой: «Казаки – дети Ериков» и, наверное, последние едва разборчивые автографы.

Елена МОНАХОВА

Рильке и улетевший Монахов

(Из парадоксов времени)

*Монахов Н.Н. преподаватель
военно-морского училища 1950-е*

Бывают странные сближенья. И одно в моем сознании связано с моим отцом – поэтом, филологом, преподавателем литературы, сотрудником Пушкинского Дома Николаем Николаевичем Монаховым.

Его образ встаёт для меня за строками переводов стихотворений немецкого поэта-философа Райнера Марии Рильке. Отец ушел из жизни 18 сентября 1972-го г. Ему было тогда – без полумесяца – 53 года.

А выглядел он и вовсе молодым человеком – от силы лет на 35. И жизнь его, и посмертная судьба, такие, на первый взгляд, простые, не осложнённые выдающимися событиями, для меня полны таинственного смысла. За несколько недель до его кончины один знакомый – врач и психоаналитик – сказал о нём: «Это умирающий динозавр». За такими словами стоит удивление и признание того, что Николай Монахов был уникальной личностью. Правда, сказаны они были с оттенком снисходительного презрения. Я же воспринимаю

их как высочайшую оценку. Мой отец был человеком редкого типа (почти вымирающего), романтиком – в подлинном, высочайшем значении этого слова.

Он называл себя, подобно герою одноименного романа Джека Лондона – «межзвёздным скитальцем» и повторял всегда – я помню с раннего детства – «Когда я умру, мир обеднеет». Это говорил скромнейший, можно даже сказать, смиреннейший человек, постоянно погруженный в чтение книг и свои размышления. А дома у нас всегда была прекрасная библиотека.

Через несколько лет после кончины отца меня поразило созвучие его судьбы, позволю себе так выразиться, с названиями (только названиями!) двух книг Андрея Битова: «Улетающий Монахов» и «Пушкинский Дом». Суть в том, что Николай Николаевич последние десять лет жизни являлся сотрудником редакционно-издательского отдела Пушкинского Дома!

Однажды на улице, увидев афишу спектакля «Три фотографии из жизни Монахова» (по Битову), я остановилась в изумлении: отец увлекался фотографией, достиг в этом деле большого мастерства. После него осталось много прекрасных, по сути своей философских, снимков, которые составляют, наряду со статьями, переводами и стихами, органическую часть его наследия.

Постепенно в моём сознании «Улетающий Монахов» из романа Битова стал неотделим от улетевшего из нашего мира Монахова – моего отца.

Биография его представляется мне верхушкой айсберга по отношению к загадке его личности, к тайнам его души. Этих тайн он в повседневном общении никогда и никому не открывал. Но они присутствуют во всем его творчестве – и особенно – в переводах стихотворений любимейшего поэта Райнера Марии Рильке.

Отец родился 4 октября 1919 г. в дворцовом пригороде Петербурга (Петрограда)

– Ораниенбауме (позднее – Ломоносове) в большой семье портового рабочего. Он был крещён, по всей вероятности, в церкви Святого Спиридона Тримифунтского на Еленинской улице. Но далее, всю сознательную жизнь, не исповедовал никакой религии, являясь веротступником, как и всё его поколение – ровесники революции и гражданской войны.

Родители: Николай Степанович и Татьяна Васильевна (рожденная Маркова) не оказали значительного духовного влияния на своего среднего сына. У них воспитывалось ещё трое сыновей и дочь. Судьба этой семьи оказалась очень тяжелой во время войны. Отец и младший сын Владимир погибли в ленинградскую блокаду, а старшие сыновья (лётчик Константин и мобилизованный в мотострелковую часть Виктор) - раньше их, в 1941-м г., нашли свою смерть на полях сражений. Где это произошло – в семье так и не узнали. Мать в разное время получала «похоронки», при этом выжила сама на территории Ораниенбауманского пятачка и спасла единственную младшую дочь Людмилу.

Николай Монахов к моменту начала войны окончивший Ленинградский университет – он успел сдать экзамены и получить диплом перед мобилизацией – из-за слабого своего, с юности испорченного жадным чтением зрения, не мог участвовать в боевых действиях и был определен писарем в Кронштадт. В библиотеке, а потом в штабе морской части, он про-

вел всю войну и уцелел. Сотрудничал в газете «Красный Балтийский флот», где напечатал свои первые – патриотические, пронизанные ненавистью к врагу, - стихи. Здесь же, в Кронштадте, он познакомился со своей будущей женой, моей матерью, студенткой Академии Художеств, служившей в морской разведке на радиоперехвате (она прекрасно знала языки), Галиной Алексеевной Глаголевой. Знакомство их состоялось как в романе - и стало высоким романом! Она пришла в библиотеку за книгой Бедье «Тристан и Изольда». С этого момента они не расставались никогда. Не могу не сказать здесь, что мама являлась очень дальней, но родственницей Марины Цветаевой.

Для их поколения литература играла роль второй (и более подлинной, нежели реальная) жизни. Писатели девятнадцатого века, античные авторы, средневековые миннезингеры, китайские мудрецы – вот обычные собеседники духа. А не партийные и комсомольские секретари, соседи по коммунальной квартире, сослуживцы и даже не домашние.

Слава Богу, путь в литературу для отца был открыт рано. В ораниенбаумской школе огромное влияние оказали учителя – из старых гимназических ещё преподавателей. Они знали много больше многих советских профессоров. И оказали влияние на отца. А потом - германское отделение филфака ЛГУ, сменённое, правда, после первого курса на русское. Очень хотелось заниматься Достоевским у

Монахов Н.Н. (внизу справа) в группе сокурсников по филфаку. 1941 г.

Вверху слева – Валентин Петрович Королевич, во время ВОВ разведчик на территории Германии.

Слева от Монахова – Ирина Николаевна Присецакая, внучка министра Временного правительства Павла Николаевича Милюкова, жена В.П.Королевича.

замечательного знатока С. Долинина. Определилась тема – творчество мало изученного, несколько заслоненного революционными демократами, литературного и художественного критика середины XIX в. П.Н. Кудрявцева.

В первые послевоенные годы отец окончил аспирантуру, но защита его диссертации по Кудрявцеву (как и защита диссертации Г.А. Глаголевой по римскому портрету эпохи маньеризма) была приостановлена, а потом и вовсе отменена. Мои родители написали тогда в защиту арестованного профессора Академии Художеств, любимого их преподавателя Н.Н. Пунина, мужа А.А. Ахматовой – письмо и отправили его «на высочайшее имя»: И.В. Сталину в Кремль. Единственным следствием такой защиты для обоих стали их две незащищенные диссертации.

Потом интересы отца менялись – Серебряный век, Маяковский и футуристы, Андрей Белый, философия символизма.

Некоторые статьи при жизни отца были напечатаны в журнале «Русская литература». Но поначалу научной работой приходилось заниматься мало – надо было зарабатывать на жизнь. Долгие годы Н.Н. Монахов преподавал в высших морских военно-политических учебных заведениях (ВМПУ им. А.А. Жданова, ВВМУ им. М.В. Фрунзе). Потом (при Хрущеве) их стали закрывать. Несколько лет случайных заработков. И наконец – Пушкинский Дом.

В последнее десятилетие жизни и стали появляться переводы из Р.М. Рильке. Они получили высокий отзыв академиков В. Жирмунского и М. Алексеева. Но только после смерти переводчика в 1977 г. три были опубликованы в сборнике Рильке из серии «Литературные памятники». А семнадцать осталось в архиве. Они ждали своего часа.

Умирая, отец написал последние свои поэтические строки

Душе, тоскующей немотно,
Обид судьбы не превозмочь.
По капле, тихо и дремотно,
Стекает жизнь в немую ночь.

Могилу его на старом кладбище в Мартышкино, в одном из роскошных приморских великокняжеских парков, рядом с шоссе, по

которому столько раз за рулем своей любимой машины мчался к Ораниенбауму «межзвёздный скиталец», разорили и ограбили.

Там было прекрасное надгробие известного скульптора и графика Энгеля Насибулина (автора памятника «Невский пяточок», стенной росписи на Ланской, миниатюрной пушкинианы). На массивной бронзовой плите - рельефы в виде креста на темы жизни и смерти человека: «Рождение», «Юность», «Война», «Любовь и семья», «Пиета».

Под разросшейся рябиной остался ободранный бетон, да крест на могиле матери. В 2014-м г. упала и рябина, корни которой подмыл ручей, бегущий мимо кладбища к морю.

В Ораниенбауме больше Монаховых нет.

Странное сближение, на мой взгляд, состояло в том, что отец, воспитанный на классической европейской литературе (прежде всего, немецкой), возненавидел фашистскую Германию, отнявшую его близких, но позднее всё же смог вернуться к её великой культуре в виде переводов близкого ему по духу романтика Райнера Марии Рильке.

Хочу сопоставить здесь эти переводы с собственными стихотворениями Николая Монахова из цикла «Миражи» конца 1960-х гг.

*Монахов Н.Н.
Фото с аспирантского
удостоверения. 1948 г.*

Портрет Р.М.Рильке с его автографом

Райнер Мария Рильке

О, если б раз один так тихо-тихо стало.
О, если бы сомненье замолчало,
И случай сник, и смех, несущийся звеня.
О, если б шум – моего ума возня –
В часы моления оставил бы меня –

Тогда тысячекратной мыслью мог бы я
Тебя в твоей последней сущности измерить
И обладать тобой. О, Боже, призови! –
Чтобы тебе всю жизнь бездумно вверить,
Как знак любви.

* * *

Люблю души моей часы вечеровые,
Когда в себя мой разум углублен.
Как в старых письмах, что читает он,
Дни нахожу давно пережитые.
Простор легенды в них, стремления былые.
Тогда прозрение нисходит на меня:
Во мне вторая жизнь – конца она не знает.

И дереву порой во всем подобен я –
Над камнем гробовым оно листву вздымает
И ту мечту прошедшую впивает,
Что юноша (его корнями он пронизан)
Утратил в песнях и печалях жизни.

* * *

Час отошел. Рокотаньем металла
Удар долетел до меня:
Теперь я могу – душа задрожала –
Постигнуть гармонию дня.

Всё лишь в стремленьи – мрак не нарушен,
Мир ожиданием полн,
Взоры созрели – мир плещется в душу
Рокотом ласковых волн.

Вечность иль миг – всё душой взнесено
В озаренном сверканьи небес.
И неведомо мне, для кого всё темно,
Без души и чудес.

* * *

Что будет, Бог, - я вдруг исчезну?
Я твой кувшин - а если тресну?
Твоё питьё - покроюсь плесенью?
Твоя одежда, труд твой честный:
Умру – покинет смысл тебя.

Лишишься дома: дом твой – я.
Тебя там радостно встречали
И с ног твоих, что так устали,
Спадут сандалии – плоть моя.

Твой звёздный плащ с тебя спадет.
Твой взор, что я своей щекою
Встречаю негой пуховою,
Придёт искать тебя с тоскою,
Пока вечернею зарёю
На камнях чуждых не замрёт.

Что будет, Бог? Томлюсь душою.

* * *

Ты, ночи мгла, когда-то порождён тобою,
Я не сравню тебя с стихией огневою:
Круг её в мире сжат.
Блики её дрожат
В границах, хранящих свет –
За их рубежом исчезает огненной жизни след.

Но темнота всё включает в себя:
Форму и пламя, зверей и меня.
Всё в ней одной,
Люди и мощь –
И может так быть: рядом со мной
Силы великой вскипает прибой.

Я верую в ночь.

* * *

Любовь как явиться к тебе могла?
Как солнце пролилась, в цветах расцвела,
Пришла как молитва? – Послушай:

Счастье, сверкая, с неба сошло
И, крылья сложив, величаво вошло
В мою цветущую душу...

* * *

Путь одиночества с дождём одной
судьбой отмечен:
От моря движется оно вечерней
мгле навстречу.
С равнин, простор которых бесконечен,
Восходит к небу, - что всегда его хранит, -
И с неба лишь на город моросит.

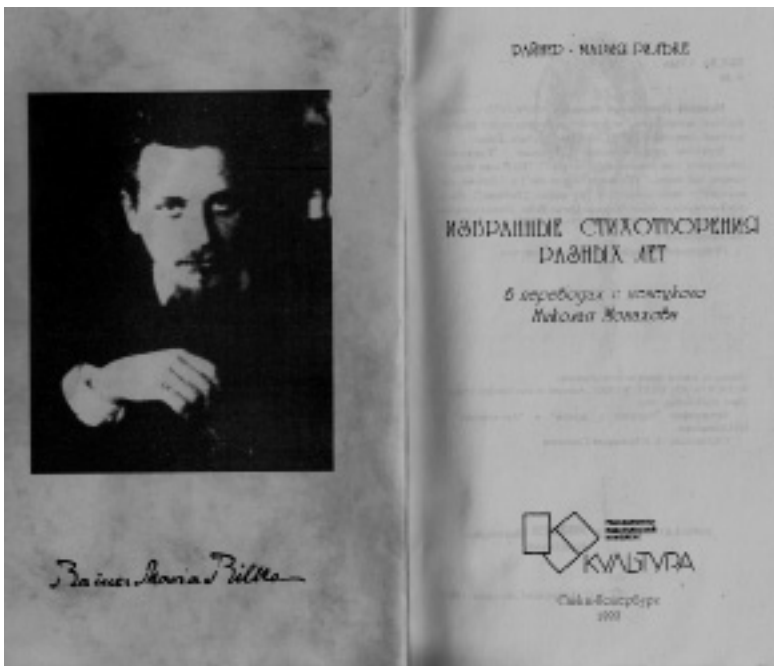
Сочится дождь сквозь полумрак бесплотный,
Когда к утру повернут улиц строй,
И тел союз, случайный и бесплодный,
Недоумением разорван и тоской.
И людям, что полны друг к другу злобы злой,
В одной постели суждено томиться:

Дождю и одиночеству потоком вечно литься...

* * *

Столетье сдвинулось. Мне слышен шум
глухой.
С страницы исполинской рвётся ветер взлёта.
Она божественной, твоей, моей испещрена
рукой,
В бездонной высоте, неведомый – её листает
кто-то.

Уже страницы новой край намечен.
На ней ещё должно всё появиться.
Безмолвно силы расправляют плечи
И сумрачно друг другу смотрят в лица.

Разворот сборника Р.М. Рильке
в переводах Н.Н. Монахова

Николай Монахов
Стихотворения из цикла «Миражи»

Забот обычных гомон
Прибоем в душу бил;
Издерган и изломан
Я сквером проходил.

И вдруг... не знаю даже,
Что случилось со мной:
Была дорога та же,
Но мир вдруг стал иной...

Увидел свет бездонный,
Вот – и река течёт,
Кольшутся деревья
И красный мак цветет!

Пылающее солнце
Летит с размаху в грудь
И лёгкие рвёт ветер,
И бесконечен путь.

* * *

Так было: в первый день творенья
В закон Он первый хаос влил
И нерожденные сомненья
В грядущем мире поселил.

Числа бестрепетная сила
Всё мирозданье обняла,
Орбиты звездам проложила
И в недра атома вошла.

А человек, как зверь в капкане,
Рассудка плетью перебит –
Но утаен в густом тумане
Томлений тайных динамит.

В его душе хранится гений
Неукротимых, ярых лав –
Он разнесет ярмо сцеплений
И сам исчезнет, мир взорвав.

Елена Монахова

Смирительная рубашка

*Памяти моего отца -
поэта и переводчика
Николая Монахова,
называвшего себя
межзвёздным скитальцем.*

Затянутый смирительным кольцом,
Изнемогая от бессилья,
На жёстком ложе, с запрокинутым лицом,
Но – недоступный для насилья

Земного ига над бессмертною душой –
Он улетал в межзвездные пространства.
Там нет преград ни для кого – и он дошёл
До области, свободной от тиранства.

19 марта 2006 года

Алексей ВОРОНОВ

Анна ИГНАТЬЕВА

(Преподаватель кафедры хореографического искусства СПбГУП)

Первая роль – как первая любовь

Будущая народная артистка и профессор Габриэла Трофимовна Комлева поступила на работу в Театр оперы и балета имени С.М. Кирова в 1957 году, сразу после окончания Ленинградского хореографического училища имени А.Я. Вагановой. Это было начало эпохи «шестидесятничества», отмеченной колоссальным подъёмом отечественной культуры и искусства. Повсюду – в театре и кинематографе, в литературе и живописи – вспыхивали целые созвездия новых, молодых и необычайно талантливых творцов, благодаря которым отечественное искусство обогащалось по-настоящему новаторскими произведениями, часто выходившими за привычные рамки так называемого «соцреализма». На высочайшем творческом подъёме находился в те годы весь советский балет, и в особенности – ленинградский.

Многие танцовщики Кировского театра в то время тяготели к балетмейстерскому творчеству, желая выплеснуть своё стремление к новизне и оригинальности мышления в новых постановочных работах. Одним из самых ярких ленинградских хореографов того времени был характерный и гротесковый танцовщик Игорь Бельский – впоследствии народный артист России, на протяжении многих лет возглавлявший балетную труппу Кировского театра. Это был редкостный талант – один из немногих, отличавшихся исключительно разносторонним дарованием, неиссякаемой энергией, горячностью высказываний, неуёмной фантазией. У молодых танцовщиков он вызывал чувство восторга и обожания – они готовы были следовать за ним, претворяя в жизнь любые его начинания.

В 1959 году Игорю Бельскому поручили осуществить первую серьёзную постановку

на сцене Кировского театра – балет «Рыбаки», впоследствии названный «Берег надежды». Изначально предполагалось, что главные партии в спектакле будут исполнять маститые мастера, опытные танцовщики. Но в процессе просмотра, который проходил в репетиционном зале вагановского училища на улице Зодчего Росси, выяснилось, что титулованные мастера не спешат принять участие в новом экспериментальном спектакле. А на роль второго плана – Потерявшей любимого – вообще не нашлось желающих среди зарекомендовавших себя солисток. Пробовали обратиться даже к характерным танцовщицам – но им слишком трудна была партия, поставленная на полупальцах и требовавшая виртуозной техники классического танца. В поисках нужной ему исполнительницы, Бельский стал просматривать юных танцовщиц, недавно принятых в труппу прославленного театра – и остановил свой выбор на Г. Комлевой, в то время выходившей на сцену только в маленьких партиях. В результате, начинающая солистка стала участницей этого сценического эксперимента, несмотря на полное отсутствие опыта работы в русле современной пластики.

Так «его величество случай» определил знаковую встречу на творческом поприще двух талантливых людей. Именно Бельский стал «первооткрывателем» разностороннего дарования Комлевой, в которой прежде видели лишь академическую танцовщицу, владеющую виртуозной техникой. Впоследствии Габриэла Трофимовна говорила: «Бельскому в моей жизни было уготовано особое место: он открыл во мне склонность к современной хореографии. Об этом я сама, честно говоря, не подозревала».

Спектакль «Берег надежды» для того

времени был, безусловно, новаторским. Постановочная группа, объединённая тягой к сценическим метафорам, стремилась уйти от «бытового реализма», который в то время безраздельно властвовал на отечественной сцене (и который был так ненавистен молодому балетмейстеру). Все элементы этой постановки были проникнуты новизной – и либретто, и хореография, и сценическое оформление, и музыка, автором которой был молодой ленинградский композитор Андрей Павлович Петров (впоследствии народный артист СССР, многие годы возглавлявший Ленинградское отделение Союза композиторов). Мысливший очень современно, Андрей Павлович предложил немало оригинальных и необычных решений – прежде всего, в инструментовке. Так, в монологе Потерявшей любимого, роль которой исполняла Г. Комлева, звучало соло саксофона, что вместе с мелодией приносило глубокую эмоциональную окраску, наполняя образ подлинным драматизмом.

Новизной и свежестью идей отличалась также сценография спектакля «Берег надежды», автором которой был известный в то время художник-экспериментатор Валерий Доррер (впоследствии он неоднократно работал вместе с И. Бельским – например, в художественном фильме «Каин XVIII», где Бельский был балетмейстером, а Доррер – художником-постановщиком). Уже на первых сценических прогонах Г.Т. Комлева была поражена художественным оформлением спектакля, о чём впоследствии поделилась в своих воспоминаниях: «Поразило смелое решение сценического пространства. Когда поднимался занавес, дух захватывало от ощущения безграничного простора. Сцена была начисто освобождена от всего, что скрадывало расстояния и привычно делило на ближние и дальние планы. Художник Валерий Доррер бескрайность превратил в одно из главных выразительных средств спектакля. Убрал кулисы, оставив лишь одну первую. Отказался от считавшегося обязательным в тогдашнем жизнеподобном театре «задника». Воздушное пространство не было изображено живописными мазками на полотне – оно физически осязаемо присутствовало

на сцене как метафора свободы, а этому помогала раскрепощённость среды и мастерское владение светом. Словно раздвинулись границы сцены, и воздух победно заполнил открывшееся пространство. Он струился, звал распахнутыми далями, манил изогнутой линией горизонта».

Хореограф И. Бельский был смел и дерзок в своих начинаниях. Жанр постановки складывался в борьбе двух противоположных тенденций, что отчётливее всего проявилось в её либретто. Автором сценария спектакля был Ю.И. Слонимский – плодовитый либреттист, крупный искусствовед и известный критик, работавший в русле традиционных бытовых форм. Но хореограф стремился уйти от излишней «обытовлённости», предпочитая метафорическое решение, насыщенное символами и аллегориями. По этой причине он изменил названия спектакля – на смену «Рыбакам» пришёл поэтический «Берег надежды». Герои балета носили метафорические имена: Рыбак, Его любимая, Девушки, Соблазны. Место действия также не имело никакой конкретики и обозначалось предельно лаконично – «наш берег» и «чужой берег». Столь же лаконичным был и обозначенный в программе сюжет спектакля – всего лишь перечень эпизодов, отражавших его содержание.

Постановочный процесс всецело увлекал юную балерину. Она почитала Бельского за своего кумира и не переставала им восхищаться, ожидая его репетиций с нетерпением, как долгожданных встреч. Он же был весь в творческом поиске новизны и неординарности хореографических решений. Пластика и хореографическая лексика, в которой работал Бельский, выстраивая партитуру Потерявшей любимого, были очень необычны. Семенящая походка с как будто связанными ногами; прижатая к телу согнутая рука с опущенными локтями. Ноги невыворотные, чуть присогнутые, голова опущена, взгляд – в землю.

Это был образ «чужого берега», который создавался в русле традиций изобразительного искусства стран Востока. Готовясь к постановке, Бельский разыскал в Академии художеств работы японских мастеров, запечатлев-

шие море и рыбаков. Помимо чрезвычайной эмоциональности, у этих рисунков была ещё одна особенность - японские живописцы поразительно тонко ощущали пластику тела и движения. Эти работы не только послужили для балетмейстера источником вдохновения, но и во многом подсказали хореографические идеи, воплотившиеся затем в спектакле. Они пробуждали фантазию и направляли создательниц постановки в нужное русло.

Зрителей завораживал силуэт одинокой девушки, сидящей в глубине сцены, на берегу моря. Много долгих дней она сидит, всматриваясь в морские дали, ожидая возвращения любимого рыбака, ушедшего в море. В этой неподвижной фигуре было столько скорби и драматизма! «Она вся – ожидание, верная память, неумирающая надежда», - так определила сверхзадачу своей роли сама Габриэла Комлева.

Роль получала своё развитие – героиня Комлевой то целиком погружалась в свои мучительные мысли, то настораживалась, прислушиваясь к доносящимся издали голосам, то нервно металась по сцене, заприметив что-то в морской дали. Динамика движений возрастала, руки резко металась из стороны в сторону, большие прыжки передавали тревогу и боль, внутренние эмоции вырывались наружу и раскрывались через пластику.

Когда рыбаки вытаскивали из моря выброшенного прибоем, обессиленного человека, Потерявшая любимого металась вокруг них, пытаясь разглядеть в незнакомце черты любимого. «В её затуманенном сознании и этот, чужой, вызывал образ любимого и желание найденного спасти, защитить, оберечь», - так объясняла балерина свою трактовку роли. Небольшой танцевальный кусок, условно названный на репетициях «ноктюрном», рисует картину, где Потерявшая любимого осталась одна возле чужестранца. «Пластика тонких рук подчёркнуто графична, тело никнет в резких изломах и распрямляется, вытянутое на ноге, с другой – поджатой, как у подбитой птицы. Лицо танцовщицы скорбно замкнуто. Так бывает замкнуто лицо скри-

пача, который вслушивается в исполняемую им музыку. Права выразительности поручены танцу, и танец доносит мысль даже до тех точек огромного зала, где неразличимы глаза и рот исполнительницы. Далёкий от примет конкретной образности, построенной на сложных ассоциациях, такой танец постепенно раздвигает границы темы. Душу одинокой женщины разбередило появление Рыбака, она заново переживает гибель любимого», - так писала в своих очерках о талантливой балерине искусствовед Вера Красовская. В конце акта Потерявшая любимого существовала в образе женщины-птицы. Руки взлетали наверх, словно крылья, набирающие силы для полёта - но тело отказывалось повиноваться, руки не стали крыльями, танец сообщал состояние пронзительной боли...

Спектакль «Берег надежды» стал настоящим событием в театральной жизни Ленинграда; ему было посвящено немало статей и рецензий. И одним из главных открытий этой постановки стала юная Г. Комлева, в полной мере проявившая свой талант и мастерство. Критики писали, что ей удалось заслонить опытных мастеров, исполнявших ведущие партии; в памяти оставалась лишь её героиня. «Начинающая танцовщица превратила партию второго плана в драматичный эпицентр событий: и статика барельефа, и динамика пластики воплощали вечный порыв человеческой души ввысь, передавали отчаянность такого взлёта», - писал восторженный поклонник творчества балерины Давид Золотницкий.

Впоследствии Габриэла Комлева ещё тридцать лет работала в Кировском (Мариинском) театре – и за это время создала множество незабываемых сценических образов, в каждый из которых щедро вкладывала часть своей души. Однако, спустя десятилетия, отвечая на вопрос о том, какая же партия ей наиболее памятна, Габриэла Трофимовна сказала, что из огромного списка её ролей, именно героиня спектакля «Берег надежды» – самая дорогая и самая любимая.

Гостинная

«Золотого Слова»

Виталий МИХАЛЬСКИЙ

Капитан 1 ранга в/о, доктор технических наук, доцент

Повесть о нашем командире

*Памяти командира подводной лодки С-171,
кавалера ордена Славы трёх степеней
Анатолия Дмитриевича Мосичева*

1. Hände hoch!

На торжественном собрании экипажа подводной лодки С-171 в честь двухлетнего юбилея её постройки наш Командир капитан 3 ранга Анатолий Дмитриевич Мосичев впервые за два года почти непрерывного плавания или нахождения «в боевой готовности» предстал в парадной форме. И мы, молодые офицеры корабля, с изумлением и восторгом увидели на его груди несколько высоких правительственных наград и среди них три ордена Славы.

Шёл 1957 год, память о Великой Отечественной войне жила в нас и во многом определяла наше поведение. Кроме того, против Советского Союза велась холодная война, и мы, неся службу в дозорах и «готовностях» с боевыми торпедами в аппаратах, были её непосредственными активными участниками. Поэтому солдатские ордена Командира вызвали в нас неподдельный интерес.

Через несколько дней, отработав в море свою дневную задачу, подводная лодка стала вечером на якорь. Якорная стоянка давала возможность экипажу лучше отдохнуть, так как состав якорной вахты меньше, чем ходовой, а офицерам – пообщаться в кают-компани. И в первый же вечер после чая Командиру с лейтенантской непосредственностью был задан вопрос:

– Товарищ Командир, Вы награждены почётнейшими солдатскими орденами, значит, воевали рядовым или старшиной. А какой путь привёл Вас в моряки? Расскажите, пожалуйста.

Анатолий Дмитриевич улыбнулся своим воспоминаниям:

– Что же, это необычная и довольно весёлая история, поскольку всё закончилось пре-

красно.

И начал свою повесть. Анатолий Дмитриевич был очень культурным человеком. Он, к примеру, никогда не употреблял нецензурных слов, и нам не позволял. Осуждающего взгляда его добрых голубых глаз было достаточно, чтобы понять, – ты делаешь что-то не то или не так, как надо. Рассказывал наш Командир интересно, и я постараюсь передать его слова как можно «ближе к тексту».

В начале лета 1944 года наступление нашей армии остановилось у восточного склона Карпатских гор. Немцы в течение года строили и создали здесь прочную линию обороны, прорвать которую с ходу не удалось. Я был старшиной и помощником командира первого взвода разведывательной роты дивизии. Первый взвод в нашей роте состоял из отборных ребят и выполнял самые трудные задания. Второй взвод в основном готовил бойцов и занимался хозяйством. Командир нашего взвода ушёл на повышение, командир роты был ранен и лежал в медсанбате, так что я оказался как бы самым авторитетным в роте разведчиком.

Мы уже две недели с утра до ночи, а иногда и после захода Солнца, вели наблюдение за передним краем обороны противника с нескольких наблюдательных пунктов дивизии. Выявляли, определяли и наносили на карту огневые точки, траншеи, ходы сообщения немцев, искали путь, по которому можно пробраться к ним в тыл. В общем, выполняли основную рутинную работу разведчиков.

И вот однажды утром нашу роту посетил Батя – генерал-майор, командир дивизии. Отличный был человек, спокойный, умный, бережливый, особенно по отношению к бойцам,

никогда без хорошей подготовки атаку не начинал и своих полковников учил тому же. Не зря в дивизии его звали Батей.

Он приказал собрать самых опытных разведчиков. Когда все расселись в землянке командира роты, Батя обратился к нам, глядя всем по очереди в глаза:

– Вчера командующий армией собирал командиров дивизий и крепко ругал за то, что за две недели целой армией не взяли ни одного языка и не знаем ничего о немцах. Мы ему доложили, что в обороне врага ни одной щелки нет, через которую можно проташить живого фрица, да и разведчику проползти тоже. Однако, он приказал сведения о противостоящих немецких частях ему доставить, вплоть до разведки боем, да так, чтобы хотя бы раненых захватить.

Посмотрел Батя мне в глаза, и говорит:

– Анатолий, ты же понимаешь, сколько людей в разведке боем положим. Неужели действительно не нашли прохода?

Я отвечаю:

– Есть одно место, товарищ генерал, можно попробовать завтра ночью, но риск большой.

Батя отвечает, глядя на всех:

– Ребята, я знаю, что ордена у вас уже есть, и наградой вас не соблазнишь на такое опасное дело идти. Обещаю, что и к орденам представлю, и отпуск дам на месяц, если достанете языка, лучше офицера. Ну, Анатолий, Николай, Иван, соглашайтесь.

Здесь Анатолий Дмитриевич поясняет:

– Генерал, конечно, мог просто приказать нам идти в тыл к немцам, но тогда и мы на нейтральной полосе могли проявить себя, поднялась бы стрельба, а мы, отсидевшись в воронке, вернулись бы ни с чем. Не знаю, как другие, но наш Батя всё понимал и такие вопросы решал добром. Уверен, и остальные командиры тоже.

И мы втроём согласились ради невиданного блага – отпуска на месяц из самого пекла боёв, отправиться в поиск. Я только спросил Батю:

– Товарищ генерал, я могу сказать захваченному немцу от вашего имени, что он не станет простым пленным, а будет назначен инструктором в нашу разведшколу?

– Если это будет офицер, то да, можешь

обещать.

Кстати, продолжал наш Командир, перед войной во всех школах активно работали кружки иностранных языков, и я сносно говорил на немецком, поэтому и попал в разведку.

Ну так вот, продолжал он рассказ, была у нас на примете одна лощинка, такой глубокий овраг с вертикальным правым берегом, и там не должно было быть мин. Через эту лощинку следующей ночью после тщательной подготовки, включая артиллерийскую, мы втроём прошли к немцам в ближний тыл и взяли офицера – капитана из штаба дивизии, который что-то проверял на передовой, да и остался ночевать. Как мы прошли туда, как взяли капитана, как вышли оттуда, ребята с пленным сразу, а я, их прикрывая, чуть погодя – это другой разговор. Вы же спросили меня, каким образом я моряком стал, верно?

В тот же день в роту пришёл Батя. Собрал нас и говорит:

– Спасибо, друзья мои, выручили меня. Ты, Анатолий, представлен к третьему ордену Славы, а вы, Коля и Иван, ко второму. Но, ребята мои дорогие, в отпуск я вас отпустить не могу, приказ по фронту отдан – в связи с предстоящим наступлением все отпуска запрещены. Но не огорчайтесь, тут пришла разнарядка – выделить от дивизии трёх бойцов для поступления в училище имени Кирова в городе Баку. На подготовку к экзаменам даётся месяц. Погуляете по мирному южному городу, отдохнёте душой и телом от войны, потом завалите экзамены и вернётесь в дивизию. Вы мне, мальчики мои милые, очень нужны, поэтому дайте мне честное слово, что вернётесь. Особенно ты, Анатолий, ты ведь 10 классов успел кончить до войны, можешь и поступить в училище. Без честного комсомольского не отпущу.

Дали мы Бате честное слово вернуться в дивизию, и через три дня были уже в военноморском училище имени Сергея Мироновича Кирова. Подготовка к экзаменам нас не обзывала, забор вокруг училища был не высокий, а уж если по немецким тылам мы ходили, почти как хотели, то своим родным патрулям не попались ни разу. Да и далеко ходить нам не надо было, там рядом с училищем ткацкая фабрика имени Владимира Ильича Ленина, и в общежитии девчонок ... – раздолье.

Но всё хорошее быстро заканчивается, и наступила пора экзаменов. На письменной математике я написал ошибочные результаты в половине задач, но наутро с удивлением услышал, что получил четыре балла. В сочинении, учтя печальный опыт математики, сделал десять сознательных ошибок и ещё сколько-то естественных. На следующий день с ужасом обнаруживаю, что опять заработал четвёрку. Не учёл я, что большинство приехавших ребят школу не успели закончить до начала войны, это знала приёмная комиссия, и выставяла оценки соответствующим образом.

Оставалась последняя надежда – экзамен по иностранному языку. Захожу в класс, где принимают экзамен, и с порога докладываю седовласому капитану второго ранга, видимо, председателю комиссии, что никакого иностранного языка в нашей деревенской школе не учили, я ни одного слова по-немецки не знаю и прошу поставить мне двойку. Кавторанг поднялся из-за стола, подошёл ко мне, взгляделся в ордена на гимнастёрке, и спрашивает:

– В разведке их заслужил, или бронейщик?

– В разведке, товарищ капитан второго ранга.

– Тогда скажи мне, пожалуйста, как будет по-немецки «Руки вверх!»

– «Хенде хох» товарищ капитан второго ранга.

– Ну вот, а говоришь, что не знаешь немецкого. Пять баллов тебе, дорогой ты наш сынок. А остальную, малозначимую в сравнении с этими двумя великими словами, часть немецкого языка мы изучим с тобой здесь.

И, положив руку мне на плечо:

– Хватит тебе, сынок, войны. Ты уже за двоих навоевал, или за троих. Ты и в должности командира корабля Родине будешь очень нужен.

И, повернувшись к столу, за которым сидели две женщины:

– Надеюсь, у комиссии нет возражений?

Вот так я и стал моряком.

А друзья мои, Коля и Иван, прошли войну до конца и остались живы. Мы переписываемся, сообщаем друг другу, когда случается что-нибудь важное.

2. О-о-о! Mein Gott!

На следующий день после постановки на якорь и вечернего чая Командир был заблокирован нашими телами в тесной кают-компании подводной лодки 613 проекта, и ему был задан естественный вопрос:

– Товарищ Командир, как же Вам всё-таки удалось пройти через неприступную оборону немцев и добыть языка?

Анатолий Дмитриевич задумался, улыбнулся своим мыслям и ответил:

– Хорошо, про этот случай я вам расскажу, потому что тот поиск закончился на удивление легко, просто и даже весело. Но больше не спрашивайте. Знаете, чем разведчик отличается от пехотинца или артиллериста? Артиллерист посылает снаряд на большое или маленькое расстояние с расчётом уничтожить как можно больше врагов. То же и пехотинец, только он посылает пулю. Танкист стреляет по танку. Конечно, там погибнут немцы, враги, и это хорошо. Мы, если придётся, будем стрелять боевыми торпедами с целью утопить вражеский корабль. Стрелять из-под воды и с большого расстояния. Тех, кто там пойдёт на дно, мы не увидим.

А разведчику приходится собственными руками убивать врага кинжалом, да так, чтобы он не издал ни звука. Решительно и безжалостно. Тогда мы не думали, что лишаем жизни человека, и часами тренировались выполнять это. Но сейчас вспоминать о тех делах, поверьте, не хочется, и даже невозможно.

Самым здоровенным в нашей разведроте был Иван, о котором я уже говорил. Он мог на тренировке пронести на плече стокилограммовый мешок – пленного фрица – бегом полкилометра без остановки. Ему выпадало чаще всех нас снимать часовых. Был я у него в гостях не так давно, рождение сына праздновали. И спрашиваю его:

– Если сейчас придётся, пойдёшь в разведку?

Он отвечает:

– Толя, ну что ты спрашиваешь, мы их не звали в гости с оружием в руках. Они сами к нам пришли убивать и быть убитыми. Но если придётся, лучше пошёл бы заряжающим к пушкам – шестидюймовые снаряды в ствол загонять.... А впрочем, куда пошлют, туда и

пойду. Мы этих, которые в НАТО, тоже не приглашаем. Бить буду, как немцев бил, хоть бы даже и своими руками. Слушай, Толик, хватит дурацкие вопросы задавать, давай лучше выпьем за мальчонку, за Толеньку, между прочим, чтобы здоровым рос и умным вырос.

Командир продолжал:

– Поэтому не уговаривайте больше. Но тот случай, я уже сказал, исключительный. И мы кое-что умели делать в 1944 году, и Судьба была за нас в ту ночь. Если бы сам не участвовал, и орден тот поиск не напоминал, ни за что бы не поверил.

(В дальнейшем, совсем в другой обстановке Командир рассказал ещё два эпизода из своей жизни разведчика, но я их плохо помню.)

Вот рассказ Командира.

К подготовке поиска мы приступили сразу же, как только согласились идти за языком. Вместе с Батей пришёл начальник штаба дивизии с фотографиями переднего края и ближайшего тыла немцев, полученными аэрофотосъёмкой. Они дополнили нашу карту передовых укреплений врага. Видно было, что та лощина, по которой мы предполагали пройти, изгибается за гору вправо и там, совсем недалеко, располагаются блиндажи. Дальше за узкой полосой леса шла вторая оборона.

От обоих берегов лощины вправо и влево по фронту тянулись траншеи с железобетонными перекрытиями, под которые, конечно, спрячутся немцы при артобстреле. Траншеи заканчивались ДОТами (долговременными огневыми точками), амбразуры которых перекрывали путь нашего движения. Правая траншея была короче, её могло удерживать примерно отделение солдат. К ней по верхнему краю лощины вела тропа от блиндажей, за которой поднимался склон горы, заросший со снами и кустарником. Правый берег лощины был почти вертикален и на всю свою высоту, примерно пять метров, зарос ежевикой. Здесь не могло быть мин, и мы надеялись пройти по этому склону.

Когда-то в юности я прочитал книгу «Джугра». Её герой на Памире преодолел вертикальную гору по горизонтальному слою земли, пересекавшему её, втыкая в землю руки и ноги. Да ещё и своего громадного пса на плечах про-

нёс. Спасибо автору книги Георгию Тушкану за идею, которой мы воспользовались. Наши ротные умельцы сделали прикрепляющиеся к сапогам дощечки, вроде коротких лыж, и палочки для рук с подвязками, так что приставными шагами, как говорят физкультурники, втыкая эти дощечки в землю, можно было двигаться по вертикальному откосу. Такую же амуницию заготовили для пленного, если он пойдёт сам под угрозой оружия, и в запас. На случай тащить оглушённого фрица взяли верёвки и пару досок по полтора метра, одна из которых мне потом очень пригодилась. Само собой разумеется, всё было покрашено в чёрный цвет.

Согласовали с начальником штаба артиллерийское обеспечение. В эту ночь спланировали артиллерийские налёты на соседние участки обороны, там подавить ДОТы и разрушить траншеи, чтобы к ним привлечь внимание немцев. Несколько тяжёлых снарядов нужно было, как бы случайно, положить на нейтральной полосе по линии нашего движения. Эти воронки могли служить нам промежуточным укрытием. После нашего прохода в них должны были расположиться снайперы, ребята из роты для обеспечения и командир второго взвода с телефоном. В первую ночь сапёры должны были скрытно проделать проход в минных заграждениях для нас до самой колючей проволоки, что в три ряда тянулась под траншеями вдоль фронта немецкой обороны.

Ночи стояли безлунные, и мы надеялись при свете звёзд и немецких ракет незаметно доползти до колючки, поднять нижнюю проволоку в каждом ряду специальными распорками, проползти за заграждение до начала крутого склона лощины, обезвреживая мины, если попадутся на пути. Затем надеть дощечки на сапоги, подняться до середины откоса и двигаться вдоль него, пока не выйдем к блиндажам. Всё это надо было проделать без единого звука и незаметно, но быть бесшумными и невидимыми мы умели и проходили много раз.

С нами до колючки шли ещё двое разведчиков – самые меткие стрелки в роте, хотя все мы умели стрелять без промаха. Они оставались с этой стороны заграждения, должны были выкопать себе ячейки, и, лёжа в них, при

нужде поддержать нас огнём из автоматов. Кроме того, лягушачьим кваканьем они обозначали место прохода в заграждении.

На обратном пути нас обеспечивали две лучшие батареи дивизии и снайперы в воронках. Они по нашему сигналу должны были подавить левую и правую немецкие траншеи и оба ДОТа, стреляя по амбразурам.

Я так подробно описываю подготовку к поиску, чтобы вы поняли, необстрелянные мои лейтенанты, что всякое серьёзное дело требует тщательной подготовки, без неё ничего не получится. Для вас, сколько бы вы ни плавали, каждый выход в море должен быть серьёзным делом. (Так вышло, что на лодке все офицеры, кроме старшего помощника и замполита, даже механик, были лейтенантами по первому или по второму году службы, ещё неопытные, и Командиру приходилось много возиться с нами, учить уму-разуму и в плане специальности, и в плане службы.)

Поэтому и отрабатываем мы с вами очень упорно и Правила предупреждения столкновений судов, и управление подводной лодкой с заклиненными рулями. И если я с вами бываю строгим, так это для вашей же пользы. (Знал бы Командир, как мне однажды пригодится именно эта выучка в управлении лодкой с заклиненными горизонтальными рулями!)

Конечно, это был единственный случай такого тщательного приготовления поиска, потому что им занимался штаб дивизии. Чаще всего поиск планировал и проводил командир разведроты, но артиллерийское, сапёрное и другое обеспечение было всегда.

Командир устал и обратился к вестовому, который стоял в сторонке, прислонившись к перегородке, и слушал, раскрыв рот:

– Миша, сделай нам вечерний чай ещё один раз, пожалуйста.

После чая рассказ был продолжен.

На первом этапе всё получилось, как рассчитывали, и мы втроём незаметно и бесшумно подобрались кустарником к тыльной стороне ряда блиндажей. До часового оставалось метров шесть, и Иван уже достал кинжал, но вдруг часовой каким-то шестым чувством, или у него было кошачье зрение, обнаружил нас. (Теперь я знаю, что человеческие глаза излучают энергию, и немецкий солдат почувствовал взгляд кого-то из разведчиков.) Одна-

ко, к нашему удивлению, он не выстрелил и не поднял тревогу. Он повернулся к нам, положил винтовку на землю, поднял руки, сделал три шага и громким шёпотом сказал:

– Ich bin Sozialist.

Дальше почти всё буду говорить по-русски, так как вы изучали английский, а не немецкий. Солдат сказал, что он социалист, сдаётся в плен и пойдёт с нами. Не знаю, был ли он социалистом, или просто умным человеком и сразу понял, что только таким способом может сохранить жизнь.

Это была огромная удача, можно было возвращаться так же тихо, как мы пришли сюда. Но Батя, которого мы уважали и любили, просил офицера. Пленный солдат показал, где находится офицерский блиндаж, и сказал, что в их роте остался штабной капитан, и его давно уже угощают шнапсом.

У нас ещё было время, поэтому Коля с пленным, которому на всякий случай связали руки и заткнули кляпом рот, отправились к лощине, а мы с Иваном засели в кустах между блиндажом и сортиром. Вскоре из блиндажа вышел офицер и направился в нашу сторону, освещая себе путь фонариком. Капитан собственной персоной шёл к нам в руки. Иван зажал ему рот и схватил в своё медвежье объятие прямо в сортире, когда его руки ещё застёгивали пуговицы. Я приставил к его горлу финку и сказал, что он будет не военнопленным, а инструктором в разведшколе и вернётся домой вскоре после окончания войны, если согласится добровольно пойти в плен. В противном случае мы оглушим его и принесём в наше расположение как обычного пленного. Он кивнул, соглашаясь. В 1944 году все немцы понимали, что война проиграна, никакие укрепления по Карпатам, Висле и Одру их не спасут, и окончательное поражение является только вопросом времени.

Мы связали капитану руки, засунули кляп в рот и двинулись в обратный путь. Забыл сказать, что в роте у нас был сапожник, который сделал съёмные накладки на подошвы сапог с каблуком, поставленным задом наперёд. Сначала мы сделали несколько шагов до дороги без накладок, чтобы хотя бы в первый момент немцы, разбирая следы, решили, что мы направились в их тыл, в лес. Потом надели накладки, Иван взвалил капитана на плечо, и

мы, как могли быстро, двинулись к лощине, понимая, что пропажу офицера и часового скоро обнаружат.

Тревога у немцев поднялась, когда мы пятеро, не преодолев и половины длины лощины. Я приказал ребятам продолжать движение, а сам остался прикрывать их. С теми досками, которые мы взяли с собой, я поднялся к верхнему краю обрыва и стал приспособлять позицию для стрельбы из автомата. Нашупал большой камень и пару камней поменьше, за которые можно было спрятать голову и продержаться подольше, а, может быть, и спастись, и сложил укрытие рядом с кустом ежевики, одну из досок использовал как упор для ног.

Однако, немцев всё не было, видно, их начальство решило прочёсывать лес или ничего не решило. Наши должны были уже подтягиваться к выходу из лощины, фрицев теперь требовалось задержать ненадолго, и мне пришла в голову спасительная мысль. Я уложил большой камень на середину тропинки, рядом с ним другие, поменьше, опёр на них чёрную доску, конец которой держал в руках, и стал ждать. Не запнуться в темноте об эту преграду было невозможно.

Вскоре послышался топот ног нескольких бегущих человек, растянувшихся в цепочку, и громкое сопение первого. Видимо, отделение солдат бежало на свою позицию в траншее. Я спрятал голову в куст ежевики и крепче взялся за доску. Первым торопился пулемётчик, которому надо было ещё установить своё оружие в траншее. Он зацепился ногой о доску и со всего размаха грохнулся первый, крепко ударившись лицом о пулемёт. «О-о-о! Mein Gott! Мой зуб! Donner Wetter! Он мне вышиб два зуба! (Видно, пощупал пальцем во рту вместо того, чтобы быстренько встать). Don... А-а-а!» взвыл он не своим голосом, когда на него рухнула туша его второго номера, который тащил ящики с патронами. «Ты расплющишь мои позвонки, болван! Убери ящик! А-а-а! Чтобы вам...» - не договорил первый голос. «Ой-ё-ёй, ты оторвёшь мне башку своим автоматом, дубина!», - простонал сиплым голосом второй номер, когда на них упал третий солдат, своим оружием ударив второго сзади под каску так, что тот носом въехал в коробку с патронами. «А-а-а! Donner Wetter!

О-о-о-о! Mein Gott! У-у-у-у-у!...» - заорали они все трое, когда на них налетел четвёртый и все четверо, когда в кучу врезались пятый и шестой. «Чтобы твою бабушку переехала телега раньше, чем она родила твою маму!», «Убери свою толстую задницу с моей головы, ублюдок!», «Чтобы у тебя на лбу ... рог вырос!», «Чтобы тебе сосиски с капустой век не видеть даже во сне!», «Ты же мне глаз выдавишь, недоносок!»

Я давно вытащил доску и опустил голову ниже края обрыва. Я давился от смеха и заткнул себе рот пилоткой, не имея возможности хохотать, как вы ржёте сейчас. По-моему, два последних солдата остановились перед кучей орущих тел, но вместо того, чтобы помочь им подняться, бросились сверху, вызвав новый взрыв воплей, исполненный дружным хором лежащими друг на друге фрицами. Последний из них, бросившись на кучу, наступил ногой или коленом на живот кому-то из барахтавшихся тел. Верхняя часть этого тела выдохнула «Уй-й!», а нижняя одновременно «Пё-р-р-р!».

И раздался взрыв хохота. Смеялись все, даже тот, у кого не стало двух зубов. И среди этого смеха откуда-то снизу донёсся сдавленный страдающий голос: «Уйди ... с моего живота, ... пожалуйста, а то выдавишь остаток ужина». Хохот перешёл в дружный рёв, но куча стала распадаться.

Постепенно они поднялись, кто-то ощущал камни, о которые запнулись первые, проворчал: «Какой идиот положил здесь камни», но не сдвинул их с места, а поправил так, чтобы они оказались на середине тропы. Зная немецкую аккуратность, можно подумать, что они пожелали того же кому-то ещё. Поэтому я остался со своей доской на позиции, а они побрели, переругиваясь и не делая попыток бежать, в свою траншею. Я мог бы положить их всех одной очередью из автомата. Но такая, видимо, сила смеха – у меня не было желания стрелять по людям, которые доставили мне такое неслыханное удовольствие. Хотя они стреляли бы по мне через полчаса, если бы успели.

Вот так, ребята. После любви и доброты третьим по важности является чувство юмора. А знаете, что такое юмор? Это способность и умение смеяться над собой. Насмехаться над

другими может всякий.

Продолжаю. Немного погодя послышался размеренный топот ног ещё одного бегуна. Судя по громкому дыханию на четыре счёта, он когда-то занимался лёгкой атлетикой. Видимо, торопился догнать своих подчинённых их начальник, скорей всего фельдфебель, командир взвода. Вот для кого были заботливо уложены камни на тропе. Я изготовил доску. Р-р-раз! Фельдфебель взрыл носом каменистую почву. «О-о, Mein Gott! Mein Gott! Как я покажусь фрау Эльзе вечером!» Я убрал доску и спрятал голову. Он поднялся со словами: «Что это такое?», и, нащупав руками камни: «Вшивые ублюдки! Чёртовы недотёпы, камни для меня подложили в самом тёмном месте! Я вам покажу, где русские пули свистят! Вы у меня узнаете русский мороз в разгар лета!». С этими словами два камня он сдвинул в сторону, а третий, что поменьше, взял к плечу, как толкатель ядра. Хотел метнуть его в лощину, но, видимо, в последний момент вспомнил, что там мины, и, бросив камень куда-то назад, резво побежал к траншее.

Через несколько секунд полёта камень врезался... не в кусты и не в твердь тропы, а во что-то мягкое. Послышались звуки падения каких-то предметов, и уже привычный сдавленный стон: «О-о-о! Mein Gott! Моя нога! О-о-о, помогите! Кто-нибудь!» Звуки были приглушенные, человек, видимо, лежал на спине и кричал в небо. Я прислушался. Со стороны траншеи доносились звуки шагов убегающего фельдфебеля. Мне пришлось вылезти на тропу и идти к стонущему, чтобы он не привлёк ещё чьё-нибудь внимание. Наклонившись к нему, спросил:

– Что случилось?

– Откуда-то упал камень и сломал мне ногу. А ты кто?

– Посыльный.

– Возьми ракетницу, ракеты и снеси в траншею, а то они там без ракет ничего не увидят.

– Может быть вывих? Попробую вправить.

Он захрипел отчаянным голосом:

– Не надо! Ради Бога, не трогай!

Я с силой дёрнул его за ногу. Он коротко взвыл от боли и потерял сознание. Я оттащил его с тропы в кусты, для верности огрел по ка-

ске прикладом, снял с него и забросил в сторону автомат, в другую сторону – ракетницу. Поднял две коробки с ракетами, высыпал их под откос лощины, в другом месте кинул туда же коробки и вернулся на свою позицию. Всё это бегом. Надел на сапоги своё снаряжение и продолжил путь по откосу лощины. Когда пробирался под траншеей, услышал свирепый голос фельдфебеля: «Где ракеты, я вас спрашиваю! Как вы увидите русских разведчиков, чёрт вас подери? Вы же, болваны, свои медали профукаете и мой орден! Кто нёс ракеты?» – «Фриц». – «Куда делся этот раздолбанный Фриц, чтобы его миска всегда была пустой! Курт, бегом навстречу Фрицу, и скажи ему, чтобы он снял штаны и вползал сюда задом, я забью ему туда первую из ракет, которые он не донёс!».

Я уже был почти на месте, проквикал условленным образом и услышал ответное кваканье. Оставалось пройти по откосу несколько шагов и потом осторожно спуститься вниз, чтобы не повредить суставы ног. Но не успел я злорадно подумать: «Болт тебе с левой резьбой вместо ракет», как передохнувший фельдфебель нашёл выход из положения и вновь зарорал над моей головой: «Чего сидите, ленивые недоноски, вылезайте из траншеи, ложитесь на землю и смотрите вниз! Schnell! Schnell!» Я услышал чирканье зажигалки и продолжение монолога: «Где им ещё было пройти, если не здесь, не знаю как, но они прошли здесь! Говорил нашему долболобу, что не лес надо прочёсывать, а перекрывать им путь отхода. А он: «Следы, следы в лес ведут».

Я мысленно поставил ему пятёрку за знание своего дела. Прижался спиной к обрыву, снял пилотку, загородил ею электрический фонарик и подал условный сигнал. Одновременно сверху вылетел горящий жгут из свёрнутой газеты, и раздался шепелявый голос обеззубевшего пулемётчика: «Фот он! Я еко фису! Тайте мне ахтомат!». В этот миг в нашем тылу полыхнули залпы двух батарей, и раздался вой приближающихся снарядов. «О-о-о-о! Mein Gott!» завопил над моей головой дружный хор бедолаг, внезапно понявших, что снаряды летят прямо в них, что они очень напрасно вылезли из своей глубокой, надёжной, уютной траншеи, и что туда им никак не успеть вернуться.

Это было последнее, что я услышал, так как всё перекрыли взрывы снарядов, кажется, прямо надо мной. Меня оторвало от стены обрыва и швырнуло вниз.

Очнулся я в первой воронке, куда меня притащили страховавшие нас ребята. По траншее била лучшая батарея дивизии, и она не сделала ни одного недолёта.

Я ещё успел поучаствовать в допросе пленных, прежде чем их отправили в штаб армии. Капитан обстоятельно изложил известные ему сведения, сказав в заключение, что он не считает себя предателем, так как чем быстрее мы прорвём их оборону, тем меньше будет жертв и у немцев, и у русских, а в любом случае “Hitler kaputt”.

Остальное вы знаете. Через три дня мы были в Баку.

– А напоследок скажу вам, дорогие мои лейтенанты, что Судьба сильно помогла нам в ту ночь, но и вся организация поиска была на высоте. Запомните, молодые люди, до седых волос, что Судьба помогает тем, кто сам себе помогает, на неё не надеясь. Уразумели? Ну, всё, последний чай, и спать.

3. Штурману... на мостик!

Подводная лодка в надводном положении на переходе из южной Балтики в северную. Осенняя ночь. До поворота на новый курс несколько минут. Штурман сидит за своим столиком, уронив голову на руки, готовый после поворота, как положено, определить место по радиопеленгам и проверить глубину под килем. На мостике вахтенный офицер командир минно-торпедной боевой части старший лейтенант Миша П.

Через люк второго отсека проходит Командир подводной лодки. По-видимому, он решил лично присутствовать при выполнении этого несложного манёвра. Штурман показывает Командиру место корабля на карте, докладывает, что до поворота на курс 0° осталось 5 минут. Командир поднимается на мостик.

Совершили поворот. Штурман определил место, рассчитал и доложил на мостик время следующего поворота и уже собрался идти отдыхать, как вдруг с мостика по переговорной трубе раздалась странная команда:

– Внизу! Штурману зигзагом на мостик!

Вахтенный трюмный матрос ответил:

– Есть штурману наверх.

И, обращаясь к нему:

– Товарищ лейтенант, вас на мостик вызывают, почему-то зигзагом.

Штурман был обескуражен и трижды недоволен. Во-первых, он заслужил пару часов сна, во-вторых, он привык выполнять команды «беспрекословно, точно и в срок», а как пройти зигзагом по двум совершенно прямым коротким трапам? В-третьих, что это за издевательство глубокой ночью? Почему нельзя просто подняться на мостик, если это требуется? Изобразив на лице чрезвычайную обиду (только так было дано выразить своё недовольство, хотя он знал, что обидчивость – признак неполноценности человека), штурман пошёл по трапу наверх.

Высунувшись наполовину из верхнего рубочного люка, он увидел на правом крыле мостика задыхающегося от сдерживаемого смеха Командира, который, взглянув на лицо штурмана, захохотал, уже не сдерживаясь. На левом крыле мостика стоял Миша, втянув лицо под шапку, как черепаха голову под панцирь.

Потом вахтенный сигнальщик – третий человек на мостике – рассказал, что произошло. Командир, поднявшись на мостик, осмотрел горизонт и приказал:

– Вахтенный офицер, передайте вниз: штурману с секстаном на мостик! – Миша был прекрасным торпедистом. В том году (1957 г.) к осени наша лодка уже выпустила 18 практических торпед в процессе боевой подготовки и учений. (Шла холодная война, и мы были готовы к настоящей войне не на словах, а на деле.) И все торпеды всплыли на своих местах, ни одну не пришлось искать в море, почти как иголку в копне сена без металлоискателя. Конечно, торпеды готовят на торпедном складе, но принимает их при погрузке на лодку командир минно-торпедной боевой части, и то, что все торпеды были в порядке – несомненная заслуга Миши. Однако, Миша с детства сильно не любил штурманское дело и твёрдо забыл, что такое секстан. (Секстан – высокоточный угломерный инструмент, которым измеряют угол между линией горизонта и небесным светилом – «высоту» светила в известный момент времени). Высоты двух или нескольких светил позволяют наблюдате-

лю определить координаты корабля в открытом море.

Получив команду «Штурману с секстаном на мостик», Миша глубоко задумался о том, какое слово произнёс Командир, и решил на всякий случай промолчать до выяснения сути дела. Через минуту Командир, думая, что вахтенный офицер заснул, громко повторил команду, слегка дотронувшись до Миши сапогом в области таза (рукой не достать, а ногой можно). Вот тогда Миша, набрав по-больше воздуха в лёгкие, и произнёс удивившую всех команду с использованием наиболее похожего из известных ему слов:

– Штурману... зигзагом на мостик!

Отсмеявшись, Командир показал рукой на правую часть горизонта:

– Посмотри, штурман, какая красота.

Действительно, справа по борту высоко в небе стояла полная Луна, освещающая треть горизонта так, что его линия выделялась на фоне бездонного неба, как туго натянутая серебряная струна, и над этой струной ярко блестяли несколько звёзд, среди них легко опознаваемые Альдебаран, Бетельгейзе, Капелла, Поллукс. Красота для любого человека, а для штурмана – праздник в небе Балтики, обычно затянутом тучами в осенние и зимние месяцы и белесым, почти без видимых звёзд в летние.

Командир продолжал, обращаясь к штурману:

– Давай секстан, поработаем по звёздам, редкий случай. И старайся, посмотрим, чьё место окажется точнее.

Командир начинал офицерскую службу штурманом и сохранил все навыки.

Штурман спустился вниз, запустил по хронометру секундомер, взял ящик с секстаном и поднялся на мостик. Они с командиром по очереди измерили высоты четырёх ярких звёзд, записывая друг для друга моменты измерений по секундомеру. Закончив, Командир посмотрел на часы, до побудки оставался час, и он скомандовал:

– Вахтенный офицер, передайте вниз: офицерскому составу, несущему ходовую вахту, подъём для тренировки по решению астрономической задачи.

В то время ещё не существовали радионавигационные и тем более спутниковые систе-

мы, астрономия давала единственную возможность определить координат корабля вдали от берегов, как и во времена Христофора Колумба, и ей придавалось большое значение.

Через десять минут на мостике собрались старший помощник, помощник командира и два командира группы. Началась тренировка. Мише, как не умеющему держать в руках секстан, доверили секундомер и записную книжку, чтобы по командам «Товсь! Ноль! Тридцать градусов, восемнадцать и две десятых минуты» он записывал момент времени и измеренную высоту светила. Первым произвёл замеры высоты четырёх звёзд и Луны старпом (по пять значений высоты на каждое светило для повышения точности). За ним помощник и оба командира группы. Все окончательно проснулись, до побудки оставалось время, свежий воздух и красота неба бодрили и вдохновляли на подвиг, и решили продолжать замеры по другим звёздам. Старпом, закончив измерения, закурил и сел на крышу ограждения рубки в кормовой её части, рядом со штурманом. По мере окончания наблюдений и остальные садились рядом. Когда все закончили работать с секстаном, из-под крыши мостика появился Миша и облегчённо сказал:

– Фу-у, слава Богу, конец. А то я страшно устал останавливать и запускать этот секундомер.

Раздался громкий хохот Командира и мычание (из уважения к старпому) штурмана, не поддержанные, однако, больше никем (хотя бы одна остановка секундомера перечёркивала всю проделанную работу).

– Это тебе конец, – тихо произнёс старпом, бросил за борт недокуренную сигарету и с мрачным лицом стал пробираться к мостику. Внезапно в нём проснулась его одесская молодость:

– Дайте же мне на него поглядеть! Дайте таки стукнуть его так, чтобы ему было даже ещё больнее, чем мне сейчас! Дайте хотя бы бросить его за борт!

Мы с Командиром смеялись над Мишей, а не над ситуацией, понимая, что момент времени для каждой высоты светила можно восстановить, построив график её изменения.

Когда старпом вплотную приблизился к Мише, Командир перестал смеяться:

– Старший помощник, Евгений Алексан-

дрович, отставить! Отставить «стукнуть» и отставить «за борт». Мы попросим штурмана, и он для каждой высоты даст всем вам моменты времени. Ну а Мише придётся решить штурманскую норму – 50 астрономических задач за год. А Вы, старпом, будете лично это организовывать и контролировать в своё полное удовольствие.

Старпом облегчённо проговорил, не скрывая торжества:

– Ну, Миша, скоро ты станешь лучшим астрономом в бригаде. Не сомневайся и готовься. Видишь вон там, справа 25°, ковш на небе? Сразу запоминай – это созвездие Большая медведица. Самая яркая звезда в ней Дубхе – дальний нижний угол. Если этот угол соединить с верхним дальним, мысленно продолжить линию на пять расстояний между ними, то придёшь к Полярной звезде. Когда заблудишься в лесу до ночи, таким способом узнаешь, где север. А продолжив по дуге ручки ковша, получишь Арктур. Завтра мне на бумаге нарисуешь всё это, а также способы отыскания Поллукса, Сириуса, Капеллы, Бетельгейзе и Ригеля. Все вопросы к штурману.

Поняв, что затраченный труд не потерял безвозвратно, засмеялись все.

В следующем году Балтийский флот подвергся инспекции Министерства обороны. Пришедшему на лодку проверяющему штурман в первую очередь показал две книги бланков астрономических задач, аккуратно заполненных командиром минно-торпедной боевой части. Убедившись, что это не «липа» и исполнено на полном серьёзе, инспектор сказал:

– Вот это да! Никогда бы не поверил, если сам бы в своих руках не подержал.

И поставил лодке пятёрку, ничего больше не проверяя.

4. Флагшток и рындобулина

Прежде всего, поясним, что флагшток, это стальная труба диаметром около 40 мм, устанавливаемая почти вертикально в корме корабля, на которой поднимается флаг при стоянке корабля у стенки или на якоре. Рындобулина, это короткая плетёная снасть с утолщением на конце, прикрепляемая к языку корабельного колокола (рынды). С помощью этой снасти ударяют языком по телу рынды, вызывая звук. Звон колокола при наличии гудка и сирены

– не дань средневековой традиции, а сигнал, подаваемый в тумане кораблём, стоящим на якоре.

Итак, у штурмана случилась маленькая неприятность – вышел из строя, или просто говоря, сломался эхолот. Эхолот НЭЛ-3, это прибор, генератор которого формирует короткий ультразвуковой импульс, излучаемый антенной в сторону дна моря. Отражённый от грунта сигнал улавливается антенной, усиливается и поступает на неоновую лампочку. Неонка находится на вращающемся диске, и угол её поворота пропорционален глубине моря под килем корабля. Вспышка лампочки показывает глубину на расположенной впереди диска круговой шкале.

Электронавигационные приборы того времени (1950-е годы) строились по принципу «навесного монтажа», при котором каждый резистор, конденсатор, катушка индуктивности монтировались на отдельных платах и соединялись между собой и с радиолампами проводами. Не было ещё ни макро-, ни микросхем, ни даже транзисторов. Для устранения неисправности нужно было с помощью тестера (вольтметра и амперметра в одной коробке) найти отказавший элемент и заменить его из комплекта запасных инструментов и принадлежностей (ЗИП). Работа была творческой и требовала хорошего знания техники и понимания электрических процессов, в ней происходящих.

Штурман и его штурманский электрик Валя Аверков были мастерами в этом деле и каждую неисправность встречали даже с некоторой радостью, как, например, боксёр видит грозного противника. Но в данном конкретном случае штурман сделал всё возможное, но оказался бессилён. Проклятая неонка давала не одну, а множество вспышек, и определить глубину было невозможно. А без эхолота немислимо было продолжать плавание, да и документами запрещалось. Ясно было, что неисправен усилитель, но они с Валею заменили все до единой детали усилителя на новые из комплекта ЗИП, а треклятая неонка продолжала давать всё тот же букет глубин вместо одной желанной.

Штурман сидел за своим столиком, тупо переводя взгляд с фейерверка вспышек на электрическую схему эхолота и обратно, не

в силах ничего больше предпринять. Придётся докладывать Командиру и возвращаться в базу, не выполнив план похода. Позор!!!

В этот момент ему на плечо легла тёплая рука Командира:

– Что, штурман, совсем измаялся? Вижу, вторую ночь не спишь со своим эхолотом. Покажи, что случилось.

Штурман от выраженного сочувствия чуть не всхлипнул:

– Усилитель практически новый собрали. Все сменные элементы заменили, и хоть бы что. Пятнадцать глубин показывает вместо одной.

Командир заинтересовался, покрутил регулятор усиления:

– Дай-ка на схему посмотреть. Регулятор усиления на все вспышки влияет одинаково. Значит, неисправен входной контур. Говоришь, все сменные детали заменили. А вот эту катушку индуктивности?

– Её не меняли, в ЗИПе нет, считается совершенно надёжной.

– Значит, снимайте катушку и перематывайте.

В процессе перематки обмотки катушки входного контура на катушку из-под ниток, примерно в пятнадцатом слое тонкой проволоки, они обнаружили маленькое, с половинку макового зёрнышка, зелёное вкрапление – окись меди в проводе обмотки. Это был производственный брак. Во влажном воздухе первого отсека подводной лодки зёрнышко становилось всё больше, пока на втором году службы эхолота не разделило обмотку катушки на две части. Через усилитель начали проходить гармоники основной частоты, а на шкале глубины появились зловерные лишние вспышки.

Штурман лодки окончил училище с золотой медалью с барельефом И.В. Сталина, и знал всё, чему его учили целых четыре года весьма опытные педагоги. Но такого глубокого понимания нестандартных процессов ему не дали. Естественно, что при первом же удобном случае в кают-компании Командиру был задан вопрос, каким образом ему удалось так здорово освоить нюансы специальности. Он ответил, что, во-первых, во время войны их учили, по заповеди знаменитого русского флотоводца Степана Осиповича Макарова

тому, что надо на войне, и ничему другому. И во-вторых, ему в бытность штурманом пришлось целый год самому, без штурманского электрика обслуживать электронavigационные приборы. Вот тогда-то он их и освоил досконально.

А вот куда делся его штурманский электрик – это целая занимательная история, и Командир рассказал её.

Вот его рассказ. Штурманским электриком на нашей «малютке» (малая подводная лодка VI серии послевоенной постройки) был Вася Пантелеев – умный и добросовестный парень и очень грамотный специалист, вроде нашего Вали Аверкова. Я был за ним в отношении электронavigационных приборов, как за высоким волноломом. Всё, что надо, он делал сам и вовремя. Его можно было и не контролировать. Однако, после отпуска (тогда срочная служба во флоте длилась 5 лет, и морякам полагался отпуск) парня как будто подменили. Рассеянным стал и неисполнительным.

Поэтому, когда пришло время менять поддерживающую жидкость в гирокомпасе, я решил провести эту сложную работу вместе с ним. Начали поздно вечером, когда на лодке не осталось никого, кроме вахты, чтобы не мешали. Сняли крышку следящей сферы, вынули и разместили на специальной треноге гиросферу, вычерпали старую поддерживающую жидкость, промыли внутреннюю поверхность следящей и гиросферу мягкой губкой сначала детским мылом, а потом спиртом, и приготовили свежую поддерживающую жидкость. Через эту жидкость с контактов следящей сферы на контакты гиросферы подаются разные электрические токи, поэтому рецептура жидкости должна быть выдержана очень строго. Работали мы основательно, и все эти действия заняли несколько часов. Чтобы погрузить идеально чистую гиросферу в поддерживающую жидкость, нужно по инструкции протереть её ещё раз спиртом, дать высохнуть и поднять с треноги с помощью батистовых салфеток.

Хотя руки у меня были промыты спиртом так же хорошо, как и гиросфера, я решил действовать строго по инструкции, и спрашиваю Васю, который всю ночь исправно помогал мне:

– Где батист?

– В трюме.

(Там было предусмотрено место для хозьяйства штурманского электрика, и располагался измеритель скорости корабля – лаг, выдвижной штевень которого полагалось смазывать тавотом.)

– Ты сходи за батистом, а я поднимусь на мостик перекурить.

В летней прозрачной ночи не было слышно ни звука, казалось, вся тишина мироздания опустилась на Либаву. Я посмотрел на часы. До подъёма флага можно было успеть закончить работу, запустить гироскомпас и ещё пару часов поспать.

С таким благодушным настроением я спустился в центральный пост. И что же увидел? Гиросфера, вся вымазанная тавотом, плавает в поддерживающей жидкости, а этот безмозглый идиот, этот морёный дуб радостно улыбается мне навстречу и старательно вытирает руки батистом! Мои кулаки сами собой сжались и поднялись вверх, но эта проворная падла, прочитав в моих глазах своё ближайшее будущее, юркнула мне под левую руку, прыгнула на трап, и как белка взлетела вверх. Когда я поднялся вслед за ним на мостик, Васька уже пробегал мимо меня по пирсу. Я заорал во всю мочь:

– Тропарь тебе в ухо, дубина бестолковая! Чтобы тебе стихирём подавиться! На глаза мне попадёшься, собачий хвост – морду на ухо повешу!

Вы знаете, что я не ругаюсь нецензурно, и вам не позволяю. Военная привычка. Командир нашей разведроты считал, что разведчика нельзя обижать ни словом, ни делом. Представьте себе, идут в поиске трое. Первый выбирает место, куда ступить, чтобы никакая хворостинка не треснула, и контролирует передний сектор в 90°, второй ступает след в след и наблюдает левый сектор от 45° до 135°, третий – то же по правому борту. Предельное сосредоточение внимания. И вдруг кто-нибудь окажется обидчивым, и на него кто-то грубо накричал. И вместо максимальной чуткости он тешит себя своей обидой. Не знаю, как в других ротах, а в нашей не держали обидчивых, ни на кого не кричали и не ругались. Вернее, употребляли вот эти слова «тропарь тебе в ухо», «стихирь в дурную башку», и другие

из этого же словаря. Значения этих церковных терминов не знаю, но они точно ни для кого не обидные.

Но когда этот подлый Васька перескочил с пирса на берег и побежал к казармам, у меня закончился запас православных наименований, и над гаванью и военным городком понеслось: «Чтобы тебе...», «Чтобы тобой.....», «Чтобы тебя.....», и так далее, пока он не скрылся за углом казармы. Говорят, я половину городка разбудил своими театральными выражениями.

В следующую ночь я сам заменил поддерживающую жидкость и привёл гироскомпас в порядок. Васька всё это время где-то скрывался, наверное, у друзей на другой лодке. На третий день, окончательно успокоившись, я приказал боцману доставить его ко мне на беседу.

И спрашиваю его:

– Василий, что с тобой случилось? Ты же специалист первого класса, лучший штурманский электрик на бригаде, тебя уговаривают остаться на сверхсрочную службу флагманским специалистом. Что произошло с тобой?

У Василия глаза налились слезами:

– Простите меня, товарищ старший лейтенант! Но мне ничего нельзя больше поручать. У меня голова занята только одной мыслью, и ни о чём другом думать не могу. Поверьте, я не нарочно измазал гиросферу тавотом. У меня в дурной голове она как бы объединилась со штевнем лага.

– Но какая тебе мысль покоя не даёт, Вася, расскажи, может быть, вместе найдём решение?

– Беда со мной случилась в отпуске, товарищ старший лейтенант.

– Влюбился, а девушка не ответила взаимностью?

– Нет, нет, гораздо, гораздо хуже.

И он рассказал свою историю, для него страшную, чуть ли не смертельно печальную, а для меня, понимающего, что весь этот мрак благополучно проходит, очень даже весёлую. Но хохотал я после его ухода, слушал без смеха и с глубоким сочувствием, чтобы ещё больше не обидеть парня.

Итак, приехал он в отпуск в родное южно-русское село, где все его знали, и он всех знал с детства, хотя прошло три года, бывшие дев-

чушки расцвели и превратились в красавиц, а старшие ребята, вернувшиеся из армии, стали взрослыми мужчинами. Село было большое, с клубом, где крутили кино и по субботам и воскресеньям, а иногда и по просьбе трудящихся устраивали танцы. Организовали танцы и на следующий день в честь приезда Василия в отпуск.

Вася расчётливо произвёл рекогносцировку – узнал у друзей, какая из девушек может помочь ему счастливо провести отпуск. Из двух-трёх названных имён он при открытии танцев выбрал Надю. Танцевал только с ней весь вечер, напел песенку о том, что «Вся надежда была на него»¹, рассказал, что есть такой прибор гирокомпас, который всегда может показать направление на любимую, как сложно его обслуживать, и какое искусство требуется при экстренном запуске в случае срочного выхода корабля в море. Рассказал ей, какие у неё красивые глаза и губы, и как идёт ей это платье. Намекнул, что очень хотелось бы увидеть, как идёт и комбинация, которая прячется под платьем. Словом, Василий своей искренностью и с трудом скрываемой страстью покорила сердце девушки, и она согласилась, чтобы он проводил её до дому.

По дороге домой они как-то нечаянно свернули в сторонку, к берёзкам, под которыми, спрятавшись в кустах, стоял заветный специально обученный хорошо отполированный топчанчик. И дело у них уже пошло на лад, как вдруг девушка начала сопротивляться. То ли он не сказал ещё чего-то важного, то ли ей нравилось сопротивление, то ли он непозволительно заторопился, но со словами:

– Не надо меня экстренно запускать, как гирокомпас, – она соединила руки в замок и закрылась ими.

Но Васе уже кровь ударила и в голову, и в верный, никогда не подводивший его флагшток. Стоя над ней на одном колене и одном локте, он пытался разжать её руки. И в какой-то момент потерял равновесие и сорвался с топчана. Описав пируэт на 270°, он грохнулся на землю, попав правым глазом точно в торчащее сплетение берёзовых корней, твёрдое, как камень. Из правого глаза Васи посыпались искры, казалось, осветившие всё вокруг,

как корабельным прожектором. Он с трудом поднялся, опустил голову и при свете искр, излучаемых правым глазом, левым глазом с ужасом увидел, как его гордый флагшток превращается в безвольную, беспомощную потёртую рындубулину!

А девушка сидела на топчане, такая соблазнительная, и смеялась. Она же в темноте не видела деталей и не знала, что правый Васин глаз до сих пор сильно искрит и медленно наливается синяком, а сердце его уже переполнилось отчаянием и скорбью. И тут он совершил непростительную ошибку – выдал лично ей те три слова и ещё пару, которые на его месте сказал бы любой парень, но сказал бы в безличную ночь. Надежда обиделась, подхватила одежду, и через несколько секунд её прелестный мраморный силуэт мелькнул в лунном свете за берёзками, и пропал.

Вася же, ощупав топчан и окружающее пространство, с тоской убедился, что злая насмешница прихватила и его форму, так что он остался в одной тельняшке и ботинках. Как тут было не впасть в уныние и панику? Село ещё не уснуло, и гулять по нему в таком виде было невозможно. С другой стороны, к этому обкатанному топчану могла прийти другая пара, и найти здесь его, героя-подводника, специалиста первого класса, совершившего много походов в тесном, неудобном и неудобном для жизни «малыше», найти покинутым девушкой, в одном тельнике, да и ещё с фингалом под глазом!

Зрело взвесив все «за» и «против», Василий отправился в опасный путь к дому, за две улицы. Двигался он короткими перебежками от одной тени, оставляемой деревьями в лунном свете, к другой, низко согнувшись, как пехотинец в атаке, чтобы не появляться над заборами. Добежав до очередной тени, опускаясь на колени и ложился на них грудью, изображая полосатую кучку мусора. Или прижимался к стволу дерева, если он был достаточно толстым.

Наконец, маневрируя таким образом, он благополучно добрался до родного забора. Предусмотрительно заглянув в щель забора, Вася – о, ужас – обнаружил свою четырнадцатилетнюю сестрёнку Люську. Эта заноза сидела на ступеньках крыльца и считала звёзды на небе. Ждала, чертовка, Василия, чтобы точ-

¹ А. Вертинский «Песня о Сталине»

но узнать, когда он вернётся с гулянки. Васю прошиб холодный пот. Не являться же герою-моряку перед ней с рындобулиной, свисающей из-под тельняшки, как из колокола! Ничего другого не оставалось, кроме как ждать.

В тени развесистой вишни он увидел у забора небольшое возвышение почвы и сел на него, прислонившись спиной к забору и подтянув колени к груди. В такой позе надеялся пересидеть Люську. Однако, через полминуты он вдруг почувствовал жгучий укус в гениталиях, и почти сразу в ягодицах и в самой рындобулине! Оказывается, его угораздило сесть на муравейник. Вася подпрыгнул, отскочил под вишню, и начал остервенело растирать свою кожу руками, превращая муравьёв в мокрые пятна, и получая от каждого свою порцию яда. При этом старался не производить шума и не поднимать голову над забором. Покончив с муравьями, он заглянул в щель и с горечью убедился, что эта терпеливая зараза всё ещё считает звёзды. Всю нижнюю часть тела нестерпимо жгло, Васе в бессилии хотелось рыдать, ругаться непристойными словами и сломать что-нибудь очень крепкое, но вместо этого он прислонился грудью к стволу вишни, обхватил её руками и едва слышно заскулил.

Ближе к утру над ухом прозудел первый комар, а второй впился в голую часть спины. Вася только прикрыл рукой несчастную рындобулину и остался недвижим. После муравьёв какие-то комары его уже не волновали. Было даже приятно ощущать, что жизнь ещё продолжается. Однако, комары спугнули эту стервозу, хлопнула дверь и бедный парень понял, что фарватер свободен. Медленно-медленно, чтобы не скрипнула, он чуть-чуть отворил калитку, ужом прополз во двор, на четвереньках добрался до крыльца, неслышно проник в дом и успокоился только на своей кровати.

Отпуск прошёл комом. На рыбалку ходил, отремонтировал и привёл в порядок пару списанных электромоторов в колхозной мастерской, позагорал на реке. На танцы больше не ходил. Сестричка Люся что-то поняла. На вечерних посиделках обрушилась на девиц:

– Что вы, кобылы недопереобъезжанные, смеётесь над парнем. У него отпуск скоро кончится, и ещё два года на подводной лодке вкалывать, в этой железной трубе дни и ночи

проводить в обнимку с торпедой, а он на танцы пойти боится. Ты, Надька, гусыня длинношеяя, что с ним сделала? Зачем поленом фонарь под глаз поставила? Отдавай форму, а то я тебе красивое твоё лицо до самых зубов расцарапаю!

– Да что ты, Люся, он сам как-то неудачно упал. А форму взяла, чтобы он пришёл за ней. Как удобный повод. Ладно, завтра сама занесу.

Завтра была суббота, в гости зашла Надежда, позвала на танцы. Потанцевали, но, даже когда она намекнула, что к экстренному пуску готова, рындобулина во флагшток не превратилась.

Это повергло Василия в полное отчаяние, его объял душераздирающий ужас и паника, и в таком состоянии он вернулся из отпуска. Свою печальную повесть он закончил словами:

– Простите меня ещё раз, товарищ старший лейтенант, но ни о чём другом я теперь думать не могу. Мне ничего нельзя поручать, нельзя назначать дежурным по лодке, как бы я её не утопил, нельзя назначать в патруль и давать увольнение. Я пропал.

Командир продолжал уже от себя.

Я попробовал утешить его, что со временем всё вернётся, но безуспешно. Тогда решили рассказать о его беде (без подробностей) врачу, чтобы направил Василия в госпиталь. Однако Вася говорил врачам о бессилии, обходя подробности, поэтому лечили организм, а не психику, и безрезультатно. Из либавского госпиталя перевели в рижский, а оттуда в ленинградский. Там, видя безуспешность усилий врачей, за дело взялась хорошенькая медсестричка, и всё образовалось. Через год после этого получил от Василия письмо. Они поженились и ждали ребёнка.

Ну а мне целый год до следующего выпуска специалистов из учебного отряда пришлось самому ухаживать за техникой, отсюда и умение.

Эти мои рассказы, вызывающие у вас жизнерадостный детский смех, и, возможно, чем-то полезные для службы, кто-нибудь из вас со временем опишет. Думаю и надеюсь, что это будет наш штурман.

Proza

ЛЕВ ГОРЯНИН

Пролог к роману "Кольца эмира"

Будто на крыльях, используя энергетические потоки и гравитационные поля черных дыр, призраки по спиральной системе нашей звездной Галактики стремительно летели по строго заданному маршруту. Увидев Землю, как конечную точку полета они приободрились. Вошли в плотные слои атмосферы. Меняя потоки воздуха призраки стали регулировать скорость полета. По мере приближения к голубой планете менялся и вид на нее. Она становилась более красочной. Внизу под ними как в калейдоскопе в легкой дымке проплывали сказочные виды пейзажей. Все привлекало их взор. Прекрасная влекущая своей красотой Земля со всеми ее полями, оврагами, речками, горами и лесами распростерлась пред ними. Чередовались материки, бушующие океаны. Полет был завораживающим и подходил к концу. Хотелось спуститься вниз, пройтись по земле, встретиться с незнакомыми людьми, поговорить с ними, а неплохо было бы и пожить в их семьях, вместе деля радости и невзгоды, вспомнить те удивительные моменты, эмоции, каковыми были переполнены их души при другом, их земном существовании. Уж после ухода их в иной мир промелькнуло много времени, но ничего не исчезло из памяти, не стерлось и порой не проходящей щемящей тоской напоминало о себе. Однако по ипостаси призракам существующее бытие изменить было нереально.

Начало смеркаться. Это состояние природы было забыто ими. Все увиденное при полете к земле вновь порождало ностальгию по времени, канувшему в Лету. Небосвод покрылся множеством звезд. Пропали крупные земные ориентиры. Приходилось держать курс только по видам привычных созвездий. По времени полета призраки должны были уже подлетать к цели, оттого их охватило волнение. Старший дал команду на снижение. Зависли на небольшой высоте.

- Ориентиры совпадают с данными нашего отца, думаю, мы у цели, – в мыслях произнес

он, и эта фраза как-то дошла до напарника.

- Проверь еще раз более внимательно, – так же скорее подумал, чем произнес второй призрак. – Ошибиться здесь несложно.

- Все верно. Четко вижу береговые очертания Мраморного моря.

- Это слишком укрупнено. Надобно увидеть дворец Кантемира, – пояснил третий.

- Его ни с каким другим строением не спутать. Вид его отличается особым стилем и красотой по сравнению с прочими.

- Какая тут красота при такой темени?

- Спускайся ниже. Ориентируйся на дворец султана. Видишь его? Дворец Дмитрия должен быть вблизи от него.

Призраки спикировали с высоты и оказались на уровне крыш строений.

- Стоп. Потеряли из вида море. Слишком быстро летим. Так нам не найти цель. Отец будет недоволен.

- Возвращайся назад к исходной точке.

- Вижу. Здесь мы уже были. Теперь медленно спускаемся. Хотя бы луна вышла из-за туч.

- Ну вот, как на заказ появилось наше светило. Никак сам Аллах вмешался в дела наши.

- Что ж, это значит, что они богоугодны.

- Теперь вижу множество дворцов. Не ошибиться бы.

- Не ошибемся.

Призраки пролетали над великолепными дворцами и отвергали их один за другим.

- Такое ощущение, что его среди них нет.

- Ты хорошо запомнил рисунок отца?

- Хорошо. Обследуем другую сторону.

- Время уже клонит к середине ночи. Что называется, его в обрез. Поторапливайся.

- Еще предстоит дорога назад к отцу, а потом надо будет вновь доставить Марию на место. И это все мы должны проделать за одну ночь, – молвил второй.

- Лучше скажи - за часть ночи. Понятно, что надо ускорить поиски.

- Только на тебя и надежда.

– Кажется, нашел, – с чувством удовлетворения произнес первый призрак.

– Спускаемся. Ну и ноченька, уж очень темной она выдалась, неудобной.

– Да, только ветер гоняет по небу тяжелые тучи. На небосклоне не видно ни звездочки, все в тумане, даже собаки и те попрятались в своих конурах, не высовываются и не лают как обычно вопреки своей природе. Видно бояться себя обнаружить.

– Собаки – они нас чуют, потому и хвосты поджали в своих будках.

– Да не только собаки, а вообще все животные ощущают нас. Даже редкие случайные прохожие испытывают какое-то неудобство, оттого и волнуются, стремятся поскорее пробежать по улице, нырнуть в дом, попасть в свою семью. Видишь, как кутаются они в свои длинные широкие плащи. Пытаются сделаться вовсе незаметными и в то же время с опаской поглядывают на небо, будто догадываются, что именно оттуда может прийти неведомая опасность. Это у них срабатывает чистый инстинкт.

– А вот в отношении прохожих – это ты зря сказал. Человеку теперь далеко до животных. Потерял он остроту чувств. Это ему наказание за развитие своих умственных способностей. Оторвались люди от природы. Хотя согласен, что-то от животных у них осталось, – они понимают, что сейчас рядом с ними происходит какое-то необычное явление, но глаза не подтверждают их догадки. Опасность они не видят. Потому их окутывает жуткий страх незнакомого состояния.

– Значит чувствуют они, что явились какие-то Потусторонние Силы, но понять причину страха до конца не могут, оттого и тревожно им. Паника душевная сейчас ими руководит.

– Прекратите пустой разговор. Следите за полетом, – передал свою мысль третий призрак.

– Наконец-то разыскали. Вот он дворец Дмитрия Кантемира – дипломатического представителя при Оттоманской Порте¹.

Первый призрак удовлетворенно рассма-

¹ Оттоманская Порты - принятое в европейских документах и литературе наименование правительства Османской империи (канцелярия великого визиря и Дивана).

тривал цель своего прилета.

– Добротню построил его Дмитрий.

– По собственному проекту.

– Дворец дворцом, скажу я тебе, да только Дмитрий уж 3 года, как не дипломат. Он им не стал с того времени, как брат его, уважаемый Антиох оставил трон господаря Молдовы.

– А чем же занимается Дмитрий?

– Полностью ушел в науку, литературу, музыку и архитектуру.

– Э-э-э, помню я, как зачитывался наш отец его работой «Диван², или спор мудреца с миром», говорил, что не читал ничего более правдоподобного при своей прошлой жизни.

– А я видел в его руках «Метафизику», «Логикку», «Универсальную физику Ван Гельмонта», «Трактат о турецкой музыке». Это, безусловно, его работы, Дмитрия Кантемира и думаю, они не исчерпывают все то, что он успел написать.

– Значит, отец наш и Дмитрием интересовался. Это не случайно.

– Выходит Кантемир – деятель выдающийся.

– Так и есть. А ты знаешь, по доброте души своей хозяин дворца, увлекаясь архитектурой, возвел в городе несколько церквей в византийском стиле.

– Видно, и на этом поприще преуспел.

– Работает во благо Турции.

– Ошибаешься, не во благо Турции, а ради христианства. Людей с этой странной верой среди мусульманского мира хватает.

– Это не страшно, теперь-то мы знаем, что Бог един, кто бы ему ни молился и как бы его ни называли, все одно – услышит.

– Что-то мы слишком увлеклись этим Кантемиром. Как бы ни забыть нам о том, ради чего мы пролетели не одну тысячу миль.

– Год-то земной, какой сейчас?

– 1710.

– Значит, Мария достигла возраста 10 лет. Мала все-таки. Как вынесет длительный перелет?

– Вынесет, куда денется, тем более для нее он покажется кратким. Временные порталы скрадуют его.

– Смотри, окна дворца, несмотря на позд-

² Divan - высший совет, кабинет министров, канцелярия правителя.

нее время, до сих пор еще ярко светятся. Так и сияют в ночи на фоне всеобщего мрака.

– Да нет, начинают гаснуть. Вот видишь, осталось освещенным лишь правое крыло дома.

– Плохо, они так прекрасно освещали наш путь, правда теперь нас это уже не пугает. Цель полета найдена.

– Отец рассказывал, что в библиотеке Мария занимается очень подолгу. За это и похваливал он ее. Видно, расположена библиотека в этом светлом крыле. Заглянем, чтобы убедиться?

– Согласен, только залетать не будем. Дождемся, когда она перейдет в свою спальню и уснет. А сейчас – понаблюдаем.

Вся эта беседа между призраками происходила на уровне подсознания, без использования голоса.

У стола чудесной библиотеки уже несколько часов фанатично сидела Мария. Несмотря на свой юный возраст, она настолько увлеклась своими занятиями, что ничто не могло ее отвлечь. Она углубилась в чтение древних манускриптов, писанных на арабском языке. Ими завален был весь большой старинный стол. Пред ней чередой проходили годы сражений великого полководца вселенной – Тамерлана. Вместе с его войском она сражалась и побеждала, преодолевала тяжелые походы, стойко терпела голод и стужу и порой рядом с ним отдыхала после кровавого боя. Вот уже на подступах Москва. Тимур во главе своего войска стоял в нерешительности. Мария пыталась в споре с самим эмиром указать на его ошибки, допущенные им в походе, но он ее не слышал. «Не вздумай свое войско поворачивать назад, благородный бесстрашный Тимур! У тебя в руках победа, ты покоришь город Москву! Только вперед!» – неистово кричала Мария, войдя в роль стратега. В это время отворилась дверь, и вошел ее учитель – монах Асди Кандаиди³.

– Мария, опять ты засиделась в библиотеке. В твоём возрасте это недопустимо. Отца ты своим непослушанием очень огорчишь. Поздно уже. Иди почивать. Завтра продолжишь занятия.

³ Асди Кандаиди - грек, чёрный монах, астроном и алхимик. Владел гипнозом, магией и знал множество языков.

Княжна повернула голову к вошедшему греку. Ее лицо было сосредоточено и возбуждено. С горящими глазами она произнесла:

– Зря Тамерлан развернул свое войско и не воспользовался открытой дорогой на Москву. Он потерял победу. Я пыталась его поправить, но он не прислушался ко мне. Нужно было продолжать биться с Русью, и она была бы завоевана. Он проявил нерешительность.

– Вот возмущается, неугомонная, – с удивлением воскликнул первый голос.

– У нее очень развито чувство воображения. А какие знания в ее-то 10 лет? Уму непостижимо!

– Тсс... Не мешайте.

– Бедная девочка! – вскричал Кандаиди. – Сама не ведая того, ты вошла в образ полководца. Так можно и серьезно заболеть.

– Прочь от меня, предатель, не прекословь самому эмиру, не то я отсеку тебе голову саблей! Ко мне, верные мои нукеры! Возьмите этого лазутчика и укоротите его рост на величину головы!

Все это она высказала на чистом персидском языке так, будто он у нее был родным. В изнеможении ее головка рухнула на рукопись.

– Боже, Мария, опомнись.

Но девочка уже спала глубоким сном.

Он бережно отнес спящую Марию в ее опочивальню, раздумывая: «Любопытно, когда же она изучила персидский язык? Неужто самостоятельно? Но без практического разговора невозможно освоить его так, чтобы говорить без акцента. Загадка». Слуги, чтобы не разбудить впечатлительное дитя, бережно подхватили ее и уложили на мягкую кровать. Отцу решили ничего не рассказывать о случившемся, боясь, что он обвинит их в недосмотре.

– Не оставляйте одну Марию. Она в библиотеке была так возбуждена, что я опасюсь, как бы ночью у нее не повторился приступ.

Оставили у кровати сиделку. Остальная прислуга разбрелась по своим спальным комнатам. Но тревога не давала им спокойно уснуть, и до полуночи они неоднократно приходили в комнату Марии. Наконец, слава Богу, все угомонились. Убедившись, что сон ее

здоровый и не предвещает ничего страшного, ушла спать и сиделка.

Ночь. Апрель месяц. Часы отбили полночь. Наступило 9 число. Ветер утих. Исчезли куда-то и тучи. Вновь вышла луна. Ярко зажглись звезды. В городе Стамбуле⁴ стало спокойнее. Только слышны неспешные шаги стражи, бряцание оружия. Вот и собаки почувяли себя в безопасности. Они стали переключаться между собой лаем и завыванием. Раскинувшись на широкой кровати, спала дочь Дмитрия, не осознавая, что очень скоро вся ее судьба переменится. Сон тревожен. Она часто вскрикивала, видно волновали ее добрую душу страшные видения. Ощувив беспокойство, она открыла глаза и увидела загадочную Луну. Этот земной спутник сегодня был необычен. Как показалось Марии, Луна очень внимательно рассматривала ее, будто собиралась ей рассказать о какой-то тайне, но так и не решалась. Возможно, щадила ее молодость. В опочивальне полумрак. Чуть раздвинутые шторы в окне позволяли видеть всю комнату.

– Пора, – произнес первый призрак и распахнул форточку.

Через нее медленно просочились три тени. Призраки, не производя шума, прошествовали к ложу девочки. «Что же это такое? Кто позволил им входить в мою комнату? Да к тому же еще через форточку? – Мария ощутила, как учащенно стало биться ее сердце. Прислушалась. – Нет, шагов не слышно, да и отец, видно, спит еще. Обычно он встает в 5 часов поутру, раскуривает свою любимую трубку и пьет турецкий кофе. Значит, сейчас глубокая ночь. Так, что же это за пришельцы? Откуда они прибыли, и с какой целью проникли в девичью спальню? Интересно, что бы сделал сам Тамерлан в этом случае? Думаю, не испугался бы – это уж точно. Стало быть, и мне нечего бояться. Если бы они задумали что-то дурное, то не вели бы себя так осторожно. Остается лишь следить за их действиями и не выдавать себя. Пусть думают, что я сплю», – рассуждала и успокаивала себя Мария, внима-

⁴ В 1453 году турки-османы при султани Мехмеде II завоевали город Константинополь и переименовали его в Стамбул. Только в 1930 году Мустафа Кемаль Ататюрк подтвердил городу это название специальным постановлением.

тельно присматривая глазами за гостями.

Тем временем освещенные светом луны, посеребренные и полупрозрачные образы, четко принявшие форму человека, остановились перед ее изголовьем. Сияние света, в котором они находились, создавало иллюзию легкого эфирного покрывала, наброшенного на их головы и плечи. Эта воздушная накидка струилась по фигуре непонятных существ и легкими складками нисходила до самого пола, прикрывая их наготу, дабы не вызвать у девочки лишние эмоции. Кроме ее свечения на них ничего нельзя было увидеть. Мария ощутила, как один из этих «нечто» беззвучно выразил свою мысль и, как ни странно, она дошла до нее:

– Она?

Нет сомнения, речь шла о ней. Она лежала как загипнотизированная, не в состоянии пошевелиться. Мария к своему удивлению поняла не только смысл вопроса, но и то, что он был задан на персидском языке. «Странно, я никогда не изучала этот язык, но чувствую, что все понимаю и могу свободно на нем изъясняться. Но, что же им нужно от меня?» – пронеслось у нее в голове. Тут ее мысли прервал такой же беззвучный диалог, произошедший между непрошеными ночными визитерами и так же, как и в первый раз, он дошел до ее сознания. Она постигла его смысл:

– Тебе, Шахрух, да снизойдет твоей душе благодать, уже давно пора привыкнуть, что твой старший брат никогда не ошибается.

– Мы оба верим тебе, глубокоуважаемый Джахангир, но в этом деле промахнуться нам никак нельзя. Проверь еще множество раз, чтобы душа наша была спокойна и наш повелитель, выполненным нами поручением, остался бы доволен. Для него наше дело – исполнение давних его грез, его выстроенных планов.

– Хорошо, да будет так.

Первый призрак низко нагнулся над Марией и простер перед ней свои прозрачные руки, подержал их над головой и послал сигнал:

– Все признаки сходятся, Мираншах. Это достоверно. На кровати перед нами спит избранная Богом Мария Кантемир. Только она может выполнить волю отца нашего.

– Что ж, тогда с помощью Аллаха, немед-

ля ни секунды, приступим.

«Вот и выдали себя сии влиятельные призраки и, похоже, их действия не таят в себе опасности, – успокоившись, подумала Мария. – Судя по именам, это три сына великого полководца – эмира Тамерлана. Как же так? – вдруг встрепелась Мария. – Самый младший из братьев – Шахрух ушел в мир иной в середине XV века, в 1447 году. Господи, на земле-то уж начало XVIII. Получается, что все они сейчас в потустороннем мире. А значит, что? Это души их? Дела! Даже если это и так, то зачем им понадобилась я? Чего ради они пришли ко мне? Не месть ли эта великого Хромого Тимура, за то, что я интересовалась его жизнью и той эпохой, в которой он показал себя выдающимся полководцем и совершал свои победоносные походы? Нет, этого не может быть, поскольку я не осуждала его действия, даже если была с ними не согласна, а просто хотела знать все о нем, как о своем далеком родиче. Придется мне отдаться воле случая, а там – будь что будет».

В этот момент Мария почувствовала, как она силой воли пришельцев легко поднялась над собой и сделалась точно такой же, как явившиеся к ней в опочивальню призраки. Она метнула взгляд в сторону своей постели и увидела себя, безмятежно лежащей на ней. Девочка пожалала плечами, еще полностью не осознавая, что произошло с ней. В это время братья взяли ее за руки и спокойно через открытую форточку просочились наружу. Далее произошло все, как в сказке. Полет четырех фигур был стремительным. Он проходил на заоблачной высоте, затем их вынесло в Галактику. По тому, как они часто и резко меняли направление, можно было догадаться, что призраки облетали попадающиеся на пути какие-то небесные тела – либо большие звезды, либо планеты. Так вот она, какая Вселенная. Нет тебе ни начала, нет ни конца. Сплошная бесконечность. Только находясь здесь, я начинаю ее ощущать.

– Куда мы летим? – Мария прокричала свой вопрос, но голоса своего она не услышала.

«Стало быть, здесь, как я и предполагала, безвоздушное пространство. Голосу нужна какая-то среда, воздух например, чтобы ви-

брация, созданная криком, распространилась вокруг», – подумала Мария.

Однако призраки каким-то образом этот вопрос осознали и ответили:

– В звездную систему Сириуса! – отправил посыл Джахангир. – Летим по пространственно временным порталам Галактики через огромную Черную дыру. Оттого время сокращается до мгновения. Уже подлетаем. Ты хорошо себя чувствуешь?

«Видно мысль передается прямо в сознание. Для меня это открытие. Что ж, я использую эту возможность и попытаюсь выйти на связь со старшим сыном эмира», – решила девочка и со своей стороны произнесла:

– Да! Только непривычно лететь в полной темноте. Хотелось бы всю эту космическую прелесть видеть. Впрочем, какая здесь может быть прелесть, если вокруг темень. И не скажешь, красивая она или ничего хорошего собой не представляет.

– Это еще все у тебя впереди. Видят только призраки, – дошли до нее слова старшего сына эмира.

И опять разговор происходил на посылах мыслей. «Совсем удивительно – я их понимаю так же, как они меня. Значит, они могут читать мысли, да что там «могут», читают их, как книгу. Это же делаю и я. Получается, что я бестелесная, подобная облачку. Вот оно, что. Выходит то, что я видела в своей спальне перед вылетом – это и была «Я». А сейчас я представляю собой душу той Марии, которая осталась во дворце. Сумеют ли они доставить душу мою назад в мой земной мир? Вот вопрос, который теперь уже начинает тревожить меня. Не хотелось бы мне покидать мою прежнюю жизнь».

Поскольку время полета не осознавалось (оно спрессовалось до короткого времени, точнее, мгновения, только в космическом понятии), они быстро подлетали к миру призраков. Их планета была расположена на так называемом десятом небе и была явно не похожа на нашу привычную, земную. О ней дочь Дмитрия знала только по древней мифологии.

– Джахангир, расскажи мне о планете, на которую мы приземляемся.

– О Мария, действительно ты выдающаяся девочка. Я никак не ожидал, что ты догада-

ешься, кто я есть на самом деле.

– Это сделать было вовсе не трудно. Я вас братьев, знаю всех. Я увлекаюсь историей вашей жизни и той эпохой, в которой вы оставили неизгладимый след.

– Тогда запоминай: Сириус планета древняя. Когда-то она была заселена мыслящими существами.

– Людьми?

– Можно сказать и так, но они не были похожи на нас, извини, я оговорился, конечно, на вас, но по своему развитию они на тысячелетия опередили вашу науку. Ими были созданы межзвездные космические корабли.

– Те существа были очень высокими и яйцеголовыми? А что за выражение – «космические корабли»?

– Верно, ты и о тех древних существах, похоже, все знаешь. Голова их была действительно очень вытянута, а рост достигал 7 метров. Что касается кораблей, то я сравню их с кораблем, на котором плавают по морям. Так космические корабли – это то же самое, только плавают они по воздуху и даже доплывают, точнее, долетают до любой звезды, которую вы видите на небосводе. Ясно?

– Но это сказка?

– Нет. Это быль. Так вот. Жители Сириуса просчитали, что их планете грозит катастрофа. Чтобы сохранить свою жизнь, они прилетели на Землю на многих космических кораблях.

– И что с ними произошло на земле?

– Все сложилось у них чудным образом. Пришельцы стали жить с землянами. От союза с ними рождались умные люди и планета по названию «Земля», точнее – народы, жившие на ней, начали быстро развиваться.

– Что же случилось с планетой Сириус?

– Над ней, как и предполагали ее бывшие жители, из-за мощных взрывов исчезла атмосфера, твердь расколослась, поверхность раскалилась, и жизнь прекратила свое существование. После охлаждения планеты, облюбовали ее мы, призраки, поскольку нам не нужен воздух... Ну вот, за разговорами и не заметили, как прилетели на место. Нас уже ждали. Приготовься, Мария, к встрече. Это для тебя будет сюрприз.

Спустились ниже. При снижении стали

заметны множество теней. Все они, не спеша, куда-то перемещались. Начались у Марии галлюцинации. Ей показалось, что она видит большой фруктовый сад с впечатляющими своей красотой фонтанами. Широкие струи воды будто били вверх, образовывали радугу и, падая, мелкими брызгами в виде звездочек кропили вокруг себя поверхность травяного ковра. Марии вспомнился завет Божий, который Он сообщил Ною. И сказал Бог: «Вот знамение завета, который Я поставлю между Мною и между вами, и между всякою душою живою, которая с вами в роды навсегда: Я полагаю **радугу** Мою в облаке, чтоб она была знамением вечного завета между Мною и между землею. И будет, когда Я наведу облако на землю, то явится **радуга** в облаке»⁵. С гордостью за себя произнесла по памяти Мария: «Не зря мой учитель греческий монах Асди Кандаиди заставлял меня наизусть учить главные темы Библии. Радуга – это символ прощения человека за его грехи и подтверждение, что больше всемирного потопа не будет. «И не будет более вода потопом на истребление всякой плоти» – вспомнила она толкование учителем завета, данного Богом Ною.

Несмотря на начало апреля, в саду все деревья были, как бы окутаны пышным цветом. Прямо в середине его возвышался внушительных размеров величественный воздушный дворец с высоким забором и легкими смотровыми башнями. Только воображение, основанное на когда-то видимых картинках быта эмира, рисовало его стены, которые были якобы покрыты керамической глазурованной плиткой разных тонов, сложенной непревзойденным по своей красе чудесным орнаментом. Это же воображение не обошло и необычные окна. Все они казались обращенными своими большими глазницами – восточными дивными витражами всех цветовых оттенков – на великолепный окружающий мир. «Я будто попала в чудную волшебную страну. Вот оказывается где расположено место обитания призраков», – подумала Мария, когда братья, один за другим спустились с небес и вошли в мнимый дворец. Они, молча, беззвучно прошли через светлые позолоченные залы, и попали в трон-

⁵ Библия. Первая книга Моисеева. Бытие, глава 9: 12 - 14.

ный. Здесь казалось, что стены его были облицованы множеством зеркал разной величины. «Зачем здесь такое количество зеркал? В свое время много я читала о них. Но это была фантастика. Неужели зеркала на самом деле обладают магией?» – рассуждала Мария. Она еще раз обвела взглядом кажущееся помещение и интуитивно узнала эмира Тамерлана, множество раз отражавшегося во всех зеркалах так, что было довольно сложно понять, в каком месте находится подлинный эмир. Она оказалась в кругу отражений его образа. «Так вот как выглядит мой кумир. Примерно я таким его и представляла себе. Только в моем воображении он был значительно выше ростом». Он с присущим ему достоинством восседал в широком кресле, на ковре, сотканном из разных оттенков мнимого воздуха, сложив привычно ноги калачиком – по-турецки. Сыновья заняли свои места рядом с великим отцом. Но образ эмира постоянно уплывал от нее, растворяясь как бы в воздушных слоях и в отражении зеркал. «Теперь мне стало ясно, для чего установили эти зеркала. Видно, эмир не хочет, чтобы его лицезрел всяк сюда входящий. Для бесед, если они необходимы, достаточно его простого отражения», – отметила она про себя. Девушка остановилась напротив предполагаемого места, где сидел эмир. Она с интересом стала ожидать, что скажет великий полководец, не смея первой задавать ему вопросы.

– Вот какая ты красавица, моя маленькая будущая царица. Не пугайся, все, что тебя окружает, – это фантомы давней цветущей жизни на планете Сириус, как видишь, красота его не исчезла. Она просто превратилась в иллюзорную планету и в этом виде не потеряла привлекательность.

Мария была дочерью княгини Кассандры. Давно эмир заметил мать Марии, дочь Валахского⁶ господаря Щербана Кантакузина и сделал все, чтобы у нее родилась она, несравненная красавица. Это таинство Тимур совершил, исходя из личных побуждений. Долго и с интересом он следил за жизнью этого ребен-

⁶ В средневековых источниках Молдавское княжество называли «Великая Валахия» и «Молдавия». Она охватывала территории современных Молдавии, Украины и Румынии. Княжество просуществовало с 1359 по 1861 год.

ка. И вот настал час, когда эмир должен был посвятить Марию в великую свою тайну, ради которой и поручил сыновьям доставить ее в свой дворец. О тайне этой Тимур не говорил никому. Теперь он впервые лицезрел Марию воочию.

– Как поживает твой мудрый, всеми уважаемый отец – Дмитрий Константинович Кантемир, да твои озорные братья и маленькая сестренка? Здорова ли твоя добрая мать, изумительная Кассандра? Да пусть будет ее пылкий ум отмечен Аллахом, да одарит он ее вниманием и милосердием своим! Слава и хвала Ему! Слава и хвала Кассандре за твое рождение!

– Благодаря Господу Богу, его благодеяниям, все они живы и здоровы.

Настроение у эмира было приподнятое. Он улыбался мыслям, а воспоминание о матери Марии подействовало на него благотворно. Он к ней питал особое чувство.

Эмир второстепенными разговорами пытался отвлечь Марию от того, что произошло с ней этой ночью, расслабить ее напряженное состояние, поскольку ей предстояло услышать и запомнить самую главную его идею. А потому он и начал свою беседу с ничего не значащих обстоятельств.

– А знаешь ли ты, дорогая моя, что я подарил вам фамилию вашу?

– Каким образом, великий эмир?

– Она произошла из соединения двух слов – хан и Тимур. Соединишь их и получишь – Хантимур. Неумолимое время изменило три буквы. Сейчас вы носите фамилию Кантемир. А я, видит Бог, да сияет в небесах лик его, сделал это с той целью, чтобы вы не забывали о своем предке – Тимуре, то есть обо мне. Некоторые говорят, что это не так. Выставляют свою версию. Якобы, поскольку «темир» при переводе с тюркского – железо, значит, мол, «Кантемир» означает – «Хан железный». Не верь им. Я вас наградил этой фамилией, значит мое объяснение – истина. Ты хоть знаешь о наших родственных отношениях?

– Я предполагала об этом, но еще сомневалась, поскольку мне никто не показывал наше родословное древо. Это любопытно. Фамилия моя мне очень нравится. А теперь я ее еще больше полюбила, узнав, что она часть имени

моего предка, да к тому же, еще и кумира.

– Все годы я следил за твоими увлечениями и учебой, Мария. Ты меня всегда радовала. Знаю, что ты говоришь на многих земных языках, в том числе и на персидском. Верно ли я толкую?

– Верно, проницательный повелитель. Только на персидском языке я стала говорить со вчерашнего дня. Сказать честно, я даже его не учила. Как я его узнала – это для меня тайна. За моей учебой строго следил отец. Он очень хотел, чтобы, опираясь на достигнутые великим трудом знания, я могла бы выбрать свой жизненный путь.

Тимур улыбнулся, слыша наивный ответ о познании персидского языка. Не знает еще милая Машенька, что это его удавшийся опыт. Получается, что человек своими посылками может передать знание своего языка собеседнику другой национальности. Тимур продолжил разговор:

– Отец твой достоин похвалы, да благословит его Аллах на благородные деяния. Я выбрал персидский язык в общении с тобой потому, что сам им владею в совершенстве, а еще и по той причине, что ты выучила его неизвестно каким образом. Теперь-то уж я точно определю, насколько хорошо ты его знаешь. На нем я тебе разьясню то, что ты обязана будешь свершить. Мой жребий пал на тебя не только по причине наших родственных связей, но и благодаря твоей неотразимой восточной красоте. Пред ней не устоит ни один монарх, да сохранит красу твою Всевидящий на многие годы, и да будет Аллах велик и славен. Этим ты и должна воспользоваться. Готова ли ты, Мария, беспрекословно повиноваться мне?

Что-то мистическое почувствовала Мария в словах эмира, и ощущение беспокойства сковало ее. Через минуту раздумий она обратилась к Тимуру:

– Прежде, чем ответить на этот вопрос, мой добродетельный эмир, я хочу знать во всех подробностях суть вашей просьбы.

По лицу эмира стремительной волной пробежало недовольство. Он сдвинул свои могучие брови, выпрямился в кресле и взглянул на Марию. Взгляд его не предвещал ничего хорошего. «Как быстро у Тимура сме-

нилось настроение», – заметила Мария. Ей сделалось не по себе.

– Видно, тебя посетил злой джин и отнял у тебя разум, коли ты начала разговор со мною, самым великим эмиром, дерзостью.

– Не гневайтесь, мой повелитель. Это заговорило во мне любопытство и нетерпение.

– Аллах всех нас учит быть терпеливыми. Не просьба это моя, а повеление. За непослушание ты получишь строгое наказание. Жаль мне будет тебя, ежели мне придется искать более покладистую родственницу. О Аллах, тебе все доступно, внуши Марии покорность, которой она должна следовать в ее молодом возрасте.

Мария потупилась. Действительно, эмир прав. Своим вопросом она невольно подняла себя на его уровень. А это было унижительно для него.

– Я повинуюсь вам, мой благородный властелин. Не придется вам меня наказывать за неисполнение вашей воли господина.

– Так-то вот уже лучше, – эмир улыбнулся и продолжил разговор: – Ты знаешь, что в свое время я был так близок к Москве, что только стоило протянуть мне руку, как она была бы моей. До этого я уже совершил 25 военных походов. С Божьей милостью Аллаха, я завоевал Среднюю Азию, боем прошел Сибирь, Персию, Индию, Турцию. Покорил Багдад и Дамаск. Все государи пред моей армией опускали знамена и склоняли свои головы. Так вот то, о чем я сейчас расскажу, случилось 26 августа 1395 года. Я был почти у стен Москвы. В это самое время, дабы изменить мои намерения по взятию столицы русичей, митрополит Руси нисподобил великого князя Василия I Московского привезти из Владимира в свой стольный град икону Владимирской Богородицы. В тот день поверил я в ее божественную силу. Но все по-порядку, – эмир откашлялся и приготовился к длинному рассказу: – Икона эта, как живая, предстала предо мною в сонном видении. С высокой горы спускались святители русичей. В руках у них были длинные посохи, золотом покрытые, а над ними парила живая Богородица их, да с множеством Ангелов. Все они были с огненными мечами. Тут дикий ужас охватил меня. Как же сражаться со святой армией? Они уж

точно, в пепел оборотят все мое войско с конями вместе. А Мариям – это была она без сомнения, – погрозила мне своим указательным перстом. В тот момент, видно, за допущенные грехи, покинул меня Аллах. Как я понял, Мариям мне простила все походы, а вот за Москву готова была лишиться меня головы. Очнулся я от этого ужаса. Сразу созвал в свой шатер мудрецов, старых людей, гадалщиков, да и рассказал им свое видение. Поражены они были этим событием. Эти праведники Аллаха и разъяснили мне, что в ней, в матери Бога, сила есть неодолимая. Уж коли она захочет, так сотрет армию мою с лица земли. Выскочил я тогда, как полоумный, да на коня своего любимого одним махом взлетел. А конь-то мой, как увидел меня, так пена с губ у него стала падать белыми клочьями. Брыкается, ржет, словно демон вселился в него. Думаю я: «Чего это вдруг? Не заболел ли мой славный Жасур⁷?» Только мысль эта возникла у меня, как мой ахалтекинец встал на дыбы и заплясал, норовя сбросить меня с седла. Что он только не вытворял. Добро, что я достойным был джигитом в то время. Он даже умудрился на спину упасть, совсем с ума сошел. Я ловко спрыгнул с него, но луку седла не отпустил, а как только он стал подниматься, так и я разом оказался в седле. Думал, что укрошу разъярившегося коня, но не тут-то было. Он вновь начал вставать на дыбы. Вот тогда я соскочил с него, огрел бывшего моего любимца камчой, да и крикнул нукерам: «Убейте его!». Рванули они за ним, но не сразу догнали. Много стрел выпустили, пока выполнили мою волю. Кровь ударила мне в голову. Тогда-то я понял окончательно, что на все, что со мною произошло, была воля Аллаха. Это он вселил в коня буйство, видно, обрек его на смерть специально, чтобы я и не помышлял въехать на нем в Москву. Стало мне ясно, что не видать мне стольного града русичей. А пока я еще цел, так надобно убираться мне восвояси. Развернул я свои войска, дабы не вызвать гнев божий и двинул их в обратную сторону – на юг. Вот так и не пришлось мне взять их белокаменную столицу.

– Простите меня, великий эмир. Таких подробностей о вашей жизни я не знала.

⁷ Жасур - смелый (тюрк.).

– Так и было. Но и это не все. Подстерегли меня в степи разбойники. Кто их заслал? Ума не приложу. Видно цель их была убить во мне все сомнения, связанные с моим отступлением. Пришлось мне с ними вступить в бой. Благо, меня сопровождали нукеры. Уложили мы их всех. С тех пор я уж не отдалялся один от армии. Появление головорезов – это тоже была месть за мой последний поход на Русь. Дальше уж делать было нечего на земле христианской, тем более, исчез мой самый ценный для меня оберег – печать с тремя кольцами. Без нее я не ходил ни в один поход. Не одно поколение из моего рода пользовалось ею. Передавалась она родственникам моим по отцовской линии. Я был последним в своем роду, который держал эту печать в своих руках и именно на меня пала такая незавидная доля – потерять эту драгоценность.

– Так вот в чем причина вашего отказа от боя с русичами. Теперь мне все ясно.

– Да, не осуществилось мое желание подчинить Русь моему улусу.

Тимур замолк и погрузился в свои думы. Видно, в этот момент он вновь пережил события давних времен. Мария наблюдала за эмиром. Наконец она не выдержала затянувшегося молчания и тихо, чтобы вновь не обидеть Тимура, спросила:

– Я-то здесь причем? Прошлое, как бы мы ни старались, обратно не вернуть, а посему я не смогу быть вашей помощницей.

Тимур поднял на нее глаза и укоризненно покачал головой.

– Эх, молодость, молодость. Нет терпения у тебя, Мария. Пойми ты, наконец, что поспешать-то нам уж некуда. Не можешь прервать водопад слов своих и замкнуть уста на замок? Все тебе подавай сразу и вдруг.

– Молчу, молчу. Я помню ваши правила.

– Внимай далее. Этот случай моего отхода со всем войском от границы Руси до сих пор будоражит ум мой. Не успокоюсь я, пока не завладею Москвой. Рождаются и сейчас в моей голове планы захвата державы этой. Один другого интереснее. На одном из них я и остановился.

– Как же, простите меня, в вашем-то положении достигнуть этого?

– Вот в этом вся мудрость идеи моей и со-

стоит. Ты уж достаточно взрослая, чтобы понять мой план. С помощью Аллаха выносишь ты меня в чреве своем, но от Московского царя – Петра I.

– Как?

– Как все женщины.

– Но...

– Никаких «но». Стану я расти на руках твоих, Мария, вскормленный молоком твоим и сделает меня Петр преемником своим. Возглавлю я великую державу русичей, тогда-то я и угомонюсь.

«Вот оно что. Вот в какой лабиринт чувств, отношений и действий привели вас раздумья ваши. Такой клубок сплести – это много потребовалось времени», – мыслила она, одновременно восхищаясь эмиром. – «Удивлению моему от вашего ума нет предела».

Постигнув, о чем зашла речь, Мария не стала возражать эмиру. Похоже, она согласилась с его гениальным планом, однако рискнула уточнить некоторые возможные препоны, которые могли бы возникнуть на ее пути. Не преодолев их, нельзя будет выполнить это серьезное поручение, к которому она морально уже стала привыкать.

– И все же скажу я вам, что вряд ли это выполнимо, я же не его благоверная, не его суженая. Петр I уже имеет сына Алексея. Он его единственный законный преемник. И кто знает, сколько у него еще будет сыновей, пока я достигну возраста невесты.

– Вот что тебя беспокоит?! Не волнуйся, уверяю я тебя, хоть эта работа сложная, однако к моменту, когда ты увлечешь собою Петра, и он окажется у ног твоих, а это обязательно случится, у него уже не будет наследника. Не будет и последующих сыновей. Ты станешь царицей, коли очень постарайся. От Петра ты понесешь ребенка. Я наделю твоего первенца всеми моими родовыми признаками, в чем ты сразу убедишься, как только он родится. Для меня это не составит особого труда, поскольку ты как родственница моя уже сейчас носишь их в себе.

– А если не хватит ваших магических деяний свершить задуманное с сыном императора?

– Если это случится, во что я не могу поверить, тогда это будет непоправимой катастро-

фой. Но, впрочем, не думай об этом. В любом случае до совершеннолетия твоего младенца я сделаю все, чтобы он стал единственным наследником и правителем государства России. Вот и произойдет возрождение молодого эмира Тимура в Московии, то есть меня.

– Еще имеется одно очень серьезное, и думаю непреодолимое препятствие.

– Какое?

– Все жители Руси поклоняются христианскому Богу и, ни за какие земные блага не согласятся поменять эту религию на другую.

– Ну и что?

– Вы же верите в ислам, молитесь Аллаху. Они не разделят с вами привязанность к этому Богу, уважаемый великий эмир.

– Пока ты этого не ведаешь, но как Бога ни назови, он остается единым. Так что религия не станет для нас помехой. Пусть христиане называют его другим именем, от этого ничего не изменится. Ля иляха илля-Ллаху-ль-Вахиду-ль-Каххару, Рабу-с-самавати, ва-ль-арди, ва ма байна-хума-ль-зизу-ль-Гаффар!⁸

– Думаю, вам отсюда виднее.

Тимур ничего не ответил на эту реплику. Мысли эмира перенесли его уже далеко от этого места. Он продолжал мечтать о России, о своем владычестве в роли ее царя. Пред ним проходили годы его правления в Средней Азии. Но вот он очнулся из забытья и молвил:

– Теперь ты поняла свое предназначение? Это я постарался, чтобы ты родилась у Дмитрия Кантемира. Этим объясняется твой постоянный интерес ко всему, что связано со мной. Потому ты так усердно изучала мою жизнь. Ведь ты сутками не покидала своды библиотеки отца. Во время своих ночных сновидений ты часто обращалась ко мне с разными вопросами. Тогда я искренне дивился твоему разуму. Годами-то была ты мала, а умом – не по возрасту смышленной. Я слышал вопросы твои и помогал тебе найти истину. Ты во множестве писала мне письма. Читал я их незримо, хотя ты складывала свои сочинения в потаенную шкатулку, никуда их не отправляя. Как видишь, связи у тебя со мной налажены давно. А с этого момента, когда ты

⁸ Нет Бога, кроме Аллаха, Единого, Всеподчиняющего, Господа небес, земли и того, что находится между ними, Всемогущего, Прощающего.

познала мои намерения, твои мысли должны подчиняться только осуществлению плана моего. Постарайся и ты быть активнее в религии православной. Это поможет тебе найти ближайший путь к великому Петру. Без этого наша идея будет несбыточной. А я бы не хотел с ней расстаться.

– Повинуюсь, мой эмир.

На глазах Марии появились непрошеные слезы. Идея по возрождению эмира ей была ясна, но пугала своей потусторонней сущностью. Она уже ощутила, что отказаться ей от этого наказа не удастся. Желание эмира – это для всех является законом. Значит, необходимо ей самой будущие действия представить до мельчайших подробностей. Поможет ли в этом эмир? Она не знала. Жесткий характер Тимура сковал ее волю. Скорее всего, он выступит перед ней как каратель и будет наказывать ее за любую, даже малую оплошность. Мария чувствовала его необузданную энергию. Ею был насыщен весь тронный зал. «Видно, этой энергией он и покорял все народы, по землям которых с боями прошли его воины», – мелькнула у нее мысль.

В это же время Тимура осенило: «Все-то я продумал, но не ясно одно, – доставит ли мне удовольствие жить на земле в совершенно чужой материальной оболочке и в других, ставших непривычными для меня условиях? Если это осуществится, то я навсегда потеряю своих родных, с которыми я не расstaюсь и ныне, друзей, полководцев, воинов, наконец, тех врагов, с которыми я постоянно сражался. Что же я буду делать в таком одиночестве? Увлекут ли меня чуждые идеи? Не ошибаюсь ли я в стремлении возродиться вновь в образе наследника Петра? Кто знает, плохо это или хорошо? И я не могу ответить на этот вопрос. Ясно одно – возврата к нынешнему быту уже никогда не будет. Готов ли я к этому? Сейчас я нахожусь в лучшем положении. Вокруг меня привычные люди, даже если они давно уже стали призраками. Мы часто предаемся бесконечным воспоминаниям, и в этот момент мы счастливы».

Эмир беспокойно задвигался. Это заметила Мария.

«Что-то здесь не до конца и не все мною продумано, коли появился вопрос, – размыш-

лял Тимур. – Придется еще раз, не торопясь, взвесить все «за и против». Времени у меня для этого предостаточно. Ежели что всплывет непредвиденное, а это вполне может быть, то и отказаться от этой идеи никогда не будет поздно. Сейчас надобно проводить Марию, чтобы она, не дай Аллах, душою своей ранимой не почувствовала моих колебаний. Пусть живет спокойно и наслаждается жизнью, этим мигом по сравнению с бытием во Вселенной. Теперь у нее есть цель, которая потребует от девочки серьезных усилий».

Думала обо всем увиденном и Мария. Ее потрясла незаурядная личность Тимура, его способность мышления, быстрая реакция, глубокая память, острый ум, который даже по прошествии веков не иссяк и чувствовался в каждой высказанной им мысли.

В это время каким-то образом возник рядом с эмиром хан Тохтамыш. Княжна очень удивилась его появлению. Как же мог здесь присутствовать кровный враг Тимура? Ее замешательство заметил Тамерлан и сразу понял причину смущения Марии.

– Скажу тебе, что история в ваших книгах изложена неверно. Там нет самого главного – раздумий правителей. Только по мыслям их можно судить о величии того или иного властелина. Тохтамыш в ваших книгах показан, как коварный злодей, неблагодарный человек. А это далеко не так. Потому ты и удивлена появлением у меня хана.

– Не удивлена, мой повелитель. Я бы сказала, что поражена.

– Я не осуждаю тебя, поскольку в то время и я считал его примерно таким же. Слава Аллаху, что прозрел, правда, после того, как попал уже в этот мир. Здесь все обиды исчезают. Душа Тохтамыша оказалась доброй. Теперь мы друзья и часто встречаемся, чтобы сыграть несколько партий в шахматы, а то и просто – предаться воспоминаниям. Он хороший собеседник.

Прибывший хан с большим интересом рассматривал Марию и внимательно слушал подробное объяснение эмира. У него хватало такта не перебивать прославленного полководца. Видимо, и здесь Тимур пользовался уважением. Эмир заметил это.

– Тохтамыш, извини, у меня долгождан-

ная гостья, и пробудет она у меня очень недолго. Я должен ею заняться. Если хочешь, то ты можешь присутствовать при нашей беседе, – обратился к хану эмир, – в твоём же распоряжении я буду позже. Только ради Всевышнего, не обижайся.

– Ты не извиняйся, да благоволит к тебе Аллах, творец всего сущего. Я тебе не буду мешать. Прилечу позже, а пока навещу Мамаю.

Эмир Тимур услышал это имя и скривился, будто попробовал что-то кислое.

– Ты имеешь дело с этой облезлой гиеной? Мало ли он тебе вреда нанес в земные годы?

– Зря ты так реагируешь на него. Да исчезнет у тебя обида на темника. Это в том мире мы все передрались. Посмотри на нас с тобой. Кто бы мог подумать, что мы будем друзьями? Вот так-то, вот.

– Это не обида, это привычка.

– Уверю тебя, если бы мы в те, быстро пролетевшие, но по-своему славные годы могли бы говорить по душам, так на земле вовсе не было бы браней. Каждый из нас в отдельности имеет замечательную душу, только не всегда мы распознаем ее в нужный момент.

– О чем же ты с ним говоришь при встрече, мой дорогой друг?

– О девушках, разумеется, о потерянном гареме, – пошутил хан и беззвучно рассмеялся.

– Это о том гареме Мамаю, которым ты воспользовался в свое время?

– Да, о том самом.

Хан исчез так же внезапно, как появился. Мария не могла еще осознать то, что бывшие враги, оказывается, могут стать друзьями в потустороннем, то есть в этом, в котором она сейчас находится, мире и продолжала смотреть на Тимура с недоумением. Все здесь было непривычно.

– Не обиделась ли ты на меня, черноокая красавица ненаглядная, за то, что сыновья мои насильно доставили тебя в мой дворец? – обратился к Марии Тимур.

– Нет, великий эмир. Благодаря этому случаю, я много чего узнала о вас нового.

– Я признателен Всевышнему за то, что он назначил нашу, для меня очень приятную встречу на 9 апреля – в день моего рождения

на земле.

– О дате вашего рождения мне было известно, но как-то не сопоставила я этот день и нашу встречу.

– Джахангир, – позвал сына эмир, – отведи Марию к звездочету. Пусть он оставит на ладони ее левой руки мое тавро.

– Слушаюсь, отец.

Обращаясь к Марии, эмир добавил:

– Не бойся. Это необходимо. Будет больно, но ты вытерпишь. Этот ожог быстро заживет.

– Но зачем это делать?

– Само тавро тебе будет напоминать о моем повелении. Оно не исчезнет до тех пор, пока ты не выполнишь свою очень важную для меня историческую миссию. Сейчас, пока ты не вышла годами, ни о чем не думай, живи в свое удовольствие. Порхай по жизни, как молоденькая пташка бессловесная. Я напомню о себе через этот знак, как только ты превратишься из бутона в зрелую благоухающую замечательную розу.

Старший сын Тимура, готовый к исполнению любого повеления своего отца очутился рядом с княжной и нежно взял ее за руку. Тимур бросил на нее прощальный взгляд и произнес:

– Береги себя, Мария. С этой минуты ты не принадлежишь себе и знай, что тебя окружают не только добрые, любящие тебя люди. Среди них есть и злые, которые попытаются сделать тебя несчастной. Распознать их невозможно. Они скрываются под личиной добродетели и показной любви к тебе. Знай, что одним из них будет человек, который прикинется для тебя незаменимым. Он уже послан к тебе Темными Силами. Цель его – помешать тебе осуществить мою мечту. Чтобы обезопасить себя, не открывай ни перед кем свою душу. О том, что мы встретились и о чем беседовали, не должен знать никто. Отныне все свои действия соразмеряй с моим заданием. Мой славный Джахангир, – вновь эмир направил свой взор на старшего сына: – Проводишь ее до постели и уйдешь от нее, как только убедишься, что она проснулась. С этого момента будь ей путеводной звездой всю ее жизнь.

СЕРГЕЙ ПСАРЁВ

Крещение, не ставшее заметным событием истории

(Отрывок из повести “В дороге”)

*Князь-Владимирский собор
на Петроградской стороне
Рисунок автора*

Однажды Александр рассказал ей, как пришел к обряду Крещения. Это случилось за два года до их встречи на Валааме. Он долго не придавал значения своему положению. В таких случаях говорили, что родители не передали веру, и ему самому следовало пройти греховный путь жизни. Когда-то из любопытства Александр спросил про это свою матушку. Она пояснила, что его отец был против крещения, жили в такое время:

- Это можно теперь сделать самому. Все люди к вере приходят. Иногда долго ждать приходится...

С тем через полгода и померла. Разбирая ее архив, Александр нашел кроме партийного билета, еще и толстую, тяжелую библию, изданную московской патриархией в 1992 году. Рядом на полке стояло несколько икон небольшого размера. Среди них оказалась и его собственная маленькая черно-белая фотография. Ее он прислал матушке, когда служил в армии. Записанную ее рукой молитву “Отче наш”, с тех пор Александр всегда носил с собой. Его старшую сестру маленькой тайком крестила бабушка. Дождалась момента, когда родителей-атеистов рядом не было, и понесла ее в церковь. Большого шума по этому поводу дома решили не устраивать. Самым мудрым оказалось просто не замечать очевидного и не привлекать лишнего постороннего глаза. Посещение церкви для человека теперь не было поступком, за это не подвергали общему осуждению на собраниях. Александр полагал, что в его положении следовало прийти к вере самому, а потом уже совершать обряд Крещения. Кто знает, может быть ему, некрещеному человеку, действительно следовало больше молиться, чтобы соединиться с Богом? Когда-то православие воспринималось им только как часть национальной культуры, русского характера. Особенно там, на Севере, среди старинных православных храмов, Александр чувствовал приток внутренних сил. А еще он всегда знал, что рядом с ним существовал какой-то другой невидимый духовный мир, совершенно бестелесный. Правда, на картинах художники часто рисовали его с крыльями. Наверное, другим образом у них не получалось показать отсутствие материального начала. Эти дни Александр запомнил хорошо. Ударили морозы, и над городом засветило яркое холодное солнце. Кто-то из петербуржцев заметил в ясном небе красивое атмосферное явление – гало, в виде креста или огромного светящегося кольца вокруг солнца. Ученые

объясняли это наличием в воздухе невидимых глазу кристаллов льда, похожих на алмазную пыль. В старое время в таком явлении видели недобрый знак. Например, в “Слове о полку Игореве” говорилось, что перед самым наступлением половцев и взятием в плен князя “четыре солнца засияли над русской землей”. Александру все это, напротив, очень понравилось. Люди в городе уже одичали без солнца, а тут бесплатное небесное представление... Шел второй день Седьмицы мытаря и фари-сея. В Князь-Владимирском соборе батюшка вспоминал Ксению Петербуржскую, это был ее памятный день. Хорошо он тогда говорил, без пафоса и высоких слов, простым языком о ее подвижничестве и духовном подвиге. Вспоминал примеры о разладе здравого смысла со словом Божиим, о юродстве во имя любви к Богу. По завершению сказал, что на Крещение таких морозов в городе не было.

- В этот день морозы случаются непременно, словно проверяют многие тысячи петербуржцев, пришедших к Ксении на Смоленское, кладбище на прочность их веры.

Александр сам частенько хаживал на Смоленское кладбище и рисовал у часовни Блаженной Ксении фигуры прихожан. Очень выразительные получались наброски. Опять же, там ему никто не мешал, каждый был занят своим делом. Потому и проповедь в тот день слушал с большим удовольствием, а потом направился в часовню Святого Александра Невского купить себе нательный серебряный крест. Почувствовал, что сегодня обязательно должен это сделать.

Вспоминая об этом, Александр признался, что словно услышал какой-то внутренний голос: «Теперь дверь для тебя открыта, вставай и иди». Дальше он действовал с особенной уверенностью, которой прежде у него в храме никогда не было. Его будто вели здесь за руку. Еще вчера Александр терзался сомнениями, а сегодня наперед знал, что все так и случится...

Часовня находилась совсем рядом, на углу улицы Добролюбова и Большого проспекта Петроградской стороны. Для удобства прихожан ее превратили в церковную лавку. У ра-

ботавшей там женщины, было бесстрастное лицо и тонкие бескровные губы, что говорило о давнем уходе из мирской жизни. Она вы- ставила перед ним все необходимое и сделала нужные пояснения.

Александр долго выбирал себе крестик и красивую изящную цепочку. В конце концов, женщина сухо заметила ему, что часовня - со- всем не ювелирный магазин. Ему же, напро- тив, хотелось во всем делать себе праздник. Он купил еще несколько тоненьких книжек из серии христианской жизни и, уходя, со счаст- ливой улыбкой пожелал служительнице ча- совни терпения и любви...

По дороге он успел немного полистать купленный молитвослов и подумал о том, как хорошо было бы перевести его на доступный современный язык, чтобы содержание легче доходило до верующих...

Вернувшись, Александр уточнил у служи- теля собора возможность принятия крещения в завтрашний день. Ему пояснили расположе- ние крестильни, время огласительной беседы и сумму пожертвования необходимую для совершения таинства. Все это выглядело до- вольно простым. Александр испытал в душе облегчение, смешанное с легким разочарова- нием. Между тем, таинство, которое было под силу родившемуся ребенку, у него, взрослого и немолодого человека, вызывало неподдель- ное волнение. Александру уже на следующий день предстояло умереть для своей прежней греховной жизни, чтобы заново возродиться для Святого Духа. По сути, ему предстояло пережить второе рождение. Конечно, если дальше жить настоящей православной жиз- нью, поскольку без этого крещение теряло всякий разумный смысл...

На следующий день таинству Крещения предшествовала продолжительная беседа с катехизатором. Разговор пошел о серьезности его намерений и основах православной веры. Александр искренне порадовался, сколь вни- мательным и широко образованным оказался собеседник. Ему опять показалось, что его здесь давно уже ждали, словно заблудшего сына после многих лет скитаний. Петербург блистал перед ним своими красивыми храма-

ми и всегда жил какой-то особенной, закрытой и разделенной каменными стенами жизнью.

«Как странно, что в таком огромном городе лишь я один пришел сюда креститься, - подумал он. - Никто завтра не узнает об этом, ничего вокруг не изменится». Его имя вписали в церковную книгу, и для этого впервые не требовался паспорт. Здесь поверили слову.

- Если человек пришел креститься, значит, вера у него есть, - сказал вошедший священник, словно читая его потайные мысли...

Он оказался человеком деликатным и постарался не заметить ошибок, совершенных им по неуверенности и волнению. Казалось, священник излучал вокруг себя какое-то добродушие и тепло. Александр подумал, что к такому человеку наверняка тянулись многие прихожане. Перед ним хотелось открывать душу. После совершенного таинства он сам привел Александра для первого в его жизни Причастия...

С того времени минуло уже много времени, но ощущение праздника у него осталось. Любое воспоминание проливалось теплом. В том феврале было всего два солнечных дня и это были его дни в храме...

Слушая Александра, Ольга подумала, что у него многие действия совершались спонтанно, они происходили какими-то толчками и порывами. Была ли здесь вера? У нее все получилось иначе и было совсем не до ощущений. Крестилась сама, а потом крестила маленького сынишку Сережу, давала ему защиту и ориентир в жизни. Осознание произошедшего пришло к ней только потом.

- Горячий, независимый, а все же сам пришел сюда.

Она улыбалась и говорила этому сильному человеку, что для православной веры он еще маленький, по сути своей - только младенец. Это начало их большого пути...

Александр признался, что без их встречи на Валааме его православная жизнь на этом, скорее всего, быстро закончилась бы...

Знахарка

Зимний рассказ

Эту любопытную историю рассказал мой давний друг, Павел Андреевич Чибисов. Дело было под Старый Новый год в его загородном доме. Назвать этот старинный особняк обычной российской дачей – язык не поворачивался. Глядя на него, в моей памяти возникали исторические здания на Крестовском острове, где снимали эпизоды многосерийной саги про Шерлока Холмса и доктора Ватсона...

В тот день мы вдоволь покатались на лыжах в лесу и теперь уютно устроились в креслах возле открытой топки большой русской печи. Моду на разные заграничные камины Павел Андреевич не признавал в принципе.

От печи приятно тянуло теплом, на оконном стекле играли огненные блики. Дремлющее пламя медленно превращало сухие березовые поленья в красноватые мерцающие угольки. В таком общении с огнем всегда было что-то магическое. Нас потянуло рассказывать друг другу необыкновенные житейские истории. Это прекрасно заполняло зимний вечер вместо изрядно поднадоевшего телевизора. Наступила очередь Павла Андреевича. Теперь он, как опытный актер, держал длинную паузу...

Павел Андреевич

Нужно сказать, что для меня Чибисов всегда оставался интересным человеком. Потомственный петербуржец, в роду у которого было немало замечательных людей своего времени: инженеры, учителя гимназии и священники. Сам Павел Андреевич всю жизнь проработал простым инженером. Одно время его даже собирались продвинуть по профсоюзной линии, но тут же выяснилось, что Чибисов убежденный беспартийный, да еще и церковь посещал. Наверное, сказало его домашнее воспитание. Он не просто свечки в храме ставил, а ходил туда на исповедь, причащался и молился. Тогда все это не лезло в допустимые рамки. Начальники забыли о Чибисове раз и навсегда. В то же время это не мешало им видеть в нем одного из самых

опытных специалистов проектного института. Позднее, уже после закрытия учреждения, Павел Андреевич работал в разных частных фирмах, даже пробовал себя в самостоятельном бизнесе. В последние годы он постепенно отошел от больших дел и подолгу находился за городом.

Около десяти лет назад Павел Андреевич обнаружил в пригороде Всеволожска небольшой старинный двухэтажный дом, принадлежавший ранее каким-то предкам по материнской линии. К слову, дом тогда находился в очень плохом состоянии. В последние годы там разместили склад какой-то воинской части. Потом эту часть тоже расформировали. Павел Андреевич тогда выкупил дом за бесценок и принялся его постепенно восстанавливать. Тот, кому когда-нибудь приходилось заниматься подобным делом, мог понять, что дело это долгое, необычайно хлопотное и дорогое.

С тех пор он жил в своем родовом гнезде почти безвыездно и по русскому обычаю полюбил принимать гостей. Все венчания, крестины у его родных теперь проходили только в местном храме Спаса Нерукотворного Образа, что находился во Всеволожске на Дороге Жизни. Он стал его семейным храмом.

Павел Андреевич всегда отличался какой-то особенной внешностью. Узкое лицо, очки в тонкой оправе и острая чеховская борода делали его похожим на старого русского интеллигента. Был бы художником, непременно написал портрет своего друга. Это сейчас у нас добрая половина мужского населения вместе с бородой стала обретать поруганное и утраченное мужское достоинство...

- Лизоньку, нашу младшенькую, ты, конечно, хорошо знаешь и помнишь. Красавица, общая любимица. Умненькая девочка, с прекрасным университетским образованием, талантов за ней разных водилось много, а в личной жизни все как-то не складывалось. Даже в театре себя успела попробовать, астрологией увлекалась, на картах гадать училась. Эта новая история будет связана с ней...

- Лиза, Лиза, Лизавета, что не шлешь ты мне привета. Что ж ты дроле не поешь, аль твой голос не хорош...

- Полноте, Владимир Николаевич, уже ли не забыл своего прежнего сватовства?

- Это дело для себя считаю полностью закрытым, иначе бы в гости сегодня не пожаловал.

- Согласись, какой ты ей был бы жених? Герой Отечественной войны со шрамом на лице, подполковник Лейб-гвардии Семеновского полка... Ладно, шучу... Ты бы тогда еще на белом коне под ее окнами проскакал. У вас же разница в возрасте целых 20 лет! Да, она увлеклась, покружил ты ей голову. Лиза тогда даже стихи писать начала...

- Знаешь, а хорошо, что у нас тогда с ней ничего не получилось. О ее чувстве ко мне долгое время даже не догадывался. Нашел я свою тихую гавань, удивительную женщину встретил. Таких мужчины уже не обманывают, чистая и светлая душа. Это, как награда за все испытания. Жаль, что времени для жизни осталось мало. Кто знает, может Бог увидит, как нам хорошо и назначит добавочное время...

- Что же, очень рад за вас обоих. Это не тали, которую я видел с тобой в Русском музее на выставке Айвазовского?

- Да, она...

- Очень достойный выбор. Слушай, глаза у нее особенные, будто в душу твою глядят...

- Ладно, Павел Андреевич, не отвлекайся от самого главного. Рассказывай свою историю, больно интересно...

Павел Андреевич задумчиво посасывал погасшую трубку, затем и вовсе отложил ее и продолжил свой рассказ...

Давно обратил внимание, что Елизавета зачастила с поездками в Энск. До поры особого внимания не обращал. Она у нас всегда была независимой. Ей в нашем доме многое позволялось. Здесь ежели свободы однажды много отдашь, то обратно ее уже не вернешь. Разве что случай какой или неприятности этому поспособствуют. Так уж лучше их и не было совсем...

Спросил как-то, что за интерес у нее в Энске? Елизавета сказала, что она больше семи лет ездила к некой Анне Ивановне, знахарке решать свои житейские вопросы. Получалось, что эта сторона ее жизни для меня оказалась незнакомой...

Колдовские дела

Признаюсь, что к знахарству всегда относился с большим предубеждением. Знахарь - производное от слова “знать”, предполагавшее особенное знание, связанное с врачеванием человеческих недугов. Этот человек, травник или шептун, обладавший магическими способностями и колдовством, исцелял от всех болезней, к нему шли за решением любых практических житейских вопросов или с целью заглянуть в будущее.

Известно, что верховные русские правители прежде чем затеять очередную военную авантюру сначала молились в православном храме, а потом ехали к волхвам за советом. Одним язычеством и загадочностью славянской души всего не объяснить. За этим стоял опыт тысячелетий. Ответ они получали, иногда прямой, но чаще двусмысленный, который следовало угадать.

Случалось, что ответа искали у природы или неба. По этой части есть прекрасный пример из “Слова о полку Игореве” в дословном переводе Дмитрия Сергеевича Лихачева:

«Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что оно тьмою воинов его прикрыло. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем пленным быть; так сядем, братья, на борзых коней да посмотрим на синий Дон».

Хорошо известно, когда верховными жрецами выступали уже сами русские князья. Не случайно князь новгородский, а позднее великий князь киевский Олег носил имя Вещего. Оно пришло к нам из подлинного исторического документа, “Повести временных лет” и означало “знающего” или “предсказывающего” будущее. Его прозвали так после возвращения из похода на Византию в 907 году. Все это не помешало ему самому обратиться к отшельнику-волхву перед новым военным походом. Вспомним, как об этом сказано у Александра Сергеевича Пушкина:

*Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?*

*Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня.*

- Павел Андреевич, если к знахарю или предсказателю приходили раньше и приходят сейчас, значит, он давал какой-то конкретный результат? На таком фоне любой шарлатан рано или поздно всегда выявлялся. Помнишь, сколько волшебников у нас было в 90-е годы? Мне сейчас кажется, что кому-то на самом верху даже выгодно было отправлять к ним людей. Чтобы они окружающий бардак меньше замечали, на улицу не вышли устраивать очередной майдан.

- У таких знахарей любая ворожба всегда начинается с молитвы и обращения к Богу и святым угодникам, но при этом каждый священник скажет тебе, что здесь присутствует бесовщина...

- А тебе не кажется, что такие запреты на обращение за помощью к знахарю у священников скрывают банальную человеческую зависть. Почему люди за помощью идут туда, а не в храм или медицинское учреждение? Их часто называют колдунами или ведьмами, но при этом многие из них глубоко верующие люди. Ты же сам об этом говоришь...

- Видишь ли, сейчас все запреты сняты, все можно. Грань между настоящими духовными целителями и теми, кто себя таким только представляет часто мало заметна простому глазу. Слишком велик риск подвергнуть себя ненужной опасности. Существует традиционное представление, что деятельность знахарства направлена на доброе дело, а у колдуна или ведьмы на причинение вреда, наведение порчи. Здесь и начинается самое главное: такой человек, обладающий особенной способностью, способен сотворить не только добро, но и зло, наказать кого-то. Это дает ему огромную власть над людьми.

Такие целители не спешат получать благословение в храме у священника: “Откуда мне знать, что они не грешнее меня?” Посуди сам: разве это не грех гордыни? Если так, то и все его магические способности исцеления совсем не от Бога, здесь не обходится без присутствия другой, неведомой самому целителю силы. В таких случаях священники часто го-

ворят об одержимости бесами. Нравится это сегодня кому-то или нет, но любое знахарство в храме считается разновидностью колдовства.

Даже если же целители и получают благословение, то делают это примерно так: приходят в храм, дожидаются конца литургии, дальше подходят к кресту и говорят: “Батюшка, благословите”... Естественно при этом ничего больше не добавляют. Потом они говорят, что получили благословение на свое занятие. Поверь, ни один священник, будучи в здравом уме и твердой памяти, не станет давать благословения на знахарство...

Думаю, что ко всему этому нам нужно относиться с большой осторожностью, не навредить самому себе или своим близким...

А вообще, как говорил Августин Блаженный: “Чудеса не противоречат природе, они противоречат лишь тому, что нам о ней известно”. Совершая чудеса, как известно, Спаситель не только превращал воду в вино, но и исцелял людей от разных болезней, спасал умирающих и оживлял мертвых. Наверное, Иисус Христос был самым искусным целителем, который всегда обращал внимание на веру человека. За это и пострадал одним из самых первых...

У Елизаветы тогда были какие-то нелады с мужем. Знахарка попросила его фотографию. Посмотрела на нее, улыбнулась и говорит: “Не сомневайся, любит он тебя, очень любит. Положи сейчас на фотографию свою руку”... Елизавета положила, а по ней будто утюгом только что прошли, горячая. К слову, после этой ее поездки дела у них в семье налад пошли. Мужа с тех пор словно подменили.

Скоро знахарка с большой точностью предсказала ей сроки рождения ребенка, что и когда Лизе для этого нужно было сделать. Потом так и случилось. С тех самых пор все и пошло. Ни один важный вопрос в семье уже не решался без участия знахарки Анны Ивановны. Теперь каждый положительный результат непременно связывался с ее деятельностью. Денег за свои услуги она почти не брала. Кто и сколько мог ей дать, за то и спасибо. Похоже, что приходившие туда люди в благодарности

знахарке никогда не отказывали. Некоторые очень хорошо это делали деньгами или подарками разными...

В общем, решил я поехать туда вместе Лизой. Благо, что ей это даже показалось интересным. Захотелось узнать потом мое мнение об этом удивительном народном феномене...

В Энске

Доехали мы туда часа за три. Энск - обычный провинциальный старинный русский городок с городищем на возвышенном месте, дозорными башнями и белоснежными церквями. Из прежних пяти крепостных колец теперь осталось только три. Они постепенно ветшали, осыпались, но не становились от этого менее привлекательными для горожан. Еще больше земляные валы и бастионы привлекали местных мальчишек, искавших там потайные входы и клады...

Когда-то этот городок являлся важным приграничным оборонным и торговым центром. После окончания Северной войны границы государства заметно раздвинулись в западном направлении, и он утратил свое былое значение. Теперь Энск показался мне много меньше любого нашего городского района. Скоро выехали куда-то на окраину. Дома здесь все больше одноэтажные, деревянные рубленые избы с резными окошками. В таких при царе жили мещане, купцы средней руки или мастеровые люди.

Тут Лиза сказала, что теперь уже совсем близко и машину лучше оставить на стоянке у магазина. Там рядом еще три других машины было. Правда, на одной из них почему-то сняли два колеса. Закрыв свою машину, все проверил и поставил на сигнализацию. Дальше пошли пешком мимо какого-то старого завода. Пустые заброшенные цеха, ржавые рельсы, колючая проволока и горы всякого строительного мусора. Под самой крышей здания из красного кирпича цифры с датой постройки: 1893 год. Рядом, на панельной бетонной коробке можно было прочесть старательно покрашенный лозунг: “Наша цель - коммунизм”. Какое-то неприятное и неуютное место. Тогда

почему-то вспомнилась “Зона” из кинофильма Андрея Тарковского “Сталкер”...

- А метеорит там, случайно, не падал?

- Вопрос интересный, но не шути напрасно. Я его тоже тогда задал. Говорят, что-то любопытное в этом месте все же было. Давно, еще в 70-е годы прошлого века. Речь шла не о небесном теле, а о закрытом оборонном предприятии. Чем они там занимались – никому неизвестно. Потом в 90-е это предприятие закрыли, а все оборудование куда-то вывезли. Слухов про него ходило много и очень разных, но повторять их не стану, поскольку считаю себя серьезным человеком.

В общем, прошли мы через эти заводские руины. Дальше была какая-то речка и мостик через нее деревянный. Немного странным показалось, что вокруг зима, мороз, а здесь речка не замерзла и вода в ней на ощупь показалась мне теплой. Пар вокруг поднимался, а по берегу этой странной речки травка зеленью пробивалась. Уже чуть дальше снова начиналась зима: все деревья льдом и инеем покрылись, настоящее царство Снежной Королевы.

После участка леса опять деревянные дома пошли, столбы линии электропередачи, только они почему-то оказались без проводов. Видно, обрезал кто-то. Улица тоже странная, без названия, дома без номеров. Одно слово ей подходило: Зона.

По ту сторону

Место, где мы вскоре оказались, было похоже на покинутую деревню. Вокруг ни души, пусто. Справа чернели стены какой-то покосившейся деревянной церкви.

Должен сказать, что с того времени, как мы перешли речку, Лиза повела себя немного странно, никогда прежде ее такой не видел. Она заметно волновалась, даже с лица стала выглядеть по-иному.

- Теперь уж совсем близко, - тихо сказала Лиза, будто кто-то мог слышать ее на пустой улице. – Как зайдем туда, ни с кем не разговаривай и не прикасайся к чужим вещам. Сиди, смотри и жди меня. Ничему там не удивляйся...

Скоро подошли к глухому деревянному

забору. Лиза толкнула калитку, и мы вместе вошли. Сразу попали на крыльцо маленького, почти игрушечного и чрезвычайно бедного дома. Вход туда оказался низким даже для моего небольшого роста. Почему-то все это показалось мне больше похожим на нору. Такое ощущение у меня только усилилось когда, как мы с Лизой оказались в длинном мало освещенном коридоре, по стенам которого было развешено множество разных православных лубочных картинок. Здесь уже собралось 10-12 человек, по большей части женщины самого разного возраста. Все они ожидали своей очереди к Анне Ивановне. Лиц примечательных среди них не заметил. Показалось, что многие из них были чем-то больны или нездоровы, но скорее не физически, а душевно. Они бледны, глаза потухшие и чаще всего опущены вниз.

Эти люди не разговаривали и не заводили меж собой знакомства. Мне, однако, показалось, что многие здесь бывали прежде и друг о друге знали немало. Если что-то и объединяло их всех, так это полное безразличие к окружающему миру. Какое-то другое состояние, будто все они уже отрезаны от него. Здесь собрались отчаявшиеся люди, потерявшие всякую надежду на решение своих проблем в привычном человеческом мире. Вроде, этот мир уже подтолкнул их к самому краю, и люди решились идти сюда.

За дверью, куда все ожидали своей очереди, что-то происходило, причем довольно странное. В соседнем помещении женский хрипловатый голос читал молитву, уговаривал и даже ругал кого-то. Другой голос ему возражал, злился, выл или визжал, словно тупая пила на крепком сучковатом пне. Вначале мне показалось, что этот другой голос принадлежал мужчине, но потом и вовсе отказался от такой мысли. То, что потом неожиданно пришло в голову, заставило внутренне содрогнуться. Этот голос не мог принадлежать обыкновенному человеку. Он еще немного поскулил и затих совсем. Теперь прежний женский голос читал молитву, кому-то что-то советовал. Потом дверь отворилась и оттуда вышли четыре женщины с маленьким годовалым ребенком. Лица у них были просветленные и радостные. Всех просили подождать, поскольку в комна-

те приема теперь мыли полы...

Позднее спросил у Лизы про все это. Она немного удивилась и сказала, что сама ничего подобного в этот момент не слышала. Потом добавила что-то про раздвоение личности, как последствия психологической травмы:

- Такое явление для современных людей не слишком редкое. Только у здорового человека при раздвоении такие личности могут спокойно спорить между собой, а сам процесс остается управляемым. У больного человека из-за возникшего противоречия начинается внутреннее саморазрушение, которое может завершиться суицидом.

Иногда в сознании одного человека уживается две совершенно разных личности: одна нормальная, скромная и другая, жестокая и порочная. Эту, вторую, в жизни часто называют бесом, которого следует изгонять. Именно этим здесь и занимается Анна Ивановна. Она шептунья, что она говорит в этот момент – никому неизвестно. Слышно, как молитвою врачует человеческие души, ставит защиту от порчи. Исцеление словом у нее основано на вере.

Ты еще здесь самого страшного не видел. Люди, которым изгоняют бесов, становятся непохожими на себя, говорят чужим голосом, у них начинаются судороги...

Признаюсь, что не все подобное мне захотелось увидеть воочию. Однако простое человеческое любопытство толкало меня дальше.

В комнату снова вошло несколько человек и дверь туда больше не закрывали. Теперь среди них оказался мужчина, который пожаловался на боли внизу живота и в поясничной области. Я пересел в коридоре на другой стул таким образом, чтобы мне была частью видна небольшая комната, где шел прием посетителей. Стены ее были увешаны старинными иконами, на столе горела свеча, пахло горячим воском.

За столом сидела пожилая, совершенно седая женщина с немного плоским лицом, которое чаще встретишь в Поволжье, нежели здесь, на нашем Севере. Это и была знахарка Анна Ивановна. Она крупна и грузна телом, немного сутулилась и, скорее всего, была даже горбата. Одета очень просто. Так в наших де-

ревнях обычно ходили по двору, если выполняли повседневную домашнюю работу. Сразу обратил внимание на ее руки. Они у нее сильные, как у борца с отеками и вспухшими от работы пальцами. Предположил бы, что руки ее обладали самой особенной чувствительностью и являлись важным инструментом в исцелении. В разговоре с обратившимися к ней людьми, Анна Ивановна часто выглядела грубоватой и жесткой на язык. Поучения и советы у нее получались, как вбитые гвозди. Так в старое время разговаривали с малыми и неразумными детьми. Иногда казалось, что она знала все наперед, кто и зачем к ней сейчас пришел. Думаю, что встретив ее где-нибудь на улице, наверняка посчитал бы ее самой обыкновенной малограмотной и ничем не примечательной старушкой. Здесь же передо мной сидела старая женщина, имевшая большую власть над людьми...

Нашептывая что-то, она медленно провела руками над головой мужчины. Тот после этого сразу закрыл глаза. Массируя его тело, она сразу определила больное место. Поинтересовалась, не ставили ли ему врачи раньше одно мужское заболевание. Мужчина отвечал на все вопросы быстро и не задумываясь, словно находился во сне. Здесь о себе все так рассказывали. Анна Ивановна посоветовала мужчине для полного исцеления прийти сюда еще дважды. Потом зарядила своей молитвой, крестом и прикосновением принесенную ей воду, соль и масло. Пояснила, как всем этим следовало пользоваться. Уже прощаясь с мужчиной, знахарка поинтересовалась, болит ли у того поясница как прежде. Он улыбнулся и сказал, что теперь боли не чувствует вовсе.

Кажется, что такой открытый процесс лечения на всех производил должное впечатление. Люди начинали верить в благополучный исход своего посещения и уже видели в Анне Ивановне свою спасительницу. Все это действовало, как гипноз, но думаю, что этого не было совершенно. В комнате происходили совсем не цирковые фокусы и действовали другие, неизвестные мне силы.

Не стану описывать всех, кто пришел к ней в тот день. Были люди из разных мест, из Москвы и Петербурга тоже приехали. Все они

каким-то образом находили этот дом без адреса. Помню там одну пожилую женщину, у которой пьющие дети отняли квартиру и пытались теперь выставить ее на улицу. В полиции женщине в поддержке отказали. Теперь она пришла сюда. У нас же главный дефицит не с наличием профессиональных специалистов, а в отсутствии у них человечности и человеколюбия. Анна Ивановна бралась здесь помочь, хотя чуда советовала быстро не ждать.

Еще была женщина из Петербурга, врач скорой помощи. У той не складывалась личная жизнь, имелись какие-то нелады на работе. Сюда она пришла с ребенком лет пяти. Выслушав ее, Анна Ивановна посоветовала ей в первую очередь заняться своей дочерью, в которой сразу прочитала бесенка.

- Посмотри, что с ней он делает, а ты говоришь, логопед нужен...

Не взялся бы судить про наличие беса у ребенка, но мне показалось, что помощь толкового психиатра была срочно нужна самой матери. Состояние ребенка вызывало сожаление и тревогу за ближайшее будущее.

Какая-то женщина пришла сюда специально только для того, чтобы поблагодарить Анну Ивановну, которая по фотографии вылечила ее мужа от пьянства, вернула его в семью. Другая говорила спасибо за лечение от женского бесплодия. Получалось, что все приносили ей какие-то деньги, которые она принимала как благодарность и ни разу не считала, только совала их в карман своего фартука. Одной женщине сразу вернула обратно – у бедных денег не брала вовсе.

Теперь пришел черед моей бедной Лизы, она встала и пошла. Жалко стало ее очень. Уж, больно хороша она была в тот момент, слишком отличалась от окружающей публики. Что и как там у нее было, смотреть не стал. Спустя минут десять Лиза вышла оттуда счастливая и радостная. Ей снова обещали, что все будет хорошо. Нужно было только сразу пойти в храм и поставить свечи Иисусу Христу, святому Николаю Чудотворцу и Божьей Матери.

Признаюсь, что уходил оттуда почти бегом и с большой радостью. К тому времени нахо-

диться там, мне было уже совсем не вмоготу. Место это совсем не для зрительского интереса. Будто все окружающее давило на меня тяжким грузом. Вышли на улицу, а там солнце зимнее светило, снег белый искрился. Настоящая божия благодать, сразу на душе легче стало. Однако полное облегчение испытал, когда пришли в церковь. Кажется, никогда так искренне не молился и не просил у Господа защиты для своей дочери Лизы...

Помнится, спросила она у меня, верю ли в чудесную силу этой бабушки, мог бы сам к ней обратиться? Ответил тогда уклончиво, не стоило отрицать очевидного факта. По видимому, эта старушка действительно многое умела.

Каждый взрослый человек волен делать свой выбор и решать, куда и как ему идти дальше. Это был бы не мой выбор. Слишком часто мы принимаем на веру новые истины. Доверяемся и открываем свою душу, а потом надеемся и ожидаем чуда. Жизнь научила меня просить помощи только у Бога, но делать все самому и никогда не надеяться на скорый результат, все в жизни стоило большого труда. Всегда помнил, что силу для этого мне давала моя вера...

- Что же, так и будешь ездить сюда, Лизонька? Ведь ты же привыкла ко всему этому и, мне кажется, потеряла волю. Ты теперь всегда ищешь Анну Ивановну возле себя.

- Нет, папа, я так совсем не думаю и приеду сюда теперь очень не скоро. По крайней мере, в ближайшее время. Мне так иногда хочется услышать от нее мудрый совет...

Лиза сверкнула своей красивой белозубой улыбкой. Мне показалось, что в этот момент она была уже где-то совсем далеко от меня...

Павел Андреевич закончил свой рассказ, и мы вместе продолжили смотреть на догорающие угольки. Они все еще подмигивали красным глазом и постепенно покрывались седой патиной пепла. Время неумолимо шло дальше, с нами или без нас. Так было в этом мире всегда. В соседней комнате настенные часы били двенадцать, их глухие звуки плыли по пустому темному дому и сообщали о начале нового дня...

День в большом городе *Новогодние раскраски художника*

Все началось с того, что ночью в большом городе выпал снег. Он рождался в темной высоте и ложился на землю ровным белым слоем. Всем стало ясно, что в этот день произойдет что-то необыкновенное.

Утро

Утро у Амелии получилось немного скромным, потому что они с мамой проспали. В праздники режим часто сбивался. В это время дедушка уже ждал их на станции Выборгская. Им предстояла поездка на новогоднюю елку. Пока мама упаковывала Амелию в утепленный розовый комбинезон, она еще досматривала остатки утреннего сна. Скоро на поверхности остался только кончик носа и тугие щеки. Платье у нее сегодня красивое, с разными оборками и бантиками, как у настоящей барышни. Этот наряд у Амелии считался дорогим, поскольку никогда не мялся. Завтрак они с мамой взяли с собой, сухим пайком. Обычно так говорили, когда детей кормили по дороге всякими сладкими печенюшками или вафлями.

В метро

Улыбающийся дедушка встретил их возле турникета. Он что-то записывал в свою тетрадку. Чмокнул Амелию в щеку и запел известную песенку: “Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро”... Спустя три минуты они уже ехали вниз по эскалатору. Амелия тогда подумала, что сейчас движущаяся лента похожа на спину какого-то огромного существа. Например, ползущего змея. Стоило только понять: добрый он или злой. Они опускались на его спине в подземное царство. Скорее всего, змей был добрым. Она никогда не видела у него головы и зубов. У змея только ребристая стальная спина, на которой можно было кататься. Дальше он выпрямлялся и уходил по земле.

- Что там дальше? - мысленно спросила

его Амелия.

- То, чего ты никогда не узнаешь, - прошипел змей. - Говори еще тише.

Он все время двигался и длине его не было конца.

- Прощай, маленькая Амелия, мы с тобой еще обязательно увидимся..

Вообще, отвлекаться на постороннее в метро было нельзя. Так обычно говорила ее мама. У них с ней разработана целая система безопасного передвижения по городу. На ленте эскалатора в торговых центрах и метро мама всегда становилась на одну ступеньку ниже и при этом даже могла посадить Амелию себе на колено. Так удобнее держаться. Имелись еще и свои правила посадки и выхода из вагона. Амелия об этом всегда хорошо помнила. В этот раз они ехали до станции Нарвская. Там во Дворце культуры имени Горького должно было состояться новогоднее представление, где потом всем детям раздавали сладкие подарки. Пока они ехали, мама с дедушкой успели обменяться последними новостями. Больше говорили о повысившихся с 1 января ценах. Поездка в метро, например, подорожала сразу на пять рублей.

- Теперь и все остальное тоже подорожает, коммуналка, бензин на автозаправках...

- Губернатор сказал, что гражданам нашего города это “по плечу”...

- “Передайте Ильичу – нам и десять по плечу”. Жаль, что в 2017 году у нас нет выборов Президента, а губернаторов теперь назначают...

Амелия в это время ела вафли и думала про своего доброго змея, который помогал им опускаться в подземелье. Доехали они быстро. Амелия первый раз оказалась на станции Нарвская.

- Красиво?

- Да...

- Это очень старая станция петербургского метро. Ей уже больше 60 лет. Здесь везде настоящий карельский гранит. Станция посвящена людям труда разных профессий. Пока они шли по сверкающему полу к выходу, дедушка успел показать Амелии отлитые из алюминия скульптуры сталеваров и врачей, кораблестроителей и метростроевцев, моря-

ков и колхозников. Амелия отыскала там свои фигуры: коней и школьницу. О том, что станцию метро собирались назвать “Сталинская”, дедушка рассказывать не стал. Рано еще. Вообще, по названиям и оформлению подземных залов и наружных павильонов можно было изучать историю своей страны. Амелия слушала дедушку внимательно, но продолжала размышлять о змее:

- Если змей вместе с ними уходил под землю, то где он прятался сейчас?

Детский праздник

Дворец культуры имени Горького даже не нужно было искать. Все дети, выходя из метро, сразу шли туда. Амелия только успела увидеть на улице большие зеленые ворота. Это были знаменитые Нарвские триумфальные ворота, поставленные в честь победы русских войск над Наполеоном. Амелия могла бы легко сосчитать наверху фигуры шести вздыбленных коней. Она уже сама могла уверенно считать до двух десятков. Фигуры воинов на воротах были совсем как сказочные богатыри... Детей в фойе Дворца культуры много, везде выстраивались длинные очереди. Вначале к рамке металлодетектора, потом в гардеробную и туалетные комнаты. Наконец можно было осмотреться. Заработал буфет. Несмотря на ранний час, туда сразу же выстроилась очередь из чих-то пап, которые поправляли пошатнувшееся за праздники здоровье рюмкой коньяку. Детей больше заинтересовала настоящая живая обезьяна. Она была ростом с пятилетнего ребенка. На ней ошейник с поводком, а рядом сидел важный мужчина в клетчатых брюках. Это дрессировщик из настоящего цирка. Он приглашал всех детей фотографироваться с его обезьяной. Фотографии можно было получить за деньги после представления. Так он подрабатывал для себя и своего хвостатого напарника. Многие дети подходили туда с мамами и фотографировались. Дедушка подошел к дрессировщику и узнал, что обезьяна – самец и зовут его Ваня. При необходимости дрессировщик подавал ему команды сидеть, стоять или прыгать. Ваня

на своем поводке их по-солдатски добросовестно выполнял. При этом он упорно не хотел смотреть в объектив фотоаппарата и лица детей. У Вани большие грустные глаза и он был очень похож на маленького старичка. Мама спросила Амелию, будет ли она фотографироваться с обезьянкой. В ответ она отрицательно замотала головой и заплакала. Ей было жалко Ваню... Потом началось представление. Оно так и называлось: «Волшебство в Новогоднюю ночь». Сказка была старая, но рассказывали ее уже на новый лад. Наверное, современным детям прежние сказки стали не очень понятны. Возможно, так думали сценаристы и режиссеры. С обновленным содержанием из сказок постепенно уходила привычная для русского сердца доброта. Вместо этого туда добавилось жесткости и агрессии. Представления все чаще стали называться шоу. Они сопровождались новой музыкой, необычными масками и костюмами, танцами, в которых было больше спорта, нежели хореографии... В тот день Дед Мороз и Снегурочка на сцене были просто замечательные. Они словно пришли сюда из сказок знакомых по фильмам Александра Роу или книжкам с иллюстрациями русского художника Ивана Билибина. Дальше по сценарию приключилась беда. На Землю прилетел звездолет со страшными инопланетянами. Они оказались похожими на трансформеры, разумные инопланетные машины, способные превращаться в танки, самолеты, автомобили и другую технику. Вся их прошлая история – это бесконечная война миров, в которой земляне были участниками. В такой обстановке плановое мероприятие по подготовке Нового года стало срывать. Ларец с подарками для детей оказался похищенным инопланетянами. Дед Мороз пригласил на помощь отряд вежливых молодцев в красных полушубках. У них крепкие балетные спины и зажигательные русские народные танцы. Красные повели борьбу против инопланетян, но нужной победы не добились. Тогда на помощь пришла дипломатия. Дед Мороз обратился за помощью к Звездной Королеве. Она здесь оказалась самой высокой, видно, этот актер работал на ходулях. Ко-

ролева чем-то напоминала дедушке фигуру американской Статуи Свободы. По типовому сценарию звездных войн такая поддержка всегда приносила победу. Так случилось и на этот раз. Чем заплатил американской Королеве русский Дед Мороз за спасение новогоднего праздника, осталось за кадром. Ларец в студию! Сладкие подарки были возвращены детям. Новый год продолжался стихами, песнями и танцами. Под занавес актеры вместе со зрителями исполнили песню про девочек и мальчиков, мам и пап, про всех... По замыслу организаторов она должна была стать основой для будущей настоящей дружбы между девочками, мальчиками и их родителями.

Спустя сутки дедушка попытался найти полный текст этой славной песни через интернет. Вместо нее компьютер упорно выдавал ему: “Мальчики, девочки нюхают кокаин. Знает ли мама твоя, что ты делаешь”... В течение всего представления Амелия внимательно следила за происходившим на сцене. Иногда она хлопала вместе с другими детьми, но еще чаще крепко держала маму за руку. Так было надежнее и спокойней... На сцене было еще много увлекательного: клоунский оркестр, балетные и цирковые номера, игровые снежные шоу с участием зала. Получили ли здесь дети прививку доброты, это каждый из них решил для себя сам...

Синий медведь

Теперь Амелия, держа в руках подарок от Деда Мороза, вместе с мамой и дедушкой вышла на улицу. Время было полуденное и над городом впервые за долгое время выглянуло солнце. Наступило время рассказать еще одну очень важную историю. Увидев первого января свои подарки под елочкой, Амелия испытала легкое разочарование. Сладости и книжки, конечно, тоже хорошо. Все эти дни она ожидала чего-то другого. Наверное, даже Дед Мороз не мог читать ее мысли. Она сказала маме, что хотела получить в подарок синего медведя. Вчера она об этом даже не думала, а теперь знала наверняка.

Родители забеспокоились. Почему именно

синий? Стоило покопаться в психологии ребенка, для этого были специальные тесты...

Вот у Георгия Данелия в фильме “Мимино” Альбертик попросил крокодила зеленого цвета, а в магазине был только оранжевый. Не было зеленых крокодилов в Тбилиси и Ереване. Нашли его только за границей...

- Может, ты видела такого мишку у Маши? Мы тогда узнаем у ее мамы, где его купили.

Нет, у ее подруги Маши не было такого медведя...

- А луну с неба ты не хочешь?

Луну Амелии никогда не хотелось. Синий медведь был лучше.

Наверное, родителям не стоило упрощать. Детям во все времена хотелось чего-то необыкновенного. Иногда настоящего белого пуделя из бродячего цирка или живого слона, которого для этого даже водили по городу.

Конечно, по части сладостей у детей раньше было совсем другое отношение. Дедушка из своего детства помнил, что им их всегда не хватало. Конфеты появлялись на столе только по большим праздникам. Иногда получалось самим делать конфеты из жженого сахара. Для этого хорошо шел ворованный кубинский тростниковый сахар, который разгружали в порту. Потом этот вкус запомнился ему на всю жизнь...

Дедушке показалось, что он сейчас понимал свою внучку. Ему тоже нравился синий цвет. Он был художником и для своих картин часто находил его. Даже если его не было в природе. Для него он там всегда был...

«Моя внучка», - подумал он с волнением и слезою в горле, но вслух сказал совсем другие сухие слова, коротко и по-военному:

- Будем брать...

Все это прозвучало у него так, как если бы он отправлялся за линию фронта в составе разведгруппы брать языка. Теперь они все вместе шли по подземному переходу в торговый центр. По дороге мама кивнула дедушке на витрину магазина одежды:

- Я это называю костюмом Снегурочки. Правда, здесь для нее шапочки не хватает.

- Сюда для нее нужно еще положить юбочку или брючки, - рассмеялся дедушка. - Твоя Снегурочка, хорошо, что за ним пока не пришла.

Значит она из моральной семьи, я так думаю... Потом они прошли через пахнущий духами отдел парижской косметики L'OREAL PARIS.

Здесь даже задерживаться не стали. Мама только глазами повела и вздохнула. Остановились у детской одежды. Красивая, но она могла найти ее дешевле. Впереди были полки с детскими игрушками.

Продавец в магазине игрушек оказался с бородой, такой же, как и у дедушки. Наверное, поэтому они друг друга сразу поняли. Продавец подмигнул им, снял с верхней полки синего медведя и протянул его Амелии.

- Может быть, еще и слона? Он тоже синий и большой.

- Нет, слона не хочу.

Она сразу крепко обняла своего синего мишку.

- Какой ты мягкий и добрый. Я так тебя люблю...

Дедушка сказал, что мишке нужно еще попрощаться с продавцами в кассе. Все произошло очень быстро. Больше Амелия уже не расставалась со своим медведем.

Дедушка посмотрел на маму, и они оба почувствовали себя немного волшебниками.

Продавец игрушек посмотрел на них и тоже подумал, что волшебник – это он. Причем, самый главный...

Макдоналдс

Всем сегодня хорошо известно, что Макдоналдс – городская сеть ресторанов быстрого питания. Туда можно приходиться для встречи или просто провести время со своими друзьями и подружками, но самое главное – это быстро, вкусно и недорого поесть. У Амелии в этот день был билет на еще одно новогоднее представление. Перед этим следовало немного подкрепиться. Кафе сети “Теремок” с его подорожавшими перед Новым годом русскими блинами устраивал меньше.

Мама заказала чизбургеры, нагетсы, картофель-фри с разными соусами и кофе. Дедушка попросил себе только чай. Сказал, что больше предпочитал итальянскую кухню.

- И белое сухое вино.

- Да, лучше белое, оно нежнее на вкус...

Они рассмеялись. Так ли это было на самом деле, осталось неизвестным, но мама тогда подумала, что от дедушки, ее папы, можно было иногда услышать чего угодно.

- Тоже мне, русский Сильвио Берлускони. Ему в этом году уже 65 стукнет, а он после увольнения из армии еще не прибавил, ни одного килограмма веса. Спортивные тренажеры, лыжи и бассейн. Так же легко входил в свой военный парадный мундир. Он продолжал работать, а еще рисовал и писал книжки. Все это у него было востребовано. Вслух добавила:

- Здесь же нет ничего жирного.

- Дело совсем не в диете. Ты же знаешь, в пределах разумного, могу позволить себе есть все, что угодно. Просто дальше я поеду домой...

Амелия неторопливо жевала жареную картошку и задумчиво глядела по сторонам. Их столик с мягкими креслами стоял у панорамного окна, и ей все было хорошо видно. Синий медведь сидел рядом на столе. Легкий мороз рисовал кристалликами узоры. Хорошо сейчас ехать в автобусе и рисовать на стекле: “Палка, палка, огуречик. Вот и вышел человечек”... Потом мороз дышал холодом и все снова исчезало... Кажется, занятия в детском саду для Амелии не пропали даром. Теперь она старательно подражала своей воспитательнице Ольге Михайловне. Повторяя ее в интонациях, она часто делала маме свои замечания:

- Мама, так вести себя нельзя. Ах, мама, мама...

Дома у маленькой Амелии все терпеливо учились исполнять танец снежинок или водить хоровод вокруг елочки.

Теперь мама рассказывала дедушке, что у Амелии, по словам воспитателей, стали проявляться лидерские качества и она, скорее всего, захочет стать педагогом. Все эти первые ростки самостоятельности не стоило подавлять.

Мама еще долго терпела этот воспитательный эксперимент, но потом, как говорили спортсмены, вернулась в игру.

- Амели, посмотри, как эта стильная барышня за твоей спиной ест свой чизбургер...

Амелия заполнила свой рот жареной картошкой и повернула голову. Минуту, другую она смотрела и приобретала новый опыт. Теперь она аккуратно откусывала маленькие кусочки и старательно вытирала губы салфеткой...

Снова в метро

Скоро они опять ехали в метро на спине подземного змея. Потом Амелия с мамой и дедушкой села на поезд отправилась на станцию Кировский завод. Там во Дворце культуры и техники имени Газа ее ожидало еще одно новогоднее представление. Мама только качала головой:

- Две елки в один день – это уже не праздник, а дистанция, но чего не сделаешь для своего любимого ребенка. Особенно, если он у тебя этого очень хотел...

Станция метро Кировский завод совсем рядом. Кто-то даже считал ее самой красивой в петербургском метрополитене. Весь ее подземный зал был облицован дымчато-серым кавказским мрамором. Колонны, выстроенные в два длинных ряда, украшены отлитыми из алюминия индустриальными эмблемами. Имитация чеканки с чернением делала их похожими на серебро. Эта станция посвящалась индустриальным свершениям страны. Рассказывать о ней Амелии уже не пришлось, поскольку все торопились наверх. Дедушка только окинул взглядом дымчатые колонны, на которых когда-то планировалось поместить мраморные доски с письмами ленинградцев, благодарных “вождю всех народов” Иосифу Сталину. Не срослось, к тому времени Сталин уже умер...

Эпилог

К тому времени на проспекте Стачек их уже ждал папа. Увидев бежавшую к нему Амелию, он присел на одно колено и раскрыл руки, словно взлетающий орел. Папа подхватил ее и выпрямился. Амелия оказалась где-то очень высоко, словно у нее тоже появились крылья. Теперь она стала выше мамы и дедушки. Амелия попрощалась с дедушкой и помахала ему

рукой. Нужно снова торопиться.

В это время мысли Амелии были уже далеко. Впереди ее ожидала папина елка, елка для детей сотрудников метро и других тоже. А что если туда сегодня явится ее друг, подземный змей. Она осторожно провела рукой по папиной щеке: у него сегодня была борода. Наверное, он тоже был немного волшебником.

Мама только покачала головой: режим дня у ребенка был опять окончательно сорван...

Банковский мост в Санкт-Петербурге

НИКОЛАЙ ДИМЧЕВСКИЙ

Фантом столетия

(Отрывок из книги)

«...Каждая главка-обломок книги несет в себе действительный случай, по сути — документальна, но это не летопись, не «воспоминания» — это собрание моментов, которые запомнились, долго хранились в памяти и впервые записаны сейчас. У каждой главки свой сюжет, она — обломок, лежащий в зыбкий контур повести.

Не добиваясь всеохватности, сделаю попытку представить прошедший век в живых картинках, не сверяясь с устоявшимися оценками, ориентируясь в лабиринтах прошлого только по собственному впечатлению и своему восприятию».

Н. Димчевский

(из предисловия к книге
«Фантом столетия»)

Николай Димчевский

Единственный подлинный Праздник за все прожитые годы, Праздник без изъяна, светлый и солнечный от начала да конца — День Победы — Девятое мая 1945 года.

Подступались к нему ещё задолго до истинной даты. Весна сорок пятого закружила праздничной каруселью, пронизала вестями, отбросившими в сторону скудную повседневность с очередями в магазин, «отовариванием» карточек, талонами на обед в столовой... Как-то вдруг сразу открылась пропасть между скудным бытием и событиями Истории, совершающимися каждый день и час.

Мне казалось, что я растворился во времени, в новостях, в апрельском ветре.

Сыроватый лист газеты на уличном стенде уже не бумага, а стихия, вихрь, наполненный событиями...

Наши под Берлином!

Это не читается даже, а вбирается, впитывается, становится твоей свежей клеточкой, прибавляющей сил и радости: «Гитлеровцы объявили в Берлине поголовную мобилизацию мужчин от пятнадцати до шестидесяти

пяти лет включительно...»

Тишину университетской аудитории разрывает крепкий хлопок за окном и гул артиллерийского залпа. Салют! Вскликаем, бежим вниз. Над Манежной площадью — размытые весенним туманом огни ракет.

— Наши — в Берлине! Ворвались с востока!

Девчоночку в шинельке, случайно оказавшуюся здесь, окружили, закружили, затискали в восторженных объятиях...

Не успели вернуться к занятиям, опомниться не успели — снова салют: наши провались в Берлин ещё и с юга!

А вот другой вечер в конце апреля... Помнится, я занимался в читальне на втором этаже и услышал, как включились радиопродукторы на крыше университета, как раз у нас над головой — едва слышный щелчок и поскрипывание, будто жук, запрятанный в коробочке. Этот звук ухо безошибочно схватывало всюду. Студенты оторвались от книг, переглянулись... Скорей вниз, на улицу!

У ворот уже стоят прохожие, нетерпеливо

поглядывают на чёрные раструбы репродукторов. На глазах собирается толпа, которая не помещается на тротуаре, выплёскивается на булыжник мостовой.

Из репродукторов всего лишь потрескивание, больше ничего, и все вокруг ждут, ждут, ждут. Никто не знает – будет сообщение, не будет... Может быть, просто проверка репродукторов... Но собравшиеся стоят и упорно ждут.

С толпой поравнялся трамвай, кативший с Охотного ряда. Остановился. Вагоновожатая спрыгнула на мостовую: «Чего дожидаетесь? Сообщения?». Поднялась в вагон, залиvistорадостно крикнула пассажирам и выключила мотор. Трамвай в миг опустел, и толпа стала ещё плотней.

В университете с треском распахиваются верхние окна, летит сухая замазка, студенты выглядывают, прислушиваются.

Манежная площадь запружена уже до половины. Останавливаются автомобили, шофёры и седоки вылезают из машин, тихонько расспрашивают окружающих.

Мальчишки лезут на ограду, на мокрые липы, на фонарные столбы.

– А что, если ПОБЕДА... – громко сказал кто-то в тишине.

Сотни голов поворачиваются на голос.

Вестью о победе полнится воздух, все ждут этого слова. Даже даты намечаются... Одна недавно миновала – упорно твердили, что война кончится 25 апреля, к началу конференции в Сан-Франциско.

Треск в репродукторе усилился. Притихли. Слышен мотор машины, застрявшей в толпе, его торопливо выключили, чтоб не мешал.

Мальчишка, взобравшийся на столб, снял ушанку, чтоб не мешала слушать, смотрит вверх.

Наконец, раздался как бы глубокий вздох, и рокочущий голос заполнил площадь:

– Внимание! Говорит Москва!.. Обращение Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Сталина к Красной Армии и войскам союзников...

Только этот голос над Манежной. В паузах тишина, словно площадь пуста...

– Наша задача и наш долг, – читает диктор, – добить врага, принудить его сложить оружие и безоговорочно капитулировать...

Сразу же вослед за Обращением читали приказ:

– Войска Первого Украинского фронта и союзные нам англо-американские войска ударом с востока и запада рассекли фронт немецких войск и 25 апреля в 13 часов 30 минут соединились в центре Германии, в районе города Торгау...

В перерыве между лекциями кто-то принёс газету, и в ней на последней странице – одна строчка, которую читали, перечитывали вслух, повторяли на все лады, не верили, выхватывали газетный лист, чтоб собственными глазами удостовериться – да, верно ведь, верно: С 30 АПРЕЛЯ ЗАТЕМНЕНИЕ В ГОРОДЕ МОСКВЕ ОТМЕНЯЕТСЯ!!

Наступал последний вечер, когда на окна надо опускать штору из чёрной маскировочной бумаги, последний вечер синих лампочек на лестницах и в коридорах, чёрной краски на стёклах окон, тёмных улиц, пугливых огоньков папирос, упрятанных в рукав, карманных фонариков... Последний вечер боязни света, когда свет и смерть сцеплялись вместе... Вспомнилось, как в начале войны по окнам незадачливых хозяев, забывших загородиться маскировкой, стрелял из винтовок вечерний патруль... Как единственное освещённое окно притягивало бомбёжку с немецких самолетов.

Тридцатого с утра ждали вечера: не терпелось увидеть огни на улицах. Светящиеся фонари и окна даже представлялись плохо, настолько от них отвыкли – воображения не хватало.

Возле университетских ворот около ржавого фонарного столба, не крашенного все долгие военные годы стоит аварийная машина «Мосэнерго» с поднятой площадкой. Наверху старик рабочий почистил железной щёткой пыльное нутро фонаря, принялся ввёртывать большую лампу, примерил новенький молочный шар. На это радостное действие любуются несколько остановившихся прохожих.

За тёмное многолетье фонарь впервые принимал свой обычный вид и поэтому казался совершенно необычным.

Около гостиниц «Националь» и «Москва» тоже стояли машины с поднятыми площадками, на которых рабочие обряжали ржавые столбы и вослед за ними весело и непривычно

сверкали почти забытые белоснежные шары фонарей. Ещё до сумерек, не включённые, они уже сверкали и светились.

Помнится несказанная радость, охватившая меня вечером у метро Кировская (Чистые пруды). Здесь у входа толпилась уйма народа, ожидавшего возжигания уличного света. Волновались будто перед премьерой вождественного спектакля.

И вдруг лица окрасил красный свет – впервые загорелась буква «М» над входом и сделалось тревожно и сладко, и одновременно вспыхнули фонари!

Кто-то захлопал в ладоши, в толпе подхватили, аплодисменты, как в театре, мальчишки радостно закричали, засвистали в два пальца, заверещали.

Наугад я свернул в переулок – посмотреть. Там ослепительно светились окна. Все окна во всех домах! Фонарей тут не зажигали, но и от одних окон светлым-светло!..

С утра в метро, на улице, в университете упорно поговаривали, что-де, война кончилась ещё вчера, седьмого мая, и непонятно, почему не сообщают...

Я давно решил верить только сообщениям радио, но от утреннего нынешнего слуха делалось тревожно и сладко.

Никаких подтверждений не было весь день.

К вечеру, выглянув из аудитории в окно, я увидел у ворот университета большую толпу. Репродуктор на крыше молчал; непонятно почему, собрались... Я мигом слетел вниз.

Сеял дождичек, уже третий день не утихали то грозовые ливни, то изморось. Посередине толпы стоял высокий пехотный капитан и читал вслух «Вечёрку». Его совсем стиснули, он поднял газету над головой, чтоб не помяли. Я не ухватил слов – капитан кончил читать, и вновь подошедшие зашумели: – Сначала читайте!

– Ещё раз!

Капитан, не опуская рук, сложил газету.

– Я три раза прочитал, больше не могу. Берите вот, сами читайте!

Отдал газету, с трудом полез из толпы.

«Вечёрка» взлетела над головой девушки, которая звонко и радостно принялась выкрикивать каждое слово отдельно:

– «Германское... радио... передало...

седьмого... мая... из... Фленсбурга... что... Дениц... отдал... приказ... о... безоговорочной... капитуляции... (тут девушка закричала тонко, с визгом ещё раз: «о безоговорочной капитуляции!»)... всех... сражающихся... германских войск...»

Закончив читать, она помахала газетой и передала соседке, и новый голос повторил то же самое, и все мы ещё раз выслушали крохотную эту заметку, и потом ещё и ещё. Всяк читал по-своему: кто нараспев, как стихи, кто рубил, кто мямлил про себя, кто тараторил, кто запинаясь и всхлипывал... Но всякого слушали заново, и каждый раз всё звучало словно впервые.

Ночь с восьмого на девятое мая была наполнена не сном, а каким-то бредовым забытьем. Чуть начинал проваливаться в напряжённый сон – тотчас просыпался, прислушивался, и в сознании всплывало: скоро, скоро... сегодня... Но даже себе не называл, чего жду, суеверно берёг это слово.

В один из мигов такого забытья услышал, как в соседнюю комнату нашей коммуналки кто-то громко, не по-ночному стучит и кричит. Спросонья не разобрал, что кричат, но тут же понял: «Ура!». Совершилось! Вскочил, во тьме нашупал розетку радиотрансляции, включил репродуктор.

Передавали сообщение о безоговорочной капитуляции Германии. Было два часа двенадцать минут ночи девятого мая сорок пятого года. Сообщение повторяли раз за разом.

На моих плечах руки мамы. Лицо её в утреннем сумраке, дрожащие губы...

– Неужели дождались...

Бабушка. Её голос из темноты:

– Кончилось... кончилось... Слава те, Господи...

Перекрестилась тёмной рукой в полутьме, стала крестить меня и маму.

Зажгли свет, бестолково суетясь, не находя нужного, одевались.

Когда взглянул на часы, было уже около четырёх утра. Открыл окно, выглянул во двор. Там бежали и кричали радостно, как давно или никогда не кричали.

Я спустился вниз, пошёл по двору, в воротах нагнал незнакомого старика.

– Ну, как там, народ собирается? – спросил он.

Мне прежде всего надо забежать за за-

кадычным другом Костей, а там решим, куда идти. Почти бегу по Ново-Басманной к его дому. Улица совсем пуста, лишь из дворов доносится нестройный хор мальчишеских голов: «Ура! Ура! Ура!».

Ветер с севера гнал последние тучи – день разгуливается солнечный, а ведь всю неделю дожидило с утра до ночи.

У 1-го Басманного переулка увидел первых праздничных прохожих. Они шли по противоположной стороне улицы и, заметив меня, закричали: «С Победой!», приветственно замахали руками, будто встретили доброго знакомого. А потом всей гурьбой пошли ко мне через улицу. На трамвайных путях окружили, жали руки, вытирали слёзы. Девушка ломким голосом крикнула: «Целоваться!». Мы расцеловались и расплакались, и такая радость захлестнула, какой никогда до этого не случалось.

И вот уже идём к центру. Улицы ещё пусты, лишь дворники вывешивают флаги, на здании НКПС поднимают огромный портрет Сталина.

Лишь на Кировской улице (Мясницкая) небольшая толпа и радостные голоса гулко и весело мечутся между домами.

Подойдя ближе, увидели военных в какой-то непривычной форме, их окружили прохожие, слышались обрывки английской речи, и тут же заметили на рукаве военных английский флажок, пришитый у плеча. Один из англичан с рыжими усиками на раскрасневшемся лице, щуплый, небольшого роста, наливал в пластмассовые стаканчики из пузатой бутылки и угощал всех подряд. Когда бутылка опорожнилась, англичанин расцеловал обросшего чёрной щетиной парня в шинели с ленточкой тяжёлого ранения, потом милиционера, потом рабочего в спецовке...

Англичан было трое. Лощёные, прилизанные, крепко пахшие одеколоном, они кричали: «Лонг лив Сталин, Черчилль!», жали руки, все трое расцеловали подошедшую дворничиху в новом ватнике, надетом по случаю праздника. Растроганная дворничиха смущённо бормотала: «Ишь, ты... они тоже рады...».

Мы никогда не видели так близко иностранцев, не слышали живой английской речи, и всё это сейчас подтверждало огромность и величие совершившегося. Радость одна на всех – нам и всем народам, избавленным от

смерти. И где-то в стороне осталась опаска иноземцев, вбиваемая в головы с малых лет, и показалась ничтожной, пустой выдумкой. Вот же они, живые, радостные, как и все мы...

Подъехал джип с английским флажком и увёз наших новых знакомцев.

Айда, на Красную площадь! Куда ж ещё в такое утро? Трамваи и метро ещё не ходят – пешком через весь центр.

Ветер северный, напористый, но холода не чувствуешь. И вообще, тела словно не существует; расстояние и время тоже исчезли. Я не заметил, как переместился в центр Москвы.

Красная площадь залита синими тенями. Первый луч солнца осветил лишь маковку Василия Блаженного да зачехлённую звезду на Спасской башне Кремля.

И странно видеть площадь почти пустой. Лишь около Мавзолея – люди. И хоть их немного, они доверху заполнили синюю полутьму площади голосами, смехом, нестройным пением. Площадь как огромный зал, в котором живет эхо.

Подбегаем туда, и видим, как над головами небольшой толпы взлетел молодой лётчик, его качают, он хохочет, нелепо хватается за воздух.

Мне удалось несколько раз вместе со всеми подбросить лейтенанта. Потом его осторожно поставили на брусчатку, и какая-то девушка вернула ему фуражку...

Поодаль, вдоль трибун медленно и задумчиво шёл пожилой полковник. Заметив его, бросились навстречу. Он смущённо попробовал отмахнуться, но его уже подхватили, подкинули вверх, самозабвенно выкрикивая в такт: «У-ра! У-ра! У-ра!».

Полковник пробовал что-то говорить, и получалась радостная мешанина слов и смеха.

Едва его поставили на ноги, он с горячностью, увлечённый уже общим настроением, указал на длинного парня в затёртой спецовке и кепке «копеечке», маленькой, похожей на чёрный блин – видно, пришёл прямо с ночной смены:

– Рабочие не хуже солдат потрудились – качать его!

Парень, сам только что подбрасывавший полковника, засмутился, попытался противиться, но его уже подхватили: «У-ра! У-ра! У-ра!»...

ДИАНА РАДЕС

Зачем, судьба?..

– Знакомьтесь, дорогие гости. Светлана, – с детской радостью представил юбиляр, крупный сорокалетний мужчина, рыжеволосую подтянутую красавицу. Светлана озаряла очаровательной доброй улыбкой.

Гости, в основном коллеги закоренелого холостяка, вдумчиво, с надеждой напряглись.. А Юрий Иванович, талантливый музыкант - исполнитель классической фортепианной музыки, аранжировщик, аккомпаниатор, чрезвычайно лёгкий для певца, продолжил:

– Знакомство наше - давнее – с моей пещерицы. Светлана уже первоклашка, но любила поиграть с малышами... А мне тогда года два было. С той поры она совсем не изменилась – такая же красавица. И продолжил после паузы: – Однажды стою я у входа в Литературное кафе на Невском, курю. Я тогда ещё курил... Перерыв минут пятнадцать. Я обычно работаю в этом кафе раза три в месяц. Вдруг мне на шею с криком «Юра!» бросается женщина.

Светлана тут же перехватывает инициативу и дополняет:

– Это он не изменился. А я так, что он меня не узнал.

А ведь только что перед приходом Светы мы пили за удивительное свойство юбиляра – неизменность его характера, взглядов, верность друзьям. Теперь тост за сохранность внешних черт. А Светлана продолжает:

– В тот вечер я искала нужный номер дома. Решила спросить у одиноко стоящего мужчины. Поднимаю глаза – Юра! Мальчик из моего отряда в летнем пионерском лагере, музыкант, которому я в тихий час давала ключи - он играл, а я незаметно слушала его игру. В тот день, день удивительной встречи, мы посидели за кофе, обменялись координатами.

Теперь Юрий Иванович солирует:

– Месяца через три сию за роялем в этом же кафе. Подходит администратор, трогает за

плечо: «Дама передаёт вам конфетку». Я обернулся, ищу взглядом, кто бы это...

И тут же подхватывает Светлана:

– А было так. Мы со знакомым иностранцем пообедали, и я сказала, что пить кофе мы пойдём в другое – удивительное место! Иностранец был поражён игрой Юры, - заключает Светлана. - Теперь иногда встречаемся. – С иностранцем, конечно, а Юру вижу редко.

Светлана работает в турфирме и через три часа вылетает с туристами в Париж. Да, о такой подруге можно только помечтать. У неё в резерве было не более получаса, а она примчалась поздравить Юру. Ведь с Бухарестской до Пулково вряд ли хватит полчаса, а за два часа до вылета теперь заканчивается регистрация билетов.

Звучит ещё пара тостов восхищения в адрес юбиляра, и светлый ангел из пионерского детства улетел, оставив нам в наследство восторг и радость.

Классовая борьба

У нас всё норовят судить о жизни, хоть прошлой, хоть настоящей, по литературным коллизиям. Прочтут «Мужиков» Чехова и готово мнение о крестьянине. Или что-либо о ветрености и авантюризме кого-то из моряков, и готово мнение: ненадёжные люди.

А как создаётся литература? Её герои – всегда исключительные, поразившие писателя люди или необыкновенные события, как правило, за гранью привычного, что привлекают внимание автора. Литература - в основном то, что поразило. Здесь высота духа, красота души, там необыкновенная, глубина нравственного падения, природные или общественные катастрофы. То есть, литератор интуитивно пытается подтолкнуть жизнь к идеалу, существующему, но не формулируемому полноценно, в абсолютном виде, ни в одном народе.

Вот и сейчас прошу читателя понять меня:

я не хочу обобщений, но призываю подумать на заданную тему.

Жили-были на перекрещивающихся улицах деревни Иван и Неиван, но Иваныч. Оба хозяйственные, немногословные, на пенсии.

Иван на десять лет старше. Купил дом в деревне десять лет назад, когда вышел на пенсию. Смолоду до пенсии работал капитаном на судах гражданского флота на море и на реках. Этим летом пал жертвой жары и трудолюбия - инфаркт. Жена берегла его теперь после августовской беды, как хрустальную вазу. А он всё бодрится: нормально, и опять подставляет своё «могучее» плечо.

Неиван тоже знаком с морем, служил на флоте. Судьбы скрестились в деревне, но не пересеклись ни разу за десять лет.

Поздно вечером в декабре, когда ворота уже закрыты, Иван смотрел телевизор, а жена возилась на кухне, – звонок. Жена к воротам, мол, кто. «Ефимов Неиван Иваныч» - был ответ.

Подумала: «Господи, да по какому срочному делу, ведь никогда не бывал у нас».

- Проходите, садитесь..

Сел. Вышел Иван. Жена принесла две маленькие рюмки, тащит закуску на стол. Иван достал на треть недопитую бутылку водки. Жена предложила чай, - отказались, и она села смотреть телевизор. Уже время к полночи, а бутылка маленькими рюмочками не заканчивается никак. Хозяину бы спать пора, а тут разговоры о политике. Выскочил в туалет, а гость к жене с вопросом:

- Куда сбежал хозяин? Он у вас неадекватен, – закончил он тираду.

Ошарашенная хозяйка, крайне удивлена выходкой неблагодарного гостя, а особенно тем, что он знает такое слово – неадекват-

ность. Надо же! Так, походя, гость употребил редкое, околонучное слово.

Возвратился Иван и пошёл провожать мрачного и колючего гостя. Жена забеспокоилась, Ивана нет минут семь. Вышла на крыльцо и ахнула. В темноте, около калитки на земле гость молча душит её мужа. В свете уличного фонаря на перекрёстке улиц хозяйка различает жену незваного гостя, призывает её забрать мужа. Та почему-то стоит и только усмехается.

Хозяйка дома бросается к калитке. Тут Иван собрался с силой, нашёл наощупь обломок кирпича и опустил на затылок душителя и, как потом говорил, боялся, не убил ли, так как клещи на шее ослабили сразу. Удар был серьёзным. Говорил, что если бы не этот камень, не жить бы ему. Тут же подлетает жена душителя, кричит, что они, то есть Иван с женой за всё ответят, что она сгноит их в тюрьме.

Забирает своё пьяное сокровище и удаляется.

Супруга Ивана недоумевает, откуда такая ненависть. Иваныч никогда у них до этого не бывал, за десять лет жизни в деревне никогда не общался с Иваном, не было повода. Но боится, как бы жена Иваныча не вывела их на суд за покушение на убийство. Грозилась. Стыдно. В районе их хорошо знают. Уважаемые люди.

Да, это не та весёленькая инсценировка Гоголя о ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Это дети XX века. Что-то есть здесь от классовой борьбы: бывший матрос кидается на бывшего капитана.

Кто-то скажет – это теперь обычное дело. Значит, для литературы неинтересно? А я вот пишу об этом.

Не успеваю за «прогрессом».

ВАЛЕНТИНА СИБИРЯКОВА-ГОРАК

Зеркала

Боязнь

Боялась ли Альбина Вадимовна зеркал? Да, боялась, но не вообще и не всегда. А только последние лет пять и поутру. Зеркал же в квартире Альбины Вадимовны было много, они остались ещё с тех времён, когда она была молода, красива и играла в самодеятельном театре. Вот и понакупала их, дорогих, огромных, венецианских, резных, декоративных. Понавешала на всех стенах своей маленькой, однокомнатной, но уютной квартирке.

Вот и лежит теперь в кровати и думает, как проскочить в кухню, к страстно желаемому уже кофе, и при этом не заглянуть в огромное зеркало в коридоре. Потом в ванную... а там просто зеркальный монстр висит и ехидно её каждый раз вопрошает:

– Ну что, докатилась?

Самое ужасное, что избавиться от зеркал, хотя бы части их, Альбине Вадимовне не представляется возможным. Зеркало, оно ведь не просто стекло, а нечто мистическое, таинственное. Оно имеет собственное пространство, в котором происходит особенная жизнь, причём абсолютно, отражательно связанная с жизнью внешнего мира.

Выбросить зеркало нельзя, а вдруг выбросишь какую-то важную часть той информации, которая накопилась в зазеркальном пространстве, и именно этого катастрофически не хватит потом в реальной жизни. Разбить – боже упаси – народная примета! А почему? Да потому, что в этом случае резко, взрывоподобно высвобождается вся негативная энергия, скопленная в отражённом мире. Подарить... тоже ничего хорошего: а вдруг удачу, счастье даром отдашь кому-то. Завешать? Тьфу-тьфу-тьфу... подумается же такое!

Один, правда, вариант реальный есть: снять зеркала и поставить здесь же, в квартире, где-нибудь в уголку. Но ведь обидеться могут... эти самые, обитатели отражённого мира, и Альбина Вадимовна ещё раз мысленно сплюнула, не с утра будь помянута. Да и где поставить? В маленькой квартирке Альби-

ны ногу негде поставить, не то, что громоздкие, снятые со стен объёмные рамы с отражающим стеклом.

Вот так и жила Альбина Вадимовна с разлюбленными зеркалами, неприязненно с ними общалась, бегала от них, отводила глаза, в общем, терпела, сосуществовала, так сказать. И подозревала, что они с ней тоже сосуществуют.

А ведь любили когда-то... так же, как и она их. Ах, она-то свои зеркала просто обожала. День и ночь крутилась перед ними, выставляя им на показ все свои молодые прелести. Посмотрите, какие у меня упругие груди, не маленькие, между прочим, третий верный размер, с подозрением на четвёртый. (Четвёртый потом стал, когда груди обмякли, но увеличились в размере, с подозрением на пятый). А попа? Округлая, соблазнительная! Талия тоже на месте и тонкая. Ну, не как у Людмилы Гурченко, но близко, очень близко. К тому же, Алечка была белокурая, хорошенькая блондинка, с негустенькими, но шелковистыми, чуть вьющимися локонами. Один из мужей Алечки, кажется, третий, Юра, даже называл её ласково: «моя беленькая овечечка».

«Господи, как же я всем желанна, как же меня все любят!» – восторгалась Алечка на заре туманной юности, крутясь перед зеркалами, ну, точь в точь, как та мачеха из Пушкинской сказки: «Свет мой, зеркальце, скажи». И зеркала, как в той же сказке, в унисон радостным хором подтверждали: «Да, да, ты на свете всех милее...»

Альбина Вадимовна вздохнула, чуть улыбнулась, чувство юмора было ей присуще, и решительно села на кровати. День предстоял, в общем, неплохой, если не испортить его с самого начала, то есть, если до кофе и ванны не заглянуть в какое-нибудь из зеркал.

Подарок

Сотовый зазвонил, и Альбина Вадимовна, пришедшая, наконец, в себя от кошмарного

утра и относительно довольная собой, схватила его:

– Кто?

«Слава Богу, Светочка!»

Ещё вчера подруги договорились встретиться где-нибудь в городе, но ни места, ни времени сразу не назначили. Это предстояло сделать теперь.

– В шесть часов в центральном парке, тебя устроит? – резким, не терпящим возражений голосом сняла все вчерашние недоговорки Светлана Ивановна. И Альбина Вадимовна облегчённо вздохнула: «Конечно, согласна, как она может быть не согласна со Светочкой».

– Да, да, Светик, жди! – и отважно рванулась к зеркалу в спальне.

Именно там, в спальне, стояло это богатство, маленький косметический столик Альбины с небольшим тоже, зато настоящим венецианским зеркалом. История приобретения этого зеркала была примечательной в том плане, что его подарил Альбине Вадимовне её второй муж, Александр Николаевич. Сам столик купили здесь в антикварном магазине, а вот зеркало было привезено из самой Венеции. Конечно, оно было самым дорогим и по цене, и по трогательным воспоминаниям.

Сказать по правде, Александр Николаевич был последним восторженно влюблённым в неё мужем, готовым выполнить любой каприз прелестной жёнушки. Потом пошло с точностью до наоборот: она сама влюблялась и выполняла капризы своих избалованных мужей... ещё двух, если быть точными. После кошмарного развода с четвёртым, Анатолием, Толяшиком, как поначалу она его называла, Альбина Вадимовна раз и навсегда зареклась оформлять свои отношения с мужчинами и стала жить исключительно для себя. Но это отдельная история, которую Альбина не любит вспоминать.

Зато Александр Николаевич... Альбина неоднократно ловила себя на мысли, что если бы бог ссудил ей прожить жизнь с одним мужчиной, то хотела бы она её прожить именно с ним, Александром Николаевичем. Не с первым, Ромочкой, которого безумно любила, и он её тоже, а с АНом, как она, по первым двум буквам имени-отчества, иронично называла Александра Николаевича.

Но эти мысли стали приходить к ней много позже, с возрастом, и с явившейся, наконец, мудростью, когда начинаешь ценить не своё отношение к кому-то, а чьё-то к тебе, особенно если оно искренно, глубоко, трепетно и слепо. А именно такой была любовь АНа, стареющего мужчины, к молоденькой красивой женщине, которой, через два месяца знакомства, он предложил руку и сердце и всё это отдал ей без раздумий и долго не хотел забирать обратно...

Альбина, хоть это и льстило её женскому самолюбию, тоже не любила вспоминать, как рыдал АН, как ползал, в полном смысле этого слова, перед ней, дурочкой, на коленях, большой, всё ещё сильный, состоявшийся в жизни, решающий «на раз» все прочие проблемы, мужик. А она, влюблённая в Юру, испытывала лишь чувство досады и мечтала об одном: скорее бы эта тягостная сцена закончилась, нет, всё-всё закончилось, что связано у неё с этим не интересным, надоевшим ей до чёртиков, дядькой.

От АНа осталось лишь это зеркало... Именно оно не дало окончательно и напрочь забыть его. Более того, из-за него, в этом она более чем уверена, с годами она вспоминает АНа чаще, чем любого из четырёх мужей, даже Юру, которого беззаветно и безответно любила сама.

И ещё, это было единственное зеркало, которого она не боялась ни в какое время суток. Может быть потому, что в спальне всегда было полутемно и чтобы что-то увидеть в зеркале, надо было включить бра над венецианским чудом. А может, причина в другом... в том, с какою любовью оно было когда-то подарено ей, молодой и красивой изменщице? Да что старое вспоминать, кто его помянет, сами знаете... И, мудро улыбнувшись, Альбина Вадимовна села на пуфик и включила бра.

Макияж

Макияж был главным, из всех тех ухищрений, которые Альбина Вадимовна позволяла себе, чтобы скрыть возраст, иметь хорошее настроение, лететь, выйдя из дому, в сторону парка на встречу с подругой, представляя себя всё ещё молодой женщиной бальзаковского возраста. Хотя... даже это ложь! И бальзаков-

ский возраст давно ушёл, как тот поезд, про который пропела Алла Пугачёва. Но мечтать не вредно, как говорится.

Зато со всем остальным не было проблем. С причёской, потому что не было волос, да, да, тех самых, светлых, шелковистых. Ну, то есть они были, конечно, но в таком количестве, что Альбина Вадимовна вынуждена была прибегать к неординарным мерам, не отращивать, а как раз коротко их стричь, чтобы все думали, что это такой стиль, а не отсутствие волос. Когда-то это было даже удобно: надевать парики, ей, актрисе самодеятельного театра, не составляло труда. А сейчас... коротко, но художественно выстриженные волосы оставались только правильно прилизать и зафиксировать лаком.

С одеждой тоже проблем не было, одежды было тьма! Определённые трудности всё же при этом существовали, и они заключались в том, что, когда одежды слишком много, выбрать наряд так же трудно, как когда её нет совсем. Но сегодня Альбина знает, в чём пойдёт: в белом костюме из лёгкого тонкого батиста, на улице жара.

Когда последние детали макияжа и туалета были закончены, Альбина Вадимовна решительно шагнула к коридорному зеркалу и со смелым вызовом взглянула внутрь неумолимого зазеркалья. Что оно может ей предъявить, моложавой, приятной наружности, ещё совсем не старой женщине? Что она полновата? А ничего, что при этом так пропорционально сложена, что полноту эту и полнотой не назовёшь, стиль такой, не всем же худышками быть... как Света.

Альбина Вадимовна даже оглянулась по сторонам, не громко ли она подумала и не услышит ли Света, там, у центрального парка, где она её уже поджидает. Морщинки? У Альбины была когда-то тонкая, чистая кожа, которой она тоже гордилась. Но её минус как раз в том, что с возрастом она легко покрывается сетью тоже тонких морщинок в невероятном количестве. Ни черта, теперь они все под толстым слоем пудры и румян на щеках.

Резко очерченные, в узкую ниточку, характерные губы, которые особо не подчеркнёшь помадой? Но они и теперь показывают характер, капризный, как и в молодости, эгоистичный, самовлюблённый, жаждущий удоволь-

ствий... разных, в последнее время, правда, их ассортимент сузился до чего-нибудь вкусенького, в... не самом плохом ресторанчике-кафешке. Такие губы как раз и не надо бы замазывать совсем.

«Нет, какого чёрта я комплекую?» – гневно вопрошала Альбина Вадимовна саму себя, раскованно, свободно стоя перед коридорным, во весь рост, трюмо. Получалось, как когда-то на сцене, когда она блистала перед публикой своего района, а так же съехавшимися со всего города гостями. «Ну, кто тебе сказал про поезд? Пугачёва?! Сама-то что вытворяет!» – и, после некоторой паузы, крайне довольная собой, добавила: «Всё-всё, пора, сейчас получу от Светы за опоздание».

Светочка

В парке было ещё жарковато, но уже гулял прохладный, услужливый ветерок. Пока никто не видит, а предмет страсти делает вид, что не замечает, любопытный нахалёнок вальяжно залетает под юбки, треплет блузочки, небрежно прикасается к глазам, щекам. И... ничего с ним не поделать, приятно!

А вот и она, Света! Честно сказать, Света, а вернее Светлана Ивановна, была полной противоположностью Альбины Вадимовны, но именно той противоположностью, с которой сходятся. Она была высокой брюнеткой, резкой в суждениях, со своим единственно верным и правильным мнением. И кто его не разделял, вскоре становился бедным. Всё что она позволяла очень близким ей людям, это думать немножко иначе, чем она сама, но при этом всё равно старалась долгими уговорами и терпеливыми доводами вывести заблудшую овцу из дремучего леса опасных заблуждений.

Такой характер Светлана Ивановна получила от отца, а закреплён он был всею последующей сложной, героической и бескомпромиссной жизнью. Единственный её мужчина, майор МВД, афганец, герой! Хоть книгу пиши, хоть кино снимай. Если бы не плен, из которого она его истово и страшно долго ждала, если бы не подорванное здоровье... Сейчас она одна.

Нет, у неё, конечно, есть сын, весь в отца, героический и абсолютно самостоятельный.

Настолько, что Светлана Ивановна чувствует себя одинокой и никому не нужной. Невольно, неправильно чувствует, потому что сын как раз глубоко порядочный и любящий её беззаветно. Но... живёт далеко, с прекрасной, тоже самостоятельной и со всем справляющейся любимой женой своей Ниной. Они зовут её к себе. Ах, если бы им нужна была её помощь, она примчалась бы, прилетела на крыльях. Вот после этого и думай, что самостоятельные, состоявшиеся дети, это однозначно хорошо...

Светочка совершенно не следила за собой. В молодости красивая, как богиня, причём, богиня – жена бога. А Светочка считала себя замужем всегда, даже когда ждала Диму из плена, впрочем, не зная, что он в плену. Просто ждала не вернувшегося с войны мужчину. Что он не вернулся именно к ней, а куда-то вернулся, даже мысли не допускала. Не вернулся, значит, с войны. Она не ходила в военкоматы, не наводила справки: зачем, он не вернулся, значит, иначе не может.

Она не получала пособий на воспитание сына. Дима ведь не был мужем, это потом он им стал, когда вернулся и узнал, что у него есть сын. Сама воспитывала, сама везла на горбу свою не очень к ней ласковую судьбу и... считала себя мужней женой, как и сейчас считает, когда уже давно вдова.

И всё это время, точнее, когда Дима был на войне и сразу после того, как ушёл «туда», то есть большую часть своей жизни, совершенно не следила за собой. Ей стало безразлично, такого Димы больше не будет, это штучный товар, а другого ей не надо. Ходила всегда в одной и той же юбке, узкой, тёмной, удобной, или в привычных брюках, изредка меняла свитера, нарядным считался белый. Для летней неизбежной жары существовали светлые брючки и несколько футболок. Всё!

Но, боже, она и в этом одеянии была богиней! Стареющей? Да! Несколько растерявшей уже красоту? Да! Но – богиней! Люди, которых она пускала в круг своего общения, могли сразу и не понять её божественную сущность: баба и баба, одинокая к тому же, взбалмошная, требует чего-то, доказывает недоказуемое, отстаивает заведомо провальное. Но это только поначалу, потом проникались, и становились поклонниками: писали с неё

картины, посвящали стихи, доверяли самые задушевные тайны, доверчиво дружили и... никогда не были ею преданы! Но и никогда не получали больше того, что им полагалось, с точки зрения этой удивительной женщины.

Итальянская кухня

Центральный парк в шесть часов был ещё скучноватым, и подруги решили начать с кафешки. Пока усаживались в «Итальянской кухне», происходила настройка. Болтали о чём попадая, вплоть до того, что листья на деревьях, вот они, тронулись желтизной, и осень не за горами, хотя жара никак не спадёт. Устраивали сумочки, вчитывались в меню.

Заказать надо было дёшево и вкусно. Для Светланы Ивановны просто дёшево, для Альбины просто вкусно. Но Альбина была в рамках возможностей Светочки. Это всегда было проблемой: Света не терпела, когда за неё платили, а заказывала скупо. И Альбина из-за этого не могла заказать ни ей, ни себе, то страстно желаемое, на что падал алчущий взгляд гурмана и обжоры в женском варианте, а только такое, которое хотя бы близко соответствовало по цене тому, что выбирала Света.

Альбина изворачивалась, как могла: заказывала общие салаты и потом настойчиво предлагала подруге: «Ни за что сама всё не съем». По два пирожных, второе из которых скармливалось правдами и неправдами Светочке: «Ой, я была такая голодная, вот и набрала, ну что теперь, оставлять? Давай, выручай!» Если подход оказывался верным, Света проникалась проблемой и уплетала предлагаемое, в виде одолжения, разумеется. Но не дай бог, предложение поступало как-то шеровато, и подруга замечала фальшь, тогда наступал кошмар: заставить съесть хотя бы крошку чего-то лишнего не представлялось возможным, вплоть до того, что заказ оставался на столе, не в сумочку же класть зыбкое и жирное пирожное.

Сегодня, кажется, всё развивалось более-менее удачно. Светочка ничтоже сумняшеся, заказала зелёный чай без сахара и блинчики без сметаны. Альбина - кофе Латте, салат Цезарь, пасту Карбонара со сливочным соусом и беконом, две порции. Когда макароны появи-

лись, Света сказала:

– Ой, я же хотела макароны, – вытащила из сумочки двести пятьдесят рублей, кинула Альбине, у них с этим было просто, и протянула огромную белую тарелку, в середине которой приличной горкой лежали макароны, к себе.

Альбина, вздохнув: «Эх, не получилось угостить подругу», придвинула к себе свою. Обе замерли и напряжённо посмотрели друг на друга. Когда пауза стала достаточно долгой, чтобы про неё подумать: «затянулась», кто-то из них сказал:

– Может по пятьдесят?

Кто это сказал, было совершенно не важно. Каждый раз один говорил, а другой отвечал. Важен был момент, потому что он был, так сказать, решающий, преломляющий. Именно от него зависело всё, что будет дальше: или задушевная беседа или ничего не значащая болтовня о погоде и сплетни. Или разгульное веселье, или протокольное мероприятие: поели, погуляли, разошлись. Исход момента зависел от чего-то такого, ну просто на грани судьбы-планиды. Вот вылетит из ответчика: «Нет-нет, я не пью, ты же знаешь». И – всё, второй вариант приступил к своему воплощению. Ну, а если: «А, давай, но только по чуть-чуть!»

Это прозвучало сегодня, и подруги, облегчённо вздохнув и смущённо чему-то захихикав, как школьницы, даже с соседних столиков заоборачивались, стали по очереди махать официанту, чтобы подошёл получить заказ.

Цыганочка

Конечно, жизнь удалась. Это стало понятно сразу после того, как подруги вышли из «Итальянской кухни». Чувство удовлетворения было запредельное. Погода – отличная, хотя ветерок нагнул. Разгорячённые тела и затёкшие от долгого сидения члены требовали движения. Но главное – души. Они хотели простоты, после глубочайшего погружения в философические лабиринты жизни. И чего-то разгульного, хулиганского, для полного всплытия, так сказать из этой океанской глубины на поверхность банальной и ироничной реальности.

Очень кстати для этого на другом конце

парка заиграла музыка. Огромная, магнетическая сила, исходившая от неё, потянула два совершенно размагниченных тела к себе. И очень скоро Альбина Вадимовна и Светлана Ивановна оказались на почти пустой ещё площадке перед сценой, на которой четыре-пять музыкантов, изображая оркестр, издавали на своих инструментах ритмические звуки, которые так точно совпадали сейчас с ритмами, звучавшими в душе обеих дам. Ситуация была та самая, патовая, когда рота солдат шла по мосту и сильные мощные колебания строевого шага, резонансно совпали с колебаниями моста. Тогда бедолаги рухнули в бурлящий внизу поток.

Альбина Вадимовна со Светланой Ивановной ещё держались, но резонансная сила уже забирала их в свои клещи. К тому же после слёзного и болезненного выворачивания душ наизнанку и двух по пятьдесят (дамы не злоупотребляли, но сегодня пошло), маятник души резко и непредсказуемо качнулся в противоположную сторону. И её, души рыдания, сменились пока ещё сдавленным, пока ещё беспричинным, но упрямо рвущимся во вне хохотом. Да, да, не смехом, не весельем каким-нибудь, а именно хохотом.

Сначала мычать стала Альбина Вадимовна, за ней прыснула Светлана Ивановна. А потом произошло чудо. Они обе... исчезли с поверхности планеты на какое-то мгновение...

Неизвестно, заметили ли это окружающие, а их становилось всё больше. На звуки музыки подходили прогуливающиеся в парке люди. Подошла группа пожилых людей, хорошо знающих друг друга. Они отличались от всех остальных какой-то странной, но приятной манерностью. Пожилые дамы были причёсаны, немногочисленные кавалеры галантны. Невольно приходила мысль о портале, который, возможно открылся где-то тут поблизости. Вот и засосало эту группу милых старушек и старичков прямо из девятнадцатого века в наш бранный двадцать первый. Впрочем, всё оказалось гораздо проще. Кто-то знающий в толпе пояснил, что явился в полном составе известный в городе танцевальный клуб «Для тех, кому за пятьдесят».

Танцевальная площадка заполнялась, но две почтенные дамы, ярко и даже претенциозно, по крайней мере одна из них, одетые,

исчезли. А через мгновение появились две девушки... нет, девушки... да ладно, две молодые, красивые женщины среднего... скорее, бальзаковского возраста! И на них тут же все обратили внимание!

Но сначала ситуацию в свои руки взяли «запятидесятилетники». Руководитель клуба, самая молодая из старушек, сделала знак рукой оркестру (видно, подвязки были), и полились чарующие звуки вальса. Старушки и старички без комплексов, шустро разбились на пары, и... нет, не «понеслись в вальсе», куда им в их возрасте, но они поплыли в танце. Хотя некоторые и поползли. Впрочем, получалось это у них, хоть и не скоро, но споро. Заученные правильные «па» выдавали достаточно упорную работу, проделанную руководителем клуба, да и самими танцорами, над становлением этого замечательного танца теперь уже всех народов. Танцоры почти не задыхались. Те старушки, которым не хватило старичков, танцевали в однополом варианте.

Парк жил и пульсировал. А две молодые женщины бальзаковского возраста, волею судеб явившиеся прямо в середине вальсирующих старушек, подхваченные мелодией, парили где-то выше общей плоскости танцующих. Не скорый ритм, взятый танцевальным клубом, их сбивал, он не совпадал с вальсовым мотивом, предлагаемым оркестром. Им не хватало разворота, и нужно было подняться в пространство, свободное от чужих боков, рук, ног, рыхлых, неприличных размеров, поп, о которые бились их белокрылые, только что прошедшие чистилище души. И тогда они взяли за руки и закружились на месте. Потом задрали головы к небу, и Альбина, вскинув руки, крикнула ему, горячо и искренне:

– Господи, как хорошо!

Это было второй раз в её жизни. Первый раз она прокричала именно эту фразу лет двадцать назад, когда вышла на ступеньки крыльца здания районного суда в четвёртый раз, то есть после развода с Анатолием-Толяшиком. Злой, как чёрт, он промчался мимо неё, нечаянно-специально толкнув на прощание плечом, сел в свою крутую тачку, нервно газуя и испытывая терпение охранников, лихо развернулся перед административным зданием и умчался навсегда из её жизни.

Альбина постояла ещё немного на крыль-

це, а потом, перед тем, как спуститься, томно подняла руки над головой и... посмотрела в небо. Оно было светлым, без единого облачка, и Альбина, прямо, как теперь, всей душой, крикнула в небо вот эту самую фразу: «Господи, как хорошо!» Но Альбина теперешная ещё добавила:

– Светка, держи меня!

После чего картинно, она же артистка, обернулась к оркестру и взмахнула рукой:

– Стоп! Стоп! Стоп!

Оркестр, которому и так пора было завершать тему, умолк. И в наступившей тишине послышалось задорно-залихватское:

– Цыганочку... можешь?!!!

Клещи хрустнули чем-то мягким и податливым. Наверное, именно такими были сейчас души двух женщин бальзаковского возраста. Они попали в резонанс и обрушение моста всё-таки произошло. Но оно было по-настоящему красивым. Потому что красивым может быть не только созидательный процесс, но и разрушительный.

Вниз, в сверкающий поток вечерних огней, запахов, чувств, летели обломки ажурного ограждения моста, долго, как в замедленной съёмке. Потом трескался настил, раскалывался на части, расходился, как вафля, ломаемая в пальцах. Куски летели тоже куда-то вниз, один за другим, поначалу как бы соблюдая порядок, рисунок, законы полёта. Но процесс ускорялся, убыстрялся и, наконец, на последних нотах этой вечной, цыганской, раздольной, сумасшедшей: «Я люблю – тебя... потом ты – меня...» Альбина упала на колени, откинулась назад и полные, всё ещё красивые груди, как волны моря во время прилива заходили под тонкой батистовой тканью.

Мост рухнул. Глыбы, вошедшие в воду потока, подняли тучи брызг, за ними пошёл девятый вал, в торжествующем шуме которого раздался звук, напоминающий стон Альбины Вадимовны.

Светлане Ивановне, которая тоже питала слабость к «цыганочке» и тоже умела её танцевать, (не хуже артисток самодеятельных театров), в триумфальном танце цыганки Альбины, досталась роль цыгана, которую она сдержанно-достойно исполняла. Цыган мгновенно просёк ситуацию, что цыганка не может сама подняться с колен. Красиво подлетев

к подруге, он галантно (как из другой оперы), подал бедняжке руку. Осторожно потянул её на себя, сильнее, ещё сильнее и, когда та была уже в положении «стоя» и стало понятно, что танец достойно завершён, и вокруг них слышались бурные несмолкаемые аплодисменты, на молодых женщин бальзаковского возраста напал, наконец, настоящий хохот.

Утренний кофе

Альбина Вадимовна лежала в кровати, мечтала о кофе и вспоминала вчерашнее. Как хохочущие, они прощались на автобусной остановке. Как от смеха она никак не могла влезть в автобус. Как долго ещё улыбалась, до самой своей остановки. Даже пассажиры, глядя на неё, улыбались себе: вот ведь хорошо бабе. Потом ехала в лифте и нагло пялилась на себя в зеркало (лифт был с зеркалом и свет не очень ярким) и строила ему рожи.

«Дура, ещё рожи строила», – неожиданно осудила себя Альбина Вадимовна.

Как, зайдя домой, долго ещё остывала от триумфа. А триумф был, ведь цыганочка – её конёк.

«А я ведь блистала... – снова подумала Альбина Вадимовна. – Как когда-то... Господи, как хочется кофе, надо вставать».

Но легко сказать – вставать. Голова была тяжёлая, как с серьёзного похмелья, глаза заплывшие, трудно открываемые. Но похмелье было не от двух рюмок коньяка. Просто за триумф надо платить. За него она платила всегда, и вчера не было исключением. Потому что эйфория, это такое состояние, которое склонно переходить в свою противоположность, по крайней мере в её случае.

Поначалу возбуждённый, далёкий от реальности, мозг Альбины Вадимовны подбрасывал ей вполне оптимистические, хотя и расплывчатые образы красивой, всё ещё молодой, чуть-чуть только в возрасте, женщины. Образы проплывали, конечно, в её зеркалах. Она даже движения танцевальные – «очи чёрные» – в них проделывала. Но вспомнила некстати, как не смогла встать там, на площадке, как чуть не опозорилась. И опозорилась бы, если бы не Света. Почему-то на этот раз смешно не показалось. Нет, показалось смешно... а ещё

глупо: старая дура, а туда же.

«Точно, дура!» – и сейчас согласилась с собой вчерашней Альбина Вадимовна.

«Всё, это внутренний голос заныл», – сказал ей внутренний голос вчера. И надо же было именно в этот момент Альбине проходить мимо коридорного зеркала. Уже не особо желая этого, машинально, она заглянула в него. И... остолбенела, настолько разительно быстрой была перемена. Как будто пелена спала, и образ проступил отчётливо, со всеми своими мелкими морщинками, вдруг проявившимися сквозь осыпавшуюся пудру, немолодым телом (костюм-то сними уже) и уставшей душой.

Но ужас был не в этом. А в том, что она увидела, почему это произошло. В момент, когда она только обратила взгляд на стекло, в течение малого мгновения, она видела себя всё-таки прежней. Но уже в следующий миг случилось что-то непостижимое. У неё на глазах образ, который она так трудно, так упорно создавала сегодня, раздвоился, и из него, цельного, вышла та самая, молодая, всё ещё сильная, бальзаковского возраста, и... не оглядываясь, пошла вдаль зазеркалья. А потухшая, полупрозрачная, как промокашка, чёрно-белая, седая и уставшая, осталась.

Потрясённая Альбина Вадимовна, качаясь и держась за стены, тихо проползла в спальню. Но и там её ждало испытание. Уходя, она забыла выключить бра над венецианским чудом. И оно горело целый день, горело и сейчас. Но даже оно, венецианское, милосердное, сейчас не захотело ей солгать. Альбина Вадимовна выпрямилась, долго скорбно всматривалась в бесцветный образ, маячивший в стекле, потом произнесла почему-то вслух, серым дребезжащим голосом:

«Хорошо Свете, она и сейчас любит... Он – в могиле, а она – любит!!! А мне-то что с этим всем делать?» И, зарыдав, упала в подушку!

«Дура! – в третий раз продекларировала Альбина Вадимовна. – Вот и голова теперь болит и глаза, как две фары!»

«Ничего удивительного, Бог троицу любит, – оправдал её внутренний голос. – Иди уже, вари кофе, да осторожней с зеркалами».

НИНА ОЗЕРОВА

«Ты – это всё ...»

Повесть

Продолжение. Начало в № 14

Часть 4

Петербургский дождливый август очень плавно перешёл в красивый жёлто-оранжевый сентябрь, который так же незаметно превратился в октябрь. Был уже конец месяца – 23 число, вечер воскресенья. Погода в этот октябрьский день стояла замечательная, без ветра и дождя, что особенно радовало тех, кто в этот вечер собирался куда-либо. Золотая осень уже на исходе, но клёны в Екатерининском саду ещё не сбросили свой наряд из багряных листьев. Елена Павловна вместе с приятельницей Алисой не спеша шла под кронами деревьев к театральному музею. В тот вечер в Красном зале музея давали концерт певицы Татьяны Балета, в программе которой были старинные романсы, песни, шансон. Дамы поднялись на пятый этаж музея и очутились в красивом, уютном концертном зале с красной драпировкой на сцене. Стулья для зрителей также были с красной обивкой. Нарядная публика, в основном поклонники певицы, многие с цветами, уже заняли свои места. И вот, наконец зазвучали знакомые и любимые мелодии в прекрасном, безукоризненном музыкальном сопровождении. (Это заслуга звукорежиссёра и оранжировщика Д.Барина.) Искреннее и душевное исполнение певицы, её сильный голос... Всё вместе производило неизгладимое впечатление. Мелодии и голос проникали в душу. Елена Павловна сидела не шелохнувшись, завороженная волшебством музыки. Но, когда во втором отделении, она вдруг услышала композицию Джерома Керна «Дым» на русском языке – слёзы восторга непроизвольно навернулись на глаза... «Не оставляет меня этот композитор», - подумала Елена Павловна. И опять ей вспомнилась мелодия «Ты для меня всё» - мелодия, которая

прошла через всю её жизнь... И она мысленно захотела вернуться туда, в ту далёкую юность и в мечту о том, что когда-нибудь услышит эту мелодию на своём, ещё не купленном проигрывателе.

После концерта дамы не спеша прошли по Невскому проспекту до метро. И у театральной кассы, которая была уже закрыта, увидели афишу: БКЗ «Октябрьский», 6 ноября 2016 г. концерт оркестра Глена Миллера. Они остановились, переглянулись и Алиса, зная юношескую историю подруги, многозначительно сказала: «Знаешь, Лена, я думаю, что нам надо сходить на этот концерт!». «Как замечательно, что нас связывает с Алисой любовь к музыке и мы всегда понимаем друг друга», - подумала Елена Павловна. На следующий день Алиса позвонила слегка расстроенная, сообщив, что купила билеты только на балкон, т.к. партер уже давно распродан.

Мелодии из кинофильма «Серенада солнечной долины» навсегда сделали американского композитора Глена Миллера знаменитым. К величайшему сожалению, он погиб в сорок лет, в конце Второй мировой войны, в самолёте, когда летел в освобождённый Париж для подготовки к праздничному концерту в канун Рождества. Его одномоторный самолёт пропал над Ла-Маншем... Точные причины гибели музыканта до сих пор неизвестны, останки не найдены... Но живёт оркестр, носящий его имя. Датой создания европейского оркестра Глена Миллера считается 16 марта 1990 г. Руководитель Уилл Салден потратил пятнадцать лет, чтобы воссоздать оригинальные композиции Миллера и собрать лучших музыкантов из стран Европы. И с тех пор успешно гастролирует, исполняя классиков джазовой музыки и мелодии самого Глена Миллера.

Концертный зал был полон. Среди зрителей было много молодёжи, для которой этот оркестр, наверное, был открытием, но была публика и старшего возраста – для них этот концерт был неким путешествием в молодость... Первое отделение началось с «Серенады лунного света» Глена Миллера, и закончился концерт этой же мелодией. И, восторженно слушая свою любимую «Ты для меня всё» Дж.Керна, Елена Павловна вдруг вспомнила, что у неё есть диск с записью «настоящего» оркестра Глена Миллера, о котором она совсем забыла.

Перебирая дома пластинки любимых исполнителей, таких как А.Вертинский, П.Лещенко, К.Шульженко, В.Агафонов, Эдит Пиаф, Фред Астер, Елена Павловна надеялась найти ту заветную пластинку, подарок Олега, но, увы... Столько времени прошло, подумать страшно... И она поставила диск, о котором вспомнила на концерте. И опять ощутила себя в концертном зале. Эти задушевные и оптимистические джазовые композиции, производили определённое впечатление и, несомненно, влияли на настроение молодёжи того довоенного времени. И выступление оркестра Глена Миллера на фронтах несло оптимизм и «кусочек дома» уже фронтовой молодёжи. Это была музыкальная мода тех лет. Музыка на фронтах и выступление артистов на передовых были частью государственной политики, как у нас в стране, так и за рубежом, поднимая боевой дух солдат и укрепляя веру в победу. Но последняя мелодия на диске «Ты для меня всё» прервала размышления и опять вернула её в далёкую юность, в то невозвратное время...

Часть 5

Как обычно, наше северное и такое долгожданное лето пролетает очень быстро. И также неотвратимо пришёл сентябрь и пора учёбы. После долгой, как ей казалось, разлуки они встретились только в школе, первого сентября. И ночью Леночка долго не могла заснуть, перебирая в памяти свои впечатления от встречи с Олегом: стройный, загорелый, с копной белокурых волос, зелёноглазый, по-

взрослевший, словно герой из кинофильма, он стоял у окна, окружённый одноклассниками, оживлённо что-то рассказывал, видимо, делился впечатлениями о Чёрном море. Как ей захотелось увидеть его снова, только одного. Мечтая о нём, она незаметно погрузилась в сон.

Школьная жизнь пошла своим чередом. Иногда они встречались в сквере у памятника декабристам на заливе или гуляли по Лютеранскому кладбищу, напоминающему старинный парк с памятниками и скульптурами. Договаривались о встрече записками, переданными друг другу, или Леночка ходила на почту, откуда звонила Олегу домой. Иногда к телефону подходила его мама... Среди одноклассников они не афишировали свою дружбу, но родители с обеих сторон об этом знали. Быстро пролетела осень и наступила зима. И вот уже приближались новогодние праздники, а за ними и зимние каникулы. И вдруг, совсем неожиданно, Олег на каникулы уехал с мамой к её сестре в Рязань. Леночка узнала об этом от отца Олега, когда звонила ему домой, чтобы поздравить с наступающим Новым годом и договориться о встрече, так как на школьном праздничном вечере им так и не удалось поговорить наедине.

Встречая с родителями Новый год, Леночка была очень грустная. Они даже встревожились, не заболела ли она... Ни сам праздник, ни нарядная ёлка, купленная папой, ни праздничный ужин с салатом «Оливье», ни торт «Наполеон», испечённый мамой – ничто не радовало Леночку. Внезапный отъезд Олега очень огорчил её. Она надеялась, что уж на каникулах им удастся встретиться... И только одна мама, с которой она поделилась своим горем, знала причину её грусти. Когда родители спросили, что бы ей хотелось получить в подарок, Леночка растерялась и не знала, что ответить. И тогда папа вынес из коридора большую картонную коробку и, распаковывая её сказал: «Дорогая, это тебе за хорошую учёбу от нас с мамой, мы же обещали!». В коробке оказалась новенькая радиолка с радиоприёмником и проигрывателем для пластинок. Поставили это «чудо техники» на тумбочку, и, когда зазвучала её единственная пластинка

с музыкой Дж.Керна, подаренная Олегом, Леночка расплакалась, родители подумали, что это от радости, а она думала о нём, повторяя, как мантру: «Ты для меня всё».

Зимние каникулы быстро пролетели, но Олег в школе не появился. Леночка не стала звонить ему домой, что-то удерживало её. Но он не появился и на следующий день, и через неделю... Она переживала, но так и не решилась позвонить. Однажды папа, вместе с газетами, принёс письмо и со словами: «Это тебе» протянул ей конверт. Это было первое письмо, адресованное ей. Леночка так растерялась, что даже покраснела от смущения. Маме приходили письма от фронтовых подруг из Москвы и Минска, папе тоже... Она узнала почерк Олега. Оказалось, что для него отъезд в Рязань явился такой же неожиданно, и он не успел ей сообщить. Родители же давно запланировали его отправить к тётке. Мама Олега вернулась в Ленинград одна, оставив его на попечение своей сестры, которая работала завучем в местной школе, где и доучится он до конца учебного года. К лету он обязательно вернётся. А они могут писать друг другу письма.

В ответном письме Леночка сообщила Олегу о радиоле, о том, что слушает его пластинку и новые, купленные родителями, о делах в классе. Вспоминала их совместные прогулки и сожалела о том, что им не удалось на каникулах побывать в Эрмитаже, вдвоём. А все эти экскурсии с классом без него... Как она грустит о нём. И в конце письма, как пароль, понятный только им двоим: «Ты для меня всё». И каждый раз, опуская конверт в почтовый ящик, и не в тот, что висел у дверей почты, а в тот, который находился в самом почтовом отделении, полагая, что так письмо быстрее дойдёт, она думала об Олеге и подсчитывала дни, когда же получит от него долгожданный ответ. И эти влюблённые подростки, разделённые расстоянием, смело доверяли бумаге свои чувства, мысли, планы на будущее и много всего, понятного только им двоим... И каждое письмо заканчивалось заветным паролем.

Однажды вечером, почти в конце учебного года, к Леночкиным родителям пришла

мама Олега Людмила Ивановна с важным разговором, что всех очень удивило. Леночку попросили сходить в магазин и купить кое-что из продуктов. Минут через сорок, вернувшись из магазина, она застала маму очень расстроенной, в комнате пахло валерьянкой, на кухне отец с угрюмым видом курил свою трубку. Мама усадила Леночку на диван и рассказала, что произошло. Оказалось, что тётя Олега, правда, не сразу узнала о переписке детей и сообщила Людмиле Ивановне по междугородному телефону. Та, не долго думая, попросила сестру прекратить переписку, перехватывая письма и докладывая ей их содержание. Тётя договорилась обо всём с почтовыми служащими и сама получала письма с обеих сторон. Такое коварство взрослых никак не могло уложиться в голове Леночки, так как в их семье было принято с уважением относиться к чужим письмам, тем более, к чужим секретам. Теперь Леночка поняла, почему от Олега на последние два письма не было ответа. Ей стало страшно и стыдно, что кто-то бесцеремонно и грубо ворвался в их тайну и читал их сокровенные мысли. А ещё страшнее от слов Людмилы Ивановны, переданных ей мамой. «Я не хочу, - возмущалась она, - чтобы они дружили, встречались и даже переписывались. Их так называемая «любовь», может далеко завести, а мне, как матери, этого не надо... Ещё захотят пожениться! Только этого не хватало! Олегу надо учиться и готовиться в институт, от армии он освобождён по состоянию здоровья. А эти фокусы семейной жизни не для него! А их любовь! Будет ещё сто «любовей!» Передайте Лене - пусть забудет его! Поговорите с ней серьёзно!».

И весь вечер этого злополучного дня она рыдала от обиды. Леночке было стыдно и горько... Переживали все, родители даже не разговаривали между собой. Ужасные мысли теснились в голове бедной девочки. Одна из них - нежелание жить. Хотелось броситься в Неву, чтобы как-то покончить разом с этим горем, которое просто невозможно пережить, а главное, что теперь делать? С такими мыслями она не заметила, как уснула...

Однажды мама, подойдя к Леночке, обнимая её, ласково сказала: «Дорогая моя, един-

ственная, я же вижу, как ты переживаешь. Ты – моя родная душа... Не изводи себя так, я всё понимаю и сочувствую тебе. Давай поговорим. Ты всё молчишь и молчишь, и в классе ни с кем не разговариваешь. Мне на работу звонила ваша классная руководительница. Она очень обеспокоена твоим видом, говорит, что на тебе «лица нет», осунулась, ни с кем из девочек не дружишь». «Мама, - слабым голосом ответила Леночка. - Какие подруги? Ты моя единственная подруга! А Олег был моим единственным другом!». «Что ты говоришь? Почему был?» - удивилась мама.

Часть 6

Мама обняла Леночку, усадила рядом с собой на диван и начала свой рассказ. «Ты знаешь, что на фронт я попала совсем молодой девушкой. Мамы и папы уже не было в живых, родственников тоже. Пожалеть меня было некому, и ты даже не можешь себе представить, как это страшно остаться совсем одной на целом свете... Но жизнь продолжалась. Фронтвые будни - раскисать было некогда. Все старались во имя Победы. Самое важное - это воинская дисциплина. Боевые товарищи - и девушки. и парни - все как одна семья. Но, несмотря ни на что, в этих суровых условиях прорастала и любовь...

Звали его Ефим Самойлов, он был полковой переводчик в звании младшего лейтенанта, знал немецкий и английский языки. Так случилось, что его откомандировали в расположение другой воинской части. Наши пути разошлись, мы даже не смогли попрощаться... Я не получила от него ни одной весточки и не знала жив ли он... Горевала? Да! Но военная служба обязывала держать себя в руках. Война подходила к своему завершению. Вновь прибывший в полк офицер Павел Ларионов стал ухаживать за мной. Он был старше меня на десять лет и очень хорош собой. Стройный, подтянутый. Офицерский китель сидел на нём безупречно. Сапоги хромовые всегда начищены до блеска, подворотничок белоснежный. Сам аккуратно подстрижен, кудрявые русые волосы уложены плойками. Но он очень настойчиво ухаживал, и только за

мною, что меня и покорило. На всех фронтах уже знали, что скоро будет объявлена Победа, и пятого мая 1945 года мы с ним расписались. Остаться после войны одной в городе, где нет ни дома, ни родных, да ещё с фамилией Шульц - вот это было по-настоящему страшно... Через год появилась ты, Леночка, моё сокровище! После демобилизации нам с папой пришлось попроситься жить к моей подруге Тане. Она тоже вышла замуж за военного. Две пары молодожёнов и её бабушка - мы жили очень дружно в их маленькой квартирке».

Леночка слушала маму, пытаясь представить её себе молодой. И потихоньку душевная боль стала отпускать и ослабевать. «Не отчаивайся, - продолжала мама, - горе надо суметь пережить, это испытание на прочность. А свою любовь не забывай, только спрячь её очень глубоко в сердце и храни, и желай своему другу только здоровья и всего хорошего, ведь жизнь продолжается». «Мамочка, прости меня за то, что я заставила тебя так волноваться. А скажи мне, пожалуйста, почему вы с папой называли меня Еленой?» - спросила вдруг Леночка. «О, это другая история, папина. Но, я тебе её расскажу, пока он не вернулся с работы, время пока есть».

«Когда началась война, папа заканчивал учёбу в военном училище в городе Севастополе. Всех курсантов отправили на фронт, так он оказался на Сталинградском фронте... В одном из боёв его тяжело ранило в ногу. Боевой товарищ вынес его с поля боя. Затем госпиталь в Кисловодске, по дороге украли документы и все награды... Долгое лечение. Лечила его врач-хирург по имени Елена Анатольевна. Она всё сделала для того, чтобы избежать ампутации и сохранить ему ногу. Лечение было длительное. Между ними, возникла симпатия. Оба были молоды и красивы. И, естественно, симпатия переросла в любовь. Ты пойми, там на фронте, каждое прекрасное мгновение жизни ощущалось в тысячу раз ярче и значительнее: сегодня ты жив – а завтра можешь погибнуть... Но у папы хранится её фотография. Она очень красивая. и я знаю, что он её очень любил, и обязан ей своим здоровьем. Папа рассказывал мне историю их любви и расставания. После лечения в го-

спитале его командировали на Ленинградский фронт в наш полк. Остальное ты ужу знаешь. И когда родилась девочка, он очень просил дать ей имя Елена. Ты понимаешь теперь, что каждый из нас пережил в войну и встречи, и расставания. Но эта любовь и есть счастье, пусть короткое, но, такое яркое... И надо быть благодарным судьбе, что это было!».

«Скажи мне, мамочка, а ты что-нибудь знаешь о своём друге Ефиме? Встречала ли ты его когда-нибудь ещё?» «Видела, - ответила мама и продолжила: - Случайно, уже после войны, столкнулись лицом к лицу на Невском проспекте. Он первый узнал меня и окликнул по имени. Он очень изменился, в гражданской одежде, в шляпе, возмужавший и с каким-то трагическим налётом. Это было так неожиданно и неправдоподобно. Я с работы спешила на автобус, за тобой в детский сад. И на его вопрос: «Где я могу тебя увидеть?» быстро сказала: «Апраксин двор, швейная артель, моя фамилия Ларионова». Он приехал на следующий день, в обеденный перерыв, и нам удалось поговорить. Сразу после войны, по ложному доносу, он попал в какую-то историю за связь с иностранцами. Он же переводчик. Подлости, зависти и предательства в ту пору хватало. Пока шло следствие и разбирательство, он успел отсидеть какой-то срок. Его оправдали, но, он потерял право проживать в Ленинграде. В городе он был проездом. У него семья, двое детей. Я показала ему твою фотографию, где ты в красивом платье, с бантом и с большой куклой, там тебе шесть лет. Он долго рассматривал фотографию и, помолчав, с горечью сказал: «А это могла бы быть моя дочь!». «Не судьба», - подумала я. Прощаясь навсегда, мы поцеловались. Больше я его не встречала, но сохранила в сердце его образ, и если когда вспоминала, то всегда в душе желала ему здоровья и благополучия». Мама поднесла к глазам носовой платок и замолчала. Так они и сидели, обнявшись, мать с дочкой, обе заплаканные, пока не пришёл с работы отец.

Часть 7

Петербургский холодный, бесснежный март уже собирался сдавать своё климатическое дежурство. Но до апреля оставалась ещё одна неделя. И, как всегда, с приходом весны и светлых дней настроение у Елены Павловны было приподнятое. Завтра, в субботу, она опять увидится со своим ненаглядным и любимым правнуком Ильёй. По телефону они всегда обсуждали план на будущую совместную встречу. В театре «Зазеркалье» они уже были, в ТЮЗе – тоже.

На этот раз решили поехать в ТК «НОРД» и там в «детском городке», покататься на электромобиле, пофотографироваться, купить очередную книжку, в общем, поразвлекаться. После развлечений они обедали у неё дома, а после обеда она отвезла Илью на станцию метро «Василеостровская», передав с рук на руки его родителям. На следующий день Илья по телефону спрашивал: «Бабуля, как ты вчера доехала домой? - и добавил: - Я по тебе соскучился!». Это было так трогательно, до глубины души! Эти слова он часто говорил, и это придавало ей силы, и годы отступали. «Вот это и есть счастье!» - думала она. И, как всегда, в такие трогательные моменты, она ставила диск Глена Миллера и непроизвольно возвращалась в свою молодость, предаваясь воспоминаниям, связанными с заветной мелодией. Когда Олег вернулся из Рязани, родители перевели его в другую школу. Пути их разошлись и они больше никогда не встречались, даже случайно. Только однажды, когда Леночка уже была замужем, гуляя с маленьким сыном в парке, она встретила Олега с девушкой. Они поздоровались, и всё... Это была единственная встреча.

Прошло много лет. Елена Павловна работала на большом предприятии секретарём-референтом коммерческого директора. Сыновья Леночки были уже взрослые. Старший уже отслужил в армии и был женат, а младший был студентом юридического факультета Университета. Было лето, начало июня, тепло, солнечно. Шестое июня, день рождения А.С.Пушкина и день рождения Олега - она

всегда вспоминала его в этот день. Ей вдруг очень сильно захотелось услышать его голос и позвонить ему, как когда-то. Но она не знала ни его адреса, ни номера телефона. С трудом она отгоняла от себя эту навязчивую идею, убеждая себя, что неприлично врываться в чужую жизнь: у него наверняка семья, да, может, он и не помнит её. Несколько дней её преследовали эти мысли...

Прошёл год. Опять наступило шестое июня. И опять её посетили эти мысли. В голове был один Олег. Елена Павловна во что бы то ни стало решила узнать номер телефона, и ей это удалось. В конце рабочего дня она, наконец, решилась позвонить. Ответил женский голос. Леночка представилась одноклассницей и сказала, что хотела бы поздравить Олега с Днём рождения. На что женщина, видимо, жена, сказала, что Олег умер год назад, в свой день рождения, после тяжёлой болезни, ему исполнилось сорок семь лет. Немного помолчав, Лена спросила: «А Людмила Ивановна, его мама, жива? Я бы хотела ей позвонить, она меня должна помнить!». «А Вы, случайно, не Лена Ларионова?» - услышала она в трубке. «Да, это я!» - ответила Елена Павловна. «Я знаю вашу историю, Олег мне рассказывал. Запишите телефон Людмилы Ивановны». Выразив соболезнование, она распрощалась.

В тот же вечер, взволнованная печальным известием, она дозвонилась до Людмилы Ивановны. «Лена Ларионова, конечно помню! Как хорошо, что ты позвонила! У меня есть для тебя письмо от Олега, он очень просил разыскать тебя. Последний год, когда он болел, всё время о тебе вспоминал. Запиши мой адрес и приезжай».

На другой день Леночка поехала к Людмиле Ивановне. Оказалось, что та живёт одна, постоянно болеет. Отец Олега давно умер. «Видишь, Лена, какая я стала, совсем слаба... У меня двое внуков, Леночка и Саша, вижу с ними редко. Как ты, замужем, дети?». Поговорив о прошлом и настоящем, Леночка, откланялась. Отдавая письмо, Людмила Ивановна тихо сказала: «Ты уж прости меня за то, что я вас тогда разлучила. Это сейчас я понимаю, что не надо было этого делать. Но тогда я так за него переживала. Олег перенёс серьёзную операцию в детстве. С его слабым здоровьем он бы не выдержал учёбу в институте да ещё и семейную жизнь, если бы вы поженились. Как рано он ушёл от нас, это ведь всё последствия той болезни! Теперь я спокойна, слава Богу, совесть моя чиста, и последнюю просьбу сыночка выполнила. Царствие ему Небесное!»

Выйдя на улицу, Леночка села на ближайшую скамейку и распечатала конверт: «Дорогая и единственная любовь моя, Леночка! Прости меня за малодушие, за нашу разлуку. Не хотел огорчать маму, не стал искать встречи с тобой. Позже узнал, что ты вышла замуж и, даже, видел тебя в парке с детской коляской. Старался забыть тебя, но так и не получилось... Недолго мне осталось жить, возможно, не доживу до своего дня рождения. Но, ты помни и знай: «Ты для меня всё!». Навсегда твой Олег. «Да, - печально подумала Елена Павловна, - время проходит, но не лечит! И как же быстро пролетела жизнь, словно неуловимая сказочная птица!».

Апрель 2017 г.

ГАЛИНА ТАРАСОВА

Этому нет названья

Повесть

Продолжение. Начало в №№ 13.14

Из пучины морской я словно родился заново. Свежим взглядом я замечал разнообразие оттенков красок неба, воды, ощущал великую животворность теплого солнечного света. Хотелось навечно запечатлеть все это в памяти или на холсте, хотелось рассказать Полине и Але об этой невероятной красоте, хотелось радостно жить с ними подальше от городов, внимая первозданной гармонии, в счастье и любви... Что же, пускай плоды моих трудов, авторство и славу присвоит себе высокопоставленное ничтожество, а я теперь буду – просто ЖИТЬ! Я разыщу своих единственно близких и любимых! Я вымолю у них прощение. Для этого мне нужно обязательно – выжить.

3

Среди холодных и пронзительных отблесков гигантской водной глади, я был затерт проблемами, как одинокая яхта ледяными торосами. «В очередь, сукины дети, в очередь!» – жестко и решительно произнес я волшебную фразу, применяемую лишь в отчаянных ситуациях, и Михаил Афанасьевич¹ как всегда помог – проблемы перестали наваливаться и почтительно выстроились передо мной, чтоб я мог внимательно рассмотреть каждую.

Справляться с ними – простыми и сложными, меня научили в университете, на факультете астрофизики, а вот психическую устойчивость в напряженных обстоятельствах мне помогла выработать, как ни странно, русская литература. В детстве моим воспитанием в основном занималась бабушка, так как родители много работали, и на меня им просто не хватало времени и сил. Такая

¹ Цитата из повести Михаила Афанасьевича Булгакова «Собачье сердце».

ситуация была у многих – дети росли безнадзорными. Зачастую гаджеты принимали на себя функцию плохой няньки, неприметно уродуя основу формирующейся личности, а замотанные отцы и матери не сразу понимали, что их чадушки превратились в аутистов и навечно зависли в паутине интернета в своем идеальном мире. Многие подростки становились игровыми задротами², коих смело можно было причислить к ментальным инвалидам; индивидуумы с более крепкой нервной системой обрастали множеством виртуальных друзей, набирали «лайки» на оригинальных инфоматериалах и зарабатывали небольшие деньги. Только более продвинутые тинэйджеры, способные нарисовать в своем воображении красочные картинки своего будущего, называемые мечтами, – самообразовывались с помощью голографических учителей. Моя бабушка была интереснее любого навороченного компьютера и круче самого наимоднейшего коуча³. Она обладала весьма объемными знаниями в разных областях науки, разбиралась в современном и древнем искусстве, великолепно знала русскую и зарубежную литературу, помнила жизненные наставления своей прабабки-смолянки, преподаваемые ей в детстве, и умела каждый раз глубоко увлечь меня чем-нибудь новым из ее старых интел-

² *Задроты – фанаты компьютерных игр, для которых они превратились в основной смысл жизни и единственный способ провождения досуга. Они постоянно думают об этом, где бы ни находились и чем бы ни занимались. Часто игры интереснее для них, чем девушки. (Среди девушек задротов ничтожно мало. В основном этим страдают мужчины/парни/мальчики*

³ *Коучинг (англ. coaching) — метод консалтинга и тренинга, в процессе которого человек, называющийся «коуч», помогает обучающемуся достичь некой жизненной или профессиональной цели. В отличие от менторства, коучинг сфокусирован на достижении четко определенных целей вместо общего развития)*

лектуальных запасников. В младших классах она объявляла меня больным даже при самом легком насморке, не пускала в школу, оставаясь со мной дома, и – начиналась сказочная жизнь, в которой даже старомодные котлетки-пирожки-компоты, обогащали мой внутренний мир, развивая палитру вкусовых впечатлений. Чтение, в особенности произведения русских классиков, входило в разряд усиленного питания моей души. Ее бабушка холила и закаляла, лелеяла и укрепляла. В то время даже взрослые читали мало – больше любили смотреть голографические сериалы, а если и брали в руки книгу, то это был несложный детектив или романтический любовный роман. Все берегли свои мозги от чрезмерных размышлений, а сердца от излишних страданий, пусть даже и вымышленных. «Больше позитива!» – призывали психоаналитики, и люди, особенно жители мегаполисов, стремились исключить из своей жизни все, что могло бы их расстроить. Бабушка меня не берегла – она подсовывала книги, над которыми я плакал, мучительно переживая за судьбы героев. Со временем я научился пересочинять все грустные истории. Перед сном, лежа в своей уютной постели, я уносился в мир любимых персонажей и вносил свои коррективы в их жизнь: помогал Дубровскому вовремя спасти Машу, убеждал Герасима не топить Муму, выписывал из больницы хозяина Белого Бима чуть раньше, чтобы трогательный песик остался жив, не допускал трагических смертей мятущихся героев Веселовой... Уже став отцом, я понял, что прошел хорошую школу воспитания чувств и получил устойчивый иммунитет к негативам, в то время, когда эпидемии самоубийств беззащитных носителей позитива вспыхивали в разных странах.

Все это помогло мне и теперь – я старался, не впадая в панику, спокойно и трезво анализировать свою робинзонадную ситуацию, чтобы принять правильное решение.

Итак, прежде всего, необходимо определить мое местоположение. Со всех сторон была водная пустыня, и я корил себя за то, что так бездумно проставил координаты, забыв, что еще совсем недавно был готов уйти

куда попало, хоть в небытие. Судя по теплому климату, я очутился в экваториальных водах, что радовало невозможностью переохлаждения. На помощь рыбаков рассчитывать не приходилось, так как вода была стерильной, без какой-либо живности, но здесь могли курсировать туристические корабли. Долго вглядываясь в горизонт, я различил с одной стороны едва заметную туманно-синюю полосу и предположил, что там земля. Других вариантов не было, и мне оставалось плыть только в этом направлении.

Вторая проблема – выживание. Если предполагаемая суша видна на горизонте, то до нее, учитывая радиус Зиготы, около восьми километров. Расстояние большое, но вполне преодолимое, ведь море – моя родная стихия. Когда-то в юности я с удивлением обнаружил, что первым человеком, именно из спортивного интереса переплывшим пролив Дарданеллы, был горячо любимый мною Джордж Байрон. Вдохновленный поэтом, я стал затачивать свое мастерство в этом направлении. В результате, за время учебы в университете, я наплавал в открытой воде около девятиста километров! Надо казать, что физические нагрузки были крайне необходимы мне после душных аудиторий и лабораторий. Сначала, когда от долгой умственной работы мозги, казалось, превращались в туго сплетенный узел, я шел в спортзал, вставал на тренажер и тупо, без каких бы то ни было мыслительных операций, бежал до полного физического изнеможения. В результате голова освобождалась, мозги расправлялись, насыщались кислородом, а честно заработанные эндорфины обеспечивали прилив радости и бодрости. Потом оказалось, что тренировки в бассейне эффективнее снимают умственную нагрузку, а плавание в реках и морях открыло для меня абсолютно новую область жизни, что дало возможность совершенствовать такие личные качества как: выносливость, стойкость, мужество, умение преодолевать страх перед стихией – то, что трудно было воспитать в себе в городских условиях. К тому же, все это настолько окрыляло и вдохновляло, что помогало нестандартно взглянуть не только на возникающие порой научные проблемы, но и на

всю свою внутреннюю и окружающую действительность. К сожалению, за последний год я ни разу не удосужился посетить бассейн и теперь уповал только на мышечную память, которая должна была помочь мне быстро восстановить технику плавания и благополучно преодолеть расстояние до суши.

Теперь надо оценить степень возможной опасности от морских обитателей. Теоретически ее нет. Когда ученые Земли обнаружили планету класса суперземля⁴, а чуть позже, благодаря космическим кораблям нового поколения, сумели высадиться на ее поверхность, она была с хорошо развитой флорой, но отставала в формировании фауны. Несколько лет спустя биологи супруги Покровские во время операции «Ковчег» привезли сюда множество пробирок с оплодотворенными яйцеклетками представителей земного животного мира и постепенно заселили ландшафты всякими милыми пушистиком, ушастиками, пронырливыми шустриками и прочими безобидными зверушками. Ученые-первопроходцы в шутку дали свое название планете – Зигота⁵. Позже, кто-то, не особо грамотный, предложил сделать его официальным, увлеченно заявив, что звучит оно поэтично и лаконично. Чиновники не стали долго думать и масштабно провозгласили о жизни на планете Зигота. А когда разобрались со смыслом слова – менять его было уже поздно. Так вот, хищников земных и морских сюда не завезли – решили устроить некий безопасный рай. Правда, последнее время стали поговаривать, что появились мутанты, пожирающие больных и слабых собратьев фауны, но эти слухи пока не были признаны достоверными фактами. Но я помнил, что все в природе взаимосвязано, не существует бесполезных живых существ. Еще в детстве бабушка рассказывала мне страшную историю о том, как в поле возле одной деревни развелось огромное количество мышей. Недолго думая, грызунов потравили, распылив яд с самолета, а через некоторое время в дома приползли

⁴ Класс планет, масса которых превышает массу Земли.

⁵ *Зигота* - одноклеточный зародыш, образовавшийся в результате слияния мужской и женской половых клеток, несущий признаки отца и матери. Из зиготы развивается новая особь.

змеи – ядовитые гадюки. Их находили на тропинках садов и огородов, на порогах домов, в кухнях под холодильниками и обеденными столами, в спальнях под кроватями и даже в постели. Пресмыкающиеся лишились кормовой базы и переместились поближе к еде, а людям пришлось покинуть обжитые места после нескольких летальных исходов – бежать от поглощающего страха, жестоко расплачиваясь за чье-то бездумное решение. Зная много и других подобных случаев я не был уверен в разумности создания фауны без хищников, но, к сожалению, среди чиновников всех времен и народов попадаются не особо умные, но чрезвычайно активные субъекты, которые добиваются своего, несмотря на явную алогичность их предложений.

Итак, будем считать, что смерть от морских хищников мне не грозит, но сколько времени я смогу жить без воды и еды?.. В юности я несколько раз проплывал дистанцию тридцать километров, не принимая энергетическую поддержку с идущего за мной катера. Теперь, пожалуй, сама экстремальная ситуация компенсирует мой уже не юный возраст повышенным выбросом адреналина и поможет дотянуть до берега... Ну вот, я заставил обстоятельства работать на себя, и психологически мне стало легче.

Третья проблема – мои координаты остались на карте в лаборатории. Но если директор решит, что я выбрал их с целью покончить собой – то это уже не проблема. Даже если он знает о моих плавательных подвигах – что сможет предпринять? Обнародовать координаты, чтобы за мной выслали спасательный транспорт? Вряд ли. Скорее он постарается скрыть мой поступок, объявив без вести пропавшим. Свой идентификационный браслет я отдал боссу по его требованию, а новый, как безработный, получить не успел, поэтому теперь я вне досягаемости спутников и радаров и вполне могу начать новую жизнь человеком с новым именем и с новой судьбой.

Четвертая проблема – нужна новая биография. Ее я могу сочинить по пути к суше

Пятая – необходимо убрать с себя все лишнее, мешающее плыть. От размокших кед, модного парусинового раритета, я избавился

без сожаления. Одежда сковывала движения, но я должен был сначала скрупулезно изучить содержимое карманов. Час назад, стоя перед утилизатором, я тупо рассовывал в жилет и брюки наиболее ценные предметы из моего рабочего кабинета. Теперь, надеюсь, они помогут мне спастись в моем диком существовании. Пара тюбиков с питательной шоколадной смесью для улучшения мозговой деятельности очень обрадовала, хотя лучше бы это была белковая еда, необходимая для работы мышц. Ключи от дома, гаража, машины в новой жизни мне были ни к чему – на дно! По банковским картам меня легко было идентифицировать – избавляюсь! Кабинетный мультимедийный ежедневник без гидроизоляции – балласт – вон! Я опустошил почти все карманы, пока не наткнулся на новый портативный синтезатор, который был весьма ценной находкой. Запас его веществ был нетронутым, настройки последнего обновления позволяли создать широкий ассортимент предметов, а герметичный футляр гарантировал сохранность. Но пока под ногами нет твердой суши, этот прибор бесполезен.

А вот мой старый друг – водолазный нож-трансформер не подведет, ведь столько лет он верно служил мне, помогая в разных приключениях. Не один раз я разрезал им старые рыбацкие сети, когда запутывался в них, совершая многокилометровые одиночные заплывы. Одно из его лезвий мне выковал по старинным традиционным технологиям молчаливый лысый мастер из Японии. Настоящий клинок – кагатано, производился долгим и сложным процессомковки многослойной алмазной стали. Таким способом делали знаменитые мечи древних самураев. Что-то завораживающее было в его суровом блеске, и я подолгу любовался волшебным хамоном^б. Теперь раритетное лезвие словно подменили: оно стало тусклым, хамон исчез, словно сама фактура переструктурировалась. Похоже, что тысячи слоев уникальной кованой стали не смогли интегрироваться в прежний вид. В экспериментах телепортации металлов у

меня прежде не было каких-либо проблем. Но японский клинок, видимо, оказался слишком сложным для интеграции. Волна тревоги прокатилась, вызвав озноб – все ли в порядке со мной, ведь мое тело гораздо сложнее многослойной стали?! Но, взяв себя в руки, я решил рассматривать новые проблемы в порядке их поступления, главное – добраться до берега, а там посмотрим. Тем не менее, мой кагатано легко позволил сделать из брюк шорты, а из рубашки – почти гавайку...

В процессе анализа оказалось, что настоящих проблем гораздо меньше, чем представлялось вначале. Самообладание – великое чудо! Я был готов к путешествию вплавь. Неведомый синий берег ждал меня, судьба благоволила начать жизнь с чистого листа морской лазури. Итак, цель намечена, возможности для ее достижения просчитаны, необходимые приготовления сделаны, теперь – вперед!

^б *Хамон* - волнистый отлив на границе твердого и более мягкого металлов, появившийся в результате различных видов закалки и полировки.

СВЕТЛАНА ПАНОВА

Новый Чиполлино (Подражание Джанни Родари)

Вместо вступления

Те из вас, ребята, кто читал книжку Джанни Родари «Приключения Чиполлино», конечно знают, что Чиполлино – это мальчик-луковка. А наш рассказ о том, как этот мальчик стал большим. Ведь и луковицы тоже растут.

Глава 1. Расскажет о том, что изменилось в жизни Чиполлино и его друзей

В прошлой повести мы расстались с Чиполлино и его друзьями в том момент, когда в сказочной стране была провозглашена республика, а над графским замком взвилось знамя свободы. Сам замок отдали детям. Как это было недавно и в то же время как давно. С тех пор многое изменилось. Замок за это время сильно обветшал и детей оттуда выселили. Говорят там будет размещён Банк, который и даёт деньги на ремонт. У детей таких больших денег на ремонт не нашлось, поэтому они переехали в бывший домик кума Тыквы. Конечно домик это не дворец, но когда нет ветра там не плохо. Во всяком случае так решило правительство во главе с сеньором Помидором. Вы спросите, почему Помидор опять у власти. Но он же отсидел, сколько ему было положено, а теперь реабилитирован и выбран в мэры графства. А сеньор Петрушка ходит у него в секретарях.

Пока Чиполлино писал свой знаменитый роман-сказку и ездил по стране, его место редактора в многотиражной газете занял пронырливый сеньор Горошек. Его чуткий нос всегда чуял поживу. При помощи подлых интриг он пролез в газету, а Чиполлино пришлось довольствоваться местом сапожника у мастера Виноградинки, который организовал недавно фирму «Виноград и К». А профессор Груша было уже совсем разорился,

так как симфоническую музыку, которую он исполнял никто не желал слушать. Хорошо, что догадливая кума Тыквочка посоветовала ему заняться шоу-бизнесом. А в качестве топ-модели пригласили Земляничку, потерявшую место горничной после распада графства. Сама же кума Тыквочка ведёт все финансовые дела. Со своим ансамблем они разъезжают по стране и пользуются у зрителей большим успехом. Тем более, что в джаз профессор Груша принял всех ребят, кто принёс серебряные колокольчики, брошенные в своё время солдатами лимонной армии. Кум Тыква стал совсем старей. Вместе с сеньором Черникой они живут в доме ветеранов Огорода, где с утра и до вечера режутся в домино и до хрипоты продолжают спорить: кто больше любит маленький домик кума Тыквы. Иногда их навещает Чиполлино и по старой памяти подбывает им набойки к туфлям, купленным ими на ваучеры. Приехав в деревню, Чиполлино женился на Редиске. Их дети, непоседливый Чипо и малютка Реди, уже ходят в школу.

Глава 2. Расскажет о Луке Порей, и о посещении им барона Апельсина и герцога Мандарина

Известный всем жителям деревни Лук Порей открыл недавно музей быта прошлой эпохи, который назвал «Лавка древностей». Туда он собрал многие старинные вещи: прищепки, которыми его жена прикрепляла бельё к его усам, половинку ножниц сеньора Черники, мышинные хвосты, купленные им по дешёвке у тюремного кота, слуховую трубку Помидора, огарки свечей. Но главным экспонатом музея остаётся корона, которую Лук Порей получил от самого принца Лимона. С тех, кто захочет сфотографироваться в короне, Порей обычно берёт кругленькую сумму. Но тут его посетила мысль пополнить музей

и приобрести старинную одежду. Для этого он отправился к барону Апельсину и герцогу Мандарину. Барон и герцог жили неподалёку от вокзала, потому, что раньше Апельсин работал носильщиком. Но потом он подумал о том, что никогда не потолстеет, если будет тащить эти огромные чемоданы. И тогда он решил перейти в охранники. А надо вам сказать, теперь многие жители деревни стали приобретать самоходные кареты, которые ездили без огурцов по типу наших автомобилей. Этих самоходок развелось столько, что ставить стало некуда. Предприимчивые граждане оставляли их прямо на мостовых, тротуарах, на газонах и грядках. Каждый уважающий себя обыватель считал за правило держать две таких кареты: в одной ездил, другую чинил. Но вот однажды ночью, Апельсин с Мандарином пошли, якобы на рыбалку, а сами потихоньку проткнули все шины у самоходок. Кончилось всё тем, что возмущённые жители объединились и решили охранять своё имущество. Апельсина же, как самого видного выбрали сторожем. Барону и герцогу только этого было и нужно. Поломки сразу прекратились, Апельсин стал ходить по деревне и собирать с жителей мзду за охрану их же машин. С тех пор, как Апельсин служит в охране, он снова стал солидным и толстым. Живот у него округлился, и жители за глаза называют барона «Пузырек». А надо вам сказать, что с прежних времён у Апельсина остались брюки, такие широкие, что ему до сих пор велики. Эти-то штаны и хотел приобрести для своего музея Лук Порей. Купив бутылочку лимонной наливки, Лук Порей поспешил в гости к барону. Он вошёл как раз тогда, когда приятели ссорились, потому, что никак не могли поделить вырученные деньги. Мандарин забрался на антресоли и собирался оттуда прыгнуть, если Апельсин не добавит к его доходу несколько лир. Увидев пришедшего Порей, герцог сразу успокоился, спустился вниз и присел за стол, на котором тем временем появилась наливка и угощение. Порей никак не мог уговорить Апельсина, отдать ему широченные штаны. Захмелевший барон плакался на жизнь, но брюк не отдал, мотивируя тем, что скоро снова потолстеет. Когда Порей ушёл, Мандарин догнал его в

прихожей и пообещал уломать Апельсина и достать штаны, если Лук заплатит ему за это. Порей согласился, и Мандарин в ту же ночь попросту выкрал штаны барона. Апельсин, узнав о пропаже любимых брюк, рассорился с герцогом и выгнал его из дома. Мандарин напросился жить к Порей, а заодно стал приглядывать за его музеем, который разместился в бывшей сторожевой будке пса Мастино. Сам же пёс служит в полиции и ему палец в рот не клади.

Глава 3. Расскажет об учителе сельской школы Вишенке и его племяннице Косточке

Как, мы ничего не рассказали о том, что стало с другом Чиполлино, Вишенкой?

Ах, какая оплошность! Ну, конечно, умный и воспитанный Вишенка стал учителем. Он преподаёт в той же самой школе, где некогда сам учился вместе с Чиполлино и другими детьми из деревни. Правда домик, где теперь размещается школа не просторный замок. И помещение маловато, и книги положить негде. Приходится рассаживаться не только за столами, но и под партами. А когда мальчишки на переменке, расшалившись, прыгают с трубы на крышу, то стены класса трясутся, как в лихорадке. И Вишенке приходится уговаривать их спуститься вниз. Но зато, когда учитель начинает о чём-нибудь рассказывать, то в классе становится так тихо, что слышно, как жужжит на окне муха. Да это и понятно, ведь разве найдёшь ещё где-нибудь такого умного, знающего и весёлого учителя, как сеньор Вишенка. Однажды Вишенка получил письмо от своей племянницы, которую звали Косточкой. Она жила вместе со своими родственницами графинями Вишнями за границей. Её мать, двоюродная сестра сеньора Вишенки, Вилона, давно умерла, оставив свою дочь на попечении тёток. Но графини Вишни, как вы помните, обладали суровым нравом. Они притесняли Косточку, как могли, так же, как в своё время Вишенку. С той лишь разницей, что теперь по истечении стольких лет характер их стал ещё ворчливее. От скупости и злости они смор-

щились и превратились в засушенные плоды, вроде тех, из которых зимой варят компот. Получив письмо, Вишенка очень обрадовался, потому, что любил свою племянницу. Он тут же поделился этой радостной вестью с Чиполлино. Чипо и Реди прыгали от радости, так как давно хотели встретиться с Косточкой.

Глава 4. Друзья встречаются вновь

И вот однажды к дому старого привратника Жёлудя, где жил сеньор Вишенка, подъехала дорожная карета. Из неё выскочила маленькая юркая девочка в красном платье. Это и была Косточка. Её косички прыгали по плечам, как пружинки. Она радостно бросилась к Вишенке.

- Очень рад тебя видеть, Косточка, - воскликнул Вишенка, заключая племянницу в объятия. Они поднялись на второй этаж в столовую, где тётушка Желудиха накрывала на стол, готовясь к встрече дорогой гостью. Она испекла огромный торт, который украсила сухофруктами. Тут послышались весёлые голоса, и в столовую ввалилась шумная компания гостей. Как вы думаете, из кого она состояла? Ну конечно это были старые друзья Вишенки: Чиполлино, Редиска, Чипо, Реди, Томатик и Фасолинка. Пришёл даже старый Тыква со своим другом Черникой. Сколько было воспоминаний, рассказов. Друзья расспрашивали друг друга обо всём, потому, что долго не виделись. Потом разговор переключился на школьную тему.

- Дядя! – воскликнула Косточка. – Как получилось, что прекрасный замок больше не принадлежит школе?

- Мы не смогли его содержать, сделать ремонт. Кроме того, школа не сумела заплатить вовремя высокую арендную плату, которую ей назначила правительственная комиссия. Банк предложил за свой счёт отремонтировать здание, вероятно, оно ему и достанется.

- Давайте соберём денег на ремонт, – сказала Косточка.

- Это очень трудный вопрос. Средства нужны большие. Правительство решило разместить в замке Банк, и оно вряд ли переду-

мает, – покачал головой Вишенка.

- Если бы у нас была своя газета, то мы могли бы выступить в защиту школы, - помолчав, заметил Чиполлино. - Но для этого опять таки нужны деньги.

Глава 5. Серебряная вишенка

На следующее утро Косточка, Чипо и Реди снова встретились у дома сеньора Вишенки. Когда они поднялись наверх, то застали учителя за работой. Он что-то писал, и его еле было видно из-за разложенной на письменном столе кипы книг и тетрадей.

- Проходите, проходите. Здравствуйте, - близоруко шурясь, приветствовал Вишенка ребят. - Что скажете?

- Вот вы говорите, дядюшка, что у школы нет денег. Но ведь вам наверно известно, что в подземелье замка старый граф Вишня зарыл свои сокровища, - торопливо заговорила Косточка.

- Это оказалась только легенда. Единственным секретом замка был обнаруженный нами подземный ход, которым мы тогда так вовремя воспользовались, - сказал Вишенка.

- А вот это что по-вашему? - на ладони у Косточки появилась серебряная вишенка.

- Что это? – спросил Реди

- Это ключ. Его мне завещала моя мама. Он от сейфа, где, должно быть, до сих пор спрятаны сокровища. Мы их найдём, отремонтируем замок и вернём его детям, - торжественно объявила Косточка.

- Вернём! - как клятву повторили Чипо и Реди.

А сеньор Вишенка только в задумчивости почесал в затылке карандашом, но ничего на это не сказал.

Глава 6. Школа старого Крота

Посоветовавшись, Косточка, Чипо и Реди решили сходить на разведку в старый графский парк.

- Надо попытаться проникнуть в винный погреб. Может быть, там спрятаны сокровища, - сказала своим друзьям Косточка.

Выйдя из деревни, они поднялись на холм

и очутились у ворот парка. Рядом с оградой стояла старая будка пса Мастино. Теперь в ней располагался музей Лука Порей. На дверях была прибита вывеска: «Лавка древностей». Подойдя к ней, ребята остановились.

- Это пореевский музей, - пояснил Чипо. - Здесь дядя Порей держит всякую рухлядь.

- Не рухлядь, а очень интересные и нужные экспонаты, способные украсить любой исторический музей, - высунулся в окошко будки Мандарин.

Увидав на воротах замок, Косточка спросила:

- Сеньор Мандарин, можно мы немного погуляем по парку?

- Нет, - категорически заявил Мандарин. - Детям здесь делать нечего. Тут скоро будут проводить работы по ремонту замка, а также строить казино и платную стоянку для карет. Гуляйте в другом месте, - добавил он.

Друзья отошли от будки и остановились.

- Как же мы попадём в подземелье, если противный Мандарин нас не пускает, - пропищала малышка Реди.

- Пойдёмте к дедушке Кроту, он всё устроит, - воскликнул радостно Чипо, и, увлекая за собой товарищей, первый побежал по тропинке вниз, под горку.

Вскоре друзья увидели небольшой домик, одиноко стоявший в поле. На дверях была прибита табличка: «Школа сеньора Крота». Дети один за другим протиснулись в довольно узкие двери домика и оказались в помещении школы. В комнате, где сидел Крот, не было окон. Ни одного окна. Не горели там лампы, и не было ни одной хотя бы маленькой свечки. Поэтому в классе было темно, как в погребке. Наши друзья сначала ничего не могли различить. Но понемногу глаза их привыкли к темноте, и, приглядевшись, они увидели Крота и его учеников. Несколько молодых кротов внимательно слушали объяснения своего учителя. Старый крот с увлечением рассказывал им о различных свойствах грунта, о трудностях при прокладывании подземных галерей, которых за свою долгую жизнь вырыл немало. Почуввав запах лука и редиски, Крот повернул голову и спросил:

- Кто тут?

- Здравствуйте, - ответил за всех Чипо. - Это мы, Чипо и Реди, дети Чиполлино, а с нами племянница Сеньора Вишенки, Косточка.

- Что же вы хотите?

- Нам надо попасть в подземелье замка. Не могли бы вы нам в этом помочь?

- Ну что ж, - сказал Крот, - я не раз выручал Чиполлино, помогу и вам. Правда, я стал плохо видеть. Ну да ничего, мои ученики помогут мне.

- Ребята! - обратился он к молодым кротам. - Вам представляется возможность на деле показать, чему вы у меня научились. Все за мной!

И компания кротов, возглавляемая старым учителем, вместе с нашими друзьями спустилась в подземелье, которое начиналось прямо под школой. Расстанемся ненадолго с ними и посмотрим, что делается в других местах.

Глава 7. Благотворительный концерт для жителей деревни

Чиполлино постоянно не покидала мысль о том, что крестьяне должны иметь свою газету, на страницах которой они могли бы поведать о своих бедах, поделиться радостью, рассказать об успехах и промахах в деле возделывании огородной рассады. Посоветовавшись с Вишенкой, Чиполлино, наконец, решил начать выпуск новой газеты «Утро огорода». Многие обитатели огородных грядок захотели помочь Чиполлино и дали деньги. Принял участие в этом благородном деле и профессор Груша. Он поставил рок-оперу «Во саду ли в огороде», средства от которой перечислил будущей газете. Кроме того, самодеятельные артисты решили сами дать большой концерт для жителей деревни, а вырученные деньги передать редакции «Утра огорода». В этом приняли участие все местные знаменитости. Коронным номером оказалось выступление мистера Моркоу и его учёной собаки Держи Хватай, которая держала и хватала всё, что подбрасывал маэстро. На неё нельзя было смотреть без смеха, когда в парике и переднике она прыгала по сцене и помогала Моркоу в его фокусах. Для этого пригодился и бинокль и сетка

для ловли бабочек и другие инструменты. В день концерта у специально сооружённого помоста собрались почти все жители деревни. В самый разгар представления вдруг подкатила самоходная карета, из которой вылез сам сеньор Помидор собственной персоной. Он стал кричать, чтоб немедленно прекратили несанкционированный митинг. Но его оттеснила толпа слушателей. Помидору ничего не осталось, как вскочить в карету и убраться восвояси. Но этим дело не кончилось. На площади, где проходил концерт, вдруг появился целый взвод полицейских во главе с Мастино. Всем стало ясно, что это дело рук сеньора Помидора. Представление пришлось прервать, и раздосадованные жители, ругаясь, разошлись по домам.

Глава 8. Завещание графа Вишни

Эта история началась давно, когда в усадьбе Вишен жил сам старый граф. Завещание, которое он составил, послужило яблоком раздора в благородном графском семействе. Что произошло точно, мы не знаем, только старый граф большую часть своих богатств зарыл в подземелье замка, никому не сказав об этом, кроме своей маленькой племянницы Вилонь, которую любил больше других. Умирая, он отдал ей ключи от сейфа с драгоценностями. Последние годы Вишня жил за границей. С ним была и его племянница. Так получилось, что о кладе никто не знал. Правда, герцог Мандарин подозревал о зарытых в подземелье сокровищах. Но ему, как мы знаем, ничего найти не удалось. Тогда был обнаружен лишь подземный ход, ведущий из погреба в парк. А между тем, клад, по утверждению Косточки, существовал, и до сих пор никто не знал, где он находится. В последнее время в усадьбе появился ещё некто, интересующийся кладом. Им оказался принц Лимон. Он приехал из-за границы, где встретился с графинями и от них узнал о существующем сокровище. Переодевшись ананасом, он появился в замке, и тут же нос к носу столкнулся с герцогом Мандарином.

- Хочешь не хочешь, а без помощника в

этом деле не обойтись, - подумал Лимон и всё рассказал Мандарину. Вот почему бдительный герцог не пустил наших друзей прогуляться по парку. Он просто боялся, как бы они чего-нибудь не узнали. Ему и в голову не пришло, что ребята уже обо всём знают, да ещё имеют ключ от сейфа с сокровищами.

Глава 9. Крот ведёт наших друзей по подземной галерее и попадает в тюрьму. Встреча с мышами

Долго путешественники не могли привыкнуть к темноте подземелья, по которому шли вслед за кротом. Они различали только мелькавшие впереди лапы и слышали ругательства старого крота, который всё время был недоволен работой своих учеников.

- Как лопату держишь? Корешок тебе в зубы! – кричал он кому-то из молодых кротов.

- А ты, почему так долго возишься? – торопил Крот другого ученика, – с такими темпами мы далеко не уедем.

Своды подземелья нависали над работающими, комья сухой земли сыпались им на головы. Крот вручил Чипо, Реди и Косточке по метле и сказал:

- Давайте-ка, друзья, помогите расчистить галерею.

Так незаметно совместными усилиями они продвинулись довольно далеко. Вскоре лопаты кротов на что-то наткнулись. Это оказалась кирпичная стена.

- Неужели погреб? – удивился Крот. – Отойдите, ребятки, дайте я сам. И он взялся за лопату.

Лучше бы он этого не делал. Разобрав кирпичную кладку, Крот первым проник в подземелье. Но в это время кто-то чиркнул спичкой и зажгёт свечу. От неожиданности Крот попятился и, опрокинув всех своих приятелей, пулей понёсся назад в галерею. Вслед за ним помчались его ученики. Свод подземного хода стал осыпаться и наконец рухнул, придавив наших путешественников. Чипо, Реди и Косточка, повалились в разные стороны, побросав метёлки. Первым опомнился Чипо. Он отряхнулся и вылез из под завала. Отодвинув

кирпич, он очутился в каком-то тёмном помещении. По-видимому, это была старая тюремная камера. В углу её кто-то копошился. Это были мыши. Одна мышка держала двумя лапками свечку, а две другие что-то доставали из мешка, лежащего на полу.

- Руки вверх! - пошутил Чипо. Но мыши тут же бросили мешок и убежали. Чипо поднял свечку, под сводами забрезжил неяркий свет, подzemелье оказалось тюремной камерой. Стены её были испещрены какими-то знаками.

- Реди, Косточка, выходите, мы попали в тюрьму.

Когда девочки подошли к Чипо, то они увидели, что тот внимательно разглядывает противоположную стенку.

- А ведь это та самая камера, где сидел Чиполлино, – сказал он, прочитав надпись на стене, которая гласила: «Теряю всякую надежду, если Паук не придёт, я пропал».

- Так вот, оказывается, где мы находимся, - отозвалась Косточка. - А это что? - вдруг

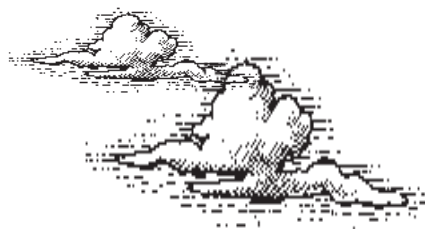
спросила она, поднимая мешок, брошенный мышами.

Чипо подошёл к Косточке и приоткрыл мешок. Оттуда высыпался какой-то белый порошок.

- Да ведь это наркотик! – присвистнул он - Эти мыши, наверно, контрабандисты. Они несли наркотики, а мы их спугнули.

Чипо оказался совершенно прав. Это был сильнодействующий наркотик. Чего греха таить, мыши последнее время действительно занимались этим преступным бизнесом. И их малолетние мышата пристрастились к наркотикам. Одного из них наши друзья обнаружили прямо здесь в камере. Нализавшись наркотиков, он валялся в углу. Когда его подняли, он был без чувств. Чипо и Реди потащили мышонка к выходу, а попросту к дырке в полу. Вытащив наркомана на свежий воздух, они увидели неподалёку аптеку.

Продолжение следует.

НАТАЛЬЯ ВЕСЕЛОВА

Норковый тулупчик

*Его благородие жалует мне
шубу со своего плеча.
На то его барская воля...*

*Господи Владыко (...)Заячий
тулуп почти новешенький!*

А.С. Пушкин, «Капитанская дочка»

Что теперь станет с Марсиком? Эта мысль как впиалась с утра в ее мозг, будто тонкая колючка в пятку, так и цепляла – при каждом невольном вздроге сознания. Только усыпить. Другого выхода Нинон не видела – да и не было его, как ни изворачивайся... Вот так прямо взять и усыпить здорового пятилетнего немецкого овчара с дремучей золотой бездной в чуть прищуренных, всегда на хозяйку жадно устремленных глазах. Сделает это, конечно, зять. И на минуту не задумается, а она не посмеет возразить. Она теперь вообще никогда ничего не посмеет: вспять время не повернешь... Это когда-то, десять лет назад, было ее гнездо, которое она маниакально украшала, словно ласточка, принося туда в клюве по травинке: то коврик в ванную, то полочку под локоток у кресла – чтоб и чашка, и книжка... Даже вспоминать странно... Восемь лет назад Нинон оставила квартиру дочке с ее семьей, и теперь только гостевала там иногда – очень редко и недолго. В бывшем своем доме, незаметно ставшим необратимо чужим, а иногда почти скатывавшимся во враждебность.

Марсика – шерстистого, всегда готового на рык и непривычного к паркету – туда привезти с собой невозможно: в маленькой брежневке, где в меньшей, десятиметровой комнате теперь спальня Людочки с мужем, а в большей – аж четырнадцать метров! – размещены внуки-близнецы Петя и Паша со своим двухъярусным спальным местом, неразлучной, как и они, парой секретеров с компьютерами, несколькими спортивными снарядами и одним на двоих неожиданно ласковым и безответным, похожим на белую акулу бультерьером по кличке Беляш... Куда уж там Марсику, самой-

то куда-нибудь примоститься! Ну, положим, Людочка маму если не любит, то хоть пожалеет иногда, и, когда муж ее, горе-художник, ночует в мастерской, будет класть мать рядом с собой на супружеский раскладной диван, на свою половину, а сама переберется на мужнину... Ночует супруг вне дома часто и охотно, потому что жену давно разлюбил, а дети ему и вовсе мешают: так, появится, прикрикнет для порядку, чтоб показать, кто хозяин в доме, доведет мелочными придирками и неявными, но гнусными оскорблениями действительно подурневшую за последние годы Люду до крика и слез, после чего обзовет истеричкой, на которой «знал бы – не женился», благородно вознегодует и вновь исчезнет на полнедели. Девочка ее знает, что в мастерскую муж регулярно приводит женщин – для вдохновения, даже если наскоро ляпает трафаретную халтуру, вроде эмблемы спонсора на форменные майки и куртки детской спортивной команды... Но она давно махнула рукой на мужа – и на себя. Других в сорок – и пятьдесят, кстати! – называют на улице «девушка», а Людочка... Нинон так больно теперь видеть эту – еще чуть-чуть – и да, можно будет сказать «опустившуюся» – старообразную тетку с жалким трепаным пучочком давно не крашенных волос, в вечных унылых шерстяных кофтах и прямых юбках неопределенной длины, вроде бы и новых, в магазине купленных, а все равно будто раскопанных в бабушкином сундуке. «Покрасилась бы, может, дочка, стрижку какую сделала...» – робко советовала, приезжая раз в месяц, Нинон. «Ой, мам, сил нет...» – вяло отмахивалась Люда и заправляла за ухо поседевшую прядку... Но с мужем она

никогда не разведется – будет тащить его до смерти, нелюбимого и нелюбящего, зато требовательного и полного амбиций... Люда сейчас «оператор» частного копи-центра. Проще говоря, она двенадцать часов в сутки сидит в стеклянной коробке, приткнувшейся в недрах торгового-развлекательного центра и распечатывает клиентам тексты на принтере или делает им дежурные черно-белые ксерокопии документов, где лица на фотографиях откровенно страшны, как случайно проявившиеся изображения привидений... Нет, когда-то была благополучно закончена традиционная «Корабелка», что-то инженерское прописано в синих корочках... Но куда уж теперь! Хоть какая-то работа есть с регулярной зарплатой – и то счастье, так-то вот... В свободное время Люда пытается – деловито, но почти всегда неудачно – искать каких-то недостижимых и почти мифических олигархов, готовых оплатить банкет «для нужных людей» на очередной мужниной выставке в окраинной библиотеке, мечтает выбить ему какие-то фантастические «гранты», подает его документы на премии, которых он никогда не получает, потому что средства, гранты и премии распределены еще задолго до того, как на них кто-то «подал» – и всем это понятно, кроме Люды и ее мужа... Но ничего, зато деньги, вырученные за пропечатанные спины спортивных маек, он несет именно жене – почти до копейки. «Со своими девицами разве что бутылку шампанского разопьет», – радуется Людочка... И все длиннее ее юбки, все серее и коричневее кофты... Ладно, когда зять будет приходиться с ночевкой, придется ложиться на кухонный диванчик. Он, правда, коротковат, ноги свисают, но можно низенькую такую табуреточку... с подушечкой... Не выгонят же на улицу – мать все-таки родная и бабка! И с детьми поможет, кстати: как они из школы придут – она им борщика горяченького, чтоб сытенькие перед секциями своими...

Господи, как страшно...

Снова больно цепляет колючка по имени «Марсик». Не пустят его в квартиру, не пустят... Тем более что своя собака у них маленькая, да и Марс никого, кроме Нинон, не признает – даже детей. Все другие для него – потенциальные враги, и он их лишь милостиво терпит до гипотетически возможной ко-

манды «фас» – и ждет ее даже во сне, чутко поводя острыми бархатными ушами. Окрас у Марса совсем волчий, серо-черный, называется «зонарный», кто в поселке его не знает, не осведомлен о низкой овчарочьей осадке кзади, – тот опасливо косится: не волка ли ведет на поводке эта сумасшедшая тетка? Хм... Тетка... Хорошо, если так, а то ведь, наверное, думают «бабка»... Она сама в лечебницу не поедет, а Марсик зятю в руки не дастся... Придется вызывать ветеринара-усыпителя на дом – за ее деньги, разумеется; она и уйти не сможет, потому что Марс без нее всех в доме перервет, включая детей и врачей. Значит, никуда не денешься: подарить его некому (хорош подарочек, сожрет счастливого обладателя и не подавится), придется не просто как-нибудь душераздирающе проститься, но и присутствовать... Давным-давно она видела, как усыпляли собаку ее школьной подружки – та не смогла, умолила пойти с песиком в кабинет десятиклассницу-Ниночку... Несколько лет не забывалось то, что пришлось увидеть тогда в лечебнице! Но спаниель подруги был старый, плешивый и неизлечимо больной, весь в устрашающе огромных опухолях; он твердо знал, что пришла его собачья пора, кротко смотрел абсолютно человеческими всепонимающими глазами и нервно, прерывисто вздыхал: вы, дескать, поскорей уж, девчонки, устал я... А Марсик... Нет. Она не сможет. Лучше уж в приют отведет, скажет, нашла на улице... Нет, нет. Пусть хоть режут ее, хоть на улицу выкинут! А может, отдать его пограничникам, пусть несет военную службу? Поступает же так кто-то, она сама читала... А-а-а! Да что ж это делается-то на свете, Господи! И как же ты допускаешь такое! Меня – наплевать – но Марсика-то за что?! Он же тоже тварь Твоя, Боже, мы-то тут, на земле мыкаясь, ко всему привыкли, но его не мучь – серого, злого, преданного, ничего не понимающего!

Чувство беспомощности захлестнуло Нинон, она покачнулась за столом, едва не закрыв лицо руками, но вовремя глянула вперед, наткнулась взглядом на монументальную фигуру женщины-судьи в складчатой мантии – над квадратным черным пятном маячило расплывшееся, сероватое, презрительно-равнодушное лицо в тяжелых прямоугольных очках. Такая не пощадит. Это тебе не Марсик.

«Вы же знаете, что бедному с богатым не судиться... – шепнул ей в ухо, мягко подержав за спину, молодой и бойкий адвокат Илья. – Но раз уж решились... Давайте хотя бы проиграем с высоко поднятой головой... Ну... Соберитесь... Может, еще и ничего, кто знает...», – Илья чуть слышно вздохнул. Он-то как раз знал – и предупредил честно, еще до самого первого заседания: «Эти – *занесут*, можете не сомневаться, – кивнул в сторону надменной девчонки, представительницы истца. – Не судье – так в нужные организации. А там неудачницы-недоучки сидят, которые айфон только во сне видели, и пенсионерки, чья пенсия равна прожиточному минимуму... Продолжать мне или сами поймете, Нина Алексеевна?». Она, конечно, понимала.

- Я протестую! – с протяжным воем подскочил вдруг рядом с ней адвокат. – Протестую против приобщения этого чертежа! Его происхождение...

Грохнул, будто выстрелил, деревянный молоток:

- Протест отклонен. Суд постановил удовлетворить ходатайство истца о приобщении к материалам дела плана дома и участка.

- Ваша честь! – против всяких правил взмолился Илья. – Там цветной тушью нарисовано! В пятидесятых годах прошлого века! Неизвестно кто, что и где рисовал, там и вокруг все тогда другое было! Непонятно даже, та ли местность вообще, о которой речь-то идет! А надписи...

- Ваш протест отклонен, вам неясно, представитель ответчика?! Еще раз – и вы будете из зала – удалены! – судейская мини-кувалда вновь обрушилась на кафедру, и легко было предположить, что если б суровый закон давал судье право молотить не по столу, а по головам участников процессов, то их мозги давно бы уже были размазаны тут по стенам во устрашение всем последующим.

«Где-то я ее видела...» – неясно мелькнуло у Нинон в эту ужасную секунду.

Илья потушил и сел.

- Кремень баба, – тише шепота поделился он с клиенткой. – Точно – *скушала*...

Нет, она определенно идиотка... Причем тут Марсик?! Кто думает о собаке, когда под откос летит – жизнь?!!

*

Истца своего Нинон видела единственный раз, поздней весной. Однажды, жмурясь от удовольствия (эту привычку она за собой знала и считала ее обаятельной), будущая ответчица пила на крыльце утренний кофе со сливками, вытянув вдоль теплых крашенных досок свои длинные, все еще стройные ноги и заголив их выше колен, – и вдруг в щели между землей и глухим железным забором промелькнули и замерли у калитки мужские ярко-белые кроссовки. Тотчас раздался стук, Нинон мгновенно натянула юбку на колени и крикнула: «Кто там?». Приятный тенор ответил: «Сосед, на минуточку!» – и она впустила во двор невысокого симпатичного мужчину с приветливым взглядом и вежливой улыбкой. Незнакомого, но совершенно неопасного... Ох, и «минуточка» же оказалась!

Соседей справа и слева Нинон прекрасно знала в течение вот уже полувека, поэтому еще до того, как мужчина объяснился, стало очевидно, что он не кто иной, как владелец заброшенного участка, располагавшегося позади – и древнего, уже в землю врастающего дома без окон без дверей, который давно не виден был среди буйно разросшихся колючих кустов с несъедобными ягодами и зарослей гигантского борщевика, похожего размерами и формой на тропические деревья... Хозяином всей этой роскоши был когда-то сослуживец отца тогда еще маленькой Ниночки; оба они обзавелись участками и строились одновременно, а детей их связывал особый вид дружбы – летний: это когда ты с приятелем на даче – не разлей вода, а вот случайно встретиться зимой в городе где-нибудь в театре или на детском празднике показалось бы странным и неловким... Отпрысков у соседей имелось двое: старшеклассница Марина, открыто презиравшая «мелюзгу», и вихрастый пионер Лешка, смысленный кареглазый толстячок с льяными волосами, что запомнилось необычностью, потому что либо глаза сами собой напрашивались васильковые, либо волосы – шоколадные; он и принадлежал к той ватаге ребятишек, с которой бегала подросток Нинка... Махнувшая за шестьдесят Нинон пытливо глянула в лицо своему ровеснику-соседу: нет, не карие глаза – серые, как и положено при светлых с проседью волосах. Не Лешка...

А кто?

- Меня зовут Константин... Можно без отчества... И я племянник... – он назвал имя, ничего Нинон не сказавшее, давно из памяти ускользнувшее. – Бывшего хозяина того участка. Теперь я его унаследовал, поэтому...

Такое простое слово, а в ней – ёкнуло, вырвалось:

- А Лешка... Марина...

Красиво погрустнев, мужчина кивнул:

- Марина эмигрировала, давно уже, прислала отказ, я покажу вам, если требуется, – (Нинон помотала головой: ей-то что до этого?), – а Леха... Ну, тут дело обычное: пил как лошадь; пока жена жива была – сдерживала как-то, потом умерла, а он – по наклонной... За год человеческий облик потерял, через два – сгорел во сне до углей вместе с квартирой... И шестидесяти не было мужику. Такие дела.

У Нинон смутно пронеслось: сладкие гороховые стручки в чужом саду, черепаха размером с детскую ладонь, бойко плывущая в открытое море, букетики с ягодами земляники, собираемые на валу вдоль железной дороги – и все это как-то связано с тем смешным пузанчиком, от которого, как оказалось, теперь остались только черные угли, как от средневекового еретика, казненного на костре... Она встряхнула головой:

- Да вы проходите в дом – что на жаре-то стоять, голову напечет! У меня там и кондиционер есть – муж успел, незадолго до смерти... Теперь вот спасаемся в жару...

Он и от кофе не отказался – приятный человек – и удивился, как такой вкусный получается, и вежливо хмыкнул на ее фирменный ответ: «Евреи, не жалейте заварки...».

За кофе сосед, человек, как сам признался, состоятельный, рассказывал о своих планах участок расчистить («Но вот те чудные бронзовые сосенки – видите? – непременно сохранию»), построить там замечательный двухэтажный особнячок со скромной башенкой («Так дочка хочет, сам бы ни за что: уж больно вкусом какого-нибудь краснопиджачника отдает, но как не потрафить любимице, она же у нас единственная»), а меж тех пяти плакучих березок («Вам из-за борщевика не видно, но просто как девицы-красавицы хоровают водят, честное слово!») поставит миниатюрную беседку... Еще жена его мечтает

об оранжерее, чтобы по древнерусским летописным рекомендациям самой выращивать и лимоны, и апельсины, и даже ананасы («А вы и не слышали? Как?! Вы не знали, что в Древней Руси все это было прекрасно освоено?»), кроме того, она очень любит разводить разные экзотические цветы («Такая утонченная женщина, необычная, понимаете?»), и он построит ей для этой надобы другую теплицу, самую современную; она, Нина, еще удивится, когда увидит те чудеса, которые они здесь сотворят... Да, кстати, насчет теплицы: очаровательная Нинон («Как это красиво, на французский манер!») знает, конечно, что ее отец случайно – а может и нет, он лично покойного старикана, пусть земля ему пухом, не знал – захватил целую полосу от его участка, шесть с лишним метров шириной и пятнадцать в длину – сотка все-таки, не кот начхал, между прочим – именно те сто квадратных метров земли, которые требуются для вышеозначенной постройки...

Нинон все еще продолжала улыбаться и кивать, пододвигая гостю тарелочку с нарезанным магазинным кексом – и нельзя было не улыбаться в его ясные глаза и чарующую, мальчишески-застенчивую улыбку, в его открытость, в ненаглую уверенность в себе, в безопасность его и дружелюбие... Он показывал вдруг невесть откуда явившиеся планы и чертежи, со знанием дела вычерченные на пожелтевшей от времени бумаге («Вот здесь ручей, а это дорога – кстати, не только дом ваш, но и колодец тоже на моей территории оказался»), с четкими фиолетовыми печатями и петлистыми подписями людей, явно ставивших их когда-то со всей возможной торжественностью... Давно умерших людей, которые уже никогда ничего не подтвердят и не опровергнут.

Она и провожая соседа, еще не смахнула улыбку – потому что и он дружески сиял, глядя ей в глаза и говоря вещи, которые ничем, кроме шутки, оказаться по определению не могли:

- Ну, что делать, что делать... Перестраиваться! Переносить как-то дом ваш, что ли, не знаю... Проще, конечно, быстро снести его и потом новый отстроить... Подальше там – вон, кустарник тот вырубить, что ли... А колодец в наши дни – это же вообще архаика...

Ну, как невозможно... Все возможно в этом мире... Вы же видели документы. И планы свои я вам озвучил – что тут неясного? Потому что сами же понимаете – на чужой земле живете... Конечно, не виноваты: это старики пятьдесят с лишком лет назад намудрили с документами... Тогда, знаете, вообще проще все было, не заморачивались люди, а зря... Как, вы и сами межевание не делали? Ну, это вы, душенька, напрасно... Сразу видно, в папочку пошла дочка, ха-ха, без обид... Так вы подумайте на досуге, как разбираться будем, а я заскочу на недельке...

Но через несколько дней у калитки оставилась огромная, как бульдозер, черная машина, из которой легко выпрыгнула миниатюрная девушка с грацией косули – и оказалась адвокатом вежливого соседа. Она приехала только уточнить, когда именно планируется снос мешающего планам ее клиента строения, и дружески посоветовала, не заходя в обреченный дом:

- Знаете, Нина, э-э... – заглянув в бумажку, – Алексеевна... Я вам просто по-человечески говорю, из сочувствия, так сказать: не доводите вы дело до суда, честное слово: сколько денег, нервов, здоровья, потратите, а конец все равно один: документы я изучила – судье, собственно, даже колебаться не из-за чего, настолько там все ясно... Нет, я понимаю: обидно, и всякое такое... Подставил вас отец ваш – что тут скажешь... Трудно его теперь осуждать – время другое было... Но вы и сами о современных документах не позаботились. А начали бы процесс межевания – так и всплыли бы все эти факты...

Тогда Нинон предложила выкупить несчастный спорный кусок земли: посоветовавшись с зятем и дочерью, она уже успела прийти к выводу, что не так уж это и дорого, и вполне по силам им поднатужиться да и наскрести по сусекам стоимость сотки здешней не самой дорогой земли...

- Да ну, что вы! – махнула рукой девушка из бульдозера. – Это не обсуждается. Моему клиенту не копейки ваши нужны, а земля, которой, как он считает, у него и так маловато окажется. Поэтому он, может, и остаток вашего участка за бесценок прикупит, если вы новый дом строить не надумаете – так что вам еще и прибыль какая-никакая выйдет, не гру-

стите очень уж... В любом случае, закон на его стороне, так что...

Так что «Долой Нинон, Нинон, Нинон, / Долой Нинон Ланкло...». Она сама переделала так свое имя из простенькой, как ей девчонкой казалось, Ниночки – когда, лишь прочитав в отрочестве рассказ Эдгара По, еще не знала, кем была на самом деле та Нинон, о которой пелось¹.

Долой, Нинон.

Время умирать.

*

А судью эту она, несомненно, раньше видела. Неподвижное лицо женщины казалось не высеченным из мрамора – а грубо вытесанным из тусклого камня, но нет-нет и проступала в нем будто некая странная прозрачность, и тогда в глубине, как лик прекрасной утопленницы под грязной водой, обозначались очень знакомые, даже чем-то милые черты... Песочница, соседская девочка, какой-нибудь подаренный или отнятый совочек? Не то, не то... бери выше – обеденный стол в детском садике, ты давишься сухим крупитчатым творогом, а напротив – золотистые кудряшки? Нет, почти всех детсадовских Нинон помнила, да и фотографий много осталось... Что тогда? Что?

- Ответчица, а закон о необходимости межевания вас не касался?! – два стальных буравчика свирепых глаз впились в ее лицо, пронзительный голос полоснул по сердцу – и вопрошаемая уже торопливо и угодливо вскакивала со стула, как не выучившая урок школьница, вызванная к доске, как ее собственный гневный окрик, случалось, во время оно выдергивал из-за парты нерадивых учеников.

- Я... Мне... – точно так же, как и они, мекала Нинон, не поднимая глаз. – Мне просто не казалось, что это так срочно...

Если честно, она и вовсе об этом не задумывалась, привыкнув, что всей скучной документацией сначала ведали родители, а потом муж – поэтому даже счета с трудом оплачивала, вовсе не вглядываясь в заведомо непонятные цифири – и с восторженным не-

¹ *Нинон де Ланкло* – французская куртизанка, писательница, хозяйка литературного салона (1615-1705); в рассказе Э. По «Очки» упоминается только в куплете игривой песенки, напеваемой одним из персонажей.

доумением думала о тех храбрых своих знакомых, которые не только заново перемножали их, но еще и подавали какие-то протесты и требования итоговые суммы – пересчитать! Нинон же родилась с почти недееспособным левым полушарием, пригодной исключительно к гуманитарным наукам, и все, что касалось подсчетов и замеров, вызывало в ней настоящий мистический страх. Но и отец, и муж у нее оказались с головой и руками, причем, второй, как она довольно нескоро додумалась, был подсознательно выбран ею под стать первому: такой же основательный, сосредоточенный молчун и добытчик, мастер на все руки и твердое плечо – несокрушимое, предназначенное служить вечной опорой... Инженер, который настолько любил свою работу, что и дома все время высматривал объекты, требовавшие основательного доведения не только до ума, но и до совершенства... Оттого и в детстве ее, и в юности, и в зрелости дома у них все идеально работало, повсюду тарактели и жужжали какие-то дополнительные моторчики, семью не страшило ни летнее отключение горячей воды, ни зимнее, всегда предательское, – отопления. На даче сооружен был собственный водопроводик на связи с колодцем, отведена почти городская канализация, установлен паровой котел в подвале, под зимние нужды (на Новый год, например, приехать – чем не счастье?) переоборудован второй этаж, да и весь дом, изначально деревянный, со временем оделся добротным желтоватым кирпичом, обзавелся зеленой железной кровлей... А когда молодая еще Нинон заикнулась мужу о том, что жаль, дескать, в плохую погоду нельзя пить кофе на балкончике с видом на залив и далекие кораблики, то балкончик был немедленно превращен в утепленную лоджию... Он крепко любил свою очаровательно слабую, вечно нуждающуюся в защите и наставлении жену, этот ее немногословный муж, так и не сумевший оплодотворить ее, но принявший, как родную, дочку от раннего, горького и недолгого институтского жениного романа – любил и старался сколь возможно облегчить обеим жизнь. Последним, что он сделал десять лет назад, перед тем, как молодым, только полтинник разменявшим, умереть «от сердца», никогда прежде не болевшего – был тот самый кондиционер,

далеко не у всех в те дни на даче имевшийся, сидя под которым спустя десять лет незванный гость сообщил ей, что дом придется снести.

Даже теперь, когда суд уже шел полным ходом, Нинон большей частью оставалась ужасающе спокойной, потому что знала – да и все кругом говорили – что исход дела предрешен. Несколько жалких бумажек, представленных суду ее адвокатом, ровно ничего по существу не решали, а ходатайства о паре очень желательных запросов судья отклонила парой же ударов своего беспокойного молотка. Зато ходатайства противоположной стороны о приобщении, запрашивании и назначении только удовлетворялись – хотя с такой же неистовой злобой. Было совершенно ясно, что судья ненавидит всех фигурантов без исключения, и не только их дела, но и прочих, больших и малых. Действительно, с высоты судейской кафедры – чем должна была казаться пожилой измотанной женщине вся эта нечистоплотная и подлая возня с квадратными метрами, очернением ни в чем не повинных покойников, мелкими предательствами и грандиозными обманами? Какое ей дело было до протечек на чьи-то тупые головы и горбом нажитый бедный скарб, до невыплаченных грабительских кредитов и незаконных вселений в убогие жилища всех этих маленьких, жадных, обвиняющих друг друга в чудовищных злодеяниях никчемных человечков? И чужих, никогда не виденных домов, полных неприятных запахов тлена? Какая ей разница, порушат завтра один из них или нет?!

Нинон и хотела бы переживать, плакать по ночам, до утра не спать перед заседаниями, но... Но в ней словно что-то запеклось – и это был грозный признак крушения. Так уже происходило – три раза. И всегда несло с собой смерть. Сначала, когда позвонили с работы отца: он, главный инженер цеха, получил тысячевольтный удар тока, но умер не сразу – она ехала в больницу, твердо зная в душе, что в живых его уже не застанет, и не могла ни молиться, ни плакать... Спустя четыре года она сама звонила в эту больницу – и там буднично сообщили, что недавно прооперированная мама снова переведена в реанимацию; и опять Нинон ехала туда же точно на таком же троллейбусе того же маршрута, снова бесповоротно зная, что это конец, – и сидела

бетонно-спокойная. Ну, а третий раз – это когда в дверь позвонил мальчишка-сосед по лестнице и через заевшую цепочку взволнованно протараторил, что муж «Нины Алексеевны», помогавший вешать в их квартире люстру, «вдруг упал и не шевелится» – и надо было только сделать три шага по площадке; она помнила, как спокойно сделала их, а сердце меж тем превратилось в сгусток запекшейся крови... Точно таким же оно ощущалось и теперь, что значило: волноваться не о чем. Волнуются ведь, когда не знают, чем кончится...

*

Сколько она себя помнила – там всегда было солнечно, на их даче. Даже странно – ведь пасмурных дней в году случалось не меньше, а больше, как и всегда на Балтике! Но даже ненастные дни виделись отсюда, с этого края жизни, полными света, вот в чем дело! Прямо от их дома, через засыпанную хвойными иголками дорожку, открывался пологий спуск к дикому песчаному берегу Финского залива – здесь, за Кронштадтом, его воды остались такими же чистыми и прозрачными, как в прежние времена, когда еще не построили дамбу, погубившую севернее все живое в некогда кристальной воде... Детьми они на бегу срывали одежду, сбрасывали сандалики – и с размаху плюхались на мелководье, где меж полосато-розовыми ракушками брызгали в разные стороны перепуганные мальки.

На участке у них давно уж отвели особое, торжественное место для костра, и теплыми июльскими вечерами все окрестные дети пекли под руководством Ниного папы картошку в раскаленной золе – какое там теперешнее барбекю, тогда и слова такого не знали! – и в свои упорно округляемые шестьдесят Нинон все еще была твердо уверена, что вкуснее тех черных снаружи и рассыпчато-желтоватых внутри картофелин, посыпанных крупной солью и достававшихся каждому строго по одной (больше – это уже превратить праздник в обычный ужин!) нет и не может быть ничего на свете!

А ее первый и единственный охотничий трофей! Поздней осенью, уже, наверное, на пороге декабря, папа, неустанный ходок по лесу, знаток языка растений, повадок грибов и лесных примет, взял с собою на дачу в вы-

ходные семилетнюю Ниночку, обещая показать ей, как засыпает лес... Но Нина, всегда, вообще-то, послушная, на сей раз с чего-то решила напроказничать – и в знакомом, казалось, перелеске, тишком удрала от родителя, занятого осмотром свежего лосиного следа. Она тихонько потрусилась прочь, зажимая ладошкой трепещущий на губах смех и представляя себе, как беспомощно начнет озираться ее большой неуклюжий папа, когда заметит, что дочка рядом нет, – и случайно отбежала на такое расстояние, что папиного тревожного зова («Где ты, проказница? Зачем пугаешь папку?») не слышала, хотя, по ее расчетам, он давно уже должен был оглашать собою весь лес. «Папа... –нерешительно позвала тогда девочка, сдаваясь без боя. – Я здесь!.. Я никуда не делась!..». Она тотчас с облегчением услышала, как отец продирается к ней справа через густой непроницаемый осинник – и стремглав дунула в ту сторону, чтобы не успеть испугаться лесного одиночества. С громким треском они рвали друг другу навстречу, вот уже большая темная тень видна сквозь частые ветки – «Папа!!!» – но вместо родного лица недосягаемо высоко над головой Ниночки неожиданно возникла огромная и длинная звериная морда! Коричневая! Шерстяная! Зажмурив глаза и зажав ладонями уши, первоклашка завизжала так, что ей показалось, будто голова ее сейчас взорвется от этого пронзительно-го вопля – и, перекрывая его, животное тоже страстно, истерически вострубило – а потом, ломая ветки, давля плашмя падавшие тонкие деревца, бросилось восвояси, оставляя за собой в чащобе широкий пролом... «Нина-а!!! Нина-а!!!» – как только, истратив весь воздух из легких, девчонка замолчала, раздался стремительно приближавшийся голос отца... Когда он достиг места недоразумения, ему и объяснить ничего не потребовалось. «Лось, – констатировал папа, быстро оглядевшись. – Они сейчас как раз рога сбрасывать начинают. Занят был сохатый – вот и не сразу тебя заметил... Пстой-ка...» – и он уверенно направился по следу удравшего зверя. «Так и есть! – послышался веселый крик буквально через пару секунд. - Ну-ка, ну-ка...». И, когда Нина подбежала к отцу, он уже шел по тропе обратно, со смехом протягивая ей два огромных, похожих на деревянные крылья лосиных рога:

«Сразу оба выломал! Ну, ты, дочь, – сила! Так зверя шуганула, что он оба рога за раз потерял, когда спасался! На, держи! По праву твои трофеи – можешь гордиться!». Она схватила было один – но сразу уронила: такой тяжелый оказался! Трофеи домой нес папа, то и дело начиная смеяться на ходу... Скоро он приделал рога на лакированную дощечку, и они много лет провисели в их городской квартире над входной дверью, а гордый хозяин дома всякий раз сообщал тем гостям, которые случайно не знали: «Это Нина лося завалила. Личный ее трофей – я ни при чем...».

*

Он умер двадцать один год назад, мама – семнадцать, муж – десять, и только тогда дочка Люда вышла, наконец, замуж. Тридцатилетней, застенчивой, безнадёжной. Зять Нинон не нравился категорически (постоянной работы нет, все время какие-то ненадежные халтурки, дома то густо то пусто – что за мужик?!), и она постоянно ловила себя на мысли: «Все равно разведутся». Но не развелись, Люда как-то притерпелась – вернее, желая подольше оставаться в уважаемом замужнем положении, безропотно содержала благоверного всякий раз, как он сидел без заказов – хотя, надо сказать, был он поначалу нетребовательным – просто никаким. Тогда смирилась и Нинон, в свою очередь, додумавшись до того, что второй брак дочке ее заказан, а этот совсем уж неудачным не назовешь: все так живут, невелика печаль. Тем более что родились близнецы, требовался отец и кормилец... Сначала Нинон охотно нянчилась с карапузами, но вскоре теснота стала раздражать и мучить всех пятерых, а там и лето всевыручающее пришло, переехали, как обычно, на дачу... Дочь с детьми пробыла до осени, а Нинон, к тому времени уже молодая пенсионерка, все медлила возвращаться домой: по вечерам с удовольствием топила хворостом свой нарядный, расписными изразцами выложенный камин (на него в свое время крупно потратились строго ради романтики – отопление не он, конечно, обеспечивал, а котел в подвале), читала что-нибудь спокойное, укрыв ноги мягким пледом, иногда подолгу заглядывалась на огонь, опустив книгу на колени, в полдень бродила меж сосновых стволов, прислушива-

ясь к высокому гуду ветра в кронах, – и отправилась в город только испугавшись первого снега. А в Петербурге вновь начались мелкие пакости и подставы со стороны вкусившего без нее воли, мало-помалу распускавшегося зятя, что влекло слезы детей и горькие слова дочери, а Нинон, видя очевидные нестроения, не могла не вмешиваться... Словом, снег еще лежал под деревьями в низинах, как выпотрошенная вата из старого одеяла, когда она снова уехала в свой дом на заливе и, пережив дочкин летний приезд с сыновьями, становившимися месяц от месяца все голосистей и неуправляемей, всерьез задумалась о возможной зимовке...

Так случилось, что зимовали уже вдвоем. Осенью она случайно разговорилась в любимом «верхнем» (имелся еще и не такой уважаемый «нижний») магазинчике с вполне приличной дамой-ровесницей, чье лицо за годы примелькалось: то загорающей на пляже ее видела (варикоз и слишком закрытый купальник – мастэктомия?), то на вокзале (проводжала толстую тетю с оравой дошколят – богатая бабушка?). Выяснилось, что дама снимает здесь комнату у подруги вот уже лет восемь, а однушку в Питере, наоборот, сдает, потому что у залива жить – здоровее. (Нет, не замужем, не была и не стремилась – носки по всему дому, да еще и приставания грязные терпеть – б-рр; грудь – да, оттяпали одну, когда еще молодая была, тьфу на нее; детей нет – все равно благодарности не дождешься; толстуха с выводком – племянница, дура круглая.) А теперь подруга собралась замуж – ну, и попросила ее, конечно... Испугалась, что отобьет драгоценного... И вот она судорожно ищет новое жилье, но чтоб с комфортом, не как-нибудь... Нинон, назначив плату весьма умеренную, пригласила Викторию Петровну пережить с ней зиму – для пробы, так честно и сказала: мол, если стерпимся... И не только стерпелись, чуть к весне не сроднились! Обе учительницы, только Нинон – бывшая «историчка», а Вика оказалась – «француженкой», но, слава Богу, – гуманитарии, хоть поговорить могли по вечерам – о течениях в искусстве и белых пятнах истории... Кроме того, у новоявленной квартирантки оказался жесткий, почти мужской ум и крепкая рука – так что те мучительные обязанности, что когда-то ис-

правно несли отец и муж Нинон, как-то сами собой, постепенно перешли к новой жилище – и вдруг волшебным образом едва ли не на четверть сократились коммунальные траты, почтительно кивали и споро делали свое дело вызываемые то по тому, то по другому поводу работники – а не болтались развязно и требовательно по дому и участку, заставляя хозяйку униженно им прислуживать, как то бывало в пору ее неумелого правления... Даже Марсик, почуяв рядом нешуточную силу, быстро передумал ощериваться! Все кругом вновь четко и слаженно заработало, предметы, словно матросы, слушаясь бывалого и спуску не дающего боцмана, вдруг оказались каждый на своем месте, готовые немедленно заступить на вахту... Любо-дорого было взглянуть! Постоялица обосновалась внизу, в двух смежных теплых комнатах, а Нинон, поколебавшись, все-таки предпочла жить со своим псом наверху – все из-за той утепленной лоджии, где за десятилетия привыкла, встав поздним утром и даже еще не умывшись, постепенно пробуждаясь и обретая ясность ума, пить крепкий кофе с сахаром и густыми сливками, щуриться на далекий кусочек горизонта, то бирюзовый, то стальной, то жемчужный – и с ни разу не изменившим сердечным трепетом ждать, когда важно пройдет по нему корабль, загадывая, будет ли то белый пассажирский красавец или всего лишь трудовая черно-серая баржа... Так, особо друг-другу не докучая, но незаметно спасая от ночных страхов и вневременного одиночества, просуществовали бок о бок девять осеней, зим и весен – а на лето Вика неизменно уезжала к родственникам на Кубань, освобождая место Пете с Пашей, а также их матери, уже почти сходявшей в своих одноцветных бесформенных одеяниях за ровесницу Нинон... Ну, что ж – Вика вернется, и ждет ее дурной сюрприз: опять придется искать себе квартиру. Такую идеальную, понятно, найти заказано, но... ничего незаменимого не существует. Бывает только не замененное вовремя... Ну, а дочка с внуками пусть теперь ездит летом на теплые моря...

Какие там моря, Господи! Нет... Все-таки совсем спокойной оставаться никак не получалось.

*

Конечно, черная судейская мантия безжалостно превращала эту усталую, некрасиво постаревшую женщину в зловещий монумент. Нинон уже ни минуты не сомневалась, что это надежно забытый персонаж из прошлого – ах, увидеть бы ее без этой странной драпировки, без узких прямоугольных очков... Если бы недавно встречались – она бы поднапряглась и вспомнила, но нет – значит, искать следовало в глубоких подвалах памяти, уже доверху забитых ненужными образами... Ну, вот зачем, скажите на милость, ей этот молодой человек, стриженный «под пажа», губастый и длинноносый, который лет тридцать тому назад, не поднимая головы, читал толстую, завернутую в газету книгу, сидя в метро напротив нее? А ведь словно сегодня видела! Или тот невидный дядька в рваной тельняшке, протянувший: «Ё-олки зеленые...», когда Нинон, выходя из «нижнего» магазина позапрошлой весной, споткнулась, и, задев фонарный столб пакетом, разбила банку маринованных огурцов?.. Никогда ведь не всплывут больше в ее жизни, никчемные, пустые фантомы... А судья... Где, где, где они в этой жизни встречались? Понятно, что были тогда моложе, стройнее, морды глаже, а волосы – так и во все другой длины и цвета... Вот что-то совсем близко, уже брезжит, как рассвет после долгой мучительной ночи... Соседка по номеру в гостинице? По столику в санатории?.. Близко, горячо! Ну же!!! Нет, не достать... Зовут ее Анна Владимировна... Фамилия все равно какая: женщина сколько угодно раз может ее сменить... Анна? Анечка? Не было в ее жизни ни одной Ани. Ошибка? Нет. Потому что глубоко внутри – твердое, осязаемое знание. Только подцепить его, но... Надо ли цеплять? Ну, вспомнит она, что с этой женщиной, тогда какой-нибудь смешливой кудрявой хохотушкой, ехала, допустим, в год московской Олимпиады на юг в одном купе скорого поезда – и что? Подкараулить у служебного входа, поведать сию страшную тайну и на этом основании попросить решить дело в свою пользу? Мол, по старой памяти... Только представив себе такую сцену, Нинон внутренне скорчилась.

«Судебное заседание объявляется закрытым», – и только мантия мелькнула. Как вороново крыло птицы смерти. Осталось послед-

нее заседание, на котором будет объявлено решение – глаз не поднимает адвокат Илья. Хороший мальчик: хотя и знает, чем кончится, а бьется, как маленький смелый зверек с ядовитым змеем. Прямо Рики-Тики-Тави, даже жаль его...

Себя пожалей, дура старая.

И сразу так стало жалко – до слез, до мгновенной истерики! Ничего не видя и не желая обдумывать, чтоб не перерешить не ходу, Нинон вдруг грузно метнулась вслед розовому пиджачку представительницы истца, уже легко, вприпрыжку одолевшей пол-лестницы:

- Пойдите! На пару слов... – и задохнулась: не молоденькая, все же, за газелями длинноногими гоняться.

Та терпеливо ждала, пока прыткая крашенная бабка продышится, лишь раздраженно вздрагивала беспокойная жилка справа на тонкой шейке... Полоснуть бы ножичком.

- Послушайте... Я понимаю, что от вас – ничего не зависит... – сгорая от унижения, не своим, глухим голосом заговорила Нинон. – Но человек же вы... Поэтому просто – скажите ему, чтобы он понял... Ведь эта сотка для него – ровно ничто... Ровно! Потому что теплицу куда угодно можно... Куда угодно... А у меня – вся жизнь... То есть, просто хоть топиться иди... Мне ведь некуда – совсем, понимаете? В квартире – маленькой – дочь с семьей, зять... Ненавидит... Мне хоть на вокзал, хоть в подвал, понимаете? В бомжихи!.. А вашему клиенту – без разницы... Вы только скажите! Может быть, он вспомнит, что мы – люди, что нельзя так – с людьми... Явиться ниоткуда и всю жизнь искалечить! И вообще... Он ведь только ради принципа судится... А мне – умирать? Нет, скажите, – умирать, да?

- У меня – работа, – спокойно и даже мягко сказала девушка. – Работа, за которую мне платят деньги. Ра-бо-та, понимаете? Адвокат нужен для того, чтобы суд – выигрывать... Это понятно? А вы хотите, чтобы я уговорила клиента забрать заявление накануне заседания, на котором будет объявлено, что он выиграл дело. Вы понимаете, что именно вы просите меня сделать? И, надеюсь, не обидитесь, если я этого – не сделаю? – она смотрела мимо, видимо, все-таки наблюдая отдаленные всполохи совести, но больше ничего не сказала.

Да и порыв у Нинон прошел, внутри как

отпустило. Рядом оказался печальный Илья, и ей подумалось, что он ее сейчас отругает за малодушие, за бесполезную и, в конечном счете, смешную выходку – но парень повзрослому пожевал губами и тихо сказал:

- Может, и правильно... Во всяком случае, теперь вы знаете, что сделали абсолютно все, что могли. И с юридической стороны и, так сказать, с гуманистической... Ну, что ж, получим на руки решение, а там будем дальше думать... В конце концов, обжалование никто не отменял.

- Не будем, – пробормотала Нинон, – думать. Уж больно мысли ужасные...

*

На последнем заседании после знаменитого: «Встать, суд идет!» неизменная секретарша – сонная мышь в вечнозеленом – садиться уже не предлагала. Фигура судьи возникла над кафедрой, словно сама собой, черные крылья мантии дрогнули, выпустив на свет божий две крупные неженские руки, державшие тощую пачку бумаги. Не поднимая глаз от текста, вершительница судеб, распорядительница жизни и смерти заговорила неожиданно тихим и тусклым голосом, без малейшего предисловия, а также выражения, пауз и запятых: «Оглашается решение... Именем Российской Федерации... Двадцать третьего июля, две тысячи...». Одна из многих обнаружившихся за последние пару месяцев внутренних Нинон, коренным образом друг от друга отличавшихся, ни за что не хотела напрягать слух, чтобы разобрать едва слышную скороговорку, а другая вдруг остро подумала: «Это не только Марсику и мне конец, но и Людочке – тоже. Ведь дом-то, в сущности, единственное, что было у нее до этой минуты...». «...в составе председательствующего судьи... при секретаре... рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело номер... по иску... о признании собственности... установил...» – как сквозь вату, доносилось тем временем до Нинон основной и главной. Странные мысли прерывисто мелькали у нее... Кто бы теперь поверил, что Людочка после школы хотела стать дизайнером... Отец запретил ей тогда – да и мать поддержала: что за профессия такая? В начале девяностых это вообще дичью какой-то казалось... Они и выступили,

как благоразумные родители, единым фронтом: «Сначала получи нормальную специальность, а потом занимайся, чем хочешь!». Еще бы: страна только что распалась на части, казалось, надежный диплом – единственный шанс остаться на плаву... Кто ж знал – провидцем надо было быть... И муж этот ее – урод, прости, Господи... А что, лучше было бы, если б она студенткой, на третьем курсе, за того одноклассника выскочила, как там его... Еще патлы до плеч носил, стихи писал дурацкие и на гитаре брэнчал – хором сказали тогда с отцом, даже не сговаривались: «Несерьезный юноша, не пара тебе. Поддержки от нас не жди». Ослушаться не посмела, потому что всегда тихая, домашняя была... А может лучше, если б вышла за него... Нет, нет – не враг же она родной дочери... С раздолбаем что за жизнь? Но погасла после этого Люда, к двадцати пяти годам уже совсем погасла, и дальше жила, словно по инерции... Потом, когда дети появились, показалось, что вот он, смысл жизни: сейчас посвятит себя им – и наладится... Но и дети у нее шли будто через силу, как тяжелая обязанность... Срывалась, визгливо орала на них, щедра была на подзатыльники... И мужем особенно заниматься не хотела – тоже из последних сил по его делам носилась, лишь из страха, что иначе совсем не нужна ему станет, да и бросит на раз-два... Вся в болячках не пойми откуда, вечно врачи какие-то, обследования, желчью рвет, кожа шелушится, ноги опухают... А вот летом на дачу приедет, толстые вязаные кофты свои снимает, наденет сарафан – ярко-оранжевый с синими-синими колокольчиками... Щеки начинают золотиться, сквозь легкий загар проступает что-то похожее на румянец... Плавает с мальчишками – да азартно так, Нинон даже несколько раз слышала, как смеялась... Грибов, бывало, полные корзины притащат: смотри, смотри, красавец, да?! а этот?! Все. Единственную отдушину ей теперь перекроют... А если совсем без отдушины жить... То это значит и не жить вовсе. У кого отдушины нет – те быстро умирают. Так и они с Людой умрут. Неважно от чего. На самом деле – от неизбывной печали...

Нинон очнулась: усталый голос судьи все так же монотонно и равнодушно сеял слова: «...заслушав стороны и допросив свидетелей,

проверив письменные доказательства, суд приходит к следующему...».

Она, конечно, вспомнит, где встречала эту тетку – но потом, когда это уже не будет иметь никакого значения – как, впрочем, не имеет и сейчас. И окажется, что они когда-нибудь стояли каждая за своим килограммом колбасы в одной очереди в девяносто первом, когда отоваривали растреклятые карточки, поочередно бегая в изгаженный подъезд греться у чуть теплой батареи... Или вместе выгуливали собак на пустыре – много лет назад у них в семье жил бестолковый розовый пудель... Или... Как же много этих «или», оказывается! Да может, просто дорогу она этой женщине когда-то показала, прошла с ней рядом сколько-то по зимней грязи, весеннему льду или сквозь оглушительную пургу, как Вожатый с Гриневым... При этой мысли Нинон вдруг как кипятком окатило: не горячо – жжет! Горит! Вот сейчас! Но не успела.

- ...Никаких иных доводов в обоснование своих требований истец суду не предъявил. Оценивая собранные по делу доказательства в их совокупности, суд приходит к выводу об отказе в удовлетворении иска, – в тот же миг четко услышала она.

Одновременно адвокат произвольным движением резко и больно стиснул ей запястье – и остаток судейского спича потонул для Нинон в попытках высвободить попавшую в железный капкан руку. «Что это... Что это... Как... Как такое может быть... Ослышалась... Не поняла чего-то... Сейчас Илья объяснит... Не может же быть... Невозможно же...» – трепыхалось в ней что-то маленькое и щекотное, будто она ненароком проглотила живую бабочку.

*

Напротив здания суда меж двух внушительных банков нахально втиснулась крошечная кофейня из разряда дешевых и невкусных. Но заведение уверенно процветало за счет наскоро перекусывающих канцелярских крыс, заедающих поражения проигравших истцов и ответчиков и облегченно выдыхавших за чашкой кофе победителей. Таких, какими негаданно оказались адвокат Илья и его опешившая клиентка, которую он еле довел под руку до столика, побаиваясь всерьез, как бы

с этой молодящейся бабулей не приключился на радостях инфаркт.

- Не посмеют! – в сотый раз втолковывал он. – Да и не даст это обжалование ничего! Потому что судья их, можно сказать, поймала на взятке! Ну, и баба, а?! Кто бы мог подумать! Такой пофигисткой казалась замотанной... А взяла – и послала запросы. Свободно могла этого не делать, свободно! А вот сделала же! До сих пор не могу понять, что ею двигало...

- Точно нельзя ничего переиграть? – как заведенная, продолжала выпытывать Нинон.

- Да они не рискнут даже попытаться, потому что это же статья – уголовная! – вскричал, исходя юношеской радостью, адвокат.

И вновь он принимался растолковывать подопечной: мол, догадавшись, что часть доказательств истец, решивший для верности подстраховаться, попросту купил, судья отправила в соответствующие учреждения официальные запросы, призванные подтвердить или опровергнуть происхождение документов. Поступили ответы, заставившие призадуматься – а вернее, признать ключевые доказательства «недостовверными», что и позволило решить дело в пользу уже голову на плаху положившего ответчика... Попытаться обжаловать решение? Ну, уж нет – не самоубийца же истец, чтобы из-за ничтожной спорной сотки, которую попытался схватить наудачу с лету, теперь рисковать получить себе на голову уголовное дело! Нинон может жить спокойно и ничего не бояться: ее отец не перевернется в гробу, дом когда-нибудь, как он и мечтал, любовно кладя один кирпичик на другой, перейдет к родным внукам и правнукам! Ну, а Марсик... Тот останется с обожаемой хозяйкой весь свой короткий собачий век – сколько там доброй судьбой ему отпущено... Даже не знает тварь Божья, чего избежала, не радуется, живет себе и живет...

- И все-таки не понимаю, – после паузы пожал плечами Илья. – Другой судья и глазом бы не моргнул: раз приобщи́л – достоверно. А уж как добывали – не его дело. Странно. На оголтелую правдолюблицу, вроде, не похожа, а вот поди ж ты... Вы не знаете?

- Это вы деликатно спрашиваете, не дала ли я ей потихоньку взятку? Или, как у вас говорят, не «занесла» ли, да? – тихо сказала Нинон. – Нет. Мне бы и в голову такое не при-

шло. А и пришло бы – не умею я этого... Да и где денег взять... – она бесчувственно отхлебнула остывший кофе.

Нежно звякнул колокольчик у входной двери, и в кафе вдруг появилась зеленая секретарша с круглыми мышьиными ушами и мелкими, вперед торчащими зубками. Она сразу же деловито устремилась к их столику и, вплотную приблизившись, быстро положила на стол перед Нинон вчетверо сложенный лист бумаги. «Вам просили передать. Сказали, вы поймете», – глядя в сторону, прошелестела она и тотчас же скорым шагом отправилась восвояси. Илья и Нинон в замешательстве переглянулись; она все не решалась развернуть послание.

- Смелей, – шепнул он, косо улыбаясь. – Там не может быть ничего страшного. А вы – прямо как... Как бомбу, как ежа, как бритву... какую-то-там-острую... Читайте, не бойтесь.

Но читать оказалось почти нечего. В центре страницы было неумело нарисовано что-то вроде детской шубки с мохнатым воротником, к рисунку тянулась жирная стрелка с надписью печатными буквами: «Норка». Илья изумленно пялился на картинку:

- Бред... – пробормотал он. – Тулуп какой-то... Норковый...

Нинон не знала, что можно заплакать – вот так: только что не было ни одной слезы, и вдруг – целый водопад. Прорванная плотина.

*

Почти сорок один год назад в самом рядовом и оттого страшном ленинградском родильном доме в послеродовой палате их оказалось пятеро. Первой поздно ночью привезли на каталке Нинон, обессиленную и еще полубезумную от пережитой нечеловеческой боли, и, как бревно с телеги, скатили на продавленную койку, привычно покрыли – сначала тощим одеялком, а потом – беззлобным матерком, необидным, даже ободряющим... Она все тщетно пыталась вызвать в памяти образ своего новорожденного ребенка – но там мелькало только что-то неожиданно бордовое и несимпатичное, с толстой желтой коркой на огромной неровной голове... «Девку родила, девку! А ну, повтори – чего пялишься, малохольная!». Интересно, у той акушерки вообще

не было детей, или она в первую минуту после родов уже в пляс пустилась?

Дверь в палату открывалась в ночи еще четыре раза, и с железным грохотом, разрывая самый сладкий в жизни, мужчинам неведомый послеродовой сон, вкатывались лязгающие каталки. Сквозь ресницы Нинон наблюдала, как няньки сваливали родильниц на кровати, точно так же уютно поругивая их за беспомощность, но последнюю снимали с осторожностью, в постель укладывали вдвоем, и витало странное слово «кесарка»... Уже утром выяснилось, что таково в этом заведении было милое «домашнее» прозвище женщин, перенесших кесарево сечение. Днем знакомились, обживались; те, кто уже сумел подняться, подносили остальным сырой воды из-под крана, по стеночке добирались до уборной в дальнем конце коридора... Порадовалось, что в палате подобралась ровесница, все студентки-старшекурсницы: Нинон-училка, Наташка-журналистка, Ленка-инженерша, Катька-музыкантша, а «кесарку» звали Ануш, и она заканчивала юридический...

- Армянка ты, что ли? – поразились, помнится, Наташка, изумленно оглядывая золотистые кудри юристки.

- Да нет, какое... – лежа, махнула рукой та. – Муж у меня армянин, вот и зовет на свой манер. Ануш да Ануш – привыкла...

Так все они и стали называть новую знакомую. Жизнь в послеродовой палате тяжелая – только кажется, что свежеиспеченные мамаша купаются в солнечном счастье и полны радужных мечтаний. Ничего подобного: здесь царит, прежде всего, страх. Любая вменяемая женщина знает, что в тот же миг, когда рождается первенец, в сердце вступает животный страх за него – и остается с матерью до конца дней. Этот страх – самое неожиданное, что приходит после родов, когда ждешь – облегчения... Как он там, в огромной детской палате – один, без мамы? Хорошо ли смотрят за ним, не проспит ли какой беды беспутная или пьяная медсестра? Принесли кормить – почему красное пятнышко на щечке – заразили уже чем-нибудь? А почему молоко не сосет, спит – заболел? Кричит-надрывается благим матом, грудь не берет – умирает?! Замотан туго, на голове белая тряпка, сам похож на батон в пакете – почему нельзя распеленать и посмо-

треть ручки-ножки: а вдруг там не все пальчики?! А эта стерва-сестрица, как смеет ходить на каблуках, неся по свертку с ребенком на каждой руке – здесь же линолеум скользкий и протертый – вдруг оступится, упадет и детей уронит?! Страх, страх, страх... Вот утром заходит в палату педиатр – пять пар пронзительных глаз впиваются ей в лицо: ничего с моим не случилось за ночь?!

Следующая за страхом – боль. Унизительная физическая боль, у каждой своя. Сразу же начинаются проблемы с грудью: у кого-то она твердеет и не дает молока, в пытку превращается кормление, у кого-то – невыносимое жжение, когда малыш берет грудь – тоже пытка, почти у всех – наложены довольно грубые швы на самые нежные и сокровенные места: не перевернуться, не сесть, в туалете кусаешь губы...

Сон – поверхностный, потому что страх и боль делают свое дело, разговоры – отрывистые, редко кто успевает или хочет выворачивать душу такой же усталой и больной, своим встревоженной соседке...

У Ануш, например, начинались нестерпимо болезненные схватки в животе во время кормления – она вскрикивала, насильно отбирая грудь от своего мальчишка, сразу чувствовала себя виноватой, закусывала губы, возвращала ее – и, оскалившись, запрокидывала голову, скрежеща зубами и едва сдерживая стоны; слезы сплошь заливали лицо. Нинон несколько раз в день видела это, потому что Ануш лежала прямо напротив – ужасно жалко было ее! Врача, забегавшего утром, словно ветром на мгновение занесенного, спрашивали, конечно – всей палатой, но... «После кесарева – в порядке вещей» – вот и весь ответ...

Ануш последняя начала подниматься с койки – ничего удивительного, с заштопанным-то брюхом! – еле ступала, согнувшись, иззелена-бледная... Но, с некоторой завистью замечала Нинон, эта девушка в благополучные свои времена могла считаться красавицей – просто чудом! Волосы ее отливали тусклым золотом, вились упругими крупными локонами, черты лица были одновременно тонкими и мягкими, что создавало волшебное впечатление красоты и доброты, редко на одном лице соседствующих, а тут вполне уживавшихся... Глаза с густыми русыми ресницами являли, как и

положено у обладательницы золотой гривы, прозрачно-голубой раек – никакого диссонанса... Неудивительно, что армянин ее замуж взял: именно такая красота цепляет южных мужчин, это уж проверено... Тихая-тихая была Ануш, все больше лежала, иногда приподнимаясь и более-менее безуспешно взбивая комковатую казенную подушку, особенно не разговаривала – верно, просто измоталась и мучилась очень. Понятное дело, ей не докучали: сами тоже долгих разговоров не вели – так, о мужьях немножко, об институтах... Нинон, например, своего – того, первого не мужа – кляла на чем свет, обещала, смеялась, когда-нибудь во сне подушкой придушить... Пережидали тяжелые эти дни кто как умел, а вообще считали часы до выписки...

Накануне того дня, как выписаться четверым, Ануш только еще сняли швы: понятно, что несчастных «кесáрок» держали в больничке на пару дней дольше. За ней приехало в палату огромное черное кресло на колесиках, под управлением громкоговорящей неохватной бабы, – и увезло на гремучем грузовом лифте в какую-то полумифическую «вторую перевязочную»... Стоял весьма морозный январь, но в палате шел сухой жар от батарей, слишком часто проветривать – из-за малышей – боялись, поэтому все сидели в одних рубашках, так и отправили ее, безропотную, в неизвестность – в рубашке же... Такая худенькая была, что в громоздком кресле смотрелась котенком, забившимся в угол. Отправили и забыли: привезут, когда нужно будет... Сами лихорадочно терли головы общим розовым обмылком в палатной раковине, наивно охорашивались, готовясь к завтрашней встрече с родными и любимыми... И понадобился Нинон для какой-то цели кусочек бинтика – подвязать, что-то припала охота или еще зачем-нибудь – теперь, сорок лет спустя, разве вспомнишь... Она помыкалась по этажу, натываясь всюду на закрытые двери и, запахнув халат поплотнее, вышла на лестницу... Правда, то, что по инерции называли они в этом недоброй памяти учреждении халатом, на самом деле являлось странной полуверхней-полудомашней одеждой универсального размера и длины (кому до пят, а кому только до коленок); в одеяние, выданное после родов Нинон, свободно поместились бы

еще две такие же, как она, и ниспадало оно до худых ее щиколоток. Поясов (как, впрочем, и вилок, и ножей, чтоб друг дружку невзначай не перерезали) родильницам не позволялось, как заключенным в тюрьме: считалось, что в припадке послеродового психоза женщины могут повеситься, так что приходилось придерживать полы руками... Тапки полагались кожаные, без задников и не менее сорокового размера, тоже по-своему универсального: у кого нога меньше – заведомо поместится, у кого больше – пятка чуть свесится, беда невелика... Нинон тогда носила обувь тридцать пятого номера, и трудно теперь даже представить, насколько удобно ей было идти тогда вверх по лестнице, в надежде добраться как раз до той запасной перевязочной, куда увезли несчастную Ануш.

Дверь оказалась незапертой и, деликатно стукнув по ней кулачком, Нинон скользнула внутрь... Да, теперь, стоит лишь прикрыть глаза – и легко вызвать в памяти это высокое, настезь распахнутое окно без занавески, в которое веяло ледяным ветром и мело редкими стеклистыми снежинками. Под потолком гудели, как стратегически важный завод, три длинные лампы дневного света, а у стены, на рыжей клеенчатой кушетке, скрючившись и прижав напряженные руки к животу, лежала Ануш, все в той же проштемпелеванной ночной рубаше, давно и навечно серой от бесконечных прожарок в больничной «вошебойке». Спотыкаясь, Нинон бросилась к ней:

- Что с тобой? Где все? – подо «всеми», подразумевались, должно быть, какие ни есть медики.

- Все нормально... – выдавила Ануш, подняла искаженное болью личико, и потрясенная Нинон увидела, что оно пепельного цвета. – Швы сняли... Так больно! Я заплакала... Они и сказали... Сказали – полежи немножко, пока проветривается...

- Ладно... Поехали в палату, ляжешь в постель... Кормление скоро! – быстро приняла единственно верное решение Нинон. – Где это дурацкое кресло?

В коридоре его не оказалось, как не оказалось дежурной – и какой-нибудь другой разновидности – сестры. Вернувшись в перевязочную, Нинон первым делом прикрыла окно – ничего себе проветривание! – потом реши-

тельно сдернула с себя темно-серо-коричневый теплый халат и накинула на Ануш:

- Грудь застудишь, молоко пропадет! Подымайся! Нельзя тебе здесь долго...

Она подпихнула больную под спину и осторожно приподняла – та была легкая, словно детский скелетик. Только прикоснувшись к ней, Нинон почувствовала, что Ануш вся заоченела и держится еле-еле – только на остатках той удивительной силы воли, что непременно дается каждой матери в нагрузку к первому же ребенку. Тогда она закутала тощенькое тельце товарки в свой халат поплотнее и повлекла ее вон из ледяного помещения, в теплый коридор... Кое-как, с частыми остановками, они добрались до железного лифта – но у дверей горел неугасимый красный глазок: там, в шахте, что-то долго грохотало и гулко дергалось, но вызвать кабину все никак не получалось:

- Пойдем пешком по лестнице, – как умела, твердо сказала Нинон, покрепче прихватывая валковую дрожащую Ануш. – Это не так трудно, как кажется.

На лестнице откуда-то снизу ударил жестокий зимний сквозняк, и Ануш слабо засопровтивлялась:

- Ниночка, твой халат... Ты теперь сама в одной рубашке осталась... Ты тоже – застудишь... Молоко...

Одной рукой Нинон стянула ворот рубашки:

- Ничего, потерплю: авось, пронесет. Тебе больше досталось, вообще в одних носках по бетонной лестнице идешь. Креста на них нет, гадах...

Четверть часа они шли в палату тем путем, который даже в ужасных безразмерных тапках Нинон недавно пробежала меньше чем за минуту... В палате девчонки заохали, всполошились, принялись спасать обеих пострадавших... Наташка стала совать вилку контрабандой раздобытого кипятильника в розетку, намереваясь наскоро сварганить строго запрещенный «вольный» чай, Катька бросилась к дверям «на шухер», Ленка укладывала и утешала вконец обессиленную Ануш... В эти минуты, когда уже подходило время расставаться

навсегда, они как раз и почувствовали ту товарищескую сплоченность, которая, останься они вместе подольше, могла бы сдружить их, раскрыть сердца... Когда волнение немножко поулеглось, Наташка-журналистка взяла злополучный тяжелый халат Нинон, кое-как брошенный на спинку чьей-то кровати, понесла его через всю палату законной владелице – и вдруг в задумчивости остановилась на пути, прижав к груди эту мерзкую бурую тряпку:

- Слушай, Ануш... А ведь это – почти такой же тулуп, какой, помнишь, спас от петли Петеньку Гринева... Вот станешь ты какой-нибудь... – она усмехнулась, – крупной шишкой в погонах, а Нинка возьмет – и придушит, наконец, своего козла-осеменителя... И приведут ее к тебе – в наручниках... А ты возьмешь – да и отпустишь ее на волю, потому что вовремя вспомнишь про этот заячий тулупчик...

Девчонки расхохотались было, но Ануш даже не улыбнулась. Она медленно подняла голубоватые веки, остро глянула из-под них.

- Норковый... – чуть слышно прошептала она. – Норковый твой тулупчик, Нина...

*

- Опять ничего не понимаю... – озадаченно пробормотал Илья. – Она что, норковую шубу за это хочет, что ли? Странность какая... Да у нее же их наверняка с десятков наберется, всех цветов и фасонов... – Он помолчал, потом решительно вскинул голову: – Странность или не странность – да купите вы, в конце концов, и не плачьте! Она вам, можно сказать, жизнь спасла!

Нинон тщательно вытерла слезы салфеткой, медленно и осторожно сложила листок с рисунком, раскрыла сумку, аккуратно спрятала его, щелкнула замком, все это время сбивая адвоката с толку своей загадочной, внутрь обращенной улыбкой.

- Уже, – наконец, ответила она.

И ничего не стала рассказывать.

2 февраля 2017 г.

Санкт-Петербург

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

- Виктор Орешкин 6
Наталия Журавлёва 9
Андрей Маничев 13
Диана Радес 18
Лемпи Карзова-Головина 19
Шатъяна Крыжановская 21
Наталия Сорокина 23
Евгения Корн 25
Юлий Шагер 26
Игорь Сафронов 28
Вера Кулемина 31
Евгений Смоляков 33
Шатъяна Соренсен 36
Владимир Данилевский 38
Шатъяна Николаева 50

Критика и публицистика

- Евгений Раевский 54
Анатолий Молоканов 57
Сергей Псарёв 65
Наталья Веселова 68
Шатъяна Соренсен 95
Лариса Залесова-Докторова 121
Софья Дубовская 127

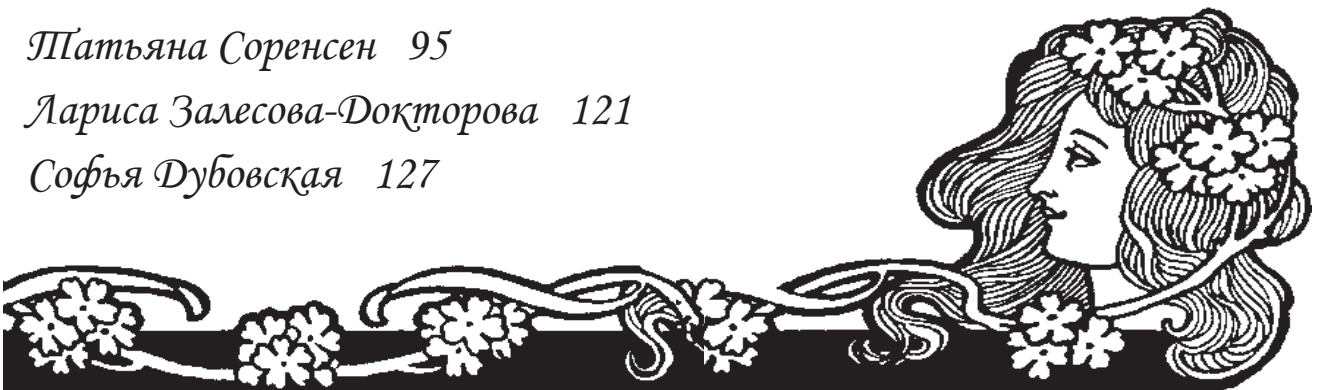
- Иван Ильин 134
Елена Сакс 137
Макар Алпатов 143
Ольга Полякова 152
Вячеслав Поляков 154
Елена Монахова 160
Алексей Воронов
и Анна Игнатьева 166

Гостиная «Золотого слова»

- Виталий Михальский 170

Проза

- Лев Горянин 185
Сергей Псарёв 197
Николай Димчевский 211
Диана Радес 215
Валентина Сибирякова-Горақ 217
Нина Озерова 224
Галина Парасова 230
Светлана Панова 234
Наталья Веселова 240

Золотое Слово № 15
Литературно-художественный журнал

Санкт-Петербург
Издательство «Гамма»
2017 г., 256 стр.

Выпускающий редактор: Ефимова Е.С.
Оригинал-макет: Сафронова Н.А.

Под общей редакцией
Е.П.Раевского

Составитель Н.А.Веселова

Издание Российского Межрегионального союза писателей
Официальный сайт: **www.rmsp.pro**
Адрес для писем: 199178, Санкт-Петербург,
В.О., 15-я линия, д. 34, кв., 17
эл. почта: igorsirena@mail.ru
Контактный тел.: 8-921-908-97-16

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Палитра»
Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 87
Печать офсетная. Формат 60x84/8 Печ.л. 15
Заказ № 188 Уст. тираж 900